9(47)
Б-17
250679

ВЫСШАЯ ПАРТИЙНАЯ ШКОЛА при ЦК ВКП(б)

Курс истории СССР

На правах рукописи

Проф. К. В. БАЗИЛЕВИЧ

Лекции 1—12

Темы:

Древнейшие народы на территории СССР

Киевское государство

Феодальная раздробленность Восточной Европы в XII—XIII вв.

Восточная Европа, Средняя Азия и Закавказье под властью монгольских завоевателей

Феодальные объединения на территории СССР в XIV—XV вв.

Стенограмма лекций, прочитанных
в Высшей Партийной Школе при ЦК ВКП(б)
в 1940—1941 учебном году

МОСКВА 1940

Библиотека Коммунистического Педагогического Института им. Н. К. Крупской

Автор 15847

Название .....

Получил ..... (Фамилию писать четко)

№ абонемента .....

Дополн.

ТАН. 9 в. 12.—1832.—10.000.

Цена тома	Год	Том или выпуск

ВЫСШАЯ ПАРТИЙНАЯ ШКОЛА при ЦК ВКП(б)

9(47)
Б-17

Курс истории СССР

На правах рукописи

Проф. К. В. БАЗИЛЕВИЧ

Лекции 1—12

Темы:

Древнейшие народы на территории СССР

Киевское государство

Феодальная раздробленность Восточной Европы в XII—XIII вв.

Восточная Европа, Средняя Азия и Закавказье под властью монгольских завоевателей

Феодальные объединения на территории СССР в XIV—XV вв.

Стенограмма лекций, прочитанных в Высшей Партийной Школе при ЦК ВКП(б) в 1940—1941 учебном году

250679

Пед. ин-т им. А.Н. Герцена
ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Комм. Педагогический Ин-т
БИБЛИОТЕКА
Инв. № 77851
имени Н. К. Крупской

МОСКВА 1940

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Древнейшие народы на территории СССР

Первобытно-общинный строй на территории СССР 3
Рабовладельческое общество на территории СССР. Развитие рабовладельческого общества в Закавказье и Средней Азии 13
Северное Причерноморье до IV в. н. э. 25
Греческая колонизация Северного Причерноморья 29
Римские владения в Причерноморье 33
Племенные союзы кочевников в Центральной и Средней Азии . . . 37
Развитие феодальной системы в Восточной Европе, Средней Азии и Закавказье 42

Киевское государство

Общественный строй восточных славян в VIII — IX вв. Образование империи Рюриковичей 67
Расцвет империи Рюриковичей 88
Социально-экономический и политический строй Киевского государства в XI — XII вв. 98
Начало распада Киевского государства 110

Феодальная раздробленность в Восточной Европе и феодальные объединения в Средней Азии и Закавказье в XI — XIII вв.

Распадение Киевского государства 116
Феодальные образования на территории Киевского государства XI — XIII вв. 122
Борьба с шведско-немецким наступлением в Прибалтике в XII — XIII вв. 141
Культура русских княжеств в XII — XIII вв. 149
Средняя Азия в XI — XII вв. 158
Закавказье в XI — XII вв. 162

Восточная Европа, Средняя Азия и Закавказье под властью монгольских завоевателей

Образование державы Чингис-хана, завоевание монголами Средней Азии и Закавказья 175
Завоевание монголами Восточной Европы 187
Золотая Орда 191
Русские княжества под властью Золотой Орды 196
Средняя Азия и Закавказье под властью монголов 201

Феодальные объединения на территории СССР в XIV—XV вв.

Общественно-экономический и политический строй северо-восточной Руси в XIV—XV вв. 205
Начало объединения Северо-Восточной Руси 226
Великое княжество Литовское 245
Распад Золотой Орды 258

Отв. редактор **И. И. Розин**

А34157. Зак. 2520. Тираж 7000

Типография Высшей Партийной Школы при ЦК ВКП(б)

ДРЕВНЕЙШИЕ НАРОДЫ НА ТЕРРИТОРИИ СССР

ПЕРВОБЫТНО-ОБЩИННЫЙ СТРОЙ НА ТЕРРИТОРИИ СССР

История народов СССР начинается с первых следов существования человека на территории нашей страны, с истории древнейшего человеческого общества, с развития первобытно-общинного строя.

Основным источником для истории доклассового общества служат материалы археологических раскопок и находок.

В 30—80-х годах XIX в. так называемая «первобытная археология» (археология, занимающаяся изучением первобытного общества) достигла больших успехов в накоплении и систематизации вещественного материала. Была установлена археологическая классификация, были изучены различные формы орудий и установлена хронологическая и эволюционная связь между ними, были сделаны важные наблюдения над природными условиями, окружавшими жизнь древнейшего человеческого общества.

Археологический материал, сам по себе чрезвычайно ценный, не позволил бы нам с достаточной ясностью вскрыть социальный процесс жизни, если бы не дополнялся данными, почерпнутыми из этнографии, из наблюдений над жизнью отсталых племен Америки и Австралии. Неоценимую услугу науке оказал знаменитый американский этнограф Льюис Морган, собравший колоссальный этнографический материал о жизни отсталых племен. Наблюдения Моргана, а также накопленный археологический материал были использованы Энгельсом в его гениальной работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства», появившейся в 1884 г. В этой работе Энгельс дал историю развития общественных форм в соответствии с развитием производительных сил человеческого общества.

Энгельс делит историю человечества на три главных эпохи: дикости, варварства и цивилизации. Первые две эпохи — дикости и варварства — в свою очередь подразделяются на три ступени: низшую, среднюю и высшую. Это подразделение сделано в соответствии, — как говорит Энгельс, — с успехами производства средств существования. Эпохи дикости и варварства, охватывающие древнейшую историю человечества, относятся к истории доклассового общества, ко времени существования первобытно-общинного строя. Классовое общество развивается на высшей сту-

пени варварства и переходит в развитой форме в эпоху цивилизации.

В археологической науке существует периодизация, основанная на изменениях в материале и формах орудий труда. Эта периодизация, обоснованная датским ученым Томсеном в 30-х годах XIX в., была затем подробно разработана в начале 80-х годов крупнейшим французским археологом Мортилье. Она прочно утвердилась в буржуазной археологии. В соответствии с характером основного материала, применявшегося людьми для изготовления орудий труда, археология устанавливает три так называемых века: каменный, медно-бронзовый и железный. Накопление огромного археологического материала заставило археологов произвести дальнейшие подразделения внутри этих археологических эпох. Так, каменный век в свою очередь подразделяется на древний каменный век — палеолит и новый каменный век — неолит. Затем произошло выделение значительного числа более мелких «периодов», или «времен», получавших название по местам первых или наиболее характерных находок. Нет необходимости доказывать, какой формальный и случайный характер носит эта классификация.

Древний каменный век (Палеолитическая эпоха) в основном соответствует в периодизации Энгельса первым двум ступеням эпохи дикости.

В Европе первые достоверные следы существования человека относятся к тому времени, когда ее климат еще сохранял в основном тропический характер. С течением времени происходило изменение климатических условий: вечнозеленые и теплолюбивые леса отступают, вытесняются древесными породами с опадающей листвой. Затем на материк Европы и северной Азии начинают надвигаться ледники.

Существует ряд мнений относительно числа, характера и размера оледенений. Рассматривать ли ледниковый период как непрекращающуюся деятельность ледников или рассматривать его как несколько оледенений; и в том и в другом случае несомненно, что ледяной покров то увеличивался, то уменьшался в своем размере.

Первоначально люди жили «первобытным стадом», передвигающимся с места на место. Затем, с развитием коллективной охоты, «первобытное стадо» превращается в дородовую общину. Эволюция брачных отношений помогает нам объяснить возникновение и эволюцию родового строя.

Первое ограничение беспорядочных брачных отношений состояло в выделении брачных коллективов по поколениям: люди одного поколения вступали в брачную связь вне зависимости от родственных отношений друг к другу. Эту древнейшую форму семьи, кровнородственную семью, в полном виде не мог наблюдать даже Морган среди самых отсталых племен. Исключение из брачных отношений кровных родственников (родных братьев и сестер

и более далеких степеней родства) привело к появлению семьи, «паналуа». Брак является еще групповым, — поэтому происхождение человека может быть установлено только с материнской стороны. При этой форме брачных отношений складывается материнский род (матриархат). Развитие матриархальных отношений началось в конце средней ступени дикости (палеолита). С этого времени дородовая община первобытных охотников и собирателей становится родовой матриархальной общиной.

В нашей стране первое крупное обледенение — миндельское — доходило до долины реки Оки. Во время следующего, так называемого великого рисского, оледенения мощный ледяной слой покрыл не только всю северную часть европейской территории нашей страны, но и спустился дальше на юг двумя большими языками: один язык льда вытянулся к нижнему течению Днепра, другой прошел в междуречье Дона и Волги. Вполне понятно, что в условиях ледяного покрова и в климатических условиях, близких к оледенению, когда за кромкой льда на сотни километров простиралась почти безжизненная, покрытая скудной растительностью, холодная пустыня, человек не мог существовать, не владея средствами борьбы с природой, не владея прежде всего огнем. В этот период человек мог обитать в более южных частях нашей страны: в Крыму, на Кавказе, в Закавказье, а также в Средней Азии.

На средней ступени дикости люди стали пользоваться огнем. Это сделало их более независимыми от климатических условий и позволило расселяться на более широкой территории. Важнейшим занятием людей становится коллективная охота на крупного зверя. Она привязала человека к определенным местам, к охотничьим становищам. Основным признаком их является огромное накопление костей, среди которых первое место занимают кости главнейшего объекта охоты данной эпохи — мамонта.

Остатки древнейших стоянок человека в нашей стране найдены в Крыму (пещера Киик-Коба, около Симферополя) и около Сухуми, в Абхазии. Природные условия в это время на черноморском побережье давали возможность существования небольшим бродячим группам собирателей пищи и охотникам за мелким зверем. Археологические находки, восходящие к рисскому оледенению, опровергают прежнее мнение о позднем появлении человека в нашей стране по сравнению с Западной Европой. Отступление ледников после окончания последнего вюрмского оледенения привело к продвижению человека на север.

Дореволюционная археология установила не больше 20—25 стоянок Палеолитической эпохи на нашей территории. Наша советская археология обладает уже сведениями больше чем о 200 палеолитических стоянок. Это окончательно разрушает ошибочное представление о малом распространении палеолитических стоянок в нашей стране. Наоборот, большее число охотничьих стоянок этого

времени разбросано на огромной территории, причем в европейской части граница поселений проходила от верховьев реки Днепра до низовьев реки Оки. Северней этой линии на европейской части нашей страны человек в Палеолитическую эпоху не мог существовать в силу климатических условий. На многих стоянках обнаружены остатки жилищ в виде неглубоких землянок с одним или несколькими очагами внутри. Около очагов находятся скопления разбитых костей, а также ямы для хранения пищи (стоянки в с. Костенки около Воронежа, в с. Гагарино на Дону, около Брянска и другие). В настоящее время установлено также большое число палеолитических стоянок в Сибири, начиная от Енисея и кончая Восточной Сибирью. Большая стоянка найдена в с. Мальте, в 80 км. от Иркутска. Недавно обнаружены палеолитические стоянки в Средней Азии.

Ледниковая эпоха кончилась. Ландшафт Европы, в том числе и восточной ее части, стал принимать характер, близкий к современному; постепенно исчезает древнеледниковая фауна — сибирский мамонт и носорог. Умеренно благоприятные условия этой эпохи создали лучшие предпосылки для общественно-экономического развития человеческого общества. Возникший на средней ступени дикости материнский род (матриархат) достигает теперь своего полного развития. В предшествующую эпоху основными формами производства были собирательство и охота и в конце — рыбная ловля. На высшей ступени дикости и на низшей ступени варварства (Неолитическая эпоха) сложились новые, более прогрессивные формы производства в виде простейшего мотыжного земледелия и скотоводства. Земледелие развилось из собирания диких плодов и зерен, а скотоводство — из охоты. Для посева пшеницы и ячменя пригодная для легкой обработки земля взрыхлялась острой палкой или мотыгой. Эта древнейшая и простейшая система земледелия очень близка к огородничеству.

Развитие и расширение производства привело к появлению новых, более совершенных и более разнообразных орудий труда, к появлению новой техники в изготовлении этих орудий. В технике производства каменных изделий стали применяться пиление, сверление и шлифование камня. Разнообразный инвентарь соответствовал разнообразному назначению орудий. Они позволяли лучше обрабатывать дерево, лучше вести коллективную охоту. В охоте важнейшими орудиями становятся метательные средства — лук и стрелы. Как результат растущей оседлости населения, возникает производство глиняной посуды. В эту же эпоху мы наблюдаем начало разделения труда. Помимо разделения труда по полу и возрасту, происходит некоторая специализация занятий в соответствии с естественно-природными условиями. Нам известны мастерские для выделки каменных орудий.

На высшей ступени дикости и низшей ступени варварства люди населяли большую территорию нашей страны. Они стали

жить там, куда не мог проникнуть человек прежней эпохи. Различные естественно-географические условия (леса, степи, реки и большие водоемы) способствовали выделению различных форм хозяйственной деятельности человека.

Картина общественной жизни этого времени для нас является более полной, и мы можем дать характеристику отдельным районам.

Северная часть нашей территории, за исключением крайнего севера, была покрыта лесами, прорезанными мощными водными системами. Граница лесо-степи в эту эпоху проходила несколько северней, чем в историческое время. Вскрытые неолитические поселения в лесной полосе обычно расположены на берегах рек или озер, иногда на островах. Выбор места для поселения соответствовал тому значению, которое имело рыболовство в хозяйстве лесной полосы. Поселение состояло из небольшого числа, 10—15, отдельных землянок и полуземлянок. Летом устраивались шалаши. Поселения не укреплялись, так как не было стимула для борьбы между людьми. Каждое поселение представляло собой матриархальную, семейно-родовую общину. Исследование «кухонных остатков» (отбросов), скопившихся на месте поселений, устанавливает появление первых домашних животных. Первым из них была собака. Достоверных признаков первобытного земледелия не обнаружено.

Характерным типом глиняных сосудов в лесной полосе Неолитической эпохи были большие сосуды с коническим дном, стенки которых украшались орнаментом в виде ямок и черточек (ямочно-гребенчатый орнамент). Общество в рассматриваемое время, повидимому, уже было знакомо с примитивным обменом. Сравнительно недавно в неолитической стоянке на берегу Белого моря были найдены куски янтаря, который мог попасть сюда только с побережья Балтийского моря. Это устанавливает наличие примитивных форм обмена, не связанного с разделением труда, а лишь с естественными условиями.

Иной характер носила хозяйственная деятельность человека в степной полосе, где существовали лучшие условия для развития простейшего мотыжного земледелия. Они были особенно благоприятны на территории, лежавшей к западу от среднего и нижнего течения р. Днепра. Археолог Хвойко в 1890—1900 гг. раскопал недалеко от Киева, около села Триполье, остатки неолитической культуры в виде глиняной площадки, усеянной костями, орудиями из камня и остатками глиняной посуды. По имени первой находки памятники данного типа получили название «трипольской» культуры. Дальнейшие археологические обследования показали, что подобные площадки находятся во многих местах Правобережной Украины и что они характеризуются комплексом предметов, имеющих определенный орнамент, определенный стиль; этот стиль может быть прослежен и в Галиции, и в части Венгрии, на нижнем течении Дуная. Было высказано много гипотез о происхождении

трипольской культуры. Хвойко ошибочно придавал открытым им глиняным площадкам ритуальное значение; в действительности они оказались остатками поселений. В настоящее время, в результате изучения накопленного материала, мы можем в основных чертах восстановить общественно-экономический строй населения так называемой трипольской культуры.

Жители трипольской культуры выбирали места для своих поселений на почве, удобной для ручной обработки, недалеко от источника воды, часто на высоких берегах, а иногда и на открытых местах. Жилище имеет удлиненно-прямоугольную форму различной величины. Выбранное место сначала утрамбовывалось и покрывалось глиной, а затем слой глины подвергался обжигу. На приготовленной таким образом площадке строилось из дерева и глины жилище. Внутри его устраивался очаг. Исследование отбросов убеждает нас в том, что человек трипольской культуры своей основной хозяйственной деятельностью имел не охоту, игравшую сравнительно незначительную роль, а земледелие: он сеял вблизи жилища просо, ячмень, пшеницу и собирал урожай. Эти поселения первобытных земледельцев также являются поселениями матриархальной родовой общины. Существовал культ матери — охранительницы рода. Выражением этого культа являются, найденные при раскопках женские статуэтки с ярко выделенными чертами материнства. Трипольская культура является самой древней земледельческой культурой на территории нашей страны.

На обширных пространствах Сибири главной отраслью хозяйственной деятельности была охота, дополнявшаяся рыбной ловлей. Неолит Средней Азии совсем не изучен; мы имеем только отдельные неолитические находки, на основании которых еще нельзя составить общей картины.

Характерными явлениями средней ступени варварства, как указывает Энгельс, были: приручение и разведение домашних животных (скотоводство), обработка металлов (меди и бронзы) и изобретение ткацкого станка. В стадо входили: коровы, овцы, козы, свиньи, лошади (лошадь — одно из наиболее поздних по приручению животных). Улучшается содержание скота. Сначала скотоводство носит оседлый характер, затем становится полуоседлым и, наконец, кочевым. В эту же эпоху человек начинает пользоваться металлом, — сначала самородной медью, которую он подвергал холодной ковке, но вероятно действие огня на камень побудило его к плавке меди. Хотя температура плавки меди очень высока — свыше тысячи градусов, но такая температура могла образоваться в глубине очага. Затем стали устраиваться очаги в качестве специальных плавильных печей. Смесь меди с оловом привела к открытию бронзы, обладающей большей твердостью и сравнительно низкой температурой плавления — 730 — 900°.

В общественном строе на средней ступени варварства, эпохи меди и бронзы, также произошли существенные изменения. Энгельс в «Происхождении семьи, частной собственности и государства»

говорит: «Разделение труда в семье служило основанием для распределения собственности между мужчиной и женщиной... Та самая причина, которая обеспечивала женщине ее прежнее господство в доме — ограничение ее труда работой по дому, — эта самая причина теперь утверждала господство мужчины в доме; домашняя работа женщины утратила теперь свое значение по сравнению с промысловым трудом мужчины...» *). Приручение домашних животных и разведение стад создало новый источник богатства и накопления и породило новые отношения. Результатом развития этих форм хозяйства было превращение материнского рода в отцовский род. При наличии матриархального «права» накопленное богатство должно было переходить к кровным родственникам со стороны матери, а собственные дети владельца этих богатств оказывались лишенными наследства.

«Таким образом, — говорит Энгельс, — по мере того как богатства росли, они, с одной стороны, давали мужу более влиятельное положение в семье, чем жене, и порождали, с другой стороны, стремление использовать это упрочившееся положение для того, чтобы изменить обычный порядок наследования в пользу своих детей» **). Вследствие этого произошло падение матриархального «права» («права» в условном значении этого слова). Взамен распавшегося материнского рода образовался отцовский род и патриархальная семья. Под патриархальной семьей мы разумеем организацию некоторого числа свободных и несвободных лиц в семье, подчиненную власти отца — главы семьи. После того как мужчина стал главой семьи и подчинил себе женщину, она должна была следовать за ним и в могилу. Этим объясняется растущее число одновременных двойных захоронений — мужчины и женщины.

На средней ступени варварства человеческое общество вступило в последний период первобытно-общинного строя, в период патриархально-родового общества. В конце этого периода происходит выделение богатых семейств, обладавших собственностью на стада скота. Растет влияние этих семейств; из них выбираются старейшины и вожди племен. Тогда же появляется рабство. Перешедшие в частное владение отдельных семей стада скота размножались более быстро, чем увеличивалась рабочая сила в семьях. Для обслуживания растущего поголовья скота в стадах требовалась добавочная рабочая сила. Эту рабочую силу стали получать путем обращения военнопленных в рабство. Но это было еще патриархальное рабство — раб сам являлся членом патриархальной семьи.

Мы можем отметить наиболее характерные районы медно-бронзовой культуры в нашей стране, которая полностью еще не изучена. В первой половине II тысячелетия до н. э. в Закавказье уже существовало производство медных и бронзовых орудий.

---

*) К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 137—138.
**) Там же, стр. 39.

К этому времени восходят и древнейшие из известных нам поселений эпохи меди и бронзы. Область Закавказья уже с начала II тысячелетия была связана с историей Передней Азии и средиземноморской культурой. В низменных районах и речных долинах Закавказья получило распространение первобытное мотыжное земледелие. В горных районах развивалось скотоводство, в связи с которым происходило освоение этих районов.

Общество на средней ступени варварства уже не является однородным. По имущественному и социальному положению выдвигаются вожди более богатых родов. Начинается развитие племенных объединений. Это нашло свое отражение и в материальной культуре.

Инвентарь могил заметно отличается от прежней эпохи. В соответствии с ростом богатства и накоплений появляются более богатые и пышные погребения. Ярким примером богатого погребения является могильный курган, раскопанный в конце 90-х годов прошлого столетия около г. Майкопа. Высота его достигала 10,5 метра. Под курганом была обнаружена могила, состоявшая из трех частей, причем в главной части находилось основное погребение. На скелете было найдено огромное количество золотых и серебряных вещей: на голове — нечто вроде короны, на шее — массивное ожерелье из нескольких рядов бус из золота, сердолика, бирюзы и других камней. У головы лежали «височные» кольца. Над трупом был воздвигнут богато разукрашенный погребальный балдахин. К его частям относились трубочки с массивным изображением быков, сделанные из золота и серебра. На одном золотом сосуде был изображен горный ландшафт, на другом — озеро или море. Изучение стиля и техники орнаментировки говорит о наличии сильного восточного влияния, проникавшего через Закавказье. Этот могильник является показателем расслоения общества, появления богатства и его накопления и растущего взаимовлияния между отдельными племенами.

К северу от Кавказа, в степях Причерноморья, между Днестром и Волгой, простирались тучные травянистые степи, создававшие особенно благоприятные условия для развития скотоводства. Скотоводческие племена, жившие сначала оседлыми поселениями по берегам рек и ручьев, перешли, как и везде, на кочевое хозяйство.

Крупные изменения произошли в жизни населения на территории трипольской культуры. После того как главной отраслью хозяйства, вытесняя первобытное мотыжное земледелие, стало скотоводство, люди покинули места, удобные для пашни, ушли в другие места, около которых находились лучшие пастбища. Изучение послетрипольской культуры скотоводов указывает на наличие далеких культурных связей со средиземноморским бассейном, с Кавказом и с дунайскими странами.

В лесной полосе в эпоху меди и бронзы (средней ступени варварства) главным занятием также стало скотоводство, дополнявшееся мотыжным земледелием. В условиях лесной полосы оно

приняло характер подсечно-огневого хозяйства. Характерными памятниками для ранней эпохи бронзы в этом районе, когда еще существовало большое количество каменных изделий и бронза среди них встречалась относительно редко, являются могильники фатьяновского типа (название произошло по селу Фатьяново около г. Ярославля, в окрестностях которого был открыт первый могильник с предметами данного типа). Фатьяновская культура относится к первой половине II тысячелетия до н. э. Большое распространение в этой культуре получили шлифованные и сверленые орудия ладьеобразной формы и топоры с вислыми обухами. Западноевропейские буржуазные археологи пытались доказать, что эта культура была принесена в Восточную Европу западноевропейскими племенами. Это положение опровергается археологическим материалом. На основании изучения большого числа памятников установлено, что эволюционное развитие фатьяновской культуры связано с предшествующей эпохой позднего неолита. Фатьяновская культура соответствует более высокой стадии общественно-экономического развития местного населения.

Во второй половине II тысячелетия до н. э. фатьяновская культура переходит в культуру следующего типа, времени полного развития бронзы. Она носит название сейминской культуры (по станции Сейма, около г. Горького, где в 1912 г. были найдены бронзовые вещи). Общество было организовано в патриархально-родовые общины, в жизни которых уже заметны первые признаки разложения.

Для Западной Сибири и для Средней Азии в развитии культуры эпохи бронзы большую роль сыграли два района: Минусинский и Казахстанский, в которых находились древнейшие медные рудники. Минусинский район был чрезвычайно богат бронзой. Крестьяне в большом количестве находили медные и бронзовые изделия при полевых работах. Эти находки вызвали еще в первой половине XIX столетия собирательство с двоякой целью: для коллекционирования древних вещей и для выплавки металла. Один купец пожертвовал в церковь 30 пудов древней бронзы и вылил из нее колокол.

На основной территории нашей страны эпоха бронзы уже в первой половине I тысячелетия до н. э. переходит в эпоху железа. В Средней Азии, благодаря близости и богатству рудников эпоха бронзы продолжалась примерно до III—II вв. до н. э. На этой территории мы также можем проследить ряд ступеней развития, указывающих на то, что общество не застывало в каких-то устойчивых формах.

На берегу р. Енисея находится Афанасьева гора, где найден богатый могильник, относящийся ко II тысячелетию до н. э. с предметами, характерными для переходной эпохи между неолитической и бронзовой культурами. Главными занятиями населения были охота и рыбная ловля. Появляются домашние животные. Обнаружены первые случаи совместного захоронения женщины и

мужчины; афанасьевская культура переходит в новую стадию развития, в так называемую андроновскую культуру.

Памятники андроновской культуры разбросаны на большом пространстве степной территории; и здесь имеет место парное захоронение, указывающее на ритуальное убийство женщины, причем такие захоронения достигают уже 25 проц. всех погребений. В погребениях найдены кости, принадлежащие исключительно домашним животным. Основным занятием населения становится скотоводство, которое дополняется первобытным мотыжным земледелием. Заканчивается начавшийся в предшествующее время переход к патриархальной семье. В захоронениях мы встречаем имущественные различия — богатые и бедные погребения.

Таким образом конец медно-бронзовой эпохи, или средней ступени варварства представляет собой вместе с тем и конец в развитии первобытно-общинного строя. Все яснее обнаруживаются элементы внутренней социальной диференциации. Развитие скотоводства потребовало применения труда рабов, которые добывались на войне. Война с этого времени носит иной, чем прежде характер: она преследует цель грабежа, приобретения добычи и ловли людей. Энгельс по этому поводу говорит: «Грабительские войны усиливают власть верховного военачальника, равно как и второстепенных вождей; обычное избрание их преемников из одних и тех же семейств мало-по-малу, в особенности со времени установления отцовского права, переходит в наследственную власть, которую сперва терпят, затем требуют и, наконец, узурпируют... весь родовой строй превращается в свою противоположность: из организации племен для свободного регулирования своих собственных дел оно превращается в организацию для грабежа и угнетения... этого никогда не могло бы случиться, если бы алчное стремление к богатству не раскололо членов рода на богатых и бедных, если бы «имущественные различия внутри одного и того же рода не превратили общность интересов в антагонизм между членами рода» (Маркс)» *). Утвердившийся обычай наследования имущества отца усилил семью в противовес роду. Имущественные неравенства все более и более увеличивались. Богатство стало возрастать как богатство отдельных лиц. Племенных старшин и вождей стала окружать дружина, которая вместе со своим вождем добывала ценные вещи, скот, рабов и производила между собой раздел военной добычи. Грабительские войны привели к необходимости укреплять поселения. В предшествующий период укреплений почти не встречается. Для эпохи металла, особенно для конца бронзового века, т. е. для конца среднего периода варварства, укрепления становятся обычным явлением — сначала в виде рва и вала, затем в виде частоколов и башен и, наконец, сложенных из огромных кусков камня больших замков. «Неда-

*) К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 140.

ром, — писал Энгельс, — высятся грозные стены вокруг новых укрепленных городов: в их рвах зияет могила родового строя, а их башни упираются уже в цивилизацию» *).

На высшей ступени варварства начинается развитие классового общества. Этот переход для наиболее древних классовых образований в нашей стране датируется второй половиной II тысячелетия до н. э.

Главным материалом для орудий труда становится железо. Впервые обработка железа возникла в Египте, Индии и Передней Азии. Около конца II тысячелетия железо появилось в Закавказье, затем в северном Черноморье и позже в Приуралье, на Оке и на верхней Волге. Энгельс, говорит: «Железо создало обработку земли на крупных площадях, обеспечило расчистку под пашню широких лесных пространств; оно дало ремесленнику орудия такой твердости и остроты, которым не мог противостоять ни один камень, ни один из известных тогда металлов» **).

РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО НА ТЕРРИТОРИИ СССР. РАЗВИТИЕ РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА В ЗАКАВКАЗЬЕ И СРЕДНЕЙ АЗИИ

Древнейшие государственные образования на территории СССР сложились в Закавказье. Возникает вопрос, почему именно в Закавказье возникло древнейшее в истории нашей страны классовое государство, рабовладельческое по основным производственным отношениям.

Прежде всего необходимо отметить благоприятное для экономического развития Закавказья соединение земледельческих оазисов со скотоводческими районами. Скотоводство и развивавшееся земледелие, требовавшие в силу климатических условий оросительных сооружений, вели к быстрому расслоению общества. С появлением скотоводческого хозяйства появились элементарные формы обмена, который разрушал хозяйственную замкнутость общин скотоводов и земледельцев и усиливал внутри их имущественную и социальную диференциацию.

В соседстве с территорией будущего государства Урарту уже во II тысячелетии до н. э. находились такие могущественные рабовладельческие образования, как Хеттское государство в восточной части Малой Азии, Хурритское государство в северной Сирии. В конце II тысячелетия стал быстро усиливаться непосредственный сосед Урарту — Ассирия, расположенная на верхнем и среднем течении рек Тигра и Ефрата. У племен Закавказья существовали давние экономические и политические связи с этими странами. Так, на территории Азербайджана найдена агатовая пронизка с именем

*) К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 140.
**) Там же, стр. 138.

ассирийского царя Ададнирари (XIV в. до н. э.). В Осетии найдена цилиндрическая печать переднеазиатского происхождения конца II тысячелетия. Известны находки египетских вещей. Соседство с мощными очагами древней цивилизации ускоряло общественно-экономическое развитие закавказских племен. Южное Закавказье было втянуто в жизнь древнего культурного мира, охватывавшего восточную часть Средиземноморского бассейна.

Древнейшими источниками по изучению истории страны, лежавшей между течением Аракса и верховьями Тигра и Ефрата, являются ассирийские клинописные тексты, среди которых особое значение имеют хроники ассирийских царей о походах на север. В ассирийских надписях область верховьев Тигра и Ефрата, а также территория, лежащая южнее Ванского озера, носила название Наири, что значит «речная область». Территория, прилегавшая с севера и с востока к Ванскому озеру, носила древнее название Урарту, которое сохранилось в названии горы Арарат. Позднее название Урарту стало общим названием для обширной области, охватывавшей как верховья Тигра и Ефрата, так и район Ванского озера. По имени страны мы называем сложившееся на ее территории государство Урарту, а население — «урартами»; существует и другое название для населения — «халды», по имени главного бога Халда (не смешивать с халдеями, входившими в состав семитических племен Аравии).

Впервые название Урарту (в форме Уруатри) встречается в надписи ассирийского царя Сальманасара I (конец XIV столетия до н. э.). Более подробные сведения об этой стране появляются на грани XII — XI столетий до н. э. Тиглатпаласcар I в надписи, относящейся к 1100 г. до н. э., сообщая о своем походе в область Ванского озера, говорит, что он встретил сопротивление сначала со стороны 23 царей Наири, а затем число его противников дошло до 60. После победы над этой коалицией ассирийский царь наложил на население дань с обязанностью поставлять коней и крупный рогатый скот. В этом сообщении обращает внимание указание на объединение мелких племен. «Царями» ассирийских надписей в действительности являлись мелкие родоплеменные вожди. Быстро возрастающее число их в борьбе с Ассирией указывает на начавшийся процесс межплеменного объединения. Образование межплеменных союзов неизбежно начинается на определенной стадии социально-экономического развития. В данном случае внутренний процесс образования племенного союза ускорялся борьбой с могущественными ассирийскими завоевателями. В дальнейшем центром объединения стал район Ванского озера. Прикрытый с юга мощным горным массивом, он обладал прекрасными природными условиями для защиты от нападения. В IX столетии до н. э. здесь устанавливается местная династия царей.

От середины IX столетия до н. э. до нас дошли древнейшие записи, принадлежавшие ванским царям (так условно принято их называть по имени столицы у Ванского озера). С конца IX столе-

тия записи дошли до нас уже на местном халдском языке, сделанные несколько измененной ассирийской клинописью. С этого времени мы получаем все растущее число надписей в виде целых хроник, отдельных записей, дающих возможность восстановить в основных чертах картину политического развития государства Урарту в конце IX и в VIII вв. до н. э.

Государство Урарту слагалось в обстановке жестокой борьбы с Ассирией. Ассирийские завоеватели с ростом межплеменного объединения в области Урарту стали встречать все более и более серьезное сопротивление; в дальнейшем нападающей стороной становится само государство Урарту, которое наносит сильные удары Ассирии.

Расширение подвластной ванским царям территории происходило, с одной стороны, в область верховьев Тигра и Ефрата, с другой стороны, на север, через горный перевал в долину Аракса, а затем и Куры. Это междуречье образовывает Ереванскую низменность. Уже в первой половине VIII в. до н. э. царь Менуа (810 — 778 гг. до н. э.) побывал в долине р. Аракса. Его сын царь Аргишти (778—750 гг. до н. э.) перешел Аракс и на другом берегу, на Армавирском холме, построил крепость, ставшую центром халдского господства в Ереванской низменности (не путать с городом Армавиром в Краснодарском крае). Около столетия эта крепость служила вместе с тем базой для дальнейшего наступления на север, в область предгорья большого Кавказского хребта. По дороге к нему находится высокогорное Севанское озеро. На утесах, которые подымаются почти отвесно с береговой линии озера, сохранилась клинописная надпись царя Русы I (733—714 гг. до н. э.), свидетельствующая о его походах в эту область. Как далеко на север распространились ванские завоевания, нам неизвестно. Халдских клинописных памятников к северу от р. Куры мы уже не встречаем. Нападениям со стороны Вана подверглась также область, лежавшая на северо-восток от Севанского озера, в низовьях рек Аракса и Куры. В этом районе обитали мелкие племена, оказавшие слабое сопротивление в силу своей раздробленности и взаимной враждебности. Государство Урарту достигает высшего расцвета и политического могущества в первой половине VIII в. до н. э., когда халды фактически захватывают гегемонию над всей Передней Азией.

Записи ванских царей о своих походах напоминают хвастливые реляции ассирийских завоевателей. Ванские цари, перечисляя трофеи победных наступлений, указывают десятки завоеванных «стран», сотни разрушенных «городов» и сотни покоренных «царей». Затем перечисляется добыча, состоявшая из огромного количества скота и пленных. Археологические обследования междуречья Аракса и Куры и прилегающих районов, куда вторгались цари Урарту, обнаружили большое количество остатков мелких крепостных сооружений, под защитой которых в случае военной опасности могло укрываться местное население; это население

жило еще патриархально-родовыми общинами. Цари, о которых сообщают ванские надписи, в действительности были мелкими племенными князьками и родовыми старейшинами. Благодаря большой раздробленности страны и незначительному сопротивлению, ванским царям удалось подчинить своей власти огромную территорию.

Животноводство составляло основное богатство Ванского царства, поэтому скот занимал первое место в военной добыче. В плодородных речных долинах население занималось земледелием, причем последнее находилось на сравнительно высоком уровне. Археологические обследования показывают, что население пользовалось бронзовыми и железными земледельческими орудиями; найдены большие жернова, вращающиеся на оси. Земледелие в засушливых районах было возможно при большой затрате труда для проведения водоснабжающих каналов. Около Ванского озера существует прорытый при царе Менуа канал длиной более 70 километров, который снабжал город хорошей питьевой водой (вода в Ванском озере негодна для питья). Это грандиозное техническое сооружение имеет около двух тысячелетий давности и до сих пор сохраняет для населения хозяйственное значение. Сохранились остатки и других ирригационных сооружений. Царь Аргишти, основавший город Армавир, провел канал для орошения Ереванской равнины. Постройки каменных и скальных сооружений требовали больших затрат рабского труда. Крепости и замки складывались из огромных каменных глыб без скрепляющей извести. Большого совершенства достигло искусство скальных сооружений; в сплошном материке каменных скал высекались обширные помещения, состоявшие из нескольких комнат. Они свидетельствуют о колоссальной работе, произведенной рабами - каменотесами, владевшими очень примитивной техникой.

Таким образом по крайней мере в основных районах Урарту рабский труд в хозяйстве получил очень большое применение. Самым крупным было царское хозяйство, обслуживавшееся огромным количеством пленных рабов. Перечисляя военную добычу (скот и рабов), цари указывают, что они не включают в свой подсчет добычу воинов. Окружавшая царя халдская знать, богатевшая вместе с царем в результате грабительских нападений, также опиралась на рабовладельческое хозяйство. Наконец, огромными богатствами обладали храмы, о чем свидетельствуют красочные описания ассирийских записей. Не нужно только думать, что процесс сложения рабовладельческого хозяйства на территории Урарту закончился. Наряду с рабовладельческим хозяйством существовали еще неразрушенные общины, особенно на окраинах территории, подвластной Урарту. Возможно, что часть рабов поступала в обладание общин господствующих племен.

Политическая система Урарту выросла в результате распространения власти рабовладельческого центра на покоренные племена. На местное население накладывалась дань. В завоеван-

ные крепости посылались наместники царя, которые должны были следить за покорностью населения и за сбором дани.

Наместники царя часто являлись и военачальниками. Не ограничиваясь захваченными укреплениями, цари Урарту в важнейших местах строили новые крепости, которые господствовали над окружающей областью и защищали горные проходы и важнейшие пути. В этих крепостях обычно располагались урартские гарнизоны. Власть царя, местопребыванием которого был город Тушпа на юго-восточном берегу Ванского озера, была очень сильной. Отражением его высокого положения служил пышный титул, принятый Менуа: «царя могущественного, царя божественного, царя царей». Царь являлся и верховным жрецом главного бога Халда. В храме этого бога стояла бронзовая фигура царя.

Со второй половины VIII в. политическое положение Урарту стало быстро ухудшаться; возобновилась борьба с Ассирией. При ассирийском царе Саргоне II, который произвел реорганизацию ассирийского войска, ассирийцы вновь с успехом нападают на ванских царей. Борьба с Ассирией совпала с прорывом через большой Кавказский хребет кочевников причерноморских степей: киммерийцев («гимирру» по ассирийским хроникам) и скифов («ишкуза» или «ашгуза»).

Саргон II ассирийский причинил Урарту страшное разорение, от которого оно не было в состоянии полностью оправиться. В надписи, оставленной Саргоном II, говорится, что ассирийцы двигались «подобно урагану и ливню». Они разграбили религиозный центр халдов — Мусасир, в котором забрали колоссальную добычу. По словам записи Саргон II нашел во дворце около 1 040 килограммов золота, 5 060 килограммов серебра, бесчисленное количество драгоценных камней, множество оружия и бронзовых предметов. Не меньшая добыча была захвачена в храме бога Халда. Описание заканчивается следующими словами: «Все Урарту до его пределов поверг я в несчастье и заставил население его стонать и плакать».

Урарту, сжатое с севера и юга, обессиленное в борьбе с Ассирией, распадается. Последние сведения о нем относятся к VI столетию. Окончательный удар Урарту наносят мидийцы, объединившиеся в Мидийском государстве. Около 585 г. до н. э. мидийские войска до основания разрушили столицу государства Урарту. С этого времени Урарту исчезает, и даже сам термин перестает употребляться. В Бегистунской надписи персидского царя Дария I Ахеменида (около 521 г. до н. э.) вместо Урарту появляется название — Армения.

Общий характер культуры Урарту определяется тем местом, которое оно занимало среди других стран восточной рабовладельческой цивилизации. На ее территории скрещивались разные культурные влияния, среди которых особенно следует отметить хеттское и ассирийское. Из Ассирии урарты заимствовали клинописное письмо, которое подверглось некоторому изменению и упрощению

Комм. Педагогич. ин-т Б-Б КОТС Инв. № 77851 имени Н. К. Крупской

На территории Урарту найдены фигуры крылатых львов, напоминающие подобные же изображения на ассирийских памятниках. Распространенный орнамент украшений из спиралей и завитков находит параллель в хеттском искусстве. Однако население Урарту не ограничивалось повторением чужих стилистических и декоративных элементов, а создало самостоятельное искусство, которое в некоторых отношениях стояло даже выше искусства других стран Востока. Так, большого совершенства халды достигли в области металлургического производства. В Урарту раньше, чем в других местах Передней Азии, железо вошло в широкое употребление. Выделяются также искусство обработки камня и высокая техника ирригационных сооружений. В столице Тушпе существовали многоэтажные каменные здания, стены которых были выложены каменными плитами, покрытыми изображениями и инкрустацией.

Включение южного Закавказья в систему государства Урарту содействовало более быстрому развитию на этой территории рабовладельческого хозяйства. Лучи культурного влияния Урарту, пробиваясь через большой Кавказский хребет, распространялись в северном Причерноморье и замирали где-то в лесо-степной полосе. В этом отношении Урарту явилось передатчиком элементов древне-восточной цивилизации.

История Урарту представляет для нас выдающийся интерес вследствие тех этнических, лингвистических и культурных связей, которые соединяют ее с историей кавказских народов. На исторической основе Урарту сложились Армения, Грузия и Албания (древнее название северной части Азербайджана). Культура Урарту является колыбелью культуры народов Закавказья.

Согласно буржуазному учению все исторически существовавшие народности произошли от древних пранародов, которые отличались друг от друга расовыми признаками. Согласно индо-европейской лингвистике все существующие языки имеют в своей основе праязык, т. е. язык, на котором будто бы говорили пранароды. В дальнейшем произошло разделение каждого праязыка на множество родственных языков, составляющих определенную языковую группу (индо-европейскую, семитическую, угро-финскую и др.). Советский ученый, академик Марр, показал антинаучность этой буржуазной лингвистической схемы. Он доказал, что в действительности никакого праязыка не существовало и процесс развития языка происходил в обратном направлении: не из нескольких простейших языков произошли все исторически существовавшие языки, а из племенных наречий сначала слагался межплеменной язык, который потом становился языком образовавшейся народности. Развитие языка происходит в тесной связи с общественно-экономическим развитием человеческого общества и проходит определенные стадии. Поэтому такие группы языков, как яфетическая, семитическая, индо-европейская, и другие, являются определенными стадиями в развитии языков. Языки, на которых говорили древние народы Средней и Передней Азии и Закавказья, относятся к яфе-

тической системе, которая предшествовала в своем развитии семитической и индо-европейской системам. Представители буржуазной исторической науки считали, что во времена, которые хронологически они даже не могли определить, уже сложились народности. Затем эти народности перемещались по обширной территории земного шара, попадая в ту или иную местность. Таким образом народности рассматривались не в историческом развитии, а как некоторые внеисторические категории. Марксистская наука рассматривает и народности и нацию как исторические категории, возникающие в определенных условиях. Поэтому сложение народности и превращение ее в нацию занимает большой промежуток времени.

Академик Марр доказал, что язык закавказских народностей носит в той или другой степени яфетическую основу, осложненную в результате дальнейшего развития этих языков. Эта яфетическая основа близка языкам древней Передней Азии. Выводы марксистского языкознания позволяют нам уяснить и процесс образования закавказских народностей — армянской, грузинской и азербайджанской, которые преемственно связаны с древним населением Передней Азии.

Термин «армяне» впервые появляется в Бегистунской надписи 521 г. до н. э. царя Дария I. Армян знают и греческие писатели, в том числе Геродот, живший в середине V в. до н. э. Он считал армян, или как он их называет «армен», народом, родственным фригийцам, и выводил и тех и других из Фракии (западное побережье Черного моря). В период возвышения Мидии армяне находились в верховьях Ефрата, откуда затем передвинулись в область Ванского озера, вытеснив часть халдских племен на север и передав свое имя стране.

Сами армяне называли себя не армянами, а хайами. Таким образом существовало два названия: одно из них было самоназванием (хайи), другое — названием, данным соседними народами (армяне). Наличие двух этнических названий свидетельствует о сложности этнического состава населения, положившего начало армянской народности. В свете указаний марксистской науки о длительном и сложном процессе развития народностей мы можем правильно понять приведенное сообщение Геродота. Армяне (армене) Геродота, повидимому, были племенем, которое, передвигаясь с запада на восток, осело в районе Ванского озера. Это племя еще не составляло армянскую народность. В формировании этой народности участвовали не только армяне Геродота, но главным образом местное население Армянского нагорья, т. е. бывшей территории Урарту. Весьма возможно, что пришельцы были в меньшем числе и поэтому были ассимилированы местным коренным населением, которому передали элементы своего языка. Армянская народность формировалась в процессе длительного исторического развития на той самой территории, которую она потом занимала.

То же самое мы можем сказать относительно древней Грузии,

которая также всеми своими историческими корнями связана с Закавказьем. Передвижение части племен из долин рр. Куры и Аракса на север привело к освоению высокогорных районов. В исходе II тысячелетия до н. э. сваны заняли будущий район своего исторического существования, несколько позже осели мегрелы, затем карты, или картвелы. Эти племена, а также некоторые другие вошли в состав грузинской народности. Древнейшие политические образования Грузии известны под двумя названиями: западная часть Грузии, лежавшая по берегу Черного моря, носила у греков название Колхиды. Древнейшие сведения о ней восходят к VI столетию до н. э. Восточная Грузия носила название Иберии. По преданиям, вошедшим в начальную грузинскую летопись, возникновение Иберского царства относится к концу IV в. до н. э.

С Колхидой связаны греческие легенды, в которых сохранился отзвук впечатлений греческих мореплавателей и колонистов об этой богатой стране. (Рассказ об аргонавтах, которые в поисках золотого руно отправились в Колхиду). На черноморском берегу Колхиды очень рано возникли греческие колонии, в том числе: Диоскурия (около Сухуми) и Фазис (около Поти). Через эти колонии в Грузию проникало греческое культурное влияние.

Древнейшие сведения о населении, жившем по нижнему течению рр. Куры и Аракса, находятся в записях ванских царей, предпринимавших походы на восток от Севанского озера. В районе Карабахской низменности жили удины. Муганскую степь занимали каспы. В IV столетии появляется название албаны. Это племенное название затем перешло в название страны Албании, занимавшей северную часть будущей территории Азербайджана. И опять-таки древние удины, каспы, албаны и другие племена, жившие в древности на территории Азербайджана, еще не составляли в это время азербайджанскую народность. Эти племена в процессе складывания азербайджанской народности вошли в ее состав вместе с другими этническими элементами.

Наши сведения об общественном строе народов Закавказья в первые века после распада государства Урарту крайне незначительны. В исторической литературе по этому вопросу существуют два мнения. Согласно одному из них рабовладельческая стадия в Закавказье была полностью изжита еще во время халдского господства (академик Струве). Следующая эпоха рассматривается как начальный период в развитии феодального строя (академик Я. Манандян придерживается такого мнения в отношении Армении. Академик Джавахишвили также отрицает рабовладельческий период в истории Грузии). Однако в последнее время появился ряд работ, авторы которых придерживаются иной точки зрения и считают, что рабовладельческий период в истории Грузии и Армении и отчасти Албании (Азербайджан) продолжался до первых веков н. э. Таким образом, распад рабовладельческого хозяйства в Закавказье происходил приблизительно одновременно с разложением рабовладельческого строя в Греции и Риме.

Не следует, однако, представлять себе рабовладельческие хозяйства Грузии и Армении в виде организации римских рабовладельческих латифундий. В рабовладельческом хозяйстве Закавказья, несомненно, было много общего не с Грецией и Римом, а с рабовладельческим хозяйством восточных деспотий, где в течение долгого времени очень устойчиво держалась община. Если часть рабов непосредственно принадлежала царю, храмам и высшей знати, то другая часть поступала во владение общинных союзов. При этих условиях, несмотря на развитие рабовладельческого хозяйства, могли долго существовать пережитки родо-племенного строя, ясные следы которого мы находим в большей или меньшей степени в Армении, Грузии и Албании в последних веках до н. э. Трудно было бы также объяснить причину возникновения феодальных отношений в Закавказье в то время, когда в странах, выдвинувшихся по общественно-экономическому развитию (Греция, Рим), еще господствовала рабовладельческая система. Хотя вопрос об общественном строе народов Закавказья в последних веках старой эры не может считаться вполне разрешенным, но предпочтение следует отдавать той схеме, которая не отрывает эти народы от общего исторического процесса. Основой общественного и политического строя в Грузии и Армении этого времени было не феодальное, а рабовладельческое хозяйство.

По сведениям греческих писателей обширные степные пространства к востоку от Каспийского моря занимали «скифские» племена, среди которых самыми многочисленными были массагеты и саки. Они вели кочевое скотоводческое хозяйство. Из сообщений Геродота следует, что у массагетов существовали пережитки матриархата и женщины пользовались значительным влиянием в общественной жизни племен. Однако основное место у среднеазиатских кочевников занимала уже патриархальная община, с развитием которой стало возникать имущественное и социальное неравенство.

Кочевая среднеазиатская степь, более обильная влагой, чем впоследствии, окружала земледельческие оазисы, расположенные в речных долинах.

В низовьях р. Аму-Дарьи была расположена древняя земледельческая область Хорезм. В древнее время Аму-Дарья имела широко разветвленную дельту, причем главное русло реки впадало не в Аральское, а в Каспийское море (остатком этого русла является рукав Узбой). Благодаря этому долина нижнего течения Аму-Дарьи (Хорезм) орошалась значительно лучше, чем впоследствии. К северу от Гиндукушского хребта, у верховьев Аму-Дарьи, лежала Бактрия. На запад от нее, в бассейне реки Зеравшан, находилась очень древняя земледельческая область — Согда или Согдиана. Главным городом была Мараканда (Самарканд), имевшая значительное население уже в VI в. до н. э. Бактрия и Согдиана были расположены по соседству с культурными областями древнего Востока (Иран, Ассирия). Поэтому они раньше других средне-

азиатских земель испытали влияние рабовладельческих восточных государств, особенно Персидского государства.

Во второй половине VI в. до н. э. на территории Иранского плоскогорья, между Каспийским морем и Персидским заливом, сложилось Персидское государство Ахеменидов (основатель персидской царской династии был Кир из рода Ахеменидов). В течение короткого времени персидское владычество распространилось в Средней Азии до среднего течения р. Сыр-Дарьи и захватило южное Закавказье с Арменией.

Общую характеристику Персидского государства Ахеменидов, как и позже образовавшейся империи Александра Македонского, дает товарищ Сталин в работе «Марксизм и национально-колониальный вопрос»: «...несомненно, что великие государства Кира или Александра не могли быть названы нациями, хотя и образовались они исторически, образовались из разных племен и рас. Это были не нации, а случайные и мало связанные конгломераты групп, распадавшиеся и объединявшиеся в зависимости от успехов или поражений того или иного завоевателя» *).

Персидское государство Ахеменидов было рабовладельческим, так как в основе его лежала рабовладельческая система хозяйства. Оно держалось властью господствующего слоя персидских и отчасти мидийских племен над населением завоеванной территории, которое эксплоатировалось ими самым безжалостным образом. С другой стороны, одним из результатов влияния персидской системы на завоеванные страны был усиленный распад первобытно-общинного строя, где он еще держался. Нужно также отметить культурное влияние Ирана, который являлся наследником древних восточных рабовладельческих цивилизаций — Ассирии, Вавилона, Египта.

Персидское государство Ахеменидов просуществовало около двух столетий (538 — 330 гг. до н. э.). Раздираемое внутренними противоречиями, которые усиливались по мере общественно-экономического развития покоренных народов, оно окончательно пало в результате удара, нанесенного Александром Македонским.

Основная цель греко-македонских завоеваний на Востоке была выражена в следующих словах греческого писателя Исократа: «Перенесем войну в Азию, а счастье Азии к себе». Распространение греко-македонской власти на колоссальную территорию преследовало прежде всего захват накопленных на Востоке богатств.

Поход Александра Македонского начался в 334 г. до н. э., и уже через пять лет, после трех больших сражений держава Ахеменидов пала, а последний ее представитель, Дарий III Кодоман, был убит. Победа была облегчена ненавистью покоренных народов к правящему слою персов. Разгромив державу Ахеменидов, Александр Македонский через горы Гиндукуша вступил в Среднюю Азию, захватил Бактрию и Согду. Затем он предпринял поход че-

*) Сталин. Марксизм и национально-колониальный вопрос, стр. 9. Госполитиздат. 1939.

рез степь к среднему течению Сыр-Дарьи (Яксарт). В степных районах грекам пришлось долго бороться с воинственными племенами кочевников, которые уходили от столкновений, чтобы потом неожиданным нападением тревожить македонские гарнизоны. Александр Македонский закреплял захваченную территорию постройкой городов, каждый из которых носил название Александрия по имени завоевателя. Последняя «Александрия Крайняя» была построена на Сыр-Дарье (на месте Ходжента). В Согде, после того как Александр Македонский ушел к Сыр-Дарье, вспыхнуло восстание под предводительством вождя Спитамена. Восстание было подавлено ценою жесточайшего террора, опустошившего цветущую долину Зеравшана. Созданное в результате завоеваний, большое Македонское государство едва пережило своего основателя. После смерти Александра Македонского, в 323 г. до н. э., оно распалось, так как представляло собой насильственное объединение самых разнообразных земель с разными историческими и экономическими условиями. Прежде всего выделились три крупные части: европейские владения, Египет, где родоначальником новой династии стал один из полководцев Александра — Птоломей Лаг, и Сирия, в которой утвердился другой полководец — Селевк, ставший родоначальником династии Селевкидов. В состав этого государства, кроме Сирии, вошли: Иран, Средняя Азия и часть Закавказья с Арменией.

Завоевания Александра Македонского, несмотря на распад самой державы, оказали значительное влияние на население территорий, вошедших в состав греко-македонской державы и ее отдельных частей. Вслед за греческими воинами пришли греческие купцы и ремесленники; на восток стали проникать греческие товары; при царских дворах появились поэты, писатели, риторы, актеры. В памятниках материальной культуры появились характерные элементы греческого стиля. Греческая культура вступила в сложное взаимодействие с местной восточной культурой. Этот синтез, имевший плодотворные последствия и для греческой и для восточной культуры, носит в науке название эллинистической культуры. Поэтому те государства, которые образовались в результате распада державы Александра Македонского, носят название «эллинистических» государств.

Процесс распада государства Александра Македонского продолжался дальше. В середине III столетия в Бактрии образовалось самостоятельное Греко-Бактрийское государство. Около этого же времени подняло восстание кочевое племя парфян, жившее на территории, прилегавшей с юго-востока к Каспийскому морю. Здесь образовалось самостоятельное Парфянское государство во главе с династией Аршакидов. В 190 г. до н. э. римляне, которые к этому времени все дальше углубляются в области Передней Азии, нанесли в сражении при Магнесии сокрушительное поражение одному из самых крупных сирийских императоров — Антиоху III. Это ускорило дальнейшее распадение державы Селевкидов. Восстание

армян привело к образованию самостоятельного Армянского государства с отдельной царской династией Артаксиатов (первым представителем был Артаксий или Арташес I, 189—161 гг.).

Освободившаяся от господства Селевкидов Армения достигла блестящего положения одного из самых сильных и крупных государств Передней и Малой Азии. От 95 до 56 гг. до н. э. в Армении царствовал Тигран II, при котором западная граница Армении продвинулась до Киликии (на юго-востоке Малой Азии), южная — до середины Сирии, а восточная — до Парфии. При этом было завершено объединение всех армянских земель в единое государство.

Рабский труд в это время применялся на землях, принадлежавших царю, храмам и родо-племенной знати. Труд рабов использовался не только в сельском хозяйстве, но и на рудниках, в рыбных промыслах и в других промышленных предприятиях. Родоплеменная знать хотя и сохраняла некоторые родовые атрибуты, например, родовые имена, но превратила их в наследственные почетные титулы, а ее социальной опорой была не родовая организация, а собственное хозяйство. Эта знать играла крупную роль при дворе Тиграна II и занимала наиболее ответственные и почетные должности в государстве. Из ее среды царь выбирал наместников крупных областей, которым присваивается титул «нахарар» (правитель области). Фактически нахарары были вполне самостоятельны в пределах своих областей.

Наряду с значительным числом рабов еще сохранялся многочисленный класс свободных общинников, в положении которых появились признаки заметного ухудшения. По своей организации крестьянская община была уже не родовой, а соседской. Внутри ее появляется слой мелких собственников, причем выборная раньше должность главы общины превратилась в наследственную. Община должна была нести разные повинности в пользу царя и наместника.

Географическое положение Армении было очень благоприятным. Через Армению проходила знаменитая «царская дорога», связывавшая западную оконечность Малой Азии с Передней Азией, Парфией и Бактрией, откуда с конца II в. до н. э. шли караванные пути в Китай. Таким образом устанавливалась связь между Средиземноморским бассейном с его развитыми производящими и торговыми центрами и обширным рынком Китая, являвшегося средоточием восточно-азиатской продукции. Внутренняя и внешняя торговля в высокой степени содействовала развитию армянских городов, особенно тех из них, которые были расположены на важнейших торговых сообщениях. Тигран II, извлекая экономическую выгоду из торговли и местного производства, приносивших громадный доход царской казне, всячески содействовал развитию городских центров. С этой целью он переселял в армянские города ремесленников и купцов из завоеванных областей. Например, из завоеванной Каппадокии (в восточной части Малой Азии) Тигран II

вывел из эллинистических городов свыше 300 тыс. жителей, которых поселил в своей новой столице — Тигранокерте на р. Тигре. При сооружении этого города, расположенного на важнейших торговых путях, необходимо было произвести грандиозные работы, которые могли быть выполнены лишь при условии широкого использования рабов. Город был окружен высокими и толстыми стенами, за которыми находился роскошный дворец царя.

Культура Армении времени Тиграна II носила эллинистический характер. При его дворе нашли приют бежавшие из Греции ученые и поэты. Тигран II выписал греческих актеров и устроил греческий театр. В то же время в обиходе его двора чувствовалось восточное влияние, и сам царь, прибавивший к своему титулу «бог», подражал крупнейшим восточным деспотам. Перед народом он являлся в белой одежде с красными полосами, сверху которой накидывался пурпурный плащ. Голову царя украшала высокая тиара (корона). Соседом Армянского государства в Малой Азии было Понтийское государство (Понтом называлась область на южном побережье Черного моря), достигшее очень большого размера при современнике и союзнике Тиграна II — понтийском царе Митридате VI Евпаторе.

Армянское государство при Тигране II столкнулось с еще более могущественной рабовладельческой системой — Римом. Результатом этого столкновения было подчинение Армении Римской империи.

СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ до IV века н. э.

В тот хронологический период, когда в Закавказье сложились рабовладельческие государства, процесс развития рабовладельческого хозяйства охватил и северное Причерноморье.

Если для Закавказья и Средней Азии ускоряющим фактором социально-экономического развития было персидское и эллинистическое влияние, то для северного Причерноморья такое значение имело влияние Греции, распространявшееся через многочисленные греческие колонии. Греческим писателям мы обязаны древнейшими письменными сведениями о населении Восточной Европы. Первое место среди этих сообщений занимает история в девяти книгах Геродота (середина V в. до н. э.). Геродот много путешествовал, побывал и в одной из греческих колоний на северном побережье Черного моря. Во время своих поездок он тщательно собирал сведения и рассказы о разных народах, но не отделял при этом важного от неважного, фантастического от действительного. «Я обязан передавать то, что говорят, — замечает в своих сочинениях Геродот, — но верить всему не обязан». Поэтому сообщения Геродота требуют критического отношения. Далеко не все в них оказывается верным. Но сочинения Геродота остаются важнейшим первоисточником для истории Причерноморья времен греческой колонизации.

Территория горной части Крыма была заселена, по сведениям Геродота, племенами тавров. Тавры, по описанию Геродота, были отсталым и диким племенем, жили войной и грабежом, убивали пленных и приносили захваченных греков в жертву богине. Весьма возможно, что греки даже преувеличивали отсталость и дикость воинственных тавров.

Население причерноморских степей Геродот называет общим именем, сначала киммерийцами, а потом скифами. Киммерийцев, по рассказу Геродота, греки уже не застали; память о них сохранилась в местных географических названиях. Керченский пролив греки называли Боспором Киммерийским. Существовали: Киммерийская область, Киммерийская переправа и другие названия, связанные с пребыванием киммерийцев в северном Причерноморье. Культура киммерийцев должна быть отнесена к эпохе поздней бронзы и начала железа. К этому времени в степях северного Причерноморья уже развилось скотоводческое хозяйство. Однако мы не имеем возможности отделить киммерийские памятники от более поздних памятников скифского времени.

По словам Геродота, киммерийцы из северного Причерноморья были вытеснены скифами, вторгнувшимися многочисленными полчищами со стороны Кавказа. Киммерийцы удалились из своей земли, не оказав никакого сопротивления скифам, и поселились в Малой Азии. Рассказ Геродота о вытеснении киммерийцев скифами, которые будто бы заняли пустынную страну, носит легендарный характер. Однако в основе его лежало воспоминание о каких-то племенных перемещениях, в результате которых на месте распавшегося союза племен киммерийцев сложилось новое племенное объединение, ставшее известным грекам под именем скифов.

Геродот определяет территорию Скифии в очень больших размерах. Западной ее границей является р. Истр (Дунай); восточные поселения скифов достигали Меотийского озера (Азовского моря) и Дона. Менее известна Геродоту северная граница. По его словам, она отстояла от моря на 20 дней пути. Переводя это число на километры, мы можем установить, что северная граница Скифии, по данным Геродота, находилась приблизительно в 650—700 километрах от берега Черного моря, т. е. проходила севернее Киева и несколько южнее Курска. Эта линия совпадала с границей лесостепи, что подтверждает сообщение Геродота о том, что Скифия представляла собой степную поверхность.

То, что в представлении Геродота входило в понятие «скифы», в действительности являлось общим названием для значительных племенных образований, с разнообразными формами хозяйственной и общественной жизни. По соседству с греческой колонией Ольвией жили «эллино-скифы», или каллипиды. Название, данное этому населению, показывает, что оно частично усвоило греческую культуру. Северными соседями каллипидов были алазоны. Оба эти народа знали земледельческую культуру, сеяли хлеб, чечевицу, просо, лук, чеснок. Территорию, расположенную севернее области ала-

зонов, занимали скифы-пахари. По словам Геродота, они хотя и сеяли хлеб, но не для собственного употребления, а для продажи. На восточной стороне Днепра обитали скифы-земледельцы. Таким образом территория, прилегавшая с обеих сторон к нижнему течению Днепра, была, по сведениям Геродота, занята в основном земледельческими племенами. Археологическое изучение этой местности устанавливает длительное существование старых местных очагов земледельческой культуры. Поэтому нет никаких оснований считать это население пришлым с востока.

Территория, расположенная по северо-западному берегу Азовского моря, к востоку от скифов-земледельцев, представляла собой кочевую степь, занятую скотоводческими племенами. Геродот помещает здесь скифов-кочевников, которые ничего не сеяли и не пахали. По соседству с ними находились «царские владения», где жили «храбрейшие и многочисленнейшие скифы», считавшие других скифов своими подданными. Эти скифы составляли ядро скифского племенного союза, охватившего население почти всей южной половины Восточной Европы.

Немногочисленные остатки языка скифов, сохранившиеся в греческой передаче, обнаруживают иранские языковые элементы. На этом основывалось распространенное прежде в литературе мнение, что скифы пришли на территорию нашей страны из Ирана. Изучая остатки языка скифов, академик Марр установил их связь с яфетическими языками Северного Кавказа и Закавказья. Но это связь не кровнородственного происхождения, а связь, основанная на общности жизни. Кроме того, академик Марр установил наличие действительно иранских элементов, которые могли появиться в скифском языке в результате культурного влияния Ирана. Недавно вопрос о происхождении скифо-сарматов был пересмотрен академиком Джавахишвили. Последний показал, что большое число древних географических терминов, племенных названий и личных имен скифо-сарматской эпохи получает удовлетворительное объяснение только из северокавказских наречий (адыгейско-чечено-лезгинской группы). На основании установленной лингвистической близости можно сделать предположение, что основное ядро скифо-сарматских племен было этнически связано с северокавказскими народностями.

Греческие авторы ограничиваются описанием скифского быта и мало сообщают об общественно-экономической жизни населения. Скифия была разделена на отдельные области. Во главе этих областей стояли свои племенные «царьки», подчинявшиеся царю главного племени. Подвластное население было обложено данью.

В общественном устройстве основного господствовавшего скифского ядра существовали значительные элементы родовых отношений; греческие авторы упоминают об общности имущества, об обычае скифов есть из общего большого котла. Среди скифов была распространена кровная месть, характерная для населения, стоявшего на уровне патриархально-родового строя. Такое же зна-

чение имел обряд «побратимства»: два человека, решившие стать «братьями», надрезывали себе руки, капали кровь в чашу с вином, и затем ее выпивали. Таким образом ряд элементов свидетельствует о том, что родовые отношения среди основных скифских племен не были простыми пережитками, а основывались на неразрушенном быте патриархальных общин. Но вместе с тем у скифов существовало патриархальное рабство, имевшее большое значение в развитом скотоводческом хозяйстве.

Скифы обладали большими конскими табунами и стадами скота. Содержание скота на подножном корму в течение круглого года вызывало необходимость в частых перекочевках с места на место. Прекрасное описание скифской кочевой орды дает греческое сочинение «О воздухе, водах и местностях», приписывающееся знаменитому медику Гиппократу. «Так называемая «Скифская пустыня» представляет собою равнину, изобилующую травой, но лишенную деревьев и умеренно орошенную: по ней текут большие реки, которые отводят воду со степей. Здесь-то и живут скифы; называются они кочевниками потому, что у них нет домов, а живут они в кибитках, из которых наименьшие бывают четырехколесные, а другие — шестиколесные; они кругом закрыты войлоками и устроены подобно домам, одни с двумя, другие с тремя отделениями; они непроницаемы ни для воды (дождевой), ни для снега, ни для ветров... В таких кибитках помещаются женщины, а мужчины ездят верхом на лошадях; за ними следуют их стада овец и коров и табуны лошадей. На одном месте они остаются столько времени, пока хватает травы для стад, а когда ее нехватает, переходят в другую местность».

Большое скотоводческое хозяйство, обслуживавшееся трудом рабов, было главным источником обогащения и имущественного неравенства. Скот принадлежал отдельным патриархальным общинам, что усиливало их в противовес роду. Военная добыча и дань, собиравшаяся с покоренных племен, еще больше способствовали накоплению богатств у скифской родо-племенной знати.

Геродот сообщает интересные сведения об обрядах, сопровождавших погребение царя. Этот рассказ хорошо иллюстрирует сильное значение царской власти. Набальзамированный труп царя скифы возили по подвластным племенам. Люди каждого племени в знак траура должны были выражать внешние признаки печали: стригли волосы, отрезали себе часть уха, царапали лицо и протыкали стрелы сквозь левую руку. Вместе с царем хоронили одну из наложниц и нескольких рабов. В могилу клали предметы царской сокровищницы, состоявшие из драгоценных сосудов, украшений и оружия. Затем над могилой насыпался большой курган. Через год на нем совершалась кровавая тризна, во время которой в жертву приносились 50 лучших слуг (рабов) и 50 отборных лошадей.

Сведения Геродота о царских погребениях в общем подтверждаются археологическими изысканиями. Часть скифских курганов

расположена в Крыму, главным образом в восточной части полуострова. На Кавказском берегу большое число курганов находится в области Прикубанья. Вещи, найденные в этих курганах, не отличаются от инвентаря скифских погребений. Особенно много скифских курганов сосредоточено в низовьях Днепра и недалеко от Днепровских порогов, где, повидимому, была основная местность царских погребений. Некоторые из этих курганов достигают очень больших размеров — 15—18 метров высоты. Несмотря на то, что курганы еще в древнее время грабились и опустошались, в них сохранился поразительно богатый инвентарь, состоящий из золотой и серебряной посуды, ценнейших ювелирных предметов искусной работы, дорогого оружия и проч. В некоторых курганах найдены остатки балдахина, сооружавшегося над телом покойника. Вполне установлено ритуальное убийство жены или наложницы. Часто у входа в курган находили костяк стража, охранявшего, по представлению скифов, могильный покой своего господина, а при лошадях — костяк раба-конюха. Число лошадей, приносившихся в жертву, достигало очень большой величины, особенно в курганах Прикубанья более раннего времени. Так, в одном из курганов были найдены остатки свыше 400 лошадей. Драгоценные предметы из скифских курганов являются высокими произведениями греческого искусства, приноравливавшегося ко вкусам высшего слоя скифского общества. Некоторые из этих предметов вышли из мастерских греческих колоний Причерноморья. Стенки сосудов иногда покрывались изображениями, дающими в чертах реалистического греческого стиля сцены, рисующие быт кочевника в разные моменты его жизни.

Первобытно-общинные отношения находились у скифов в процессе разложения. Разумеется, распад родового строя у разных племен северного Причерноморья шел неодинаково. Быстрей и глубже он происходил у населения, жившего вблизи греческих колоний. Экономические отношения с последними ускоряли процесс классового расслоения местного населения.

ГРЕЧЕСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Побережье Черного моря стало известно грекам в начале I тысячелетия до н. э. С этими берегами было связано представление о далекой и опасной стране, находившейся где-то на краю известного грекам мира. Более близкое ознакомление греков с Причерноморьем началось с VIII в. до н. э. В VII—VI вв. до н. э., в связи с условиями развития рабовладельческого хозяйства в Греции и с усиливавшейся классовой борьбой, колонизация охватила все побережье Черного моря. Греки осваивали эти берега одновременно с запада и востока. Главным рассадником колоний был город Милет, находившийся на западном берегу Малой Азии.

В устье реки Южного Буга, недалеко от днепровского лимана, была расположена одна из самых важных по экономическому и политическому значению греческая колония — Ольвия (основана в середине VII в.). От Ольвии, по сообщению Геродота, шел караванный путь на северо-восток, куда-то в область средней Волги и предгорий Урала. По этому пути из отдаленных областей северо-восточной Европы поступали ценные меха и другие продукты лесной полосы. На южном берегу Крыма, недалеко от нынешнего Севастополя, находился Херсонес, основанный, как предполагают, в конце V в. до н. э. выходцами из Гераклеи (греческая колония на южном берегу Черного моря). Херсонес играл очень крупную роль в экономических связях Греции с северным Причерноморьем. Восточнее Херсонеса весь берег Крыма был усеян греческими городами, среди которых крупнейшими являлись: Феодосия (основана в конце VI в.) и Пантикапей (на месте нынешней Керчи). На противоположном берегу, на Таманском полуострове, была расположена Фанагория; в устье Дона (Танаиса) — одноименная с рекой колония Танаис. Это только главные города. Сами греки насчитывали до 200 черноморских колоний.

Каждая греческая колония занимала небольшую по размеру прибрежную территорию с расположенным на ней укрепленным городом поселенцев. По социально-экономической организации и политическому устройству она представляла собой небольшой кусочек греческого рабовладельческого мира. Как и на основной территории Греции, власть принадлежала рабовладельцам и купцам. Большинство колоний было совершенно независимо друг от друга. Свободные и полноправные жители выбирали своих представителей в органы управления, одинаковые с устройством греческих рабовладельческих республик (булэ, коллегия архонтов). Некоторые отличия имел Пантикапей, в котором утвердилась тирания. С 438 г. до н. э. тираном стал Спарток I, положивший начало династии Спартокидов. Пантикапей в отличие от других греческих колоний Причерноморья стал центром политического объединения, получившего название Боспорского государства. Оно охватило восточную часть Таврического полуострова (Крыма), Таманский полуостров, часть Прикубанья и побережье Азовского моря.

Мелкие бухты, которыми изрезано северное Причерноморье, глубокие заливы и лиманы рек, далеко уходившие в глубь, представляли собой прекрасные пути для связи причерноморских стран с средиземноморским бассейном. Эти связи имели для Греции огромное экономическое значение. Черное море богато ценными породами так называемой красной рыбы, здесь же греки находили неисчерпаемые запасы соли. Греция жила привозным хлебом; в Крыму и в причерноморских степях греки нашли обильный урожай на тучном черноземе. Очень много хлеба привозилось с так называемой «равнины», т. е. с северной степной части Крымского полуострова. Кроме хлеба, греки вывозили: скот, медь, воск, меха, строевой лес, рабов. Эти предметы экспорта создавали экономиче-

скую заинтересованность рабовладельческого хозяйства Греции в освоении и колонизации Черноморского побережья.

В хлебном вывозе причерноморские колонии не знали соперников примерно до III в. Греческий оратор Демосфен рассказывал, что половина хлебного ввоза в Афины шла из Боспорского царства. Так продолжалось до того времени, пока на востоке не образовались эллинистические государства, благодаря которым заметно окрепли торговые связи восточных стран с Грецией. С этого времени для черноморских колоний появились новые соперники в деле снабжения Греции необходимыми продуктами; в числе их первое место занимал эллинистический Египет эпохи Птоломеев. Ослабление экономических связей причерноморских колоний совпало с ухудшением их внешне-политического положения.

К III в. до н. э. относится замечательный памятник, найденный в развалинах Ольвии, — высеченное на камне постановление горожан в честь богатого гражданина Протогена. Город Ольвия в III в. до н. э. едва сдерживал напор враждебных скифских племен. Город не имел возможности своими средствами возобновлять крепостные стены, ему надо было откупаться данью, которую брали мелкие скифские царьки, нужно было закупать хлеб в голодные годы. В этих случаях на помощь приходил своими средствами богатый гражданин Протоген. Надпись в его честь свидетельствует о крайне тревожном положении Ольвии и о ее экономическом упадке.

В подобном же положении оказались и другие греческие города северного Черноморья. Причина усиления давления со стороны кочевой степи заключалась в перемещениях и изменениях, которые произошли среди племенных союзов кочевников.

В III в. до н. э. многоплеменной скифский союз распался, уступив место другим племенным образованиям. Ядром нового объединения стали сарматские племена, первые сведения о которых принадлежат Геродоту. Он помещает «савроматов» (сарматов) на восточном берегу Азовского моря. В собирательном смысле сарматами называли кочевые племена Северного Кавказа и степной части Поволжья.

В начале II в. до н. э. сарматы передвинулись на северо-западный берег Азовского моря. Это движение вызвало какие-то не совсем ясные для нас перегруппировки среди населения скифского племенного союза. Часть кочевников, занимавших ранее степи северного Причерноморья, передвинулась на запад, в сторону Днестра и Дуная. Другая часть кочевников стала проникать в степную территорию северного Крыма. Здесь, в тылу греческих колоний, сложилась сильная скифская держава царя Скилура и его сына Палака. На этой части скифского населения больше всего отразился синтез греческой и местной культур. Поэтому греческий писатель Страбон называет крымских скифов «цивилизованными», — этим он хочет сказать, что они восприняли некоторые элементы греческой культуры, а также формы политического устройства. У скифов в Крыму появились города, самый главный

из которых, расположенный около нынешнего Симферополя, носил имя «Неаполис». Скифы начали даже выпускать монету, на которой помещалась чисто греческая эмблема — голова Гермеса.

Успехи эллинизации скифских племен были обусловлены социально-экономическим развитием того местного населения, которое находилось по соседству с греческими колониями и было втянуто в экономическую и политическую связь с ними. Скифы стали сами стремиться к морскому берегу, который сулил для них большие экономические выгоды, что неизбежно приводило к борьбе с населением греческих колоний. В 179 г. до н. э. Херсонес заключил договор о помощи с царем малоазиатского Понтийского государства. Помощь вскоре понадобилась, так как в конце II в. до н. э. давление со стороны скифов северной части Крымского полуострова стало настолько значительным, что над греческими колониями нависла угроза быть захваченными и разрушенными натиском скифских племен или, в лучшем случае, потерять политическую самостоятельность.

В это время при царе Митридате VI Евпаторе Понтийское государство достигло высокого политического расцвета. По призыву Херсонеса Митридат послал ему на помощь своего полководца Диофанта с войском. Об этом эпизоде рассказывает Страбон. В 1878 г. в развалинах Херсонеса была найдена надпись, находившаяся раньше у подножья статуи Диофанта, поставленной херсонесским «Советом и народом» в воспоминание заслуг этого понтийского полководца в деле защиты города от скифов. Текст этой надписи дает возможность раскрыть очень важную главу в истории греческих колоний, связанную не только с борьбой со скифами, но и с восстанием, в котором основной действующей силой оказались скифы-рабы.

По словам посвятительной надписи Диофант два раза появлялся на территории Крыма. Он разбил полчища скифского царя Палака и покорил соседних тавров. Эта победа устранила опасность для Херсонеса. В то же время Диофант вступил в переговоры с царем соседнего Боспорского царства, которые, повидимому, закончились признанием для этого царства зависимости от Митридата VI. Между тем скифы, жившие на территории Боспорского царства, подняли восстание под предводительством Савмака, который убил последнего боспорского царя из династии Спартокидов. Савмак, скиф по происхождению, в надписи назван, как недавно выяснил академик Жебелев, «домашним рабом» царя. Детальное исследование текста надписи привело академика Жебелева к чрезвычайно интересному и важному выводу: скифское восстание было вместе с тем восстанием рабов, так как скифы-земледельцы, жившие по соседству с Пантикапеем, принадлежали к числу посаженных на землю рабов. Этим объясняется и появление во главе восставших домашнего раба боспорского царя. Скифско-рабское восстание в Боспорском государстве вызвало третью эспедицию Диофанта, который, подавив восстание, отправил захваченного Сав-

мака в Малую Азию к царю Митридату VI. Таким образом, вмешательство сильной Понтийской державы устранило скифскую опасность для греческих колоний в Крыму и на время восстановило власть местной рабовладельческой знати. Однако полученная греками помощь обошлась им ценою политического подчинения Понтийскому государству, для которого северное Причерноморье имело крупное экономическое значение.

Восстание скифских рабов на Боспоре — это один из эпизодов того могущественного классового движения, которое в II—I вв. до н. э. потрясло весь рабовладельческий мир. В II — I вв. до н. э. произошли два восстания рабов в Сицилии. О первом восстании рабов в Сицилии один из римских авторов замечает, что «от этого первого трута сицилийского бедствия засверкали те искры, которые посеяли различные эти пожары». Предводителем его был сицилийский раб Евн, который после временной победы восставших принял имя Антиоха и под этим именем выпускал собственную монету. В это время произошли два восстания в Аттике, восстание в Малой Азии, большое по размерам восстание на острове Делосе, центре рабовладельческой торговли в Средиземном море. Таким образом, могучее движение рабов, распространившееся на очень большую территорию, от северного Причерноморья и Малой Азии до западной части Средиземного моря, всколыхнуло весь рабовладельческий мир.

РИМСКИЕ ВЛАДЕНИЯ В ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Римское наступление на Восток, вызванное развитием римского рабовладельческого хозяйства (захват новых рынков рабов, усиление торговых связей с восточными странами, ограбление колоний), развернулось в 70—60-х годах до н. э.

Для захвата Малой Азии Риму необходимо было разгромить Понтийское государство Митридата. Ожесточенная борьба продолжалась около восемнадцати лет. Лишь с большим трудом римскому полководцу Лукуллу удалось разбить Митридата, который укрылся в Армении. Покончив с Понтом, римляне вторглись в Закавказье. Армянский царь Тигран II потерпел поражение недалеко от своей столицы (Тигранокерта), которая была разграблена. Добыча римских солдат (по словам Плутарха солдаты захватили монетой 8 тыс. талантов — около 17 млн. золотых рублей) свидетельствует об огромных сокровищах, собранных в этом городе.

Несмотря на тяжелые неудачи Тигран II продолжал борьбу в союзе с иберами (грузинами), мидийцами и другими племенами Переднего Востока. Лукулл стал терпеть неудачи. Но в Риме не могли отказаться от стремления подчинить весь Передний Восток. Вместо смещенного Лукулла в Малую Азию был послан с новой большой армией Помпей. Митридат был окончательно разбит и бежал в свои крымские владения. В борьбе против Тиграна Помпей умело использовал недовольство части армянской знати, а также

сына царя. Тигран, потеряв надежду на успех, отправился в знак покорности в ставку римского полководца. Он лишился всех завоеваний и в качестве «друга и союзника» превратился в вассала Римской империи.

После победы над Тиграном Помпей направился в глубь Албании и Грузии. Эти страны также оказали отчаянное сопротивление римским легионам. Но и албанский и иберский (грузинский) цари были побеждены и признали власть Рима.

Таким образом, наступление Рима закончилось разгромом эллинистических государств Переднего Востока.

Потерпев поражение в Малой Азии, Митридат VI в своих крымских владениях сделал последнюю попытку продолжать борьбу с Римом, используя для этого людские и материальные средства северного Причерноморья. Тяжелые поборы и прекращение торговли с Малой Азией разорили население и вызвали среди греческих городов открытое движение против понтийского царя. Также неудачна была попытка сопротивления со стороны сына Митридата Фарнака, который был разбит в Малой Азии Цезарем (Цезарь после этой победы прислал в римский сенат знаменитое донесение, состоявшее из трех слов: «Пришел, увидел, победил»). Победа Рима над Фарнаком имела последствием распространение римской власти на бывшие понтийские владения в северном Причерноморье.

Северное Причерноморье имело особое значение для римского господства на Востоке. Эта территория была расположена на фланге римского движения и близко подходила к владениям Рима по Дунаю. Поэтому, чтобы стоять прочно на Востоке, необходимо было укрепить свое положение в Причерноморье. Кроме того, Причерноморье играло выдающуюся экономическую роль для римских колоний в Малой Азии, так как снабжало их хлебом, рабами, рыбой и другими нужными товарами. Наконец, и господствующему классу греческих колоний было выгоднее связаться с рабовладельческой аристократией Рима, чем подвергаться опасности захвата со стороны враждебных племен Причерноморья или восстания рабов. Поэтому знать греческих городов относительно легко утратила политическую самостоятельность.

В I—III вв. н. э. в Боспорском государстве, в систему которого вошел ранее независимый Херсонес, продолжала существовать царская власть, но замещение царского престола фактически зависело от римского императора. Боспорские цари в официальных надписях именуют себя «другом кесарей и другом римлян», униженно называют римских императоров своими «благодетелями», воздвигая в честь их статуи с льстивыми, хвалебными посвящениями.

Со второй половины I в. н. э. влияние Рима в северном Причерноморье стало еще более значительным. В греческих городах в Крыму были размещены римские гарнизоны, были также построены новые укрепления, одно из которых возникло на мысе

Ай-Тодор (недалеко от Ялты). Около мыса находятся остатки лагеря римского легиона.

При императоре Траяне (98—117 гг.) в северной части Таманского полуострова была сооружена цепь укреплений, преграждавшая путь на полуостров со степной стороны Крыма. Усилившаяся торговля городов северного Причерноморья с Малой Азией в период римской оккупации в I—II вв. н. э. вызвала временный экономический подъем этих городов, отразившийся и на памятниках материальной культуры. Раскопки последних лет вскрыли остатки значительного местного производства, развившегося в римский период. К ним относятся большие цистерны для засола рыбы, винодельни, мастерские керамических и ювелирных изделий и др.

Экономические связи Рима с Восточной Европой в I—III вв. не ограничивались узкой береговой линией с греко-римскими городами, а проникали в глубь страны. Показателями этих связей являются многочисленные находки римских монет в области среднего течения Днепра, р. Роси, в бассейне Северного Донца. Некоторые из монетных кладов достигают значительной величины. Таким образом, глубокий материк Восточной Европы был втянут в экономическую жизнь стран не только Черноморского, но и Средиземноморского бассейнов.

Экономический подъем греко-римских городов в северном Причерноморье длился недолго. В III в. н. э. начались политические смуты в Риме, во время которых империя под натиском «варварских» племен стала терять свои колониальные владения. Освободившиеся от римской опеки греко-римские города в северном Причерноморье были захлестнуты волной нового выступления племен Причерноморской степи. Оно являлось частью общей борьбы «варварского» мира с рабовладельческим Римским государством, которая ускорила разложение античной рабовладельческой системы.

Первым крупным движением, направленным против восточных римских владений на Балканском полуострове и в Малой Азии, было выступление племенного союза северного Причерноморья, известного древним авторам под именем «готов».

Древнейшие сведения о готах отличаются большой неясностью. Некоторые римские писатели I—II вв. н. э. (Плиний Старший, Тацит, Птоломей) помещают «готонов», или «гутонов» в бассейне р. Вислы, преимущественно на левом берегу этой реки, и относят их к числу восточных германских племен. Затем письменные сведения об этом племени прекращаются почти на полтора столетия. С начала III в. древние писатели начинают уделять большое внимание готам, которых они помещают в северном Причерноморье. Весьма возможно, что «готоны», «гутоны» и «готы» — различные варианты одного и того же племенного названия. По сведениям историка готов VI в. Иордана готы первоначально жили в Скандинавии, откуда перешли на южный берег Балтийского моря, а во II—III вв. передвинулись на Черноморское побережье. Германская националистическая буржуазная литература относила

всех готов к восточно-германским племенам и рассматривала их в качестве создателей новой более высокой культуры, из которой потом развилась средневековая культура Европы. Оправдывается ли, однако, такая концепция историческим материалом, можно ли допустить, что население северного Причерноморья, жившее на этой территории до III в. (скифо-сарматские племена), неожиданно уступило место восточно-германским племенам? Куда в таком случае исчезло прежнее население? Наконец, какую роль могли сыграть готы в жизни Восточной Европы?

Свидетельства древних авторов о принадлежности готов к восточногерманскому племени подтверждаются остатками готского языка, который принадлежал к семье германских языков. Однако это еще не говорит в пользу того, что население северного Причерноморья стало в III—V вв. германским по своему этническому составу, языку и культуре. Для правильного решения последнего вопроса большое значение, при отсутствии других данных, имеет изучение остатков материальной культуры. Это тем более необходимо, что в буржуазной западноевропейской литературе существует стремление выделить «готский стиль» в качестве особенности германской культуры, занесенной готами в Восточную Европу.

Главными признаками этого стиля считают особого вида фибулы (застежки для плащей), украшения из перегородчатой инкрустации в виде вставок из разноцветных камней и стекла, звериный орнамент и пр. Однако археологическое обследование северного Причерноморья показывает, что площадь распространения так называемого «готского» стиля значительно шире той территории, которую мог занимать готский племенной союз. В частности, предметы, типичные для данного стиля, в большом числе найдены на Северном Кавказе, где в это время существовал другой союз местных племен — аланский. Происхождение ряда элементов «готского» стиля вполне удовлетворительно объясняется из эволюции местных форм скифо-сарматской культуры, с учетом восточного влияния, а также влияния греко-римских колоний. Таким образом, материальная культура населения северного Причерноморья является в своей основе не приносной, а местной. Археологическое изучение городищ (остатков укрепленных поселений) и могильников в районе нижнего Приднепровья убеждает в том, что население северного Причерноморья не было сдвинуто со своих насиженных мест, а вошло в политические объединения, сложившиеся на этой территории. Римские, а затем византийские писатели употребляли термин «готы» в широком собирательном значении, подобно тому, как раньше население северного Причерноморья называлось общим именем скифов и сарматов, без учета его разноплеменного состава.

Историю причерноморских готов можно представить в следующем виде. После распада сарматского союза племен в северном Причерноморье сложились новые политические объединения, в которых участвовали и собственно готские (германские) элементы.

В 214 г. при императоре Каракалле готы впервые напали на римские владения по Дунаю. Нападения готов стали особенно частыми с середины III в. За столетие насчитывается 22 похода готов. Они производились из северного Причерноморья в двух направлениях. Двигаясь вдоль западного берега моря, готы при удачных обстоятельствах углублялись в пределы Балканского полуострова. Направляясь по восточному берегу Черного моря, готы вторгались в Малую Азию. Известны также морские походы готов, еще более опасные для империи благодаря своей неожиданности.

Во время нападения «варварских» племен на территорию Римского государства «варвары» часто соединялись с эксплоатируемым населением империи в общем выступлени против рабовладельческой системы. Сохранился интересный рассказ одного современника, Григория Неокессарийского, о нападении на восточные римские владения северных черноморских племен. Он говорит, что при нападении готов и других племен на Понт (южное побережье Черного моря) местные жители, забывая, что они «понтийцы и христиане, участвовали вместе с варварами в грабежах, указывали им путь в горах и после ухода их стали нападать на своих соплеменников и захватывать чужое имущество».

Борьба с восточной Римской империей (Византией) еще больше усиливала племенные союзы в северном Причерноморье. Население, занимавшее территорию от низовьев Дуная до Днепра, входило в состав западного готского союза (визиготы). Племена, заселявшие территорию к востоку от Днепра до Дона, составляли восточный готский союз (остроготы). Наиболее широких размеров этот союз достиг в середине IV в. при остроготском короле Эрманарихе.

Область Приазовья и Прикубанья до северных предгорий Кавказа была занята аланским племенным союзом. Имя аланов впервые встречается в сочинениях римских писателей второй половины I в. н. э. (философа Сенеки, поэта Лукиана). Аланы принадлежали к числу коренных обитателей Северного Кавказа (поскольку это можно проследить). Во II—III вв. они стали ядром большого племенного объединения.

ПЛЕМЕННЫЕ СОЮЗЫ КОЧЕВНИКОВ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ И СРЕДНЕЙ АЗИИ

Движение готов в Причерноморье и образование готских племенных союзов вызвали сложные племенные перемещения на территории от Дона до Дуная. Касаясь нападения аланов и других племен на Дакию, Маркс отмечает: «Это первый признак великого переселения народов, которое с этого времени начинается» *). С IV в. движения кочевых и зем-

*) Архив Маркса и Энгельса, т. V, стр. 7. Госполитиздат. 1938.

ледельческих племен, в процессе которых то создавались, то распадались большие многоплеменные объединения, охватили колоссальную территорию, от Восточной Азии до крайнего запада Европы. Среди разнообразных направлений, в которых совершались эти племенные перемещения, основным в течение восьми столетий (с IV в. до XIII в.) было направление с востока на запад. Движение, зарождавшееся где-то в степях Монголии или у Алтайских гор, через некоторое время передавалось населению Средней Азии, где становилось исходным моментом для новых племенных перемещений разного размера и силы. Правильное экономическое объяснение причин движения «варварских» племен было дано Марксом: «...давление избытка населения на производительные силы заставило варваров с плоскогорий Азии вторгаться в древние культурные государства... То были пастушеские племена, охотники и воины; их способ производства требовал обширного пространства земли для каждого отдельного индивидуума, как то имеет место еще поныне у индейских племен Северной Америки. Когда они увеличивались в числе, то сокращали друг другу площадь производства. Поэтому избыточное население было вынуждено пускаться в те великие сказочные странствия, которые положили начало образованию народов в древней и новой Европе» *).

Кочевники Центральной и Средней Азии в рассматриваемое время еще сохраняли основные элементы первобытно-общинного строя. Но вместе с тем уже появились признаки его разложения. Из родовой знати выходили влиятельные вожди, вокруг которых складывалась богатая аристократия. Вожди и их дружины обогащались на войне, поэтому войны имели для них существенное экономическое значение. Возрастание табунов и стад скота, находившихся во владении отдельных семейств, требовало все в большом размере применения труда рабов, возможность чего опять-таки создавала война; разбитые противники обращались в рабов победителей. Кочевое скотоводческое хозяйство вызывало необходимость в постоянных передвижениях по большой территории в поисках неистощенных пастбищ.

Выделение скотоводческого хозяйства привело к развитию обмена между скотоводческими племенами и оседлым земледельческим населением культурных областей. Скотоводы-кочевники степей Монголии и Центральной Азии получали из Китая и среднеазиатских городов оружие, шелковые и шерстяные ткани, различного рода украшения и другие предметы, предназначавшиеся для удовлетворения потребностей богатой знати кочевников. Не имея собственного ремесленного производства, кочевники охотно пользовались трудом пленных — рабов, обученных ремеслу. Экономическое взаимодействие между кочевой степью и земледельческими

*) К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IX, стр. 278—279.

оазисами, а также торговыми городами имело большое значение в жизни как кочевых, так и оседлых племен.

Непрекращавшаяся война между кочевниками вызывалась борьбой за пастбищную территорию, за скот и рабов. Кроме того, при экстенсивности скотоводческого хозяйства большое значение приобретала дань, наложенная на покоренные племена. Поэтому степное кочевое племя стремилось захватить возможно большие населенные пространства. Быстрота, с которой обычно распространялась власть сложившегося ядра кочевников, объясняется, с одной стороны, трудностью сопротивления для разрозненных и разбросанных на огромной территории мелких кочевых хозяйств, а, с другой стороны — теми преимуществами, которые получала кочевая знать в составе крупного и сильного объединения. Концентрация скотоводческого хозяйства приводила к «давлению избытка населения на производительные силы» (Маркс). Оно еще больше усиливалось в результате обогащения знати и обеднения основной массы кочевников.

Организованная масса кочевников представляла собою огромную силу, способную в короткое время разгромить культурные оазисы и города, манившие знать кочевников перспективой грабежа и обогащения. Для кочевников степей Монголии и Центральной Азии движение, ставившее целью захват культурных земель, было возможно в двух направлениях: в северную часть Китая и в область Средней Азии. Китай был не только страной древнейшей культуры, но и сильным рабовладельческим государством. Борьба с кочевниками в северных провинциях Китая приводила к двойным результатам: если кочевникам удавалось прорываться в глубь страны, оставляя после себя следы огромного разрушения, то и Китай наносил жестокие ответные удары, часто кончавшиеся распадом и гибелью кочевого союза. Гораздо легче успехи достигались при вторжениях в Среднюю Азию. Здесь земледельческие оазисы были разобщены между собою, и народам Средней Азии было трудно объединиться для совместной борьбы с многочисленной кочевой ордой. Между тем богатые среднеазиатские города, лежавшие на караванных путях, представляли особенно лакомую приманку, а междуречье, более обильное влагой и травой, обладало прекрасными условиями для скотоводческого хозяйства. Останавливавшиеся здесь кочевники, вытолкнутые из Монголии или Центральной Азии, сами становились ядром нового племенного союза. Таким образом, повторялся в новых, но сходных условиях тот же процесс объединения кочевого и оседлого населения. Дальнейшее движение на Запад выводило кочевую массу в обширные травянистые пространства, лежавшие между Яиком (Уралом), Волгой и Днепром. Отсюда открывался путь в Крым к Дунаю, на западный и южный берега Черного моря, усеянные богатыми греко-римскими городами.

Создавшиеся на колоссальной территории Азии государственные образования были очень непрочными и легко рассыпались пос-

ле первого серьезного удара. Связь между отдельными частями таких образований была внешней и в большинстве случаев насильственной. Существовали непреодолимые внутренние противоречия не только между кочевыми и земледельческими племенами, но и среди самих кочевников. Покоренные племена стремились сбросить с себя власть небольшого господствующего ядра и занять его место. Кроме того, среди кочевников постепенно усиливался процесс разложения патриархальной общины. Вместе с тем усиливалось сопротивление не только со стороны зависимого населения, но и со стороны основной массы свободных кочевников, хотя и входивших в состав родоплеменных союзов, но все больше и больше подвергавшихся эксплоатации высшим слоем степной аристократии.

Образование и распад больших племенных союзов на территории Монголии, южной Сибири и Центральной Азии, неоднократно повторявшиеся на протяжении около полутора тысяч лет (с середины I тысячелетия до н. э. до начала II тысячелетия н. э.), свидетельствуют как о непрочности этих образований, так и постоянстве тех экономических и политических условий, в обстановке которых происходило создание многоплеменных союзов. Борьба кочевых племен с рабовладельческими государствами Азии, прежде всего с Китайским государством, ускоряла процесс разложения рабовладельческой системы и вызревания феодальных отношений. В этом смысле можно провести аналогию между исторической ролью азиатских «варваров» и ролью европейских «варваров», разлагавших и разрушавших рабовладельческое Римское государство.

Первым известным нам крупным политическим объединением кочевников Азии была держава монгольских гуннов («хунну» по китайским источникам). Ядром ее был союз племен, возникший в конце III в. до н. э., на территории, расположенной к югу от р. Орхона (северная Монголия). В середине II в. до н. э. гуннская держава достигла очень большого размера и представляла грозную опасность для Северного Китая. Основой ее был союз 24 племен, во главе которых стояли племенные вожди. Они собирались для жертвоприношений и для обсуждения общих дел. Глава всей гуннской державы носил титул «шаньюя». По китайским источникам гунны были типичными кочевниками, перекочевывали с табунами лошадей и со стадами крупного и мелкого скота с пастбища на пастбище, «смотря по приволью в траве и воде», не имели ни городов, ни других постоянных поселений, были прекрасными наездниками и меткими стрелками из лука, к чему приучались с малолетства. По китайским сообщениям, гунны говорили: «Сражаться на коне есть наше господство, и мы страшны перед всеми народами».

Археологические раскопки гуннских могильников установили наличие среди гуннов имущественного и социального неравенства. Особый интерес представляют раскопки могильника гуннских вождей в горах Ноин-ула (бассейн р. Орхона), произведенные экспедицией П. К. Козлова в 1924 г. Могильник (раскопано 6 больших

и 4 малых кургана) дал замечательные памятники материальной культуры и искусства. Были найдены многочисленные предметы китайского происхождения: обрывки шелковых тканей, изделия из нефрита, золотые и серебряные вещи, зеркала, деревянные чашки, покрытые лаком, большие зонтики и пр. К числу предметов местного производства принадлежит замечательный войлочный ковер, по которому посредством апликации выполнена картина нападения на лося крылатого грифона.

В середине I в. до н. э. гунны распались на северных и южных. В конце этого столетия северные гунны потерпели поражение от китайцев, действовавших совместно с южными гуннами. Отброшенные на запад, остатки северных гуннов сосредоточились на территории современного Казахстана и стали организаторами «варварских» племен Средней Азии. В связи с их новым местопребыванием вместо названия «северные гунны» начинает употребляться название «западные гунны».

В это время в Средней Азии в результате восстания населения против греко-македонских завоевателей образовалось Кушанское царство, центр которого лежал в Согде и Бактрии. Владения кушанов на юге охватили Афганистан и северную Индию; с запада на восток они простирались от Парфии до Памира. Экономические и политические связи Кушанского царства были очень значительными. Кушанские монеты неоднократно находили в бассейне р. Камы. Кушанское посольство в 99 г. до н. э. посетило Рим. Экономическая связь с западом подтверждается находками на территории Кушанского царства римских монет. Остатки кушанских владений в Средней Азии просуществовали до начала V в., когда выдвинулись среднеазиатские племена, известные под названием «белых гуннов», или «эфталитов».

В середине VI в. население южной Сибири, Монголии, Центральной и Средней Азии вошло в состав объединения, известного под именем «Тюркского каганата».

В 70-х годах VI в. владения каганата достигли на западе — Азовского моря и Кавказа, а на востоке — большого Хинганского хребта. Таким образом, Тюркский каганат включил в свой состав большое число разнообразных племен, подчинившихся основному ядру тюркских приалтайских племен, среди которых главная роль принадлежала тюркам-огузам (из этого племени вышла правящая династия тюркских каганов). В дальнейшем политическим центром каганата стал бассейн р. Орхона в Монголии. Здесь находилась и ставка кагана.

Появление нового племенного объединения в монгольских степях вызвало в Китае опасения и тревогу за свои северные владения. Между тем Китайское государство заметно окрепло в конце VI в. Пользуясь внутренними противоречиями в каганате и голодом, поразившим кочевое хозяйство, китайцы нанесли ему несколько серьезных поражений, в результате которых каган признал зависимость от Китая. Потрясенный внутренним восстанием и неуда-

чами в борьбе с Китаем, каганат распался на две части: восточный каганат с центром в Монголии и западный — с центром в Семиречье. Восточный каганат находился в зависимости от Китая около пятидесяти лет. Восстания восточных тюрков против Китая в 60—70-х годах VII в. закончились образованием Второго восточного тюркского каганата, достигшего высокого подъема в начале следующего столетия. Западный тюркский каганат, в котором главную роль играли племена карлуков (Западный Алтай) и тюргешей (территория к югу от озера Балхаш), просуществовал до конца 50-х годов VII в., когда принужден был признать власть Китая.

История Тюркского каганата имела большое значение в жизни народов южной Сибири, Монголии и Средней Азии. В системе каганата происходило дальнейшее развитие классовых отношений. Господствующий слой тюрков, состоявший из родо-племенной знати, носил название беков и тарханов. Возраставшее использование труда рабов в обслуживании большого скотоводческого хозяйства в земледелии, в ремесленном производстве, в торговле усиливало социальное положение знати, превращавшейся в военно-рабовладельческую аристократию.

После окончательного распада Тюркского каганата в 40-х годах VIII в. выдвинулись племена уйгуров (в восточной части Туркестана) и киргизов (хакасов), занимавших верхнее и среднее течение Енисея.

РАЗВИТИЕ ФЕОДАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ, СРЕДНЕЙ АЗИИ И ЗАКАВКАЗЬЕ

Развитие феодальных производственных отношений на огромной территории нашей страны происходило с большой неравномерностью. Раньше этот процесс начался среди народностей Закавказья и северного Причерноморья, прошедших через рабовладельческую систему и находившихся в тесном экономическом и культурном общении с другими рабовладельческими странами Средиземноморского бассейна (восточные рабовладельческие государства, Греция, Рим). Можно считать, что феодальное хозяйство здесь стало слагаться в III—IV вв., т. е. одновременно с развитием феодальных отношений на территории Римской империи.

Как уже отмечалось, в процессе складывания феодальной системы большое значение имело выдвижение «варварских» племен, сохранявших основы первобытно-общинного строя. Столкновение между этим «варварским» миром и рабовладельческой Римской империей ускоряло разложение рабовладельческой системы Рима и вело к созданию феодального строя как на развалинах рабовладельческой римской системы, так и среди «варварского» населения. Элементы феодальных отношений, несомненно, существовали внутри тех многоплеменных союзов, которые образовывались и распадались на территории Восточной Европы в IV—VIII вв. Однако

господствующими эти отношения в Киевском государстве стали со второй половины XI века.

Относительно поздно феодальные отношения складываются в Средней Азии. В районе кочевого скотоводства долго удерживалась патриархальная община. В земледельческих оазисах были сильны элементы рабовладельческого хозяйства, приспосабливавшегося к новым экономическим и политическим условиям. Арабское завоевание в VIII в. ускорило сложение феодального общественного порядка, полное торжество которого в Средней Азии может быть отнесено к X—XI вв. Наконец, в Сибири феодальные отношения стали складываться в XV—XVI вв., а на крайнем северо-востоке — еще позже.

Таким образом, относя начало феодального периода в истории нашей страны к IV—V вв., необходимо помнить о большой неравномерности социально-экономического развития и сложности этого процесса в конкретных исторических условиях.

Гуннская держава в IV—V вв. Авары, славяне, болгары и хазары в Восточной Европе. В IV в. н. э. движение гуннов с востока внесло большие изменения в жизнь племен северного Причерноморья и сыграло крупную роль в истории падения Римской империи. Первые сведения европейских писателей о гуннах восходят к концу I в. или к началу II в. н. э.

Около 370 г. у берегов Азовского моря гунны разгромили аланов, затем под ударами гуннов пала Остроготская держава Эрманариха. Главная масса остроготов двинулась на Запад. Везиготы пытались оказать сопротивление, но также были разбиты и отброшены в область Трансильванских гор (Карпат). С разрешения римского императора везиготы перешли в 376 г. Дунай. Вскоре перешли Дунай и остроготы. Гунны, двигаясь за отступавшими остатками готских племен, остановились на северном берегу Дуная, между Дунаем и рекой Тиссой. Здесь на короткое время сложился политический центр гуннской державы Аттилы.

Нашествие гуннов произвело огромное впечатление во всем греко-римском мире. Губительную силу этого удара один из римских писателей сравнивал со снежным вихрем, поднявшимся с высоких гор. Современник этих событий, римский писатель IV в. Аммиан Марцелин, описывал гуннов как типичных кочевников, которые всю свою жизнь проводили в передвигающихся кибитках. Поэтому никто из гуннов, говорит Аммиан Марцелин, не может ответить на вопрос, где его родина: «Он зачат в одном месте, рожден далеко оттуда, вскормлен еще дальше».

В описании гуннской орды у Аммиана Марцелина много преувеличений. Как и другие римляне, он стремился представить своих противников в отрицательном образе. Но проходит время, и характер описаний меняется. Гуннская держава остановилась в движении на Запад, заняв придунайскую низменность. В стан гуннского вождя Аттилы, которому удалось объединить гуннов под своей властью (435—453 гг.), потянулись римские посольства. Большой

интерес представляет описание посольства к Аттиле, принадлежащее секретарю Приску Панийскому (уроженцу фракийского города Панион). Греки встречали во владениях Аттилы постоянные селения, их угощали просом и напитком «камос», приготовленным из ячменя. Дворец Аттилы, представлявший сложное и красивое деревянное сооружение, был обнесен оградой. Дома, сложенные из тесаных бревен, украшались красивой резьбой. Во время пиршеств, которые Аттила устраивал в честь приезжавших послов, соблюдался определенный порядок; гостей обносили золотыми чашами с вином, а слуги ставили перед ними блюда с кушаньями и хлеб. Вечером при зажженных факелах певцы воспевали победы и храбрость, проявленную на войне. Ставка Аттилы в этом описании совсем не походит на временную ставку предводителя кочевников. В рассказе Приска содержатся ясные указания на известную оседлость населения и на знакомство с зерновыми культурами (просо, ячмень, хлеб). Трудно предположить, что это было результатом быстрого перехода кочевого хозяйства гуннов к оседлому земледельческому, после того как они остановились на придунайской равнине. Различный характер описаний гуннов объясняется сложностью разноплеменного состава державы Аттилы, в которой участвовало и кочевое и земледельческое население. В гуннском племенном союзе, зародившемся в среднеазиатских степях и окончательно сложившемся на территории северного Причерноморья и Придунайской низменности, пришлые с Востока кочевые «гуннские» племена должны были занимать относительно небольшое место. Этим объясняется, что Приск, как и другие современники, называет подвластное Аттиле население «скифами» и часто смешивает оба названия— «скифы» и «гунны». Между тем жители восточной Римской империи, хорошо знавшие коренное население Причерноморья и обычно называвшие его «скифами» (это название за населением северного Причерноморья сохранилось до IX в.), не могли путать «скифов» с гуннами. Поэтому употребление термина «скифы» по отношению к гуннской державе Аттилы означает, что в нее было вовлечено местное население Причерноморья. Вскоре после смерти Аттилы в 453 г. гуннское племенное объединение распалось.

Историческое значение гуннского союза состояло в том, что он объединил в более широких, чем раньше, размерах разноплеменную массу «варваров» и двинул ее на борьбу с Римом. Товарищ Сталин говорит: «...не-римляне, т. е. все «варвары», объединились против общего врага и с громом опрокинули Рим» *).

В разрушении рабовладельческого Римского государства приняли участие не только германские племена, но и племена Восточной Европы, в том числе славяне.

В 476 г. императорскую власть в Риме захватил предводитель наемных варварских дружин Одоакр. После смерти Феодосия I, в 395 г., восточная Римская империя, принявшая название Византии,

*) Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 432. Издание 11.

окончательно отделилась от западной. На территории западной Римской империи сложились германские, «варварские» государства. Восточная часть продолжала существовать в виде Византийской империи, история которой тесно связана с историей Восточной Европы и всего Причерноморского бассейна.

Одним из результатов борьбы восточноевропейских «варварских» племен с римскими владениями была гибель в V в., в период существования гуннского политического объединения, большинства греко-римских рабовладельческих городов северного Причерноморья. Византийской империи удалось сохранить в своих руках только один Херсонес в Крыму.

Распад гуннского объединения освободил входившие в него племена Восточной Европы, среди которых находились и славяне.

Согласно буржуазной индоевропейской теории славянские народы имели общую прародину, из которой затем расселились на значительной территории Восточной и Западной Европы. Эту славянскую прародину искали то на Дунае, то в Карпатах или к северу от них. Согласно мнению Ключевского Карпаты были промежуточным этапом в движении славян с берегов Дуная на территорию Восточноевропейской равнины.

Точка зрения Ключевского и ряда других буржуазных историков была критически поколеблена в работах крупного знатока древнерусского языка, академика Шахматова. Академик Шахматов искал славянскую прародину на территории, охватывавшей течение Западной Двины, вблизи от Балтийского побережья. По мнению Шахматова, бассейн Западной Двины стал исходным пунктом славянских движений, откуда славяне еще в эпоху общеславянской племенной жизни передвинулись в Повислинье, т. е. на среднее и верхнее течение Вислы. Это передвижение, по мнению Шахматова, определило дальнейшую судьбу славян, которые были втянуты в великое переселение народов. Двигаясь дальше на юг, они оказались в непосредственном соседстве с владениями Византии.

Теория Шахматова является ошибочной в силу прежде всего неправильного представления о процессе развития народа. Однако Шахматов ближе подошел к выяснению вопроса о территории, на которой складывались восточные славяне. Последние не были пришельцами в Восточную Европу из какой-либо другой страны, а сложились на ее огромных пространствах в результате постепенного сближения мелких родо-племенных групп. Одним из древнейших очагов формирования восточных славян было среднее Приднепровье.

Древнейшие письменные сведения о славянах восходят к началу новой эры. В «Дорожнике», составленном при императоре Августе, имеется название славянского племени венедов. Более ясные сведения о венедах мы получаем из сочинения Плиния (умер в 79 г. при извержении Везувия), Тацита (конец I в.) и Птоломея (современник римского императора Марка Аврелия, 160 — 170 гг., автор важного в историческом отношении географического руко-

водства). По словам Плиния и Тацита, венеды жили на нижнем течении р. Вислы и к западу от этой реки по направлению к р. Эльбе. Птоломей помещает венедов на восток от Вислы, вблизи Балтийского моря. Выгнутую к югу излучину морского берега он называет Венедским заливом. Сведения о венедах, название которых является древнейшим названием части славянских племен, прекращаются со II в. до VI в.

С начала VI в. начинаются вторжения славян в пределы Византийской империи, которые можно сравнить с вторжениями германских племен в пределы Западной Римской империи. И в том и в другом случае происходило столкновение между одряхлевшей рабовладельческой цивилизацией и «варварским» миром, полным жизненных сил. Византийское правительство укрепляет свою северную границу. На Дунае восстанавливаются и вновь выстраиваются десятки крепостей. Однако в середине VI столетия оборонительная линия на Дунае была прорвана. Масса славянского населения хлынула в северные провинции империи и положила начало образованию на Балканском полуострове славянских государств (Болгария). Этими событиями объясняется усиленное внимание с середины VI в. византийских авторов к судьбам славян.

Важным источником наших сведений этого времени является сочинение готского историка Иордана, который в 551 г. написал работу по истории готов. К сведениям, сообщаемым Иорданом, следует подходить с большой критической осторожностью. Иордан ставил своей задачей прославление подвигов готских вождей, причем не особенно стеснялся в выборе и использовании материала. Он соединил вместе историю готов сенатора Кассиодора, написанную по поручению остроготского короля Теодориха, народные готские предания и сведения, которые сам мог почерпнуть из окружающего мира, в том числе этнографический материал VI в. Касаясь славян, Иордан говорит, что теперь они «всюду неистовствуют по грехам нашим», указывая этим на возросшую политическую силу славянских племен. Он сообщает, что славяне известны под тремя названиями: венедов, словен и антов. Венеды обитали к северо-востоку от Карпат, в верховьях Вислы. Словен Иордан помещает где-то недалеко от устья Дуная, как предполагают, в Добрудже. Анты, которых Иордан называет самыми сильными из славян, жили в изгибе Черного моря от Днестра до Днепра.

Сообщения Иордана дополняются византийским историком Прокопием Кессарийским (умер в 562 г.), а также сочинением, которое раньше ошибочно приписывалось императору Маврикию и теперь поэтому называется сочинением псевдо-Маврикия. По словам Прокопия, анты были соседями словен и занимали территорию далеко на восток, переходя Днепр. Поселения антов находились и к северу от Азовского моря. На основании этих сведений мы можем предположить, что территория антов тянулась широкой полосой от Дуная до Азовского моря.

В одной греческой надписи, найденной в городе Керчи и относящейся к III в. н. э., содержится имя с присоединенным к нему прозвищем «Антас». Возможно, что оно указывает на принадлежность этого человека к племени антов. Это первое, известное нам употребление данного термина.

В работах Иордана, Прокопия и псевдо-Маврикия содержатся весьма существенные сведения по общественному строю славян. Противопоставляя славян Византии, писатели VI в. указывают на то, что славяне не управляются одним мужем, а искони живут «демократически», у них нет общей власти. Эти сообщения совершенно определенно устанавливают существование у словен и антов в рассматриваемое время первобытно-общинного строя. Славяне выступали в борьбе с Византией небольшими родо-племенными организациями, каждая из которых имела своего вождя. Органом власти являлось народное собрание и выбранный народным собранием вождь. Византийские авторы единогласно подчеркивают хорошие боевые качества славянских воинов. «Они многочисленны,— говорит псевдо-Маврикий, — выносливы, легко выдерживают зной и стужу, и наготу тела, и недостаток продовольствия».

По словам византийского писателя Менандра, когда аварский хан отправил посольство к восточнославянским князьям, требуя от них покорности и дани, он получил в ответ следующие гордые слова: «Родился ли на свете и согревается ли лучами солнца тот человек, который бы подчинил себе силу нашу».

Борьба с Византийской империей, захватившая разноплеменное население на огромной территории, от Дуная до Азовского моря, сыграла крупную роль в процессе складывания славянских народностей и усиления культурной общности как в памятниках материального быта, так и в языке.

Некоторые наблюдения позволяют сделать предположение, что уже в эпоху IV—VI вв. начали складываться элементы древнерусского языка. Так, нам известны в передаче греческих писателей имена вождей антов. Среди них находятся имена: Бож, Доброгост, Целигост, Межамир. Им соответствуют в древнеславянском языке имена: Божан, Божо и многочисленные имена с окончанием на «гост» и «мир», например, Владимир, Добромир и пр. Эти немногие обрывки антских слов дают возможность предположить о развитии в IV—VI вв. древнеславянского языка, близкого к языку населения Киевской Руси.

В последний раз анты упоминаются в 602 г., затем сведения о восточных славянах прекращаются на два с половиной—три столетия. Причиной этому является не исчезновение славян, а новые крупные события в истории Византийской империи. Внимание византийской политики в VII—VIII столетиях было отвлечено далеко на Восток, где происходила ожесточенная борьба с арабским халифатом. В северном Причерноморье в это время складываются болгарские и аварские племенные союзы, которые частично охватывали и славянские племена.

Впервые болгары в источниках появляются в конце V в. В 482 г. император Зенон пригласил наемные болгарские отряды для борьбы с другими «варварскими» племенами. В конце пятого столетия болгары стали тревожить северные границы Византийской империи.

В старой исторической литературе господствовал взгляд, согласно которому болгары принадлежали к тюркским племенам; в частности, некоторые историки сближали их с тюркским племенем уйгуров. Это племя частью осело в восточной половине Средней Азии и затем продвинулось несколько далее, положив начало внедрению тюркских элементов в Среднюю Азию. На основании изучения остатков болгарского языка и родственного ему чувашского языка академик Марр пришел к выводу, что ни болгарский язык, ни родственный ему чувашский язык не являются в своей основе тюркскими языками. Академик Марр сближает эти языки с языками шипящей группы яфетической системы, на которой говорило скифо-сарматское население. Процесс развития языков болгарской группы происходил следующим образом. В скифо-сарматскую яфетическую среду влились некоторые иранские элементы, которые коснулись главным образом высших слоев скифо-сарматского общества. Произошла частичная иранизация скифо-сарматского наречия. Затем в эту же среду влились монгольские гунны и внесли свой культурный и лингвистический вклад. Так, по мнению академика Марра, образовалась группа языков, из которой развились языки болгарский, хазарский и чувашский.

Вслед за болгарами византийские писатели сообщают о движении аваров. В середине VI столетия в Константинополь прибыло посольство от аваров, которые в это время жили между Каспийским и Азовским морями. Затем авары продвинулись значительно дальше на запад. Во второй половине VI в. авары подошли к Дунаю, оттуда распространились на запад и север, заняв обширную равнину Паннонии. Движение аваров на запад было остановлено около Эльбы, где авары были разбиты франками. В местности, лежавшей к северу от Дуная, авары оказались соседями славян, часть которых должна была признать власть аварских каганов. В киевской летописи сохранилась легенда о тяжелом иге, наложенном на славян обрами (аварами). По словам летописи, обры (авары) впрягали в телеги вместо лошадей славянских женщин. Но затем обры погибли, и не осталось ни одного обрина. «Потибоше, аки обре»,— говорится о тех, кто не оставил по себе ни потомства, ни наследия. Разумеется, здесь не было полной физической гибели населения, известного под именем обров или аваров; произошел распад племенного союза, возглавлявшегося аварскими каганами, в результате которого собирательное имя аваров исчезло из обращения.

Ко времени болгаро-аварского господства в Причерноморье относится замечательный клад, хорошо иллюстрирующий характер и хищническое обогащение кагана и окружавшей его дружинной знати. В 1912 г. два мальчика-пастушка из с. Малая Перещепина

(недалеко от Полтавы) нашли в песке около села несколько золотых и серебряных предметов. Сбежавшиеся жители села откопали еще большое количество вещей и монет, значительную часть которых удалось сохранить и передать в Эрмитаж, где этот клад и находится в настоящее время. Он представляет собою сокровищницу какого-то вождя, поспешно зарытую в землю. Она состояла из кубков, чаш, блюд, кувшинов, разных предметов украшения, дорогого оружия и пр. Состав предметов объясняет происхождение клада. Часть предметов происходит с Востока. Обращают внимание обломки блюда с изображением сасанидского царя на охоте. Некоторые предметы привезены из византийских владений. Среди них находится блюдо с клеймом византийского императора Анастасия I (491—518 гг.) с надписью: «Из ветхости возобновлено Патерном, достопочтенным епископом нашим». Патерн в начале VI в. был епископом черноморского города Томи (около Констанца). Византийские монеты, найденные в кладе, относятся к 612—688 гг. Таким образом, клад был зарыт в конце VII в. Можно думать, что он составился в результате грабительских нападений, охватывавших территорию от Ирана до западного побережья Черного моря.

В результате ослабления аварского племенного союза и перемещения основного его ядра на Дунайскую равнину в середине VII в. руководящая роль в северных Причерноморских степях вновь перешла к болгарам. Борьба болгар с хазарами, укрепившимися в это время на нижнем течении Волги, привела к распадению болгарского племенного союза. Одна группа болгарских племен под предводительством Аспаруха в 679 г. перешла на правый берег нижнего течения Дуная и заставила Византию уступить эту территорию. Эта часть болгар, смешавшаяся со славянами, положила начало славянско-болгарскому государству на Дунае.

В VIII—IX вв. господствующее положение на территории от Каспийского моря до Днепра заняло Хазарское государство с центром на нижнем течении Волги. По сохранившимся остаткам языка хазар, близкого к древнему болгарскому языку, их следует отнести к группе болгарских племен. Первые достоверные известия о хазарах относятся к концу VI в. или к началу VII в. Около этого времени хазары вошли в состав Западного тюркского каганата и оставались в нем до его падения во второй половине VII в. Этим объясняется значительное тюркское влияние в хазарской культуре, благодаря которому в исторической литературе было распространено отожествление хазар с тюрками. Весьма возможно, что хазарские племена ассимилировали некоторые тюркские этнические элементы: в частности, возможно, что царская династия у хазар была тюркского происхождения. Византийские историки поэтому иногда называли хазар тюрками.

Занимая в начале VII в. территорию к северу от Дагестана, хазары упорно стремились прорваться через Дербентский проход в Закавказье. В этом наступлении они встретились сначала с сасани-

дами, а потом — с арабами, не желавшими уступать хазарам своего господства в восточной части Закавказья. Во время войн Византии с сасанидами и с арабским халифатом хазары выступали союзниками Византии; после ряда поражений, нанесенных арабами, центр хазарской державы переместился из бассейна Терека (предполагается, что на Тереке находилась древняя столица Хазар — Семендер, точное местоположение ее не установлено) на нижнее течение Волги, где не ранее первой половины VIII в. возникла новая столица — Итиль. Занимая низовья Волги, хазары держали в своих руках важнейшие пути сообщений между прикаспийскими странами, Северным Кавказом и Восточной Европой.

В VIII—IX вв. власть хазар распространилась на огромную территорию, в состав которой входили: земли между Каспийским и Азовским морями, включая большую часть Северного Кавказа, северное Причерноморье, Крым. Вверх по Волге власть хазар простиралась до р. Камы. Около середины IX в. хазарам платили дань славянские племена, жившие в бассейне Днепра и в бассейне верхнего течения р. Оки.

Хазары вначале были скотоводами-кочевниками. Однако в X в. в центре Хазарского государства на Волге население частично стало переходить к оседлости и земледелию. По сообщению арабских писателей (Ибн Русте, Ибн Хаукаль) зимою все население жило в городах, а с наступлением весны выходило в степь; около столицы местность была усеяна обработанными участками, с которых жители города летом снимали жатву. Эти сведения подтверждаются в письме хазарского царя Иосифа, который сообщает, что каждый из родов имел свое наследственное владение. Весною хазары выходили из города и направлялись к своим виноградникам и полям. Это сообщение интересно еще и тем, что указывает на частичное сохранение среди хазар форм родовых организаций. При этом хазары находились в процессе социального расслоения.

По словам араба Ибн Русте, зажиточные и богатые хазары были обязаны поставлять в войско царя всадников «сколько могут они по количеству имущества своего и по успешности промыслов своих». У хазар существовало рабство, хотя оно и не имело большого распространения.

Во главе Хазарского государства стоял «великий каган», окруженный необычайным почитанием и раболепным поклонением, но не обладавший никакой властью, которая находилась в руках правившего от его имени царя (арабы называли его каган-беком). В конце VIII в. или в начале IX в. господствующий слой хазар вместе с каганом принял иудейскую религию, которая могла проникнуть к хазарам от евреев, живших в Крыму и Дагестане. Принятие новой религии также указывает на падение старых родовых культов.

Главный город Хазарии, расположенный на одном из рукавов Волги, Итиль (остатки его не удалось обнаружить, возможно, что они смыты водой), был крупным торговым центром и имел боль-

шое население, среди которого значительную часть составляли приезжие купцы из Армении, Ирана, славянских земель, Хорезма и разных среднеазиатских городов. Торговые пошлины были одним из важных источников царских доходов.

Хазарское государство на Волге в период своего расцвета (VIII—IX вв.) стало своеобразным барьером для кочевых племен Средней Азии. Для защиты владений между Каспийским и Азовским морями хазары при помощи присланных византийским императором инженеров построили в первой половине IX в. крепость Саркел на Дону (остатки крепости находятся около станицы Цымлянской). Со второй половины IX в. положение Хазарского государства стало заметно ухудшаться. Оно не в состоянии было сдержать новый прорыв кочевников в степи северного Причерноморья.

Нам точно неизвестно время, когда часть кочевых болгарских племен (болгары, сувары и др.) перекочевали с нижнего течения Волги в Прикамье. Повидимому, это произошло во время распадения болгарского племенного союза в VII в. или в начале VIII в. Археологическое обследование этого района обнаружило многочисленные остатки поселений (городища) и могильники доболгарского периода, которые принадлежали как скотоводам, так и оседлым земледельцам. Болгары, заняв Нижнее Прикамье и Среднее Поволжье, подчинили местное население, в том числе мордовские и черемисские (марийские) племена. В IX в. на территории Камской Болгарии существовало несколько племенных княжеств, плативших дань хазарам. После ослабления Хазарского государства они объединились под главенством самого многочисленного и сильного племени — болгар. Арабские писатели X в. сообщают о существовании в это время «болгарского царства». Главным городом государства был «великий город Болгар», находившийся вблизи впадения р. Камы в Волгу (недалеко от г. Спасска). В хозяйстве населения, наряду со скотоводством, большое значение имело земледелие, хотя болгары сохраняли некоторые обычаи и пережитки скотоводов-кочевников. Так, подобно хазарам, они в летнее время оставляли города с деревянными и каменными домами и переселялись в войлочные юрты. В общественном строе болгар в X—XI вв. имелись значительные элементы феодальных отношений, хотя основная масса населения еще не была закрепощена. Население платило царю, по сведениям арабов, от каждого дома по шкуре соболя в год. В доходах царя и высшей знати большое значение имела еще военная добыча. В 20-х годах X в. Камскую Болгарию посетил в составе посольства арабского халифа Ибн Фадлан, оставивший описание своего путешествия. До недавного времени оно было известно в извлечениях, внесенных в одно арабское руководство по географии. Только в 1924 г. рукопись сочинения Ибн Фадлана, считавшаяся окончательно утраченной, была найдена в библиотеке г. Мешхеда (в восточном Иране). Иранское правительство передало в 1935 г. Академии наук СССР прекрасную фотографию всей рукописи. В настоящее время мы имеем полный русский пе-

ревод этого сочинения, обогащающего наши знания о народах Камско-Волжского бассейна X в. Ибн Фадлан рассказывает, что если «царь прикажет дружине (совершить) набег на какую-либо из стран и она (дружина) награбит, то имеет вместе с ними (дружинниками) долю». Среди господствующего слоя болгар в X в. распространилось мусульманство.

Ибн Фадлан оставил чрезвычайно интересное описание своего пребывания при дворе болгарского царя. Огромная юрта царя, в которой он жил в летние месяцы, вмещала до тысячи человек. Она была устлана армянскими коврами. Поставленный посредине трон был покрыт византийской парчой. Царь принимал арабских послов вместе с «подвластными царями», являвшимися его главными вассалами. Главный город Болгар был важным центром торговых сношений между Восточной Европой, в том числе славянскими землями, и прикаспийскими странами. Ибн Фадлан среди приезжих купцов встретил на берегу Волги русов.

В X—XI вв. территория Камской Болгарии достигла значительных размеров. Ее северная граница шла по правому берегу Камы, западная проходила между Сурой и Волгой, на юге болгарские владения достигали Самарской луки.

В XII—XIII вв. Камская Болгария стала соседом русских феодальных княжеств, возникших в области Волжско-Окского междуречья.

Закавказье в борьбе с Ираном и Византией. Развитие феодальных отношений в Закавказье. На территории нашей страны феодальные отношения раньше всего складываются в Закавказье.

После победы римлян над армянским царем Тиграном II народы Закавказья должны были признать зависимость от Римского государства. Армения, расположенная на путях сообщения между Средиземноморским бассейном и восточными странами, являлась для Рима важнейшей стратегической позицией и была узлом всей его восточной политики. В I—II вв. н. э. соперником Рима в борьбе за Закавказье было Парфянское государство.

Опыт борьбы за Закавказье показал Риму, что большие жертвы, понесенные империей, не окупались теми кратковременными успехами, которых удавалось достигнуть. Император Нерон согласился признать брата парфянского царя из династии Аршакидов Тиридата I армянским царем. Тиридат I с огромной свитой отправился в Рим, где был в 63 г. н. э. коронован. С тех пор при освобождении ярмянского престола парфянские цари Аршакиды предлагали кандидатов из своего рода, которые и утверждались в Риме. Так было положено начало династии армянских Аршакидов. Еще при короновании Тиридата I в Риме были выпущены монеты с характерной надписью: «Взятая Армения».

В начале III в. среди местных династов, признававших власть парфянского царя, усилился владелец небольшого княжества Хир, в стране Парсе (Иран), из рода Сасанидов, вступивший в успешную борьбу с Парфией. В 226 г. он разбил последнего парфянского царя

Артабана V и стал основателем Сасанидского государства (226 — 640 гг.). Основной частью этого государства был Иран, но владения Сасанидов распространились на часть Средней Азии и Закавказье. Таким образом, борьба Римского государства за Закавказье с Парфянским государством превратилась в борьбу Римского государства с могущественным государством Сасанидов.

Сасанидское государство может быть отнесено к числу ранне-феодальных монархий. Царям Сасанидам удалось подчинить своей власти крупную знать и установить централизованный порядок. Эта политика находила поддержку со стороны мелких землевладельцев, получивших от царя земли с обязательством нести военную службу, и городского населения, заинтересованного в установлении прочного порядка и безопасности для торговых сообщений. Усиление сасанидского Ирана создавало благоприятную обстановку для развития обширных торговых связей. Эти связи охватывали не только Среднюю Азию и страны, прилегавшие к Черному морю, но достигали бассейна средней Волги и Камы. В Прикамье найдено значительное количество предметов, происходящих из сасанидского Ирана. К их числу принадлежат кубки, чаши, тарелки и прочие предметы, являющиеся выдающимися произведениями сасанидского искусства. Ленинградский Эрмитаж обладает лучшей в мире коллекцией этих предметов, причем все они найдены на территории нашей страны.

После уничтожения Сасанидами Парфянского государства армянские цари Аршакиды в конце III в. превратили царскую власть в наследственную. Аршакидская династия в Армении просуществовала с 63 г. до 428 г. Этот период был временем вызревания феодальных отношений, превращения рабовладельческого государства в государство феодальное. Хотя процесс феодализации и не был завершен, но в IV в. мы уже встречаем многочисленные элементы феодальных отношений.

Высший слой феодальной знати составляли «нахарары», стоявшие во главе крупных областей (нахарарств). После того, как эти области перешли в их наследственное владение, нахарары стали еще более независимыми от царской власти, вассалами которой они являлись. В своих областях нахарары были вполне самостоятельными правителями. По имущественному положению нахарары делились на несколько категорий, причем высшую составляли нахарары, выводившие в поле более 10 000 конного войска. Крупные нахарарские фамилии, в руках которых находилась политическая и экономическая власть в Армении, окружали царя и занимали почетные должности в царском дворце. В качестве отличительного признака они носили белую повязку на голове, так называемый «патив».

Следующий слой феодальных землевладельцев составляли «азаты». Они были свободны от налогов, но несли обязательную военную службу в нахарарской коннице. Это были по средневеко-

вой европейской терминологии аррьер-вассалы, т. е. вассалы крупных сеньоров.

Феодальная земельная собственность существовала в двух видах: в виде полной феодальной собственности и в виде условного владения, феода («хостак»).

С развитием феодального хозяйства рабы превратились в крепостных людей и стали вести свое хозяйство на отдельных участках земли, обслуживая трудом и налогами хозяйство нахарара или азата. В положении крестьянской общины происходило дальнейшее ухудшение. Крестьяне, жившие на территории крупных и мелких владений, были обложены разными феодальными повинностями. Они несли барщину («кор») и поставляли продукты своего хозяйства в виде части урожая и приплода скота (натуральная рента). Кроме того, крестьяне делали приношения феодалам в разные религиозные праздники.

В конце III в. в Армению стало проникать христианство. Около 303 г. царь Тиридат IV принял христианство, которое стало государственной религией. Христианство усилило культурные связи Армении с Византией.

Феодальные отношения в Грузии стали складываться несколько позже, чем в Армении. Класс феодальных земельных собственников получил название «азнауров», которые подразделялись на «великих» (высшая феодальная знать) и «малых». В хозяйстве азнауров работали как посаженные на землю рабы, так и зависимые крестьяне — «глехи». С развитием феодального общественного порядка государственной религией стало христианство. В Восточной Грузии (Картли) царская семья приняла христианство еще во второй трети IV в. В Западной Грузии (Лазика) христианство утвердилось в начале VI в. Христианская церковь, укреплявшая феодальный порядок, стала проводником византийского политического и культурного влияния. Она способствовала распространению в Грузии греческой литературы и образованности.

Борьба между Римским государством (потом Византией) и сасанидским Ираном за армянские и грузинские земли длилась с небольшими перерывами вплоть до завоевания в VII в. арабами Закавказья.

В 428 г. царская власть в Армении была упразднена. Византии удалось удержаться в Западной Грузии, где в IV в. возникло находившееся под византийским протекторатом царство Лазика. Цари Восточной Грузии (Картли) стали вассалами Сасанидов. Царская власть в Картли была уничтожена в VI в., после чего страна была превращена в «наместничество». Посылавшийся Сасанидами наместник постоянно жил в Тифлисе. Так произошел раздел Закавказья между Византией и Сасанидским государством.

Основная тяжесть чужеземного владычества над народами Закавказья падала на крестьянство и неимущие слои городского населения, на которых, кроме того, лежали местные феодальные налоги и повинности. Крупные земельные собственники, хотя и

стремились сохранить власть в своих руках, но относительно легко вступали в соглашение с завоевателями.

Давление на Закавказье со стороны Сасанидов резко увеличилось с воцарением в Иране Иездегерда II (438—457). Византия в это время была занята борьбой с гуннами и поэтому не могла оказать противодействие Сасанидам на востоке. Значительно увеличенные налоги были не под силу разоренному населению. Заметно ухудшилось и положение нахарарской знати. При малейшем подозрении Сасаниды отбирали у нее земли и наследственные привилегии. Иездегерд II проводил резкую антихристианскую политику, так как видел в церкви проводника византийского влияния. Церковные земли были обложены тяжелыми налогами. У сасанидского царя даже возник план полного уничтожения христианства в его владениях. Все это подготовило широкую социальную базу для восстания, которому церковь постаралась придать религиозную форму, провозгласив борьбу за истинную религию (христианство) против культа магов.

Восстание, начавшееся в 451 г., сразу получило общенародный характер. «Все восстали до последнего, — пишет армянский историк Егише Вардапет, — не только мужчины мужественные, но и женщины, доблестные как мужья их, все собрались вооруженные шлемом, мечом за поясом и щитом в руке». К народному восстанию примкнуло большинство нахараров, в том числе очень влиятельный род Мамиконянов. Талантливый и храбрый полководец Вардан Мамиконян стал во главе восставших. Из Армении восстание перекинулось в Грузию и Албанию. Сначала армяно-грузино-албанское ополчение нанесло крупное поражение сасанидским войскам. После этой победы началось поголовное истребление персидских гарнизонов и служителей культа—магов. Однако персам удалось воспользоваться борьбой между нахарарами, боявшимися усиления друг друга, и изменой и разбить главные силы восставших. В сражении, которое Егише Вардапет называет «битвой храбрых с храбрыми», погиб и Вардан Мамиконян. Также неудачно кончилось второе крупное восстание в конце того же столетия (483—485).

После этих восстаний Сасаниды изменили свое отношение к нахарарской знати, стараясь привлечь ее на свою сторону.

Совместная борьба грузинского, армянского и албанского народов против господства Сасанидов показала, что среди населения не было тех противоречий, которые существовали между враждовавшей знатью. Народные массы совместно выступали против общих угнетателей. Поэтому пламя восстания, вспыхнувшее в одном месте, тотчас перекидывалось на другие земли, объединяя народную борьбу на широком пространстве. Народные восстания наносили большой урон иноземному владычеству. Они казались настолько грозными и для Византии и для сасанидского Ирана, что оба противника готовы были помириться перед лицом общей опасности. Византийский император Маврикий (582—602) предложил сасанидскому царю совместно уничтожить армянскую народность:

«Армяне народ ненадежный и непокорный, живет между нами и мутит. Давайте условимся, я соберу своих (армян) и пошлю во Фракию, а вы соберете своих (армян) и прикажете увести на восток. Если они там погибнут, то погибнут враги; а если их убьют, то убьют наших же врагов и мы будем жить в мире. Ведь до тех пор, пока они будут находиться в своей стране, нам невозможен покой».

Народные восстания в Закавказье в V—VI вв. против персидского господства ослабляли Сасанидское государство, которое не в состоянии было выдержать нового напряжения в борьбе с арабами.

Несмотря на крайне неблагоприятные условия в обстановке постоянных разорительных вторжений со стороны Персии и Византии народы Закавказья достигли крупных успехов в области культурного развития. Важнейшим моментом является создание письменности. До V в. армяне пользовались сирийским и греческим алфавитами, которые приспосабливали к своему языку. В начале V в. монах Маштоц (Месроп), происходивший из незакрепощенной крестьянской семьи, усовершенствовал армянский алфавит. В связи с этим в V—VI вв. появляется много переводных, а затем и оригинальных сочинений, в числе которых следует отметить обширные комментарии философского и богословского содержания. Значительным влиянием пользовались произведения Платона и Аристотеля. Недавно была найдена рукопись армянского перевода трактата Зенона «О природе», греческий оригинал которого утерян. Все это свидетельствует о существовании в Армении рассматриваемого периода сильной античной традиции.

Лучшим памятником армянского монументального зодчества этой эпохи является храм Звартноц («Бдящих сил»), оконченный постройкой в 660 г. (Развалины храма находятся около гор. Вагаршапата). Собор состоял из трех сходящихся кверху круглых ярусов, которые увенчивались широким куполом. Внутри стены были покрыты мозаикой.

Самым древним сохранившимся памятником грузинской письменности является надпись на болнисском храме, сделанная в 70-х годах V в. От VI в. до нас дошло несколько рукописей. Язык грузинских переводов, отличающийся большим словарным богатством, точностью и литературной отделкой, служит прекрасным свидетельством культурного развития Грузии, происходившего на почве старого античного наследия. Столетие, с середины VI в. до середины VII в. является очень важным периодом и в развитии грузинской архитектуры. Геометрическая четкость линий, строгая пропорция между отдельными частями, полное соответствие между формой и внутренним пространством, ясность замысла, цельность композиции, — все это говорит о большой зрелости искусства, представленного великолепными монументальными сооружениями. При этом грузинское зодчество вполне самобытно. Более

близкие аналогии мы найдем не в византийском или сасанидском искусстве, а в памятниках соседней Армении. Можно утверждать, что грузинские художники не только самостоятельно разрешали стоявшие перед ними задачи, но в ряде случаев разрешали их с большим совершенством, чем, например, византийские зодчие этого же времени.

Выдающимся памятником национального искусства является Мцхетский собор (Джвари), построенный между 590 и 605 гг. Он стоит на обрыве крутого утеса, прямо против города. Масса светлого камня точно растекается вниз от широкого полусферического купола, поставленного на шестигранное основание. В плане сооружение имеет форму равноконечного креста, наружные выступы которого заполнены четырехгранными пристройками. Через окна купольного перекрытия вливается свет, в потоках которого внутреннее пространство выступает в строгих и величественных очертаниях.

Другим крупнейшим памятником этой эпохи является храм в Цроми, построенный во второй четверти VII в. Верхняя часть его, к сожалению, разрушена.

Средняя Азия и Закавказье под властью арабского халифата. Завоевательные походы арабов в Иран, начавшиеся вскоре после образования халифата, закончились полным разгромом Сасанидского государства. В 651 г. арабы взяли Мерв, в окрестностях которого погиб последний представитель династии Сасанидов. Мервский оазис, являвшийся одной из самых богатых областей Ирана, стал базой для дальнейшего наступления арабов в область Закавказья и Средней Азии.

Земли за Аму-Дарьей арабы называли Мавераннахр, что в переводе означает: «находящиеся за рекой». Впоследствии этим именем стали называть страну, лежавшую между течением рек Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи. Походы арабов за Аму-Дарью в первый период носили грабительский характер. Завоеватели нападали на земледельческие оазисы и города и с обильной добычей возвращались обратно. После укрепления халифата в начале VIII в. арабы перешли к систематическому завоеванию Средней Азии.

Земледельческие оазисы Средней Азии были раздроблены на множество мелких и крупных владений. Центром крупного владения был замок дехкана (дехканами назывались тогда все землевладельцы, вне зависимости от размера владения; не путать этот термин с позднейшим его значением). Дехканы были почти независимыми, часто враждовали между собой и поэтому не могли оказать серьезного сопротивления завоевателям. Власть стоявших над ними местных династов была почти номинальной.

В 712 г. арабский полководец Кутейба захватил Самарканд. В середине VIII в. арабы прочно закрепились в Хорезме, Согдиане, Бухаре и других землях Средней Азии. С этого времени Мавераннахр вошел в состав халифата.

Наступление арабов в глубь Средней Азии столкнулось со встречным наступлением тюрков, а затем — китайцев. Встречи с китайцами окончились полной победой арабов, которые в 751 г. разбили большую китайскую армию, причем, по сообщению арабского историка, вероятно преувеличенному, в сражении было убито до 50 000 китайцев и до 20 000 было взято в плен. Эта победа имела большое значение для Средней Азии. Как замечает крупнейший ориенталист, академик Бартольд, этим решился вопрос, какой из двух культур, китайской или мусульманской, должно принадлежать господство в стране.

К эпохе арабского завоевания относится замечательная находка, сделанная в 1933 г. в развалинах древнего согдийского замка на вершине горы Муг, у р. Зеравшана. Остатки замка были случайно обнаружены местными жителями и исследованы экспедицией Академии наук СССР. Исследование развалин дало возможность восстановить картину жизни замка крупного дехкана VIII в. В его хозяйстве большое место занимало скотоводство. Наряду с ним существовала земледельческая культура, сеяли ячмень, просо, бобы. Повидимому, в окрестностях разводились сады и виноградники. Хорошо было развито текстильное производство, так как было найдено большое количество обрезков бумажных тканей разной окраски и выработки. Куски парчи и шелка свидетельствуют о связи местного хозяйства с рынком, о привозе товаров из Китая и Ирана. Большой интерес представляет изображение всадника на щите крупного согдийского владельца, возможно, хозяина замка. На всаднике одет длинный кафтан. К поясу с левой стороны подвешен двуручный прямой меч, с правой — кинжал. Всадник, кроме того, вооружен колчаном стрел и двумя луками.

Исключительное научное значение имеет находка остатков архива владельца замка. Всего найден 81 документ, материалом которых служили бумага, кожа и дерево. Из этого числа 2 документа арабских, 8 китайских, а остальные написаны на местном согдийском языке. Расшифровка документов, произведенная в результате тщательной работы, открывает нам новые страницы в истории Средней Азии и борьбы с арабским завоеванием. Владельцем замка оказался крупный согдийский дехкан Дивастич. В найденных документах он называет себя: «согдийский царь самаркандский господин Дивастич». Это имя известно арабским историкам. Дивастич восстал против арабов, но был ими разбит и взят в плен. Повидимому, в это время был разрушен и его замок на вершине горы Муг.

После занятия Мавераннахра во многих городах образовались поселения арабских воинов. Арабы заставляли жителей отдавать им нужное число домов с прилегающими к городу полями и выполнять различные работы в пользу местных арабских гарнизонов. Для укрепления власти халифата большое значение имело распространение ислама. Вначале арабы даже освобождали перешедших в ислам от платежа податей. Арабы охотно завязывали дружеские

связи с высшим слоем дехканов, которые сравнительно быстро примирились с арабской властью и старались использовать ее в своих интересах. В частности, арабы не тронули большинства местных династов, обратившихся в вассалов халифа (в Бухаре до конца IX в. существовала местная династия Бухар-худатов, в Хорезме—Хорезм-шахов и т. д.).

Военная колонизация арабов в Мавераннахре прокладывала пути, по которым двинулись в среднеазиатские города купцы, ремесленники, чиновники и ученые. Арабский язык стал государственным языком.

Арабская культура впитала в себя многообразное наследие древнего мира. На арабский язык были переведены сочинения греческих мыслителей (Платона, Аристотеля, Плотина и др.), географов, математиков, медиков. Из Индии арабы заимствовали хорошие математические познания, в том числе арифметику и алгебру. Быстрое расширение халифата обогатило арабских ученых сведениями по географии и этнографии современного им мира. В свою очередь арабы стали передатчиками этих знаний в завоеванных странах.

Большое значение имело также арабское влияние в области материальной культуры и искусства. Арабы создали геометрически стилизованный орнамент (цветы, растения, надписи), явившийся художественным образцом для всего мусульманского мира. Высокого совершенства он достиг в искусстве среднеазиатских народов (изразцы, резьба по мрамору и дереву, рисунки на коврах и тканях и т. д.).

Вся тяжесть эксплоатации арабами среднеазиатских земель ложилась на основную массу земледельческого населения Согдианы, Хорезма и других районов оседлого хозяйства. Самым тяжелым налогом был «харадж», представлявший собою натуральный поземельный налог, в размере одной трети и даже половины продуктов сельского хозяйства. Поэтому, в то время как правящие слои дехканства объединились с верхушкой арабов-завоевателей, эксплоатируемая масса населения продолжала борьбу и с местными крупными дехканами и с арабской властью. Часто эта борьба облекалась в формы религиозных сектантских движений, руководители которых убеждали народ в близости социальных перемен. Большим распространением среди беднейших слоев городского населения и крестьян пользовалось учение «маздакитов». Это движение возникло в Иране при Сасанидах. Основателем был Маздак, учивший, что победа бога добра над богом зла может быть достигнута путем уничтожения злого начала на земле, к которому относилось имущественное неравенство. Маздакиты не отрицали рабовладения, но требовали для свободных людей общности имущества и равного наделения жизненными благами, в том числе рабами и рабынями. Маздакитское движение зародилось в обществе, сохранявшем пережитки патриархально-рабовладельческих отношений, но уже находившемся в процессе развития феодального строя.

Учение маздакитов, распространившееся в Средней Азии и Закавказье, выражало социальный протест земледельческого населения против растущей феодальной эксплоатации.

Самое большое восстание вспыхнуло в 70-х годах VIII в. в долине Кашка-Дарьи (в Согдиане). Оно было связано с движением маздакитов. Во главе действовавших в районе Кашка-Дарьи крестьянских отрядов, «людей в белых рубашках», стоял талантливый народный вождь Хашим Ибн Хаким, по прозвищу «Муканна» (в переводе: «закрытый покрывалом»). Народ видел в нем воплощение божества, будто бы поднявшегося на борьбу с завоевателями-арабами и местной знатью. Жизнь Муканны до начала восстания мало известна. Существует известие, что в молодости он добывал себе пропитание стиркой белья. Муканна участвовал в восстании на стороне Аббасидов, но после прихода их к власти выступил против халифа. Муканна был схвачен и посажен в темницу в Багдаде, но бежал и вскоре появился в долине Кашка-Дарьи, где стал во главе поднимавшегося народного восстания. Восстание длилось около семи лет (776—783 гг.) и вызвало крайнее напряжение сил халифата. Несмотря на неудачу, оно способствовало ослаблению власти халифата над среднеазиатскими владениями, чем немедленно воспользовались местные династы.

К IX в. власть арабского халифата в Средней Азии фактически прекратилась, во второй половине IX в. выдвинулась династия Саманидов (от селения Саман в Балхе, откуда происходили основатели этой династии). Саманидам удалось создать сильное среднеазиатское государство, просуществовавшее около ста лет (с конца IX в. до конца X в.). В конце IX в. власть Саманидов распространилась на Иран. Столицей государства была Бухара.

В создании централизованного государства Саманиды главным образом опирались на торговое и ремесленное городское население, которому особенно была необходима защита сильной властью торговых центров и караванных путей, постоянно подвергавшихся нападению со стороны степных кочевников. Систему централизованного государственного управления Саманиды заимствовали у арабов. Управление страной было распределено между десятью центральными ведомствами — «диванами». Во главе государства стоял эмир. Его основной военной силой была гвардия, составленная из рабов, главным образом тюрков. Это еще больше усиливало власть эмира и делало его независимым от местной знати.

При Саманидах наступил значительный подъем экономической жизни Средней Азии, выразившийся в восстановлении сельского хозяйства, развитии ремесленного производства и распространении торговли. Объединение с Ираном содействовало усилению иранского культурного влияния, причем персидский язык, близкий к местному таджикскому языку, стал вытеснять арабский язык. Саманиды не жалели средств для украшения своей столицы, Бухары, и покровительствовали при своем дворе ученым, писателям и поэ-

там. В богатой библиотеке в Бухаре работал знаменитый ученый Ибн Сина (Авиценна).

Авиценна родился в 980 г. в маленьком поселке недалеко от Бухары. Еще мальчиком он обнаружил необычайные способности, в десять лет знал наизусть Коран, затем стал заниматься философией и медициной. Удачное лечение эмира дало ему возможность пользоваться богатейшей библиотекой Саманидов в Бухаре. После падения Саманидов Авиценна продолжал научные занятия сначала в Ургенче (Хорезм), а потом в Иране.

Популярность Авиценны была огромной. Тысячи больных, среди которых находились важные сановники, каждый день приходили к дому гениального врача и ученого.

После Авиценны осталось более сотни сочинений по медицине, физике, философии, математике, астрономии, ботанике, стихи на персидском и арабском языках и другие работы. Особенно большое значение имели труды Авиценны по медицине, среди которых находился знаменитый «Канон врачебной науки».

Работы Авиценны получили большое распространение в средневековой Европе. В начале XVI в. «Канон» был переведен на латинский язык и стал руководством во многих европейских университетах. Даже в XVII в. научный авторитет Авиценны стоял очень высоко. Творчество гениального Авиценны свыше шести столетий оставалось источником научного и культурного развития.

Под покровительством Саманидов великий иранский писатель Фирдовси приступил к созданию грандиозной поэмы «Шах-Намэ» («Книга царей»), в которой изложил историю иранского народа от мифической древности до VII в. Поэма написана на персидском языке, Фердовси работал над поэмой около 38 лет и закончил ее уже во время господства в Средней Азии тюрков сельджуков.

В Закавказье арабы появились в 40-х годах VII в. Как и в Средней Азии, вторжения больших арабских отрядов в Закавказье первоначально носили характер грабительских экспедиций. Арабы с большой поспешностью опустошали захваченные местности и уводили с собой десятки тысяч пленных. Ослабевшая к этому времени Византия, которой принадлежала власть над Арменией, была не в состоянии оказать серьезного сопротивления арабскому завоеванию. Раздробленность страны и вражда между нахарарами мешали армянам объединиться для защиты от врага.

Героем борьбы с арабами стал армянский военачальник (стратилат) Теодорос Руштуни. Во время второго похода арабов Теодоросу Руштуни удалось разбить большой отряд врагов и стать вождем народной борьбы с завоевателями. Тогда нахарары, опасавшиеся популярности Теодороса в народной массе, оклеветали его перед византийской властью. Теодорос в оковах был доставлен в Константинополь. Через несколько лет Теодорос был восстановлен в должности армянского стратилата, что дало ему возможность возобновить борьбу с арабами. Во время третьего нападе-

ния арабов на Армению он вновь уничтожил большой отряд врагов. В 654 г. арабское войско овладело всей Арменией «от одного конца до другого». Сопротивление народа было сломлено. Теодорос Руштуни, убедившийся в силе халифата и в вероломной политике Византии, пошел на соглашение с арабами с целью спасти страну от окончательного разгрома.

В борьбе за завоевание Албании (Азербайджана) главными соперниками арабов оказались не столько византийцы, сколько хазары, проникавшие в Албанию с севера, вдоль побережья Каспийского моря. Албанская знать даже пыталась найти у хазарского хакана помощь против арабских завоевателей. Это привело лишь к тому, что одно время Албания платила дань и хазарскому хакану, и арабскому халифу, и византийскому императору. Овладев Албанией, к началу VIII в. арабы укрепили горный проход у Дербента и устроили в нем пограничное военное поселение для отражения нападений с севера.

Восточная Грузия (Картли) была захвачена арабами почти одновременно с Арменией. Большинство крепостей и городов были разрушены. В Западной Грузии (Лазика) арабам пришлось столкнуться с более сильным сопротивлением Византии, не желавшей упускать из своих рук важного для экономических и политических интересов Византии юго-западного побережья Черного моря. Поэтому эта часть Грузии переходила из рук в руки.

Земли Закавказья под властью халифата составили отдельное наместничество. Присылавшийся халифом наместник (остикан) назначал из местной знати правителей Армении, Восточной Грузии и Албании. Умело пользуясь борьбой между крупнейшими феодалами, арабы не допускали их объединения. Так же, как и в других подвластных халифату странах, вся тяжесть налогов падала на крестьянство и беднейшие слои городского населения. Описывая состояние Армении в период арабского завоевания, историк Гевонд в сочинении «История халифов» дал яркие картины народного бедствия: «Вся земля наша подпала невыносимым бедствиям: серебро иссякло в Армении. Отдав последнее свое имущество, жители не находили средств для своего выкупа и для освобождения своей жизни от пыток, виселиц и горьких истязаний. Оттого многие убегали в пещеры и ущелья и скрывались; другие утопали в снегу и бросались в реки вследствие этих невыносимых бедствий, потому что не могли достать того, чего от них требовали. А тогда требовали с каждого подать серебром и, лишив всех собственности, сковали Армению оковами нищенства и бедности».

Через всю историю Закавказья времени арабского господства проходит цепь народных движений, то местных и ограниченных, то широкой волной разливавшихся на огромной территории. В восстаниях против арабов иногда принимала участие феодальная знать, имевшая собственное хорошо вооруженное войско и опиравшаяся

на укрепленные замки. Широкий общенародный характер носило восстание в Армении в 774—775 годах.

Еще большего размера и силы достигло восстание, начавшееся в Албании (Азербайджане) в 816 г. и продолжавшееся свыше 20 лет. Оно известно под названием восстания хуремитов (учение хуремитов, требовавших уничтожения социального неравенства, было близко к маздакизму). Хуремиты выступали против налогов, повинностей и порабощения крестьян. Движение зародилось среди крестьян горных районов южной Албании, откуда распространилось на всю Албанию, захватило часть Армении и перекинулось на северный Иран.

Вождем этого восстания стал Бабек. Рано лишившись отца, Бабек в детстве пас стада богатого скотовода, потом служил погонщиком верблюдов. Переходы с караваном позволили Бабеку хорошо изучить страну, узнать нужды и настроение населения. Одно время Бабек работал ремесленником в Тебризе. Городская беднота, подавленная налогами, ненавидевшая поработителей-арабов, оказала большое влияние на формирование взглядов Бабека. Еще 18-летним юношей Бабек стал участвовать в народной борьбе с арабами и вскоре стал вождем.

Основной движущей силой восстания было крестьянство. Однако восстание захватило разнообразные слои населения. Вначале в восстании приняла участие и значительная часть феодалов, пострадавших от арабской власти. Устраивая поселения военных колонистов, арабы отбирали у местных землевладельцев лучшие, плодородные земли. Восстание Бабека привело арабский халифат в состояние крайнего напряжения. Арабы бросали против восставших крупные силы. Но даже тогда, когда феодальная знать отошла от восстания, крестьяне долгое время героически продолжали начатую борьбу, опираясь на трудно доступные горные районы. В 837 г. Бабек был вероломно схвачен в одном из замков, хозяин которого выдал его арабам. По приказанию халифа Бабек был казнен.

Восстание Бабека, как и восстание Муканны, способствовало ослаблению власти халифата над среднеазиатскими и закавказскими владениями. Вместе с тем усиливалась власть местных крупных феодалов. В результате ослабления халифата в VIII—X вв. в Грузии, Албании (Азербайджане) и Армении образовались самостоятельные феодальные княжества.

На территории Восточной Грузии (Картли) к началу IX в. выделилось Кахетинское княжество. Во втором десятилетии IX в. в Кларжетии (область на нижнем течении р. Чороха) возникло отдельное княжество, основателем которого считался Ашот Багратион. По двум главным областям (Тао и Кларжетия) это княжество стало называться Тао-Кларжетским. В X—XI вв. оно стало центром объединения грузинских земель. В Западной Грузии в начале IX в. образовалось самостоятельное Абхазское царство со столицей в Кутаиси.

Албания (Азербайджан) делилась течением р. Куры на две части. В левобережной Албании самым крупным образованием было Ширванское княжество, владельцы которого носили титул ширван-шахов. В правобережной Албании возникло Ганджинское эмиратство (город Ганджа, ныне г. Кировабад) под властью Курдской династии.

В Армении среди крупных нахараров в VIII в. главную роль играл дом Багратидов. Ведя очень хитрую политику в отношении арабской власти, Багратидам удалось истребить и обессилить своих противников из числа армянских нахараров и захватить важнейшие области Армении. В 864 г. арабский наместник по приказу халифа назначил Ашота Багратуни правителем Армении с титулом «князя князей». В 886 г. Ашот был провозглашен царем. Однако потомкам Ашота I не удалось объединить Армению. Страна распалась на ряд феодальных княжеств, в которых утвердились различные линии рода Багратуни. Самым крупным из них в X в. было Анийское царство, столицей его стала крепость Ани (недалеко от г. Эрзерума), выгодно расположенная на скрещении международных торговых путей. В конце X в. и в начале XI в. Ани быстро застраивается и растет. История этого города раскрыта благодаря многолетним раскопкам развалин Ани, произведенным академиком Марром. На холме, спускавшемся крутым обрывом к реке, стоял царский замок, окруженный стеной с высокими башнями. У подножия крепости расположился торгово-ремесленный город, представлявший сложное переплетение узких переулков и уличек, с лавками и тесными мастерскими и с обширными караван-сараями для приезжих купцов. Со стороны незащищенной равнины город был обнесен двойным рядом высоких и крепких стен. Лучшие постройки были воздвигнуты на территории царского замка. Среди них выделяются двухэтажный дворец Багратидов и собор, построенный царем Гагиком I в подражание знаменитому храму «Звартноц» VII в. Во время раскопок была найдена статуя царя, держащего на руке небольшую модель храма.

Величайшим памятником армянского народного творчества является эпическая поэма, известная под названием «Сасунских богатырей» или по имени главного героя «Давида Сасунского». Своими истоками она уходит в глубокую древность, хронологическую давность которой мы не в состоянии определить.

Сложение и оформление основных частей эпоса произошло в IX—X вв. в обстановке ожесточенной борьбы армянского народа с арабами-завоевателями. Главным местом действия героев поэмы была трудно доступная территория высокогорного Сасуна. Родоначальник богатырей Санасар выстроил в этой стране неприступную крепость, ставшую оплотом борьбы против арабов. Центральное место в поэме занимает внук Санасара и сын Мгера Старшего Давид. В ожесточенном сражении Давид разбивает многочисленное араб-

ское войско и при этом отпускает пленных на свободу. Представителем последнего, четвертого, поколения богатырей был сын Давида Мгер Младший.

Подвиги храброго полководца VIII в. Теодороса Руштуни и жившего во второй половине IX в. Давида, сына Багарата Багратуни, а также многих других давали обильный материал для народного певца и поэта. Но народное творчество, вдохновлявшееся лучшими примерами борьбы с насилием чужеземных завоевателей, свободно развивалось на этой фактической основе. Поэма создала высоко идеализированные образы, воплотившие лучшие чаяния народа. Герои поэмы, обладавшие сверхестественной силой, мужеством, отвагой, честностью, борются за справедливость и правду во имя народного блага.

Поэма жила вместе с создавшим ее народом, переходя из поколения в поколение, покрываясь новыми наслоениями. Народ воплощал в эпосе свой вековой опыт, свой вековой протест против насилия и неумиравшие мечты о лучшей жизни. Никакое угнетение не могло подавить веру в грядущее счастье народа, выразителем которой в эпосе стал Мгер Младший. Измученный борьбой со злом и несправедливостью, но не покорившийся им, Мгер Младший рассекает дедовским мечом скалу и на дедовском чудесном коне, в дедовском вооружении уходит в образовавшуюся от могучего удара расщелину. Он останется там до того времени, пока не исчезнет мир насилия и зла.

«Пока этот мир полон зла,
Пока будет лжива земля, —
На свете мне не жить.
Когда разрушится мир и воздвигнется вновь,
Когда будет пшеница, как трецкий орех,
Когда шиповника ягода будет с ячмень, —
Тогда придет мой день;
Отсюда я выйду в тот день».

* * *

Таким образом, история нашей страны с древнейших времен до конца I тысячелетия н. э. охватывает длительный процесс развития населявших ее народов, которые от первобытно-общинного строя перешли сначала к рабовладельческому, а затем к феодальному строю.

Мы видели, что уже в конце II тысячелетия до н. э. народы Закавказья, а затем и народы Средней Азии и северного Причерноморья были связаны с народами восточной части Средиземноморского бассейна, являвшегося наиболее экономически развитой и культурной областью древнего рабовладельческого мира. В III—V вв. н. э. «варварские» племена Восточной Европы, наряду с

«варварами» Западной Европы участвовали в борьбе против рабовладельческого Рима и Византии.

Феодальное общество в нашей стране стало складываться одновременно с развитием феодального общества в странах Средиземноморского бассейна. Раньше всего феодальные общественные отношения сложились в Армении и Грузии. В исходе I тысячелетия н. э. процесс феодального развития захватил и народы Восточной Европы.

КИЕВСКОЕ ГОСУДАРСТВО

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН В VIII—IX вв. ОБРАЗОВАНИЕ ИМПЕРИИ РЮРИКОВИЧЕЙ

Киевское государство, объединившее восточных славян, явилось результатом их общественно-экономического развития. Изучение этого процесса позволяет нам вскрыть ошибочные концепции по вопросу о происхождении Киевского государства.

По мнению Ключевского, славяне, расселившиеся по Восточной Европе с северо-восточных склонов Карпат, стали жить в новых условиях разбросанными, одинокими, укрепленными дворами. Днепр со своими притоками втянул славян в торговое движение. С развитием торговли среди однодворок возникли мелкие сельские рынки. Они, в свою очередь, тянулись к более крупным торговым пунктам, возникавшим на особенно бойких торговых путях. Из этих крупных рынков выросли древнейшие торговые города, расположенные по греко-варяжскому пути. Они затем стали центрами «городовых областей», или «торговых округов». Ключевский отрицал за этими областями племенное происхождение.

По его мнению, образовавшиеся в Восточной Европе «городовые области» были первой политической формой в жизни восточнославянского населения. Затем варяжские князья с дружинами, осевшие в некоторых славянских городах, превратили соответствующие городовые области в «варяжские княжества». Соединение варяжских княжеств с сохранившими самостоятельность городовыми областями привело к возникновению Киевского княжества. Последнее подчинило себе соседние народы и «получило значение Русского государства». По мнению Ключевского, Киевское государство и в дальнейшем сохранило тот «военно-промышленный» характер, который оно имело при своем возникновении. Таким образом, Ключевский в истории образования Киевского государства выдвигал действие двух факторов: внешней торговли и прихода варягов. В силу этого его схема, построенная на действии и влиянии внешних условий, не объясняет внутренний процесс развития.

Антимарксистская концепция Покровского по вопросу о возникновении Киевского государства в значительной степени отразила влияние буржуазной исторической схемы Ключевского.

Вслед за Ключевским Покровский главную роль отводил торговле и развитию городов. Сочетанием войны и торговли он объясняет происхождение древнерусских городов, вытянувшихся по Днепровскому пути. Среди них Киев и Новгород были уже в IX в. «мировыми коммерческими центрами», а остальные города являлись «стоянками купцов-разбойников». Древняя Киевская Русь в целом представлялась Покровскому как Русь городовая, а деятельность князей — как «своеобразная форма первоначального накопления торгового капитала».

Таким образом, и концепция Ключевского и концепция Покровского исходят не из процесса внутреннего развития восточного славянства, не из развития производительных сил и сложения классового общества, а из внешних событий. Между тем в VII—IX вв. произошли важные явления в истории населения Восточноевропейской равнины. Изучение археологического материала раскрывает процесс разложения патриархального рода. В это же время происходит дальнейшее сближение местных культур, в результате которого складываются общие элементы в культуре восточнославянских племен. Перед нами открывается та картина расселения славян, которая достаточно детально была описана автором летописи «Повесть временных лет». Оба берега Днепра, недалеко от устья реки Десны, занимало племя полян. Северо-восточными соседями их были северяне, обитавшие в бассейнах рек Десны и Сейма. Далее, к северу находились радимичи, занимавшие в общем верхние притоки Днепра. Верховья Днепра и Западной Двины, а также отчасти и Волги населяли кривичи. Частью кривичей являлись полочане, жившие по реке Полоть, на Западной Двине. Область Ильменского озера была занята славянами (славяне без особого племенного названия). В верхнем течении реки Оки находилась территория вятичей. На правом берегу Днепра к северу от полян жили древляне, поселения которых доходили до течения реки Припяти. Между Припятью и Двиной, т. е. на территории собственно Полесья, простирались поселения дреговичей.

Западными соседями древлян были дулебы, или волыняне, занимавшие часть правых притоков верхнего течения Припяти и верховья Западного Буга. По среднему и нижнему течению Днестра, до морского побережья, жили уличи и тиверцы. Северо-восточные отроги Карпат населяли белые хорваты. Такова в общих чертах картина, нарисованная нашим древним летописцем.

Некоторые племенные названия находят объяснение в географических терминах. Так, название полян, повидимому, произошло от лесо-степного характера местности, занятой полянами, дреговичей — от названия болота (дрягва), древлян — от лесистого характера их территории. «Зане седоша в лесах», — говорит летописец про древлян. Название полочан соответствует названию реки, притока Западной Двины. Приведенные летописные данные позволяют сделать вывод, что к началу IX в. пле-

менные союзы славян уже разлагались и заменялись новыми территориальными объединениями, которые включали в свой состав различные части старых племенных союзов.

Этот вывод подтверждается данными, почерпнутыми из памятников материальной культуры. Общим явлением для славянского населения этого времени было превращение патриархально-родовых общин в территориальные соседские общины.

Основной отраслью хозяйства славян в VIII в. было земледелие. В настоящее время на основании археологических материалов выдвинуто предположение, что в IX—X вв. стал совершаться постепенный переход к пашенному земледелию, что было связано с появлением сохи с железным наконечником и с употреблением конской силы. Наряду с земледелием восточные славяне занимались скотоводством и различными промыслами: рыболовством, охотой, бортничеством и др.

В древней русской летописи содержатся ценнейшие указания на общественный строй славян, которые дополняют данные археологии. По словам летописца, славяне жили родами. Однако, как совершенно правильно установил академик Греков, летописец понимал термин «род» уже не в прежнем его значении, а нарисованная им картина далеко отходит от состояния родового быта. Летописец указывает на существование значительных отличий в быте разных славянских племен, среди которых он выделяет полян, как самое развитое племя. «Поляне бо своих отец обычай имут кроток и тих».

Указывая на брачные обычаи среди полян, летописец сообщает, что жених не ходит за невестой, но невесту приводят жениху, а на следующий день приносят ее приданое. Полянам противопоставляются более отсталые славянские племена: древляне, радимичи, вятичи и северяне. По словам летописца, они жили «скотски». Древляне похищали девиц у воды, т. е. у источника. Радимичи, вятичи и северяне сходились на игрища и здесь умыкали себе жен. Они имели по нескольку жен.

В летописном рассказе мы узнаем процесс развития брачных отношений в сторону образования моногамной семьи. Именно такая моногамная семья, повидимому, уже появлялась у полян. Как указывал Энгельс, моногамная семья основывается на господстве мужа с определенно выраженной целью рождения детей, происхождение которых от отца не подлежит сомнению. Бесспорность происхождения детей стала необходимой потому, что к детям, как к прямым наследникам, должно было переходить имущество отца. Таким образом, в основе развития моногамной семьи лежали определенные экономические условия: победа частной собственности над первобытно-общинной собственностью.

Территориальная община у славян носит в древних памятниках название «мир» и «вервь». Община (вервь) занимала вполне определенную территорию, повидимому, довольно зна-

чительного размера. Внутри она распадалась на ряд семейных хозяйств, каждое из которых обладало комплексом хозяйственных угодий. Часть территории общины находилась в общем пользовании. К ней прежде всего принадлежали луга, бортные леса, промысловые места, водоемы и пр. В связи с развитием индивидуального хозяйства выдел прежде всего коснулся пашенной земли. Распадение общины на отдельные хозяйства подтверждается археологическими обследованиями славянских поселений, относящихся к IX—X вв. Примером может служить поселение у с. Боршева на Дону, население которого, по определению археологов, состояло из нескольких сотен человек. На площади этого поселения обнаружены многочисленные группы жилых (землянки) и хозяйственных построек (кладовые, ямы-погреба для хранения зерна и других предметов, навесы для скота и пр.). Каждая группа представляла самостоятельный хозяйственный комплекс, принадлежавший одной семье.

Известны также и менее крупные поселения, укрепленные рвами и валами. Эти искусственные оборонительные сооружения дополняли естественную защиту, образованную возвышенным берегом реки или оврагом. Места подобных поселений известны под названием «городищ», т. е. остатков укрепленных поселений (городков). Огромное количество городков вытягивалось вдоль течения всех более или менее значительных рек Восточной Европы. Небольшой укрепленный городок служил административным и военным центром для расположенных вокруг него поселений, совокупность которых составляла древнерусскую «вервь».

Энгельс, первый давший научное объяснение древнерусской верви, сближал ее с древнегерманской «маркой», а также с аналогичными территориальными общинами западных и южных славян, которые в далматских законах были известны под тем же названием — верви.

Германская община — марка — занимала значительную по площади территорию, на которой были разбросаны отдельные поселения. «На том очень обширном участке земли, так называемой м а р к е, который предоставлен был вначале каждому отдельному селу, быстро размножавшееся население основывало новые поселения, «дочерние села», которые вместе с материнским селом на равных или несколько урезанных правах образовывали теперь единую общину — марку» *). У южных славян (сербов) территориальная община, объединявшая группу селений вокруг главного укрепленного села, называлась «жупой». Укрепленное поселение было одновременно и крепостью, и рынком, и местом народных собраний. В нем жил старейшина — жупан, являвшийся главою всей общины.

---

*) Ф. Энгельс. К истории древних германцев, стр. 114. Партиздат ЦК ВКП(б). 1938.

Наблюдения над организацией германской общины — марки и славянских территориальных общин позволяют яснее понять смысл кратких и недостаточно ясных указаний наших древних письменных источников о внутренней организации общины — верви. Выросшая из предшествующей ей патриархальной общины, вервь сохраняла более или менее значительные пережитки родового строя. Этим обстоятельством объясняются слова летописца, что «каждый жил своим родом». К числу родовых пережитков относится и обычай кровной мести родичей за убийство.

В «Русской Правде» мы встречаем ясные указания на имущественную диференциацию внутри общины — верви. Так, вервь не помогала в уплате штрафа за убийство тем из своих сочленов, которые не участвовали в образовании некоторого сбережения, из сумм которого вервь платила князю штраф («дикую виру»). Одна из статей наиболее древней части «Русской Правды» (ст. 12 краткой редакции) устанавливает, что нашедший «в своем миру» украденную у него лошадь, оружие или одежду берет украденное обратно и получает денежный штраф «за обиду». Как правильно отметил недавно академик Греков, эта статья имеет в виду жившего на территории общины воина, обладавшего конем и оружием. В более поздней редакции статья подверглась характерному изменению: потерпевший ищет украденную вещь уже не в своем «миру», а в своем «городе», предварительно объявив о пропаже «на торгу». Город в данном случае — административно-хозяйственный центр общины — верви.

Древняя летопись упоминает «старцев градских». Их общественную роль можно сравнить с югославянскими «жупанами», стоявшими во главе общины — жупы. Подобно тому как жупаны в дальнейшем превратились в крупных землевладельцев-панов (слово «пан» есть сокращенное название «жупана»), восточнославянские «старцы градские» превратились в господствующий слой общества, хотя и не сохранили за собой старого названия.

Состояние религиозных верований у восточных славян соответствовало их общественному развитию. В религиозном культе главное место занимали обожествленные явления природы. Солнце чтилось под именем Хорса или Даждьбога. Повидимому, одинаковым почитанием пользовался Перун, бог молнии и грома. С образом Перуна было связано представление о грозовой туче, которая оплодотворяет землю дождем. Перун был не только благодетельным, но и грозным богом. Он, повидимому, был и богом войны. Ветер почитался под именем Стрибога. Славяне поклонялись, кроме того, огню, воде (озерам и родникам) и деревьям. Религиозный культ был связан с сельскохозяйственными работами. Покровителем и охранителем стад был «скотий бог» Велес (Волос). Огонь считался сыном Сварога (солнца) — «сварожичем». Огню обычно поклонялись у овина.

Повидимому, этот обряд был связан с выпечкой хлеба и получением припека. В воде чтилась ее жизненная сила, необходимая для урожая. Земные источники воды соединялись в представлении с дождевой водой. Поэтому при засухе приносились жертвоприношения (бросали в воду куриц и петухов), чтобы вызвать плодоносный дождь. Такой же характер носило поклонение священным деревьям и рощам.

Дальнейшее развитие религиозных верований приводило к персонификации обожествляемых явлений и наделению их человеческими чертами. Так, нам известно, что у славян были изображения божеств в виде людей — идолы. В воде поселился «водяной», любивший избирать своим местом глубокий омут у мельниц. Зимою водяной спал, просыпаясь после весеннего вскрытия рек. Тогда, чтобы его успокоить и задобрить, в воде топили лошадь. В воде жили умершие, обратившиеся в русалок. Лес стал местопребыванием «лешего», который мог обращаться в любого зверя, то ржал, как лошадь, то подражал лаянью собак, то кричал, как ребенок. Он любил обманывать путника, сбивал его с дороги. Леший также требовал жертв. Часть религиозных верований переплелась с родовым культом умерших предков. Предок считался покровителем живущих членов рода. Его звали «родом» и «щуром» (отсюда происходит слово «пращур»). Предков по женской линии называли «роженицами». Развитие отдельной семьи привело к появлению семейных, домовых покровителей — «дедушки-домового». В нем воплощался идеал хорошего хозяина, следящего за тем, чтобы в доме был полный достаток. Когда семья переселялась в новое жилище, из старой печи в новую печь переносились горящие угли со словами: «Милости просим, дедушка, на новое жилье».

Религиозные верования славян отражали чувство бессилия и беспомощности перед явлениями природы, с которыми человек не в силах был бороться, но старался их умилостивить жертвой или заклинанием.

В период образования территориальных общин происходит распад и старых родо-племенных союзов, державшихся на власти народного собрания и выборных племенных старшин и вождей. Их заменяют новые формы политических объединений, характерным признаком которых становится отделившаяся в противовес роду и племени власть вождя — князя. Князь превращает свою власть в наследственную и кладет основание династии. Он опирается на силу военной дружины. Энгельс называет этот период развитием «военной демократии», в котором уже закладываются элементы государственного порядка, как результат процесса классообразования.

Процесс образования «варварских» государств охватил в VIII—X вв. весь обширный мир западного, южного и восточного славянства. В первой половине IX в. образовался моравский союз племен (р. Морава — левый приток Дуная), среди которых

действовали присланные из Византии проповедники христианства Кирилл и Мефодий. В конце IX в. в верховьях Эльбы (славянская Лаба) и ее притоков стало складываться Чешское государство. В середине X в. в бассейне Вислы и Варты возник союз племен, ставший ядром Польского государства. Несколько раньше, в VIII—IX вв., произошло политическое объединение славян на Дунае, положившее основу Болгарскому государству.

Торговые дороги в Восточной Европе, особенно Ильменско-Днепровский путь, втягивали славянские племена в общую жизнь и связь с соседними народами. Это неизбежно ускоряло процесс их общественного развития и политического объединения. Восточная Европа примерно с VIII в. была прорезана двумя большими водными путями, соединявшими Балтийский бассейн с Прикаспийскими странами и Черным морем.

Древнейшим водным путем в Восточной Европе был волжский путь, соединявший через систему балтийских рек и верховьев Волги балтийское побережье с Каспийским морем. Этот путь особенно интенсивно действовал в VIII—IX столетиях, на что указывают многочисленные находки кладов арабских монет вдоль всего направления этой дороги. Несколько позже стал действовать путь, связывавший Балтийское море с Черным и открывавший от устьев Днепра дальнейшую дорогу вдоль западного морского побережья к богатым городам Византии, в том числе к Царьграду (Константинополю). Этот путь известен древнему летописцу под названием «Великого пути из варяг в греки».

В конце VIII в. для поездок из Балтийского моря пользовались течением реки Западной Двины, которая своими верховьями близко подходит к верховьям Днепра. В первой половине IX столетия стали пользоваться другим направлением в северной части этого пути. Он проходил через Финский залив, остров Котлин, Неву, Ладожское озеро, Волхов. В 12 км. от истоков Волхова (из Ладожского озера) находился город Старая Ладога. Этот город часто упоминается в исландских сагах. Здесь путешественники готовились к трудному переходу через волховские пороги. Дальше они следовали по р. Волхов. Недалеко от Ильменского озера на Волхове появился город Новгород. Переплыв Ильменское озеро, входили в реку Ловать, от верховьев которой начинались волоки на Волгу и Днепр. В самом начале Днепровского пути стоял древний город Смоленск. Остатки его в виде городища расположены в 12 км. от современного Смоленска. Раскопки обнаружили здесь старое славянское поселение, восходящее к началу IX в. От Смоленска дальнейшая дорога шла по течению Днепра через Любеч, Киев, пороги и устье Днепра. Следы существования княжеств у восточных славян в VIII — IX вв. (до образования Киевского государства) сохранились в древнейших летописях, в легендах о построении Киева и его древнейшей истории. Летописцы сообщают, что братья Кий,

Щек и Хорив стали родоначальниками династии, правившей у полян. Если сам рассказ носит легендарный характер, то все же в основе легенды лежит представление о существовании какой-то местной княжеской династии у полян, что вряд ли летописец мог выдумать. Подобные же династии существовали, по словам летописца, и среди других славянских племен: «И по сих братьи держати почаще род их княженье в полях, в деревлях свое, а дреговичи свое, а словени свое в Новегороде, а другое на Полоте, иже полочане».

Изучение общественно-экономического развития славянского населения Восточной Европы приводит к выводу, что появление государственных образований среди восточных славян было результатом внутреннего процесса, результатом разложения первобытно-общинного строя. Этим было подготовлено политическое объединение восточных славян.

Сложившиеся к началу IX в. славянские княжества являлись уже не чисто племенными, а территориально-племенными объединениями славян. Этим был подготовлен путь для создания более обширных объединений в рамках Киевского государства.

Единственным источником по вопросу о начале Киевского княжества является наша древнейшая летопись, сохранившая легендарный рассказ о появлении в славянских городах варяжских князей, положивших начало киевской княжеской династии. По летописным известиям, в середине IX в. южные славянские племена — поляне, северяне и вятичи — попали в зависимость от хазар и платили им дань. В это же время северные славянские и неславянские племена — славяне, жившие около Ильменского озера, кривичи, чудь и меря, принуждены были платить дань варягам, приходившим из-за моря. Затем покоренные варягами племена прогнали их и стали самостоятельными. Однако у них началась усобица. Тогда будто бы они сказали: «Поищем собе князя, иже бы володел нами и судил по праву». Посланные за море обратились к варягам Руси с предложением притти и княжить в славянской земле. На этот призыв откликнулись три брата — Рюрик, Синеус и Трувор, собравшиеся со своими родами. Старший — Рюрик сел в Ладоге (по другим известиям — в Новгороде), Синеус — в Белоозере, а Трувор — в Изборске. Вскоре Синеус и Трувор умерли, и власть перешла в руки одного Рюрика, который посадил по городам своих мужей. После смерти Рюрика княжение перешло к его малолетнему сыну Игорю, а опекуном его стал Олег, принадлежавший к роду Рюрика. Олег со многими воинами пошел к Киеву, где уже обосновались два предводителя варяжских дружин, еще ранее отпущенные Рюриком, — Аскольд и Дир. Олег вызвал Аскольда и Дира и убил их со словами: «Вы неста князя, ни рода княжа, но аз есть роду княжа». С этого времени Олег обосновался в Киеве. От Игоря пошла династия киевских князей Рюрикова рода.

В исторической литературе XVIII и первой половины XIX вв.

этот летописный рассказ об образовании Киевского государства принимался без критической проверки. Спор между историками велся главным образом по вопросу о том, были ли варяги скандинавами или принадлежали к другим народам, в частности к славянам. Но историки не сомневались в правдивости основных событий, переданных летописным рассказом о призвании варягов.

Изучение русских летописей, очень подвинувшееся еще в конце XIX столетия в результате работ Бестужева-Рюмина и Шахматова, позволило произвести критическую переоценку летописного рассказа о призвании варягов. Было установлено, что этот рассказ получил литературное оформление в конце XI в., когда составлялась Начальная летопись. Таким образом, он отстоит по времени от излагаемых событий больше чем на два столетия. У летописца едва ли были точные документальные данные о начале киевской княжеской династии и об образовании Киевского княжества. Летописец мог использовать народную легенду, которая успела за два века приобрести форму, весьма далекую от действительных событий. Академик Шахматов показал, что рассказ летописца о призвании варягов не является однородным. В него вошло как древнее киевское предание, связанное с историей самого Киева, так и легенда о первых князьях-варягах, сложившаяся в Новгороде или на территории ильменских славян.

Таким образом, если в летописном рассказе не принимать во внимание легенды и отвлечься от политических задач летописца, писавшего для киевских князей в XI в., то от всего рассказа останется весьма небольшое содержание: факт то боевых, то мирных отношений с варяжскими дружинами, приходившими из-за моря. Повидимому, в народной памяти твердо держалось воспоминание о длительной борьбе с хазарами и с варягами. Целый ряд славянских городов оказался связанным в этих воспоминаниях с теми или другими именами варяжских воителей.

Среди варяжских «находников» (пришельцев) могли быть и простые искатели приключений, грабившие славянские города и уходившие с награбленным за море, могли быть и наемные варяжские дружины, служившие населению охраной от нападения своих же соплеменников.

С этой стороны история отношений между Восточной Европой и Скандинавией не представляет чего-либо отличного от тех событий, которые в IX—X вв. охватили морское побережье Западной Европы, от Дании до Италии.

Усиленные походы норманнов из Скандинавии в разные страны Европы стали происходить с середины IX в. Одной из причин этого было усиление королевской власти в Норвегии, сопровождавшееся борьбой с местными племенными князьками. Последние набирали дружины воинов и уходили с ними за море. В 860 г. норвежцы открыли Исландию, к 862 г. относятся их набеги на саксов, в X в. норманны вызывают тревогу среди на-

селения Северной Франции. Они поднимаются по рекам, углубляются внутрь страны и предают ее селения и жителей грабежу, мечу и огню. В это время в церквах даже пели особую молитву: «Избави нас, господи, от ярости норманнов». В самом начале X в. на севере Франции возникло Норманнское герцогство. В IX в. норманны появились в Сицилии и в Южной Италии.

Таким образом, нападения скандинавских дружин на Восточную Европу были лишь одним из эпизодов норманнских завоеваний. В Восточной Европе скандинавы пользовались водными путями, выводившими их, с одной стороны, в прикаспийские страны, а с другой — в бассейн Черного моря. На всем протяжении Великого днепровского пути «Из варяг в греки», получившего в скандинавских источниках название «Восточной дороги», встречаются отдельные находки оружия, предметов быта, надписи на камнях на древнем шведском языке и пр. Недавно, при постройке Днепрогеса, было найдено 6 западноевропейских мечей.

Древняя летопись называет варягов, появившихся в Новгороде и других городах, термином «русь». В исторической литературе XIX столетия происходил ожесточенный спор по вопросу о том, были ли варяги-русь скандинавами или принадлежали к славянам. Не только археологические памятники скандинавского происхождения, но и ряд письменных источников свидетельствуют о том, что летописец был прав, выводя варягов-русь из Скандинавии. Византийский император Константин Багрянородный отличает руссов, приезжавших в лодках в Константинополь, от славян. Он рассказывает, что славяне выдалбливали лодки и весной, когда вскрывались реки, по Днепру сплавляли их в Киев, где оснащали и продавали руссам. Описывая переезд через Днепровские пороги, Константин Багрянородный сообщает названия порогов по-славянски и по-русски, при чем русские термины находят в древнем шведском языке.

В западноевропейской Бертинской летописи есть рассказ, как в 839 г. византийский император Феофил послал к Людовику Благочестивому посольство, «вместе с ним отправил людей, которые себя, т. е. свой народ, называли русью и которых отправил к нему, Феофилу, их царь по прозвищу хакан, ради, как они уверяли, дружбы. Тщательно разузнав причину их прибытия, император пришел к заключению, что они родом шведы и что они скорее лазутчики обоих государств, чем искатели дружбы».

Лингвистическое изучение термина «русь» также связывает его происхождение с названием шведов у прибалтийских народов — руотси.

Таким образом, можно считать, что летописец был прав, называя выходцев из Скандинавии варягами-русью. Однако в северном Причерноморье, т. е. на юге Восточной Европы, суще-

ствовало местное название рось, которое не могло быть скандинавского происхождения. Академик Марр пришел к выводу, что корень «рось» принадлежит к яфетической системе и входит во многие местные географические названия Причерноморского бассейна (р. Рось, народ роксаланы и др.). В византийских источниках мы находим указания на появление в Крыму и на южном побережье Черного моря народа роси или руси в самом начале IX в., т. е. раньше, чем сложилось Киевское княжество с Рюриковой династией.

Все это приводит нас к следующему выводу: славянскому населению Приднепровья и Причерноморья хорошо известен был термин «рос», являвшийся, повидимому, каким-то славянским племенным названием. Независимо от него на севере появилось название «русь» для скандинавских выходцев. После того как в Киеве основалась Рюрикова династия и образовалось Киевское княжество, оба термина соединились. Вначале русью называлась княжеская дружина, а затем этот термин был распространен на все киевское население и стал самоназванием для восточного славянства. В «Хронологических выписках» Маркс говорит: «...скандинавские искатели приключений — в а р я г и [следовательно, еще при М и х а и л е III] покорили страну, лежащую между З а п а д н о й Д в и н о й, О к о й и Б е л ы м м о р е м; объединившись со с л а в я н с к и м и прочим населением, они образовали народ р у с с о в» *).

Сущность «норманской проблемы» заключается отнюдь не в вопросе об этническом составе варягов (вряд ли теперь можно сомневаться, что они были выходцами из Скандинавии), а в их историческом значении в процессе складывания Киевского государства. Не отрицая исторического факта появления варяжских дружин среди восточнославянских племен, мы должны решить вопрос, какое влияние они оказали на общественно-экономическую жизнь славянского населения, принесли ли они ему более высокую культуру или сами подчинились славянскому влиянию.

По вопросу о роли завоевателей Маркс в работе «К критике политической экономии» говорит о возможности троякого исхода завоевания. Во-первых, народ-победитель может навязать побежденным свой собственный способ производства. Во-вторых, победители оставляют старый способ производства и довольствуются данью. Наконец, в-третьих, может иметь место взаимодействие, в результате которого слагается новое — синтез. Навязать побежденным свой способ производства может победитель, стоящий на более высокой ступени общественно-экономического развития, чем побежденный. По отношению к скандинавским вы-

*) Архив Маркса и Энгельса, т. V, стр. 42. Госполитиздат. 1938.

ходцам IX—X вв. этого утверждать никак нельзя. Осаживаясь в славянских городах, они не только подчинялись местной культуре, но очень скоро утрачивали свою народную обособленность.

Образование Киевского государства было результатом не варяжских завоеваний, а общественно-экономического и политического развития самого славянского населения. Варяжские князья лишь ускорили процесс политического объединения восточно-славянских племен и положили начало особой династии киевских князей.

Уже в IX в. наметилось два возможных центра объединения — Новгород и Киев. Однако экономические и политические преимущества оказались на стороне последнего. Киев был главным городом самого развитого племени среди восточных славян — полян. Он являлся старым и важнейшим центром экономических связей, создавшихся в результате общения западных и восточных стран. Наконец, от Киева открывалась дорога в Византию. «Такая же волшебная сила, которая привлекала других северных варваров к Риму Запада, — говорит Маркс, — привлекала варягов к Риму Востока» (Секретная дипломатия XVIII в.).

Вследствие отсутствия необходимых данных мы не можем решить вопрос, был ли Рюрик легендарным или историческим лицом. Олег — первое достоверное имя киевского князя. По летописи, он захватил Киев и убил княживших в нем Аскольда и Дира, которые не принадлежали к роду Рюрика. Олег известен не только по русским летописям, но и византийским и хазарским источникам. Его имя стоит в договоре Руси с греками 911 г. Обосновавшись в Киеве, Олег стал собирать дань с полян, древлян, северян и радимичей. Несколько позже он подчинил себе кривичей, живших в верховьях Западной Двины, и славян — в районе Ильменского озера. Быстрый успех Олега в расширении подвластной ему территории был подготовлен предшествующими результатами в объединении мелких славянских племен. После окончательного овладения днепровским путем киевские князья перешли к подчинению населения, жившего в стороне от Ильменско-Днепровского пути. Раньше других были подчинены племена, занимавшие низовья Днепра, что, повидимому, связано со значением этой местности для сообщения с Черным морем.

Так слагалась огромная территория империи Рюриковичей, которая, по замечанию Маркса, непрерывно возрастала с IX по XI вв. Однако политический союз славянских племен под властью киевского князя был непрочным. Ближайшим преемникам Олега не раз приходилось подавлять восстания, вызванные тяжестью дани, и вновь покорять отложившиеся племена.

Киевское государство с начала своего существования вошло в сложную международную обстановку и стало одним из важнейших факторов международной жизни этого времени. Узел южноевропейских международных отношений лежал в Черноморском бассейне. Византийская империя познакомилась со славян-

ской державой на Днепре в результате грозных боевых столкновений. Самый факт образования Киевского государства был, по-видимому, возвещен походом на Царьград в 860 г. В Киевской летописи он неверно связывается с Аскольдом и Диром. Этот поход точно описан в византийских источниках. Он произошел 18 июня 860 г. во время отсутствия императора Михаила III, который отправился с войсками в Малую Азию против арабов. Константинопольский патриарх Фотий объяснил неожиданное бедствие, обрушившееся на византийскую столицу, как кару божию за грехи и непослушание. В своих посланиях (беседах) по этому поводу он дал картинное описание страшного набега.

По словам русской летописи, в 907 г. Олегом было произведено новое нападение на Константинополь с 2 тыс. кораблей, каждый из которых имел 40 воинов. Впрочем, это известие стоит одиноко в Киевской летописи, не отличающейся точностью по отношению к событиям IX — начала X вв. Легендарный характер этого похода отразился в рассказе летописи: будто Олег поставил корабли на колеса, ветер будто бы надул паруса и погнал корабли по суше к городу. Византийские источники знают нападение Игоря в 941 г., когда русь подплыла к столице на 10 тыс. кораблях. Корабли руси были сожжены искусственным огнем. Уцелевшие от гибели отплыли к берегам Анатолии, но на суше были разбиты полководцем Вардой Фокой. Однако, по словам византийских источников, русь натворила много бед прежде чем подоспели греческие войска. В 944 г. Игорь стал готовиться к новому походу, но не осуществив его, заключил мир.

Важнейшим источником для истории русско-византийских отношений являются дошедшие до нас в переводе с греческого договоры киевских князей с Византией. Из них известно всего три: договор Олега 907—911 гг., договор Игоря 945 г. и договор Святослава 971 г. (Существует предположение, что договор 907 г. не является самостоятельным, а представляет собой фрагмент договора 911 г.). В договорах отразилось большое впечатление от нападений Руси на Византию. Византийские власти при заключении договоров старались обезопасить свои владения. По отношению к приходящим руссам у них существует постоянное опасение, как бы мирная торговля не превратилась в войну. Однако эти же договоры показывают, что отношения между Византией и Киевским княжеством уже в начале X в. носили не только враждебный характер. Руссы, приезжая с товарами, останавливались в предместьях Царьграда. Греки переписывали приезжавших и затем пускали их в сопровождении императорских чиновников в город, одновременно числом не больше пятидесяти.

Договор 911 г. был заключен, несомненно, после удачного похода Руси на Константинополь. Другое впечатление оставляет договор 945 г. В нем явно преобладали византийские интересы.

Византия прекратила беспошлинную торговлю русских купцов. Греки стремятся обезопасить свои крымские владения. Они запрещают руссам оставаться в устье Днепра. Оговаривается военная помощь в случае нападения соседей на Византийское государство. Так постепенно Русь втягивалась в сложную систему международных отношений Причерноморского бассейна.

Почти одновременно с походами против Византии производились походы Руси на восток, в область нижней Волги и прикаспийских стран. Арабский писатель Масуди сообщает о большом походе в начале второго десятилетия X в. (913—914 гг.). По его словам, руссы вышли от Днепра, достигли Керченского пролива и через Азовское море вошли в Дон, откуда волоком перебрались на Волгу. Затем они выплыли в Каспийское море. Южные и юго-западные берега Каспийского моря были подвергнуты жестокому опустошению. Когда руссы возвращались обратно, им нанесли поражение войска хазарского кагана.

О втором походе русского князя в Хазарию сообщается в письме знатного хазарского еврея. Он сообщает имя царя руссов Хальгу, под которым, повидимому, разумеет Олега, хотя этот поход хронологически не совпадает с возможным временем княжения Олега. По словам хазарского еврея, руссам сначала удалось захватить хазарский город, но затем они потерпели поражение. По условиям мира князь руссов должен был предпринять поход против Византии: «и пали там богатыри его, потому что македоняне осилили его огнем». Повидимому, имеется в виду неудачный поход киевского князя против Византии в 941 году.

По арабским и армянским источникам руссы предприняли большой поход в Закавказье в 943—944 гг. «Народ этот могущественный, — говорит арабский историк, — телосложение у них крупное, мужество большое, не знают они бегства, не убегает ни один из них, пока не убьет или не будет убит». Руссы достигли р. Куры и, вторгнувшись в Азербайджан, напали на город Бердаа (Партив). Овладев городом после «сокрушающей атаки», руссы перебили большую часть жителей и захватили огромные богатства. Несколько раз они разбивали под городом мусульманские войска. Затем большинство руссов, осажденных в городе, погибло от эпидемии. Оставшимся все же удалось пробиться к реке и уйти на судах. Этот поход был одним из самых значительных походов, предпринимавшихся Русью в прикаспийские страны.

Процесс объединения славянских племен под властью киевских князей в основном был закончен при Святославе. В начале своего княжения Святослав предпринял поход на Оку и Волгу с целью подчинить самое восточное славянское племя — вятичей. Этот поход втянул Святослава в борьбу с хазарами, которым вятичи платили дань, и камскими болгарами. Святослав на-

нес хазарам удар такой сокрушительной силы, что Хазарское государство не смогло больше оправиться. Обеспечив восточную границу, Святослав устремился на юг, куда его звали интересы, связанные с болгарскими и византийскими отношениями.

В X в. быстрый рост Болгарского государства на Дунае стал опасен для самой Византии. Болгарский царь Симеон назвал себя «царем болгар и самодержцем ромеев», указывая этим на свои притязания на византийскую императорскую власть. Когда Византия заметно усилилась, ее император Никифор II Фока разработал план покорения Болгарии и хотел использовать для этой цели силы киевского князя Святослава. Призванный Никифором на юг, Святослав разорил болгарские земли по Дунаю и захватил город Переяславец. Однако чрезмерные успехи русских встревожили Византию, тем более, что Святослав не выражал желания покинуть захваченные им земли. Наоборот, он, повидимому, пытался создать себе особое Придунайское княжество со столицей в Переяславце. Между тем в его отсутствие, по словам летописца, в 968 г. печенеги напали на Киев. Тогда киевляне послали звать Святослава, передав ему следующий упрек: «Ты, княже, чюжея земли ищеши и блюдеши, а своея ся охабив. Малы бо нас не взяша печенези».

Печенеги появились в причерноморских степях после того, как ослабевшее Хазарское государство на Волге не в силах было сдерживать прорыв кочевников из прикаспийских и среднеазиатских степей. В начале IX в. печенеги кочевали в области между рр. Яиком и Волгой. Затем, повидимому, под давлением родственного им тюркского племени узов (торков) печенеги передвинулись в район между Доном и Днепром. Первое упоминание о печенегах в киевских летописях относится к 915 г. По словам летописи, они в этом году заключили мир с Игорем и подходили к Дунаю. Вскоре Игорю пришлось опять воевать с печенегами. Особенно упорная борьба с печенегами развернулась с 60-х годов X в. Весьма возможно, что нападение печенегов на Киев произошло не без влияния Византии, которая стремилась отвлечь печенегов от своих крымских владений и вместе с тем заставить Святослава уйти с Дуная.

Святослав вместе с дружиной быстро пришел к Киеву, освободил его от осады печенегов, но не остался жить в Киеве: «Не любо мне в Киеве, — сказал он, — хочу жить в Переяславце на Дунае, потому что там середина моей земли. Там все хорошее сходится: из Греции поступают золото, шелк, вина и фрукты, из Чехии и из Венгрии — серебро и лошади, из Руси же — меха, воск и челядь».

Уходя вторично в Болгарию, Святослав сделал распоряжение относительно Киевской державы. Старшего сына Ярополка он посадил в Киеве, второго — Олега — в земле древлян, в Новгород по просьбе новгородцев, искавших себе князя, отправил младшего — Владимира.

После возвращения Святослава обратно в Болгарию ему пришлось вести войну не только с болгарским князем, которого он разбил и взял в плен, но и с выдающимся полководцем, византийским императором, армянином по происхождению, Иоанном Цимисхием. После упорной борьбы с Византией и трехмесячной осады византийцами русских войск в Доростоле (Силистрия) Святослав принужден был в 971 г. заключить невыгодный мир. Во время возвращения в Киев Святослав был убит печенегами около Днепровских порогов.

Боевая деятельность Святослава, развернувшаяся на огромном пространстве от Волги до Дуная, наполненная военными тревогами и внезапными походами, нашла отражение в народном образе этого князя, сохраненном киевским летописцем. По его словам, Святослав, создавший храбрую и крепкую дружину, вместе с ней разделял лишения и неудобства боевой жизни. Он ходил налегке — «аки пардус» (барс), не имел даже котла, мясо не варил, а, тонко изрезав конину или другое мясо, подпекал его на углях. Князь не возил за собой шатра, а спал на земле, подложив седло под голову. Такими же, говорит летописец, были и все его воины. Отправляясь в поход, Святослав предупреждал об этом врага: «хочу на вы (вас) идти».

У нас есть и другая возможность представить жизненный облик Святослава, данный современником и свидетелем борьбы Святослава с Византией — греком Львом Диаконом. После заключения мира Святослав просил императора Иоанна Цимисхия встретиться с ним для личных переговоров. Император согласился и в позлащенном вооружении, на коне, в сопровождении блестящей свиты подъехал к берегу Дуная. Святослав прибыл на лодке, в которой сидел за веслом и греб наравне с другими. Лев Диакон описал его наружный вид: среднего роста, не слишком высок, не слишком мал, с густыми бровями, с голубыми глазами, с плоским носом, с бритою бородою и с длинными усами, которые свешивались с верхней губы. На бритой голове с одной стороны висел локон волос, что, по словам Льва Диакона, означало знатность рода. В одном ухе висела золотая серьга с двумя жемчужинами и рубином. Святослав имел толстую шею, широкие плечи, но довольно стройную фигуру. Одежда на князе была белая, ничем кроме чистоты не отличавшаяся от одежд других. Святослав, по словам грека, казался мрачным и диким. Поговорив с императором о мире, не поднимаясь во время этого разговора с лодочной скамьи, Святослав отправился обратно.

Походами Святослава кончаются завоевательные устремления первых киевских князей к югу. Преемник Святослава отказался от надежд, связанных с устройством империи на Дунае. С этого времени Киев окончательно становится политическим центром восточнославянского государства, которое мы по имени столицы называем Киевским государством.

По вопросу о характере общественного строя Киевского княжества, с момента его возникновения в IX в. до середины XI в., мы имеем случайные и скудные сообщения в наших исторических источниках. Древняя русская летопись писалась при монастырях и княжеских дворах. Летописец интересовался больше политической жизнью княжеского двора и обращал очень мало внимания на хозяйство и народную жизнь. Только в результате критической проверки источников историкам удается восстановить основные моменты в экономическом развитии Киевского государства.

Развитие частной собственности на землю приводило к разложению территориальной общины — верви. Среди славянского населения складывался господствующий класс, с которым затем слилась варяжская дружина. Земля, перешедшая в частную собственность, требовала применения труда зависимого от землевладельца населения. Эту работу в хозяйстве землевладельца выполняла «челядь» его двора, под которой наши древние памятники разумеют все зависимое население — как рабов (патриархальное рабство), так и не рабов.

До конца X в. княжеское земледельческое хозяйство еще не достигло крупного размера. Значительное место в доходах князя занимали не продукты его хозяйства, а сбор дани.

Маркс называет первоначальный период в истории Киевского государства «империей Рюриковичей» (при этом, конечно, не имеет значения, был ли Рюрик легендарным или историческим лицом). Империя Рюриковичей по внутренней структуре и организации была «варварским государством». Маркс называет ее «готической», «скороспелой» и «лоскутной». Эта характеристика очень глубоко выражает сущность политического устройства Киевского государства IX—X веков.

Энгельс с большой ясностью показал процесс развития государственной системы. В отличие от организации родов и племен в государстве происходит разделение населения по территориальным принципам. Частями государства являются не те или иные племенные союзы, а земельные территории. Важнейшим моментом в создании государственного порядка, как указывал Энгельс, является учреждение общественной власти. Она необходима потому, что «самодействующая вооруженная организация населения сделалась невозможной со времени раскола общества на классы». В историческом развитии элементы государственного порядка возникают на развалинах родового строя. При этом государство стремится приспособить сохранившиеся остатки родовых организаций к новым задачам и целям. Энгельс приводит пример из истории северной части Англии, Франции, Германии, Скандинавии, где родовой строй перешел в территориальный строй и был поэтому в состоянии приспособиться к государству. Пережитки родового строя могут сравнительно дол-

го сохраняться и после возникновения государственной системы. Эти характерные элементы складывающегося государственного порядка мы наблюдаем и в Киевском государстве IX—X вв.: территориальное подразделение населения, в результате которого происходило перемешивание прежних племенных союзов, отделение общественной власти от народной и наличие более или менее значительных пережитков родоплеменного строя.

«Империя Рюриковичей» состояла из отдельных частей, которые в той или другой мере сохраняли свои особенности и даже свои местные княжеские династии. Так, до середины X в. существовала княжеская династия у древлян, представителем которой был современник Игоря — князь Мал. В земле вятичей еще в XI в. упоминается князь Ходота. Сравнительно долго сохраняла свою самобытность Полоцкая земля. Политическое объединение земель вокруг Киева носило непрочный, «лоскутный» характер.

Из договоров Руси с Византией мы узнаем, что «под рукою» киевского князя находились «светлые» и «великие» князья и «великие» бояре. К числу «светлых» и «великих» князей принадлежали члены Рюрикова рода и местные князья, признавшие власть киевского князя. В некоторые города киевский князь посылал своих «посадников».

Главной опорой князя была его дружина, состоявшая как из славян, так и из пришлых людей, среди которых особое место занимали варяги. С дружиной князь ходил в походы, подавлял восстания отложившихся племен, захватывал новые земли, делил военную добычу и собирал дань. Возможно, что ближайшая к князю часть дружины жила вместе с ним на княжеском «огнице» («огнице» в смысле «очага», то-есть домового хозяйства; отсюда происходит «огнищанин» — обитатель княжеского двора, княжой муж). Из состава дружины выходили советники и помощники князя, его «великие бояре», упоминающиеся в источниках X в. В этой организации княжеской власти еще существовали некоторые пережитки дружинного быта, которые Энгельс называет «вольной демократией».

С развитием княжеского управления родо-племенная знать стала сливаться с княжеской дружиной, Древнейшие летописи упоминают «старцев градских», в которых правильно видят представителей племенной знати, утратившей прежнее обособленное и независимое положение.

Главнейшей формой материального обеспечения вассалов было пожалование князем населенных земель для сбора дани. Эту систему отношений, характерную для данного периода, Маркс выразил в следующей формуле: «вассалитет без ленов, или лены, состоящие из дани» (Секретная дипломатия XVIII в.). Таким образом, Маркс подчеркивает то существенное обстоятельство, что лены княжеских вассалов базировались не на само-

стоятельном земледельческом хозяйстве, а на праве собирать дань с населения пожалованного владения.

Система сбора дани киевским князем и его вассалами описана как в древнейших летописях, так и в сочинениях византийского императора X в. Константина Багрянородного.

Часть населения привозила дань в установленные места (повоз). Константин Багрянородный рассказывает о том, как князья уходили за данью сами, начиная объезд с поздней осени и кончая его к началу весны, когда вскрывались реки. Это называлось «полюдьем». Картину полюдья дает нам летописный рассказ о смерти Игоря. Князь Игорь собирал дань в Древлянской земле, в которой собирал дань и его воевода Свенельд. Дружина обратилась к Игорю с укором, что отроки, т. е. дружинники Свенельда, «изоделись оружием и портами» (одеждою), а они наги. «Пойдем, князь, за данью, ты добудешь и мы». Игорь исполнил предложение своей дружины, но затем, отпустив большую часть воинов, пошел в третий раз за данью. Тогда древляне сказали: «Если повадится волк ходить по овцы, то передерет все стадо, пока его не убьют. Так будет и с нами: если мы его не убьем, то он нас всех погубит». Древляне убили Игоря. Восстание древлян было подавлено Ольгой, которая отомстила за смерть своего мужа. Повидимому, подобных восстаний было много. Летопись знает о восстаниях вятичей и радимичей.

Восстание древлян заставило Ольгу установить определенный порядок в сборе дани. По рассказу летописи, Ольга, усмирив древлян, совершила поездки по своим землям, установила в них погосты (административно-хозяйственные пункты) и дани (определила размер дани). Эти важные мероприятия указывают на развитие феодальной ренты.

Таким образом, время с IX до середины XI вв. в истории Киевского государства характеризуется складыванием феодального способа производства и феодальной политической системы. Примерно с середины XI в. феодальные производственные отношения становятся господствующими. На такой точке зрения стоит большинство историков, занимающихся исследованием социально-экономического строя Киевского государства.

Существует другая точка зрения (проф. Шестаков), согласно которой империя Рюриковичей IX—X вв. была рабовладельческим государством. Эта теория основывается на следующих двух положениях. Во-первых, по мнению сторонников этой теории, ни один народ в процессе своего исторического развития не может миновать рабовладельческой системы. При этом защитники концепции рабовладельческого развития Киевского государства ссылаются на указания «Краткого курса истории ВКП(б)», что на протяжении трех тысяч лет в Европе успели смениться три разных общественных строя (первобытно-общинный, рабовладельческий, феодальный), а в восточной части Европы — даже

четыре общественных строя. Во-вторых, источники по истории Киевской Руси IX—XI вв. уделяют значительное внимание рабам, что, по мнению сторонников данной теории, является признаком существования рабовладельческого хозяйства в Киевской Руси IX—XI веков.

Прежде всего следует отметить, что признание за Киевским государством феодального характера не противоречит указаниям «Краткого курса истории ВКП(б)» о четырех общественно-экономических формациях, сменившихся в восточной части Европы. Эпоха рабовладельческого хозяйства в нашей стране охватывает промежуток времени от начала I тысячелетия до н. э. до III в. н. э. Во II—III вв. рабовладельческая система уже повсюду находилась в состоянии разложения. Это разложение коснулось не только рабовладельческого общества Западной Европы, но и Средиземноморского и Черноморского бассейнов. Наша страна не составляла исключения в этом общем процессе общественно-экономического развития. Рабовладельческое хозяйство во II—III вв. н. э. находилось в состоянии полного разложения и в Армении, и в Грузии, и в северном Причерноморье. Всюду на этой территории одновременно с разложением рабовладельческого строя укреплялись и развивались элементы нового общественного порядка — феодального. Таким образом, ко времени возникновения Киевского государства наша страна прошла через неизбежный этап развития рабовладельческого способа производства.

Неоднократно подчеркивая роль «варваров» в разрушении рабовладельческого Римского государства, Маркс и Энгельс указывали, что столкновения одряхлявшей рабовладельческой системы с общинным строем «варваров» привели к тому, что сами «варвары» миновали рабовладельческий строй. «Германцы, — говорит Энгельс, — действительно вновь оживили Европу, и поэтому разрушение государств, происходившее в германский период, закончилось... дальнейшим развитием бенефициев и отношений покровительства (коммендации) в феодализм...» *).

Роль славянских племен в борьбе с Восточной Римской империей (Византией), как отмечалось выше, была аналогична роли германских племен в борьбе с западной Римской империей. При этом славяне и германцы стояли на одной ступени общественного развития. Поэтому образование рабовладельческого общества у славян в то время, когда во всей Европе рабовладельческого общества уже не было, явилось бы, как правильно отметил академик Греков, необъяснимой хронологической аномалией.

Таким же несостоятельным оказывается второй аргумент сторонников признания за Киевским государством рабовладельческого характера: распространение в Киевском государстве ин-

*) К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 132.

ститута рабства (холопов). Факт наличия в Киевском государстве рассматриваемого периода более или менее значительного числа рабов сам по себе еще не является достаточным основанием для утверждения, что общественный строй Киевского государства был рабовладельческим. Для последнего нужно доказать, что рабы составляли основную рабочую силу в производстве. Между тем исторические источники не дают права притти к такому выводу. Из договоров с греками видно, что главным источником рабства был плен. Но Русь, забиравшая в столкновениях с Византией пленных греков, охотно возвращала их на родину по установленной таксе (по договору 945 г. за юношу и добрую девицу владельцы получали по 10 злотников, за «средовича», т. е. человека средних лет, — по 8 злотников, за стариков и детей — по 5 злотников). Рассказывая о преимуществах Переяславца на Дунае, князь Святослав помещал среди товаров, вывозившихся туда из Руси, «челядь». Академик Греков правильно отметил, что рабовладельческое государство стремилось не вывозить, а ввозить рабов. Сокращение ввоза рабов в Рим привело римское рабовладельческое хозяйство в состояние тяжелого кризиса, из которого оно не имело возможности выйти

Отрицая рабсвладельческую основу общественного строя Киевского государства, мы этим не отрицаем ни факта рабовладения, ни его хозяйственного значения. Рабы были известны славянам, по свидетельству Прокопия и псевдо-Маврикия, еще в VI в., но это было не античное, а патриархальное рабство. Оно возникло еще в патриархальной общине и в процессе разложения первобытно-общинного строя славян получило дальнейшее распространение. Однако оно не развилось в античное рабство, так как для этого не было необходимых исторических условий. Развитие классового общества славян шло в направлении установления феодальных производственных отношений. Мы с полным правом можем применить к славянам слова Энгельса, сказанные им по отношению к германцам: «...если они могли развить и сделать господствующей уже существовавшую у них на родине более мягкую форму зависимости, в которую и в Римской империи все более и более переходило рабство... то чему мы этим обязаны, если не их варварству, в силу которого они не довели у себя рабства до его высшего развития, ни до античного трудового рабства, ни до восточного домашнего рабства?» *).

Выводы относительно характера общественного строя Киевского государства получают подтверждение в результате изучения его политического устройства. Если бы Киевское государство в IX—XI вв. было сложившимся рабовладельческим государством, это неизбежно отразилось бы на его политической системе. При разнообразии форм, рабовладельческие государ-

*) К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 133.

ства обладают развитой системой управления, необходимой для организации сильной власти, способной держать в повиновении массу рабов. «Империя Рюриковичей» IX—X вв. еще не имела вполне развившегося государственного аппарата. Маркс метко называет ее «варварским» государством.

РАСЦВЕТ ИМПЕРИИ РЮРИКОВИЧЕЙ

При Святославе власть киевского князя значительно усилилась. Святослав самовластно распоряжался на огромной территории и укрепил связь отдельных земель с Киевом. Благодаря этому ему удалось выставить на Дунай большую армию, которую Лев Диакон, вероятно, преувеличивая, определил в 80 тыс. воинов. Только распоряжаясь силами всей страны, Святослав мог выдержать трехлетнюю войну на Дунае с сильнейшим европейским государством — Византией.

Окрепшее при Святославе государственное единство едва не расстроилось после его смерти в 973 г. Власть в «империи Рюриковичей» перешла к трем братьям — Ярополку, Олегу и Владимиру. Однако старший — Ярополк, посаженный отцом в Киеве, не хотел разделять власть с братьями. Он пошел на Олега, сидевшего в земле древлян, и разбил его. Олег погиб. Когда Владимир в Новгороде услышал о гибели Олега, он ушел за море. Ярополк посадил в Новгороде своего посадника и стал единодержавным. «Бе володея един в Руси», — говорит летописец. Между тем Владимир вернулся в Новгород с набранными варягами и прогнал посадников Ярополка.

Предварительно Владимир отправился к Полоцку и убил сидевшего там князя Рогвольда, который, повидимому, стоял на стороне Ярополка. Разгром Рогвольда полоцкого является одним из эпизодов в ликвидации местных княжеств, вошедших в состав Киевского государства.

Поход Владимира на Ярополка, закончился гибелью последнего. Владимиру удалось вновь сосредоточить власть в одних руках киевского князя и подчинить отложившиеся племена. Объединение страны под властью киевского князя позволило сосредоточить усилия на укреплении наименее обеспеченных южной и западной границ. По словам летописи, во время княжения Владимира с печенегами была «рать велика бес перестани». Владимир поставил города по рекам Днестру, Трубежу, Стугне и другим. В городах он сажал «лучших» людей, набирая их из разных мест. Таким образом, была создана цепь укрепленных линий со стороны южной степи. С запада и юго-запада Киев был прикрыт тремя линиями валов. Центром этих укреплений был город Белгород на реке Ирпени.

Не менее существенное значение имела борьба Владимира с Польшей. В 981 г. Владимир пошел на поляков (ляхов) и отобрал большую территорию между Саном и Вепрем. В числе заня-

тых им городов упоминаются Перемышль на р. Сане и червенские города, находившиеся в бассейне р. Вепря (правого притока Вислы). В летописи упоминается также поход Владимира в землю хорватов, под которыми, повидимому, следует понимать «белых хорватов», живших в бассейне верхнего и среднего течения Днестра. В результате этих походов в состав Киевского государства вошли западные земли, получившие название Галицкой земли и Волыни (эта территория впоследствии вошла в состав Западной Украины). Этим был по существу закончен процесс объединения восточнославянских племен в системе Киевского государства.

Не менее важной была деятельность Владимира по внутренней организации обширной «державы Рюриковичей». В конце X и в начале XI вв. происходило дальнейшее развитие княжеского феодального хозяйства, обслуживавшегося трудом зависимого населения. В летописи упоминается принадлежавшее Владимиру под Киевом село Берестово, являвшееся, повидимому, центром загородного хозяйства князя. В связи с новыми условиями княжеской хозяйственной деятельности изменилось и значение княжеской дружины. Владимир, по словам летописи, любил свою дружину и советовался с нею «о строе землянем и о ратех и о уставе землянем». Под словами «строй земляной» и «устав земляной» летописец имел в виду внутреннее устройство и управление.

Раньше дружина была необходима князю для получения военной добычи и собирания дани (полюдья). Однако с течением времени военное ограбление населения заменялось регламентированным сбором налогов, для чего уже не требовалась посылка в каждом случае воинских отрядов. Дань собиралась посадниками князя или привозилась самим населением в установленные административные пункты — погосты. Хотя летописец и приписывает Владимиру слова: «яко сребром и златом не имам налести дружины, а дружиною налезу сребро и злато» (т. е., скупясь на расходования золота и серебра, не получу дружины, а имея дружину — добуду серебро и золото), но в действительности основная роль дружины была в его время иной. Из добытчицы доходов она стала основой военной организации княжества и главной опорой князя в его внутренней деятельности и внешней политике. Поэтому прилив со стороны новых воинственных элементов в состав княжеской дружины был не только не нужным, но и опасным для самой княжеской власти. Хорошим примером этого является отношение Владимира к тем наемным варяжским отрядам, которые он призвал из-за моря, готовясь к борьбе с братом Ярополком. После того как, победив Ярополка, Владимир овладел Киевом, варяги потребовали «окупа». Они сказали князю: «Это город наш, мы его взяли и хотим получить окуп по 2 гривны от человека». Владимир просил подождать месяц, пока соберет деньги, но через месяц ни-

чего не дал пришлой варяжской дружине. Тогда варяги сказали: «Сольстил еси нам (т. е. обманул нас). Покажи нам пути к грекам». Владимир отвечал: «Идите». Затем он отобрал лучших мужей, которым роздал в управление города, а остальных отпустил в Царьград.

С отправкой Владимиром варяжских дружин к византийскому императору связано появление варягов в Царьграде, из которых затем был образован шеститысячный корпус. С этого времени в византийских источниках появляется термин «варанги», т. е. варяги. Варяжский корпус в Византии, пополнявшийся новыми выходцами, играл крупную роль в составе военных сил императора. Рассмотренный эпизод прекрасно иллюстрирует слова Маркса по отношению к «империи Рюриковичей»: «Пришло время, когда князья стали посылать своих неукротимых, ненасытных соратников в новые грабительские экспедиции, с единственной целью — избавиться от них». (Секретная дипломатия XVIII в.).

Ко времени Владимира окончательно складывается русская, т. е. славянская, дружина киевского князя, в которой ассимилируются пришлые варяжские элементы. Процесс ассимиляции мы можем установить по договорам Руси с греками, первые из которых содержат почти исключительно скандинавские имена, а последующие — скандинавские и славянские имена.

Рассмотренные явления общественно-экономического и политического развития Киевской Руси подводят нас к вопросу о принятии христианства в качестве государственной религии. Языческие верования славянских племен, разбиваясь на ряд местных обрядов, были характерны для населения, жившего в рамках родовых и племенных организаций.

С целью укрепить политическое единство Владимир в первые годы княжения сделал попытку объединить местные религиозные культы и создать из них общий пантеон языческих божеств. Он поставил, по летописному рассказу, на холме недалеко от своего двора в Киеве изображения наиболее чтимых славянских богов: Перуна, Даждьбога, Хорса, Стрибога и других. Таким образом, Владимир пытался превратить политическую столицу — Киев в общий религиозный центр.

Попытка Владимира создать общую для всего населения религиозную систему не увенчалась успехом. К этому времени значительное христианское влияние проникало из западнославянских земель — Моравии и Чехии, Болгарии и Византии. Процесс внедрения христианских верований в Киевскую Русь мы имеем возможность проследить на летописном материале и договорах Руси с греками. В договоре Олега 911 г. Русь является еще вполне языческой. Дружина Олега клянется «по русскому закону» своим оружием и Перуном, и «скотьим богом Велесом». «Русский закон» в данном случае нельзя понимать, как это делалось некоторыми исследователями, в качестве обычаев скан-

динавско-варяжской дружины. Это—местный, славянский закон. В договоре Игоря 945 г. уже были представлены обе религии. Если одна часть Руси, заключавшая договор, оставалась языческой, то другая состояла из христиан. Поэтому эта часть приносила клятву о соблюдении договора по христианскому обряду.

Таким образом, уже во время княжения Игоря, т. е. к середине X в., христианское влияние проникло в среду княжеской дружины. Для феодального класса старые языческие верования не давали таких преимуществ, какие давало христианство, облекшее княжескую власть в пышные формы и требовавшее полного ей послушания как власти, поставленной от бога. В княжеской семье христианкой стала мать Святослава Игоревича — княгиня Ольга. В 957 г. Ольга в сопровождении большой свиты посетила Царьград. Приезд и прием киевской княгини описал современник Ольги — византийский император Константин Багрянородный. В императорском дворце в честь русской княгини была устроена торжественная встреча. Княгиня была принята в парадном зале в присутствии многих сановников империи. В тот же день был устроен торжественный обед, во время которого певчие возглашали царское славословие и были даны сценические представления. Византийское правительство, устраивая торжественный прием киевской княгине, стремилось воздействовать на нее пышностью и блеском придворного церемониала. Переговоры, которые вел император с Ольгой, повидимому, касались каких-то вопросов внешней политики, возможно, связанных с болгарскими отношениями, очень тревожившими Византию. Переговоры кончились неудачей.

Хотя христианское влияние при Ольге и Святославе было значительным, но все же оно не стало господствующим в ближайшей к князю дружинной среде. На это указывает пример самого Святослава: когда Ольга обратилась к сыну с предложением принять христианство, последний отвечал, что он стыдится дружины, которая будет смеяться над князем-христианином. Однако относительно долговременное пребывание Святослава в Болгарии на Дунае должно было еще больше усилить христианские элементы в дружинной среде. Таким образом, ко времени Владимира вполне сложились социально-экономические и политические условия, подготовившие принятие новой религии взамен родовых и племенных культов. Влияние западных и южных славян, ранее принявших христианство, а затем влияние самой Византии, подражать которой стремились киевские князья, окончательно решили вопрос о принятии христианства.

По летописному рассказу, к Владимиру пришли представители разных верований, магометане, христиане западного латинского обряда, хазарские евреи и греки-христиане. Каждый из них рассказывал киевскому князю о сущности и преимуществах своей религии. Затем Владимир по совету с боярами отправил

посланцев в разные страны для «испытания вер». После их возвращения он остановился на греческой вере. Однако крещение произошло не сразу. В тот же год Владимир пошел на греческий город Корсунь (Херсонес) и овладел им после осады. После этого он крестился и получил в жены греческую царевну Анну — сестру византийских императоров Василия II и Константина.

Этот рассказ сложился под пером летописца значительно позднее принятия Владимиром христианства. Сопоставление его с другими источниками, в частности греческими и арабскими, позволяет более точно восстановить общий ход событий. Поздней осенью 987 г. в Византии началось восстание полководца Варда Фоки. Одновременно вспыхнуло восстание болгар. Тогда византийские императоры под угрозой гибели обратились за помощью к киевскому князю Владимиру. Повидимому, Владимир, соглашаясь на помощь, поставил ряд требований, в число которых входил брак на сестре византийского императора. Для киевского князя он имел большое политическое значение, так как поднимал его авторитет в международных делах и переносил на него представление о сильной власти, выработанное в Византии. Византийский императорский дом, как показывают факты, неохотно вступал в брачные связи с «варварскими» княжествами, к которым в Византии причисляли Киевское государство того времени. Но тяжелое положение, в котором оказалась Византия, заставило ее пойти на уступки.

Военная помощь, посланная Владимиром Святославичем, поправила дела императора: в апреле 988 г. восстание Варда Фоки было окончательно подавлено. Однако, укрепив свое положение в стране, византийские императоры не склонны были исполнять все условия договора с Владимиром. Это послужило причиной для похода Владимира против Корсуни, закончившегося взятием города. Владимир заставил выдать ему Анну, которая стала киевской княгиней.

Крещение Владимира произошло в конце 988 г. или в начале 989 г. За крещением князя последовало крещение дружины и части населения. Христианской церкви, утвердившейся в Киевском государстве, пришлось еще долго вести борьбу с остатками местных верований и культов, отзвуки которой сохранились в литературных памятниках XI—XIII вв. После крещения Владимир стал усиленно истреблять «кумиры» (идолы), приказывая «ови иссещи, а другие огневи придати». В летописи рассказывается, что народ сначала оплакивал низверженных богов. В особой повести о крещении, составленной в конце XI в., говорится, что жителей «загнивали (загоняли) в реку, аки стада». Элементы языческой веры жили еще целыми столетиями и оказали известное влияние на религиозное представление христианского населения.

Принятие христианства в Киевском государстве имело исторически-прогрессивное значение. Христианская церковь, основан-

ная в Киеве и распространившаяся в других городах Киевского государства, принесла с собой идеологию господствующего класса феодального общества. Как феодальная организация, церковь входила в систему феодальных отношений.

Церковь укрепляла власть господствующего класса и его представителя — князя. На него она перенесла высокие представления о княжеской власти и этим еще сильнее поднимала его авторитет. Благодаря этому Владимир соединил «военную власть северного завоевателя с теократическим деспотизмом порфирородных» и стал, таким образом, «господином своих подданных на земле и их заступником на небе» (Маркс).

Церковь содействовала развитию политических и культурных связей с соседними христианскими государствами, среди которых особое значение для Киевского государства имели Византия и Болгария. Княжение Владимира Святославича (около 978—1015 гг.) является моментом высшего подъема «империи Рюриковичей».

После смерти Владимира Святославича повторилась та же борьба между братьями за единовластие, которая происходила и после смерти его отца. По летописным известиям, Владимир оставил от разных жен 12 сыновей, которые сидели по разным городам, подчиняясь власти отца. Еще при жизни Владимира княживший в Новгороде Ярослав, опираясь на местных бояр, обнаружил стремление к отделению от Киева. Владимир стал готовиться к походу против него. Тогда один из его сыновей — Святополк — занял Киев и начал борьбу с младшими братьями. В самом ее начале погибли Борис, Глеб и Святослав. Летописец сообщает мотивы Святополка при расправе с братьями: «Яко избью всю братию свою и приму власть русскую един».

После убийства этих князей единственным серьезным соперником Святополка оставался Ярослав в Новгороде. С местной дружиной и отрядом варягов, призванных из-за моря, Ярослав направился против брата. Первая встреча произошла у Любеча и кончилась его полной победой. Святополк бежал в Польшу, где получил помощь со стороны польского короля Болеслава I. Междоусобная борьба между сыновьями Владимира Святославича позволила Болеславу вмешаться в киевские дела и сделать попытку подчинить Киевское княжество Польше. В 1018 г. Святополк возвратился с Болеславом, который привел польские, немецкие, венгерские и печенежские отряды. Новая встреча между противниками на берегу реки Западного Буга кончилась победой Святополка и Болеслава, занявших Киев. По сообщению западной хроники, Болеслав захватил в столице богатую добычу, которой он щедро наделил своих воинов. Грабительские действия Болеслава облегчили борьбу Ярославу. В новой встрече со Святополком он одержал полную победу и в 1019 г. стал киевским князем. По выражению летописи, Ярослав «утер пота с дружиною своею, показав победу и труд велик».

Ярослав (1019—1054) продолжал борьбу за единство земель, входивших в состав Киевского государства. С этой целью он ходил в Прибалтику, поставил город Юрьев, впоследствии названный немцами Дерптом. Удачная борьба с поляками отклонила угрозу для Киева и с этой стороны.

В это время главная опасность появилась со стороны южной степи, где усиливался натиск кочевников. Во второй четверти XI в. из-за реки Яика стали надвигаться половцы (кипчаки), вытеснившие своих западных соседей — торков. Под давлением половцев торки продвинулись на запад и в свою очередь потеснили печенегов. В 1036 г. печенеги в последний раз появились под Киевом. Ожесточенная битва, происходившая на территории Киева, кончилась полным поражением печенегов. Многие из них были перебиты, другие утонули в реке, а остальные ушли на Дунай. Место печенегов занял новый страшный враг южных киевских границ — половцы.

При Ярославе окончательно складывается организация православной церкви в русских землях. В 1036 г. в Киеве появился митрополит, поставленный византийским патриархом. В 1037 г. в Киеве начали строить великолепный по архитектурной отделке и художественным украшениям Софийский собор. Он должен был играть роль религиозного центра Киевского государства.

В Киеве и его окрестностях возникли первые монастыри. Особое значение приобрел основанный в середине XI в. Печерский монастырь, для которого был принят устав греческих монастырей. Впоследствии Печерский монастырь стал крупным земельным собственником.

В Киеве сходились многочисленные торговые пути из Средней Азии и других восточных стран, из Византии, из стран Балтийского бассейна и из Западной Европы. О торговле Руси с немецкими землями упоминается уже в таможенном уставе начала X в. одного немецкого города на Дунае, где с русских купцов брались пошлины за привозимых ими рабов и воск. Центром торговли с Киевом в XI в. стал г. Регенсбург на Дунае, имевший обширные торговые связи с верхнерейнскими городами. Купцы ездили в Киев через Прагу и Краков и привозили в Регенсбург меха и византийские ткани. В Регенсбурге купцы, торговавшие с Русью, входили в организацию, носившую название «Русариев». Хорошей иллюстрацией многочисленных и разнообразных торговых связей Киева служат монетные находки на территории города как целыми кладами, так и отдельными монетами. Среди них: арабские, среднеазиатские (Саманидов), византийские (в том числе Василия Македонянина и Иоанна Цимисхия) и немецкие.

По сведениям Титмара Мерзебургского, описавшего Киев, повидимому, со слов побывавших в нем вместе с польским королем Болеславом в 1018 г. (во время борьбы Святополка с Яро-

славом), Киев был большим городом, имел 400 церквей (вероятно, преувеличено) и 8 рынков.

Начавшееся в конце X в. сближение Киевского государства с европейскими странами еще больше усилилось во времена Ярослава и при его сыновьях. Помимо Польши, отношения с которой были враждебными, Киевское государство находилось в сношениях с Венгрией и Чехией. Западноевропейские связи Киева не ограничились ближайшими соседями. Киевское государство представляло внушительную политическую силу. Поэтому многие европейские короли и их крупные вассалы искали союза с киевским князем. Политические сношения с соседями скреплялись брачными связями. Сам Ярослав Владимирович был женат на дочери шведского короля. При его дворе постоянно находились родственники жены, в числе которых был норвежский король Олаф и его сыновья — Магнус и Гаральд Смелый. Три дочери Ярослава были выданы замуж за норвежского, венгерского, французского королей. Внучка Ярослава, дочь его сына Всеволода, Евпраксия стала женой императора Генриха IV под именем Адельгейды. Политические связи киевского князя показывают, какое значение он имел в Европе. На его киевском дворе подолгу жили иностранцы. Этим объясняется, между прочим, и тот замечательный факт, что Всеволод Ярославич сумел в Киеве изучить 5 иностранных языков.

С торжеством христианства и развитием политико-культурных сношений Киевского государства с Византией, Болгарией, Швецией, германскими землями начинает складываться более высокая культура Киевской Руси.

Мы не в состоянии точно установить время появления письменности у восточных славян. Во всяком случае письменность была им известна значительно раньше введения христианства. Намеки на существование письменности у Руси встречаются уже в первых договорах киевских князей с Византией. В договоре Олега 911 г. предусмотрен случай, когда после смерти русского, находящегося на службе у византийского императора, останется письменное завещание о наследовании имущества. Из договора Игоря 945 г. мы узнаем, что «великий князь русский» посылал в Византию послов с грамотами.

Некоторые следы появления у восточных славян письменности сохранились в древней киевской летописи, вошедшей в состав «Повести временных лет». Есть основание предполагать, что славянская грамота первоначально проникла в Приднепровье не из Болгарии, а от западных славян, из Моравии и Чехии. Великоморавское государство после кратковременного расцвета во второй половине IX в. погибло под ударами венгров. Славянская литература, возникшая в Моравии, получила затем большое распространение в Чехии, границы которой в X в. соприкасались с восточнославянским миром. С другой стороны, в третьей четверти X в. в результате походов киевского князя Святослава на

Дунай усилились культурные связи с Болгарией. Таким образом, христианское просвещение при Владимире и Ярославе падало на давно подготовленную почву. Этим объясняются необычно быстрые успехи в распространении переводной греческой и болгарской литературы.

Поэтому вполне понятно, что летопись связывает распространение грамотности и образованности со временем Владимира и Ярослава. Летописец сообщает, что Владимир брал детей у «нарочитой чади» и посылал их на «учение книжное». При этом он добавляет, что матери набранных учеников плакали по детям, как по мертвым. Ярослав же, по словам летописца, был большим любителем книг, читал их днем и по ночам, собрал переписчиков для перевода книг с греческого на славянский язык. Этот князь устроил и книгохранилище в построенном при нем Софийском соборе в Киеве. Касаясь своего времени, летописец, писавший в конце XI или в начале XII вв., видел ясные результаты распространения грамотности и образования, что дало ему повод разразиться восторженной похвалой в честь «учения книжного» и «словес книжных». Он сравнивает книги с реками, оплодотворяющими вселенную, в бездонной глубине которых заключена мудрость.

Из литературного наследия Киевской Руси до нас, к сожалению, дошли ничтожные остатки. Выжигавшаяся то половцами, то татарами, то собственными князьями страна не могла сохранить своего книжного богатства. Подлинные рукописи XI—XII вв. почти полностью погибли. Из случайно сохранившихся следует особенно отметить две рукописи-книги: Остромирово Евангелие и «Изборник» Святослава. Остромирово Евангелие является самым древним памятником русской письменности. Оно было переписано дьяконом Григорием в Киеве в 1056—1057 гг. для новгородского посадника Остромира (в настоящее время хранится в Ленинградской публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина). Другим древнейшим письменным памятником является «Изборник» разных сведений, переведенный с греческого языка и переписанный в 1073 г. для князя Святослава Ярославича. Он украшен многоцветными миниатюрами, на одной из которых изображен сам Святослав со своим семейством. Большая часть произведений древней письменности (переводной и оригинальной литературы) дошла до нас в позднейших копиях, сделанных в XIV—XV веках.

Развитие христианской церкви привело к созданию обширной догматической литературы, необходимой для церковных обрядов. Но наряду с ней проникла и непризнанная церковью литература. Она состояла из разных нравоучительных произведений и содержала сведения по естественным наукам, зоологии, ботанике, минералогии и др. В переведенных сочинениях древнерусский читатель мог познакомиться с отдельными мыслями или высказываниями античных ученых и писателей: Платона, Аристотеля, Эврипида, Демокрита, Пифагора и других.

Особое место занимала историческая литература, расширявшая кругозор исторических знаний в киевском обществе. К ней относится история Александра Македонского, изложенная в виде исторической повести (Александрия). Не позже X в. появился хронограф (обзор всемирной истории) Иоанна Малалы, составленный в Византии в VI в. Для русской летописи большое значение имел перевод хроник, составленный в VIII столетии греческим монахом Георгием Амортолом и продолженный затем до середины X в. Хотя какие-то краткие записи о выдающихся событиях, повидимому, велись и раньше, но ознакомление с византийскими хрониками позволило придать им систематизированную летописную форму, т. е. расположить события по годам. Эта древнейшая летопись появилась в Новгороде и Киеве при Ярославе. Она сохранилась в переработке произведений в начале XII в. под названием «Повести временных лет».

Наряду с влиянием греческой и болгарской письменности можно также отметить византийское влияние в области церковного зодчества и строительной техники. При помощи мастеров-греков русские научились возводить большие каменные стены со сводами и купольными перекрытиями. В Киеве в 90-х годах X в. при Владимире была построена десятинная церковь. Она сильно пострадала при разрушении Киева татарами и впоследствии была разобрана. Древнейшими сохранившимися памятниками каменного зодчества является Спасо-Преображенский собор в Чернигове, заложенный в первой половине XI в., и Софийский собор в Киеве, построенный при Ярославе около 1037 г. на месте последнего сражения с печенегами. На его стенах остались замечательные фрески, изображающие бытовые сцены. На одной из стен сохранилось изображение семейства князя Ярослава. В настоящее время храм реставрирован и превращен в музей. В подражание Киевскому собору в Новгороде в 1045—1050 гг. также был выстроен Софийский собор. Эти грандиозные для своего времени постройки подчеркивали величие княжеской власти. Внутри соборы богато украшались фресками и мозаикой. Для князя и близких ему людей отводилось особое место на хорах, тогда как народ помещался внизу.

Новая строительная техника больших каменных сооружений из области церковного зодчества была перенесена на гражданские постройки. В конце X в. или в начале XI в. в Киеве был построен каменный княжеский дворец, от которого остались лишь отдельные обломки и строительный мусор. Однако и фрагменты несохранившихся зданий, обломки мрамора, куски поливных образцов, части фресок и пр. свидетельствуют о великолепии этого сооружения, созданного по лучшим образцам византийского зодчества. Та же строительная техника была применена к военным постройкам, памятником которых теперь являются «Золотые ворота» в Киеве.

Новые потребности феодальной знати способствовали раз-

витию местного киевского мастерства. В киевской, черниговской, новгородской и других мастерских изготовлялись предметы украшений, ожерелья, серебряные браслеты, разные вещицы из кости, оружие и пр.

Так складывалась культура Киевского государства, которая во многих отношениях не уступала культуре народов Западной Европы того времени.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ КИЕВСКОГО ГОСУДАРСТВА В XI—XII веках

С середины XI в. происходил быстрый рост частного землевладения. Князья заселяют земли, устраивают на них свое хозяйство, дарят села монастырям и разоряют села у своих противников. Дружина князя распускается после войны по селам. В летописи наряду с княжескими селами упоминаются и боярские. Возникает монастырское и вообще церковное землевладение. Примером крупных княжеских владений могут служить черниговские земли сыновей Олега Святославича. Противники, разорившие села Игоря и Всеволода Ольговичей, нашли в них богатую добычу, характерную для крупного феодального хозяйства. У князя Игоря был хорошо устроенный двор, в котором хранилось огромное количество меда и вина. На гумне хранилось до 900 стогов хлеба. Победители захватили столько разнообразных товаров, что не могли их полностью вывезти. Не менее богатым был двор князя Святослава Ольговича в Путивле, где, между прочим, его противники захватили и разделили между собой 700 человек челяди.

В XI в. уже сложилось крупное княжеское, боярское и монастырское хозяйство. Изучение внутренней структуры этого хозяйства и основной рабочей силы приводит нас к выводу о полном утверждении к этому времени феодального способа производства.

Важнейшим источником для изучения общественно-политического строя Киевского государства в XI—XII вв. является сборник княжеских законов, известный под названием «Русской Правды». Древнейшая часть ее представляет запись законов, произведенных при Ярославе Владимировиче («Суд Ярослава Владимировича»). В литературе ее иногда называют «Правдой Ярослава». В летописи сохранились два известия об «Уставах», т. е. законах, данных Ярославом. По одному известию в 1016 г. Ярослав после занятия Киева щедро одарил своих воинов. Отпуская новгородцев домой, он дал им «Правду» и «Устав» со словами: «По сему ходите и держите, якоже списав вам». В другом месте летопись сообщает, что в 1036 г. Ярослав пошел в Новгород, посадил там княжить своего сына Владимира и новгородским людям дал грамоту со словами: «По сей грамоте да-

дите дань». Таким образом, в летописи сохранились некоторые хотя и неточные указания на законодательную деятельность Ярослава.

В первоначальном виде «Уставы» Ярослава до нас не дошли. «Русская Правда» известна в трех основных вариантах: краткой редакции, которая является наиболее древней, пространной и сокращенной. Краткая редакция «Русской Правды» подразделяется на несколько частей, причем древнейшая часть относится ко времени Ярослава. За нею следует «Правда Ярославичей», т. е. сыновей Ярослава: Изяслава, Святослава и Всеволода. Пространная редакция имеет еще более сложный состав и включает большое количество княжеских законов, появлявшихся по мере соответственной надобности. Эта редакция сложилась в конце XII в. или в начале XIII в. Разновременные дополнения к закону Ярослава перемешаны. Поэтому не всегда можно отделить различные наслоения на древней части «Русской Правды».

«Русская Правда» сохранилась в многочисленных списках, внесенных в некоторые летописи и разные церковно-юридические сборники. (В настоящее время в связи с подготовкой Академией наук СССР научного издания «Русской Правды» стало известно более 100 списков, большинство которых относится к XV — XVI вв.). Древнейшим из них является Синодальный (название происходит от Синодальной библиотеки, где этот список хранился), который датируется около 1282 г.; Троицкий список, близкий по тексту к Синодальному (происходит из Троицкого монастыря), относится ко второй половине XIV в. Оба эти списка дают пространную редакцию «Русской Правды». В. О. Ключевский на основании близости некоторых постановлений «Русской Правды» к церковным законам считал, что текст «Русской Правды» сложился не в сфере княжеского, а церковного суда. Этот взгляд на происхождение «Русской Правды» следует решительно отбросить. «Русская Правда» своим основным содержанием тесно связана с интересами княжеского хозяйства и управления, что, конечно, не исключает возможности церковного влияния. Язык «Русской Правды» близок не к церковно-славянскому книжному, а к разговорному языку XI—XII веков.

Древнейшая часть «Русской Правды», принадлежащая Ярославу, сохранила и еще более древние законы. Возможно, что в нее вошли и части того «закона русского», который упоминается в договорах киевских князей с Византией. В этой части еще заметны ясные пережитки родовых обычаев. Так, в самом начале «Русской Правды» устанавливается право кровной мести за смерть убитого члена патриархальной общины. Эта же статья ограничивает круг мстителей ближайшими кровными родственниками (сыновьями, братьями и племянниками), что указывает на начавшееся ограничение этого родового обычая. В случае отсутствия мстителей из числа ближайших родичей виновный уплачивал установленный денежный штраф. При сыновьях Яро-

Пед. ин-т им. А. И. Герцена
ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
250679

слава произошло дальнейшее ограничение кровной мести: убийство окончательно было заменено денежным штрафом (выкупом).

Ограничение народного суда происходило одновременно с развитием княжеского суда, что являлось одним из элементов общего процесса отделения общественной власти от народной. Поэтому устав Ярослава имел характерный подзаголовок: «Суд Ярослава Владимировича». Вначале княжеский суд распространялся не на все население, а на определенные его категории, которые поступали под защиту княжеской власти и этим, в свою очередь, ее усиливали. В древней части «Русской Правды» перечислены эти люди: княжеский муж (член княжеской дружины), тридь, ябетник и мечник (служители княжеского двора), русин, купец, славянин (повидимому, бывший член славянской ветви, выделившийся из нее). Все эти люди стояли вне патриархально-родовых союзов. Вполне понятно, что в княжеском покровительстве были заинтересованы представители состоятельного слоя местного населения, которые видели в княжеской власти опору своего классового господства. Развитие княжеского суда вызвало необходимость точно установить денежные штрафы за разные преступления, которые шли в пользу князя. Эти статьи составляют основное содержание «Правды Ярослава». В них иногда до мелочей предусмотрены отдельные случаи уголовных проступков. Например, в отношении удара мечом были рассмотрены следующие случаи: удар нанесен рукоятью меча или мечом, не вынутым из ножен; удар не нанесен, но меч вынут из ножен; вынутым мечом нанесено увечье.

Другой характер носит «Правда» сыновей и внуков Ярослава, сложившаяся в основной своей части во второй половине XI и в начале XII вв. Хотя и здесь вопросы уголовного права занимают заметное место, но наряду с ними значительное число статей было посвящено княжескому хозяйству. Поэтому «Русская Правда» дает возможность достаточно ясно представить организацию княжеского хозяйства (домена). Можно с уверенностью сказать, что оно мало отличалось от другого крупного хозяйства — монастырского или боярского — и подчинялось одним и тем же формам, характерным для феодального способа производства.

Центром отдельного владения был двор князя, состоявший из жилых и хозяйственных построек. Уже в XI—XIII столетиях село было не только поселением, но и хозяйственным центром с расположенным в нем господским двором. На дворе феодала упоминаются хозяйственные службы: гумно для хранения хлеба, клеть, хлев в качестве помещения для скота. Стадо состояло как из мелкого, так и крупного рогатого скота. Значительное место занимало молочное хозяйство. Большое значение имело конское хозяйство, так как табун лошадей был необходим для организации военной силы. К двору феодала прилегала пашня.

Второстепенную роль играли охота, бортничество и рыбная ловля.

Во главе этого сложного хозяйства стоял огнищный тиун, которого можно сравнить с майор-домом франкских королей. Княжескими стадами заведывал конюшний тиун. Под начальством огнищного тиуна работали низшие агенты княжеской администрации из числа несвободных. Сельские тиуны заведывали сельским хозяйством. Ратайные тиуны следили за пашней. Ключники и рядовичи ведали более мелкими отраслями хозяйства. В таком виде «Русская Правда» изображает администрацию крупного феодального владения.

Феодальное хозяйство по своему характеру было натуральным. Все основное, необходимое для удовлетворения несложных потребностей феодального двора, производилось в самом хозяйстве трудом зависимого населения. Поэтому связи его с рынком носили более или менее случайный характер.

Крупное княжеское, монастырское и боярское хозяйство обслуживалось трудом зависимого населения. Изучение форм зависимости и положения различных категорий этого населения с полной ясностью устанавливает господство феодальных производственных отношений.

Рабство имело большое распространение и в рассматриваемый период времени. Недаром «Русская Правда» уделяет значительное внимание вопросам, связанным с положением рабов. В XII—XIII вв. в летописях мы встречаем многочисленные случаи обращения «полона» (пленных) в рабов. Например, когда в 1169 г. новгородцы победили суздальское ополчение, одних пленных они избили, а других превратили в рабов, причем продавали пленного по две ногаты. Это стоило примерно в три раза дешевле, чем стоила овца или коза по «Русской Правде».

«Русская Правда» выделяет несколько источников рабства, продажу или самопродажу в холопы, женитьбу на холопке без заключения условий с ее господином и вступление на службу тиуна или ключника также без заключения условий с господином. Дети несвободных оставались несвободными. «Русская Правда» рассматривает «плод» от челяди так же, как и приплод от скота, в составе движимого имущества наследователя. Наконец в рабство обращали за совершенные преступления (разбой, кража и бегство от своего господина).

Рабы, составляя собственность господина, были лишены имущественных или личных прав. Они не могли быть свидетелями, за исключением особых случаев, не могли вступать в самостоятельные обязательства. Их имущество принадлежало господину. «Русская Правда» не рассматривает убийство холопа, как уголовное преступление: в случае убийства невиновного холопа убийца должен был заплатить лишь стоимость убитого хозяину и штраф князю в том же размере, в каком взимался штраф за убийство коня или другой скотины.

Однако, чтобы установить действительную роль холопов в хозяйстве, нельзя ограничиваться указанием на распространенность холопства; нужно выяснить положение холопа в системе производственных отношений. Часть холопов была втянута в административно-хозяйственную жизнь феодального двора. Из числа холопов брались люди для заведывания княжеским или боярским хозяйством. Они носили название тиунов. Мелкие отделы хозяйства также находились под заведыванием холопов — ключников. Значительную роль холопы играли в торговле, где они являлись агентами своих господ по совершению торговых операций. Часть холопов обслуживала своим ремесленным трудом потребности феодального двора.

Наибольший интерес для определения роли рабского труда в производстве представляет участие рабов (холопов) в сельском хозяйстве. В наших источниках мы не встречаем указаний, чтобы рабский труд в сельском хозяйстве был организован по примеру античных рабовладельческих латифундий. Холопов (рабов) сажали на землю, предоставляя им участки и возможность на этих участках вести свое хозяйство. Таким образом, холопы, оставаясь рабами, использовались в качестве крепостных людей. В качестве примера можно привести тот факт, что в 1031 г., когда Ярослав и его брат Мстислав повоевали Ляшскую землю и привели с собой большое число пленных, Ярослав посадил своих пленных по р. Роси, т. е., очевидно, поселил их в деревнях и селах в качестве крепостных людей. В положении этих посаженных на землю холопов было много общего с западноевропейскими колонами. Известную роль в деле смягчения рабства играла церковь. Ее материальной основой было феодальное хозяйство. Поэтому церковь была заинтересована в развитии не рабского труда, а труда феодально-зависимых людей. Влияние церкви, смягчавшее рабство, проникало через церковную литературу и в законодательство. Среди сборников церковного права большое распространение имел сборник, получивший в славянском переводе название «Кормчих книг». В него вошли некоторые византийские кодексы законов, а впоследствии были присоединены и русские законодательные памятники: церковные уставы русских князей и «Русская Правда». Между тем в Византии греко-римское право о рабстве стало смягчаться под влиянием церковных норм.

В русских церковных памятниках церковь восстает против распространенной торговли рабами, особенно против продажи пленных христиан в руки нехристиан. Хотя обязательного отпуска холопов на свободу, повидимому, не существовало, но добровольный отпуск, несомненно, получил значительное распространение. На это указывает категория «задушных людей», т. е. людей, подаренных церкви «по душе» (по завещанию). Такие люди переходили в состояние феодально-зависимого населения.

К категории людей, освободившихся от рабства, принадле-

жали «изгои». По вопросу об изгоях существует обширная литература. Главное затруднение в определении социальной сущности этой категории населения заключалось в стремлении найти такое определение изгоев, которое бы соответствовало всем упоминаниям о них в источниках. Термин «изгой» в первый раз появляется в древнейшей части «Русской Правды», а в последний раз упоминается в памятнике, относящемся к середине XII в. (Уставная грамота смоленского князя Ростислава Мстиславича). За время около двух столетий термин «изгой» претерпел по своему социальному содержанию крупные изменения, соответствующие общим переменам в социальном строе древнего русского общества. В древнейшей части «Русской Правды» изгой еще стоит в одном ряду со свободным славянским купцом и с людьми княжеской дружины. В памятниках более позднего времени изгоями назывались люди, вышедшие из своего первоначального состояния, на что указывает самый термин (по наиболее вероятному предположению он происходит от славянского слова «гоить», что значит жить). Единственное древнее определение изгоев находится в уставе князя Всеволода о церковных судах (1125—1136). В нем перечисляются три вида изгоев: «Попов сын грамоте не умеет, холоп из холопства выкупится, купец одолжает». Во всех трех случаях люди, попадавшие в состав изгоев, изменяли свое первоначальное состояние. На основе указаний других памятников приходим к заключению, что изгоями если не исключительно, то преимущественно были холопы, выкупившиеся или отпущенные на свободу. Один из церковных памятников, дошедший до нас в списках XV в., но относящийся к более раннему времени, употребляет термин «изгойство» в значении лишних денег, взятых сверх цены раба (холопа). Тот же памятник восстает против обычая брать изгойство с детей, отцы которых выкупались на свободу, а дети родились уже после освобождения отцов. Вольноотпущенники все же не становились вполне равноправными с остальными свободными людьми и сохраняли некоторую связь с бывшими владельцами. Этим объясняется тот факт, что изгои садились на землю целыми деревнями, оставаясь в зависимости от землевладельца. Смоленский князь Ростислав Мстиславич отдал смоленской епископской кафедре села с изгоями. Изгои часто встречаются среди церковных людей, т. е. людей, работавших на земле, принадлежавшей церкви. Можно поэтому предположить, что после освобождения изгои преимущественно передавались церкви.

Таким образом, изучение положения рабов (холопов) приводит к выводу, что они не могли быть основной рабочей силой в хозяйстве XI—XIII вв. Их положение соответствовало не рабовладельческим, а феодальным производственным отношениям.

Главной силой в феодальном хозяйстве были не рабы, а крестьяне, жившие на земле феодала и несшие в его пользу феодальные повинности. В Киевской Руси непосредственные

производители на земле, крестьяне, носили общее название смердов. Попытки историков найти общее определение для смердов не могли быть удачными, так как в XI—XIII вв. смерды не представляли собою однородную социальную категорию. Академик Греков правильно установил, что необходимо искать общее определение для смердов не в юридических признаках, а в социальных отношениях. Смерд был вначале свободным членом крестьянской соседской общины — верви. Развитие частного землевладения, сопровождавшееся ростом феодальных производственных отношений, привело к частичному разрушению общины, вследствие чего часть смердов попала в зависимое положение от землевладельцев. Крестьянские общины могли существовать и на территории частного феодального владения. В таком случае все члены общины несли феодальные повинности. Со времени развития феодальных отношений можно установить две основные категории смердов: во-первых, смердов, являвшихся лишь данниками князя, и, во-вторых, смердов, находившихся в той или иной степени зависимости от феодального собственника земли. Приниженное положение смердов отразилось в «Русской Правде», которая за убийство смерда взимала такой же штраф, как и за убийство холопа (5 гривен). Презрительное отношение господствующего феодального класса к смердам выразилось в превращении названия «смерд» в ругательное слово. Этим объясняется и происхождение слова «смердеть» — дурно пахнуть.

В своих высказываниях о крестьянах эпохи Киевской Руси В. И. Ленин относит смердов к категории феодально-зависимого населения. В работе «Левонародничество и марксизм» В. И. Ленин говорит: «Но крепостничество м о ж е т удержать и в е к а м и держит миллионы крестьян в забитости (напр., в России с IX по XIX век; в Китае еще больше столетий)» *). Таким образом, В. И. Ленин устанавливает общий хронологический период развития крепостнических, т. е. феодальных, отношений IX — XIX веков.

В двух других своих работах В. И. Ленин обращает особое внимание на XI—XII вв. как на время развития феодальной зависимости. В работе «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин говорит: «...отработки держатся едва ли не с начала Руси (землевладельцы кабалили смердов еще во времена Русской Правды)...» **).

К этому же вопросу В. И. Ленин возвращается в работе «Проект речи по аграрному вопросу во Второй Государственной Думе»:

«И «свободный» русский крестьянин в 20-м веке все еще вынужден идти в кабалу к соседнему помещику — с о в е р ш е н н о

*) Ленин. Соч., т. XVII, стр. 514.
**) Там же, т. III, стр. 150.

т а к ж е, как в 11-м веке шли в кабалу «смерды» (так называет крестьян «Русская Правда») и «записывались» за помещиками!» *).

В этих двух высказываниях В. И. Ленин, во-первых, сближает крестьян Киевской Руси, смердов, с крепостными крестьянами эпохи феодализма; во-вторых, отмечает их бедственное материальное положение, в силу которого землевладельцы кабалили смердов.

Категории закабаленных крестьян наши источники присваивают термин «закуп». В исторической литературе были попытки рассматривать закупов в качестве наемных рабочих (Чичерин, Сергиевич). Явление закупничества в XII—XIV вв. было широко распространено не только в Киевской Руси, но и среди югославянского и западнославянского населения. Под таким же термином эта категория зависимого населения встречается у чехов — закуп, у сербов — закупь. Существует также ряд других терминов, выражающих те же или близкие социальные отношения. Сущность закупничества заключалась в том, что крестьянин получал от землевладельца землю, а также помощь, необходимую для хозяйственного обзаведения. За пользование землей и за свое покровительство феодал требовал от закупа определенных повинностей, а также отработок в своем хозяйстве. Закуп по «Русской Правде» брал у господина подмогу (купу) и получал участок земли (отарицу). Часто закуп работал инвентарем своего господина (лошадь, борона, плуг). Повинности носили различный характер: закупы работали на барщине, но возможно, что и платили господину натуральный оброк. Господин мог распоряжаться закупом и посылать его по тому или другому делу. В случае побега закуп превращался в холопа. Но в то же время закон охранял личные и имущественные права закупа (в отличие от холопов). Закуп имел право жаловаться князю и его судьям на обиды, нанесенные ему господином. Весьма возможно, что статьи, ограждающие закупа от порабощения или обиды со стороны господина, появились в «Русской Правде» в связи с восстанием в Киеве в 1113 году.

Особую категорию среди феодально-зависимых людей составляли «рядовичи». По наиболее вероятному толкованию этого термина, основным признаком рядовича было заключение «ряда» (договора с господином). Подобный договор «Русская Правда» предусматривает при женитьбе свободного человека на рабыне, а также при поступлении на службу тиуном или ключником. Хотя рядович был свободным человеком, вступившим в особые отношения с господином на основании заключенного соглашения — ряда, — однако характер этих отношений для обеих сторон был неравноправным. Академик Греков правильно устанавливает, что рядович вступал в зависимость крепостнического ха-

*) Ленин. Соч., т. XI, стр. 98.

рактера. Это сближает его с положением закупа. Наряду с тиуном и ключником рядовичи являлись агентами княжеской администрации. Один из писателей XIII в. (Даниил Заточник) советует не селиться вблизи княжеского имения, чтобы не быть обиженным со стороны его агентов: «Тиун бо его (князя) яко огнь трепетицию (можжевельником) накладен, а рядовичи его яко искры».

Усиление феодально-крепостнического гнета обострило классовую борьбу в Киевской Руси. К сожалению, наши источники по самому своему характеру и происхождению мало интересовались жизнью эксплоатируемого населения. Но и в них классовая борьба нашла некоторое отражение. Феодальные владения росли в очень напряженной и враждебной обстановке. Развитие княжеского или боярского землевладения происходило за счет общины, которая сопротивлялась этому насилию. Поэтому «Русская Правда» много внимания посвятила убийствам княжеских агентов, случаям умышленного поджога гумна или разорения тех или иных хозяйственных угодий.

Первым народным восстанием, известным нам по летописям, является восстание в Суздальской земле в 1024 г. По словам летописи, когда Ярослав находился в Новгороде, в Суздальской земле начался голод. Тогда население под предводительством волхвов стало избивать «старую чадь». Старая чадь — это высшие слои местного населения, возможно, это выделившиеся из общины землевладельцы. В других памятниках «старая чадь» противопоставляется «простой чади», под которой разумеются бедные слои населения. Ярослав прибыл из Новгорода и наказал участников восстания.

Подобный же характер носило восстание 1071 г. В этом году в Ростовской земле также была «скудость». Во главе восставших появились волхвы из Ярославля, которые говорили населению, что они знают «кто обилие держит». Приходя в погосты, расположенные по Волге и Шексне, волхвы указывали на «лучших жен», уверяя, что одни из них прячут хлеб, другие — мед, рыбу и меха. По рассказу летописи, они надрезывали кожу на плечах у женщин и вынимали спрятанные продукты. Затем они убивали женщин, а их имущество брали себе. Смысл этого летописного рассказа объясняет религиозный обычай, который можно было наблюдать среди мордовского населения еще в XIX в. Во время праздника Веленмолян особые сборщики обходили избы и собирали у женщин различные продукты. Замужние женщины заранее заготовляли приношения в мешочках, обнажали плечи и грудь и становились спиной к двери в ожидании сборщиков. Войдя в избу, один из сборщиков делал особым ножом легкие уколы в обнаженную спину женщины и получал от нее мешочки с мукой, медом, маслом, яйцами и другими продуктами. Действительной причиной движения было тяжелое экономическое положение населения. Когда толпа восставших подо-

шла к Белоозеру, она, по летописным сведениям, достигла 300 человек. В это время в Белоозере оказался Ян Вышатич, посланный черниговским князем Святославом собирать дань. Когда белоозерцы рассказали ему, что восставшие убили многих жен, Ян Вышатич спросил, чьи это смерды? Узнав, что они были смердами князя Святослава, Ян Вышатич усмирил восставших и захватил волхвов. В обоих рассмотренных случаях восстание было вызвано голодом, в условиях которого феодальная дань приобретала особую тяжесть для беднейших слоев населения. Недовольством народа стремились воспользоваться служители старого языческого культа (волхвы). Поэтому религиозные мотивы сплетались с классовым выступлением.

Хотя при господстве феодального натурального хозяйства рыночные связи и не могли быть значительными, тем не менее не следует преуменьшать развития торговли в Киевском государстве XI—XII вв. Если в предшествующий период торговля носила преимущественно транзитный и внешний характер, то в данное время усиливались местные рыночные связи. Это оказало большое влияние на положение городов. В конце X и в течение XI вв., особенно во время Владимира Святославича и его сына Ярослава Владимировича, было построено много городов, которые являлись по существу феодальными замками, оборонявшими границы владения или служившими военными или административными пунктами. В том случае, когда, города-замки располагались на удобных дорогах, около их укрепленных стен возникали поселения ремесленников и купцов. Город превращался в экономический центр, распространявший влияние на более или менее значительную территорию.

Таким образом, за период времени IX—XII вв. город на территории восточных славян прошел разные стадии развития. Вначале он был укрепленным центром сельской общины—верви. С образованием Киевского государства наиболее распространенным типом города (за исключением нескольких крупнейших городов) был укрепленный замок князя или его феодала. Экономическое развитие превращало укрепленные города в центры ремесленного производства и торговли. Вырастали местные экономические центры, которые затем становились политическими центрами обособившихся феодальных княжеств.

Изменения, происшедшие в системе административного устройства Киевского государства, соответствовали его социально-экономическому развитию. Сила первых князей заключалась в их боевой дружине, которая обычно переходила с князем с места на место. Отношение князя к дружине хорошо выражено в известных словах, приписанных в летописи Владимиру Святославичу: «Яко сребром и златом не имам налезти дружины, а дружиною налезу сребро и злато», т. е. сберегая серебро и золото, князь не соберет дружину, а имея дружину, добудет с ней серебро и золото.

С развитием феодального хозяйства княжеская дружина превратилась в феодальных землевладельцев. Вследствие этого в самой дружине произошло неизбежное расслоение. Из состава дружины выделилась высшая часть, получившая название «старшей» или «отней» (отцовской) дружины. Старшая киевская дружина сложилась в основном в княжение Владимира и Ярослава. Боярин-землевладелец, член старшей княжеской дружины, выходил на войну уже не один, а выводил с собой своих вооруженных слуг. Осев на земле, дружина князя связывала себя более прочно с местными интересами. Если раньше дружина называлась по имени князя: Игорева, Святославова, Владимирова, то теперь ее обозначением стало название земли или города (дружина Киевская, Черниговская, Переяславская и др.).

Другой частью дружины была младшая, или «молодшая», княжеская дружина. Вначале она, повидимому, действительно состояла из юношей, сыновей княжеских дружинников, служивших в княжеском дворе в виде дворцовой прислуги. К ее составу принадлежали: «гриди», «детские», «отроки», позже появляются названия «дети боярские» и «дворяне». (Впервые термин «дворяне» встречается во второй половине XII в.). Из состава младшей дружины комплектовалась княжеская дворцовая прислуга, а также вооруженные слуги княжеской охраны.

Превратившись в землевладельцев, дружина стала еще более независимой от княжеской власти. Князья не только советуются с дружиной, но заключают с нею «ряд» — договор. Дружина, недовольная князем, нередко открыто говорила ему об этом. Например, когда в 1169 г. князь Владимир Мстиславич задумал поход на Киев, не посоветовавшись предварительно с дружиной, то дружина ему сказала: «О себе еси, княже, замыслил, а не идем по тобе, мы того не ведали». До середины XI в. мы находим лишь отдельные намеки на существование вечевых собраний в городах. С конца XI в. деятельность веча в городах Киевского государства увеличивается с каждым десятилетием и к началу XII в. достигает полного расцвета. Во второй половине XIII в. вече замирает на основной территории русских княжеств. Оно сохраняется в последующее время только в немногих городах северо-западной территории: в Новгороде, Пскове, Смоленске, Полоцке и др. В Новгороде и Пскове вече просуществовало до конца политической самостоятельности этих городов. Летопись об участниках вечевых собраний говорит неопределенно: «люди» или «кияне» (киевляне) или «гражане» (т. е. жители города). Таким образом, на вече могли присутствовать все свободные и дееспособные жители города (не участвовали женщины, дети, холопы). Но в действительности главная роль в вечевых собраниях принадлежала жителям, входившим в состав городского войска. Так, например, в 1068 г. на вече участвовали киевляне, прибывшие в город после неудачного похода на половцев.

Для характеристики вечевых собраний особый интерес представляют события в Киеве в 1147 г. После смерти киевского князя Всеволода Ольговича киевляне согласились признать своим князем его брата Игоря. Когда Игорь приехал в Киев, он собрал жителей города и велел целовать себе крест. Однако киевляне вновь собрались в другом месте города и вступили в переговоры с братом Игоря — Святославом Ольговичем. Они обвиняли прежних княжеских тиунов в различного рода злоупотреблениях. Во время этих переговоров князь Святослав и киевляне сидели на конях. Таким образом, участниками вечевого собрания были не все жители Киева, а те из них, которые входили в состав конного городского войска.

Этим составом вечевых собраний определяется та роль, которую вече играло в XI—XII вв. Если до середины XI в. главной боевой силой князя была его дружина, то с развитием феодальной борьбы между князьями, во время которой происходили постоянные столкновения с половцами, сила дружины была уже недостаточной. Князья поэтому опираются на помощь сельских и городских ополчений. Создание особого городского ополчения стало возможно в результате социально-экономического развития городов и образования относительно многочисленного свободного городского населения. Военная сила городов поднимала политическое значение веча, которым оно в предшествующий период не обладало. Хотя вече XI—XII вв. имело отдаленную генетическую связь с народными собраниями более раннего времени, но его деятельность происходила в совершенно иной социально-экономической обстановке. Вече не могло быть формой демократического участия населения в правлении. Им руководили богатые и влиятельные граждане, которые, вероятно, участвовали своими средствами в вооружении ополчения. Во главе городского войска стоял тысяцкий, игравший крупную роль в жизни города. Опираясь на военную силу городского ополчения, вече действовало в интересах высших слоев городского населения, вступало в соглашение с князем, призывало его на княжение и в случае конфликта выступало против княжеской власти. Князья, нуждавшиеся в дополнительной военной силе городского ополчения, принуждены были считаться с решениями веча.

Социально-экономические и политические условия, поднимавшие значение веча, изменились во второй половине XIII в. К этому времени окончательно сложилось феодальное ополчение крупных землевладельцев во главе с князем. Опираясь на своих феодалов, князь перестал нуждаться в помощи городов, которая не всегда была ему благоприятна. Поэтому в тех землях, где усилилась княжеская власть, вечевая деятельность к концу XIII в. замирает. Наоборот, в Новгороде и Пскове наступает расцвет вечевой организации.

НАЧАЛО РАСПАДА КИЕВСКОГО ГОСУДАРСТВА

Во второй половине XI в. стали появляться первые признаки начинающегося распада Киевского государства. На южной границе в это время был большой приток половцев.

По рассказам византийских писателей XII в., половецкая орда представляла грозную силу. Евстафий Солунский говорит о неожиданных нападениях половцев: «В один миг половец близко, и вот его уже нет. Он вихрем несется, как бы желая перегнать быструю птицу. Еще его не успели увидеть, а он уже скрылся из глаз». Другой византийский писатель — Никита Акоминат называет половцев «крылатой стаей, налетавшей на землю и опустошавшей ее хуже саранчи».

Нападения половцев на русские земли сопровождались уничтожением сельского хозяйства, уводом населения, разрушением городов. Половцы прорывались через укрепленные линии на юге, вторгались в Переяславское княжество, а при удаче — подходили к самому Киеву. Населенные земли после таких походов превращались в пустыню. С 1061 по 1210 г., по данным русских летописей, насчитывается 46 больших половецких набегов, исключая те, которые были результатом приглашения половцев со стороны самих русских князей.

Все Приднепровье с середины XI в. находилось в состоянии постоянной тревоги. Борьбу с половцами осложняли межкняжеские отношения, так как русские князья приглашали половцев для борьбы друг с другом.

Ярослав Владимирович еще при жизни составил завещание сыновьям, распределив между ними города и земли Киевского государства. Старший сын Изяслав получил Киев, следующий, Святослав — Чернигов, Всеволод — Переяславль, Игорь — Владимир-Волынский, Вячеслав — Смоленск. Изяслав был старшим между братьями, он сидел в Киеве «в отца место», т. е. ему передавалось старейшинство над всеми братьями-князьями.

Изяслав после смерти отца княжил в Киеве до 1068 г. В этом году русские князья потерпели поражение от половцев на р. Альте (правый приток р. Трубежа). Разбитый, Изяслав вернулся в Киев. Тогда киевские люди собрались на вече на торговой площади и послали сказать князю: «Вот половцы распространились по земле. Дай нам, князь, оружие и лошадей, и мы еще пойдем биться с ними». Изяслав отказал им в этом. Киевляне с веча пошли на двор княжеского воеводы Коснячко, но не нашли его там. После этого часть толпы отправилась освобождать посаженную в тюрьму (погреб) городскую дружину; этот эпизод указывает на то, что еще до выступления веча были какие-то волнения среди городского ополчения (дружины). Другая часть киевлян пошла к князю на двор. Летописец картинно описывает, как народ стоял внизу и разговаривал с князем, находившимся вместе со своей дружиной в сенях; во время переговоров князь

выглядывал в оконце. Когда Изяслав убедился в том, что ему не справиться с восставшими киевлянами, он вместе с приближенными бежал в Польшу. Вместо него восставшее население посадило князем в Киеве полоцкого князя Всеслава, которого Изяслав держал в заключении. Двор Изяслава был разграблен. Таким образом, поводом для данного восстания послужил неудачный поход против половцев и связанная с этим угроза разгрома Киева. Тяжесть половецких набегов ложилась главным образом на сельское население, которое подвергалось разграблению или уводу в плен. Следует поэтому предполагать, что в составе восставших «киевских людей» находились как жители самого города, так и близ расположенных сел и деревень (смерды).

Изяслав, выгнанный киевлянами, бежал в Польшу. Вскоре он вернулся назад при поддержке своего двоюродного брата, польского короля Болеслава. Изяслав жестоко расправился с киевлянами. Польские войска были распущены по земле «на прокорм». Насилия поляков вызвали сильное возбуждение среди населения, о котором летописец сообщает в следующих словах: «Избиваху ляхи отай» (т. е. избивали поляков тайно, неожиданно). Болеслав принужден был возвратиться в Польшу.

В 1073 г. между старшими братьями, Изяславом, Святославом и Всеволодом, вспыхнула борьба. Святослав и Всеволод напали на Изяслава и выгнали его из Киева. Киевским князем стал Святослав, а после его смерти (1075) освободившийся киевский стол занял третий брат — Всеволод. Между тем изгнанный из русских земель Изяслав скитался по Западной Европе в поисках союзника. Ему удалось заручиться поддержкой папы и польского короля. С этой поддержкой он вернулся на родину и занял Киев (1078).

Старшим братьям пришлось вскоре встретиться с притязаниями младших князей, их племянников, которые требовали выделения им «отчин». Среди последних были сыновья ранее умершего Ростислава Владимировича (Володарь и Василько), сыновья Святослава Ярославича (Глеб, Олег, Роман), Давид Игоревич, Борис Вячеславич. Младшие князья, недовольные распоряжениями старших, уходили обычно в самую отдаленную русскую землю — Тмутаракань (Таманский полуостров), откуда со сборными дружинами и с половецкой подмогой нападали на Киевское княжество. В 1078 г. Всеволод Ярославич пошел против племянников, но был разбит. Тогда он обратился за помощью к киевскому князю Изяславу. Союзники на Нежатиной Ниве одержали победу над младшими князьями, но в сражении был убит Изяслав Ярославич. Киевский стол занял Всеволод Ярославич (1078—1093).

Время княжения Всеволода было очень беспокойным. Ему пришлось вести непрекращавшуюся борьбу с младшими князьями, осложнившуюся вмешательством половцев. После его смер-

ти киевляне приглашали занять киевский стол сына Всеволода— Владимира Мономаха. Но последний не хотел столкновений с двоюродным братом — Святополком Изяславичем. Он сказал: «Если я займу стол отца (т. е. Киев), то мне придется вести войну со Святополком, потому что его отец занимал еще раньше этот стол». Святополк, старший из внуков Ярослава, стал киевским князем (1093—1113).

В межкняжеских отношениях после Ярослава Владимировича происходило постоянное обособление княжеских владений, причем каждый князь стремился сохранить «отчину», т. е. землю своего отца. Первые три старших сына Ярослава (Изяслав, Святослав и Всеволод) в важнейших случаях действовали еще совместно. После смерти последнего из них положение киевского князя стало менее устойчивым. Киевский князь уже не представлял для других князей авторитета высшей политической власти. Он мог заставить других князей подчиняться, лишь опираясь на фактическую силу, находившуюся в его распоряжении. Поэтому киевские князья стремились владеть по крайней мере главными городами, держать в них своих сыновей и союзников. Но стремление к увеличению собственно киевских владений встречалось с противоположным желанием остальных князей не только отстоять свои отчинные земли, но и увеличить их новыми приобретениями. При этом вследствие того, что один и тот же город последовательно занимали разные князья, отчинные права их сыновей и внуков переплетались между собой. При отсутствии сильной политической власти единственной возможностью для урегулирования княжеских отношений был съезд князей.

По предложению Владимира Мономаха русские князья в 1097 г. собрались на съезд в Любече. Они говорили на съезде: «Зачем губим русскую землю, сами возбуждая смуту, а половцы раздробляют нашу землю и рады тому, что мы боремся друг с другом. Пусть с этого времени мы будем иметь единое сердце и сообща охранять русскую землю. Пусть каждый владеет своей отчиной» («Каждо да держит отчину свою»).

Таким образом, Любецкий съезд признал обособление отдельных земель как наследственных княжеских владений, т. е. признал политическое раздробление Киевского государства. Однако князья, заинтересованные в выполнении постановления этого съезда, не обладали достаточной для этого силой. Решения Любецкого съезда были тотчас же нарушены. Один из князей — Давид Игоревич, князь владимиро-волынский, желал отнять земли у своего соседа — теребовльского князя Василько Ростиславича. Он совместно с киевским князем Святополком Изяславичем заманил Василько в Киев, где на него вероломно напали и выкололи глаза. Это событие вызвало новый съезд в Витичеве (1100). Собравшиеся князья обвиняли Давида в том, что он первый бросил нож между ними, чего раньше не было в русской

земле. Было решено в наказание отнять у него город Владимир-Волынский.

Наступившее временное соглашение между князьями позволило возобновить борьбу с половцами. В 1103 г. киевский князь Святополк и Владимир Мономах вместе с дружинами сошлись на совещание под Киевом, у Долобского озера. Владимир Мономах предложил ранней весной предпринять совместный поход в половецкие степи. Дружина Святополка возражала, указывая на то, что весенний поход помешает смердам произвести пахотьбу. («Хочем погубити смерды и ролью их»). Повидимому, забота о смердах была вызвана опасением дружины Святополка за состояние своего хозяйства. На это Владимир Мономах отвечал: «Странно мне, что вы жалеете лошадь, а не жалеете самого смерда. Ведь придет половчанин, убьет смерда стрелою, захватит его жену, детей и имущество. Не будет ли тогда жаль самого смерда». Предпринятый весной поход закончился разгромом половцев, которые на некоторое время перестали нападать на южно-русские земли.

Князь Святополк Изяславич умер в Киеве в 1113 г. Население города не любило этого корыстного князя, не стеснявшегося никакими средствами для своего обогащения. Тотчас после его смерти началось восстание киевлян. Киевляне разграбили двор тысяцкого Путяты, который держал сторону князя Святополка, затем пограбили дворы сотских и ростовщиков-евреев. Тогда киевляне стали звать Владимира Мономаха в Киев, говоря ему, что если он не придет, то произойдет много зла, так как не только пограбят тысяцкого, сотских и ростовщиков-евреев, но пойдут и на бояр, и на монастыри, и на княжеское семейство. Эти слова указывают на то, что восстание киевского городского населения носило классовый характер. Оно было вызвано как феодальным угнетением, так и эксплоатацией населения со стороны ростовщического капитала. Владимир Мономах поспешил занять киевский стол. Он подавил восстание, но вместе с тем несколько ослабил давление ростовщического капитала. Для этой цели он собрал в загородном княжеском селе Берестове своих ближайших дружинников и вместе с ними выработал новый закон (устав) для взимания процентов при заключении займа. По этому закону заимодавцу, отдававшему капитал в рост за 50 проц. годовых, разрешалось брать проценты в течение двух лет. В случае, если заимодавец брал проценты за третий год, он лишался капитала, отданного в рост. С восстанием 1113 г. связано также законодательство Владимира Мономаха о закупах, включенное в «Русскую Правду». Оно несколько смягчило положение закупов, которым разрешалось жаловаться князю на обиды со стороны их господина.

Княжение Владимира Мономаха (1113—1125) является временем нового усиления власти киевского князя и укрепления политического единства Киевского государства. Владимиру Мо-

номаху удалось заставить повиноваться себе большинство русских князей. В главнейших городах — Новгороде, Переяславле, Смоленске, Суздале — он держал своих сыновей. Под его непосредственным влиянием находилась Волынская земля. Владимир Мономах властно вмешивался и в дела Полоцкого княжества.

Владимир Мономах оставил после себя «Поучение к детям», прекрасно обрисовавшее образ этого князя. Повидимому, оно было написано незадолго до смерти. В течение жизни Владимир Мономах вел какие-то записи. Он выписывал понравившиеся ему места из прочитанных книг, принадлежавших к нравоучительной церковной литературе. Кроме того, он вел краткие записи о главнейших событиях своей жизни. Этими записями определяется состав и план «Поучения», распадающегося на две части: на наставление сыновьям и на краткое описание жизни. В наставлении сыновьям Мономах рисует образ добродетельного князя, который должен жить в духе религиозных требований церкви, быть хорошим, гостеприимным хозяином в доме, храбрым воином и предусмотрительным полководцем на войне. Про себя Владимир Мономах говорит, что он «худого смерда и убогой вдовицы не дал сильным обидеть». Практический смысл этого наставления становится ясным после восстания 1113 г. в Киеве.

Во второй части «Поучения» Владимир Мономах рассказал о своей беспокойной жизни. Он совершил 83 больших похода, не считая более мелких, которых не мог и припомнить. Во время борьбы с половцами он «полонил», т. е. захватил в плен до 100 лучших половецких князей. Другим любимым занятием князя была охота. Своими руками Владимир Мономах связал несколько десятков диких коней, два раза тур его метал на рога, бодал олень, однажды лось топтал его ногами, в другом случае лось бодал, вепрь сорвал с бедра меч, медведь укусил за подкладку (попону) у колена, «лютый зверь» (барс) повалил его вместе с лошадью. Описывая примеры своей боевой и охотничьей жизни, Владимир Мономах рекомендовал сыновьям быть храбрыми. «И с коня много падал, — говорит он про себя, — голову разбивал дважды, и руки и ноги свои повреждал в юности, не жалея жизни своей, не щадя головы своей».

Сын Владимира Мономаха — Мстислав I, заняв после смерти отца киевский стол (1125—1132), старался продолжать политику отца в деле поддержания политического единства русских земель под главенством киевского князя. Однако Владимиру Мономаху и Мстиславу I удалось лишь на короткое время приостановить распад Киевского государства, причина которого заключалась не в политике киевского князя, а в новых экономических и политических условиях, возникших в результате развития местных феодальных центров. Начавшийся с середины XI в. процесс распада Киевского государства, несколько задержавшийся при Владимире Мономахе и Мстиславе I, привел в XI—XII вв.

к образованию значительного числа самостоятельных или полусамостоятельных феодальных русских княжеств. Единое Киевское государство перестало существовать.

Возникновение и развитие обширного Киевского государства в Восточной Европе имело огромное значение для всех населявших ее народов. Оно является историческим этапом в их общественно-экономическом и культурном развитии. Оно оказало большое влияние на последующую историю этих народов. Маркс сравнивал значение Киевского государства для народов Восточной Европы со значением империи Карла Великого для народов Западной Европы. «Подобно тому, — говорит Маркс, — как империя Карла Великого предшествовала образованию нынешней Франции, Германии и Италии, так и империя Рюриковичей являлась предшественницей образования Польши, Литвы, Балтийских поселений, Турции и самой Московии» («Секретная дипломатия XVIII века»).

ФЕОДАЛЬНАЯ РАЗДРОБЛЕННОСТЬ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ И ФЕОДАЛЬНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ В СРЕДНЕЙ АЗИИ И ЗАКАВКАЗЬЕ в XI—XIII вв.

РАСПАДЕНИЕ КИЕВСКОГО ГОСУДАРСТВА

Вопрос о причинах распадения Киевского государства и возникновения на его территории обособившихся княжеств занимает крупное место в русской исторической науке. Первые серьезные попытки найти объяснение этого явления были сделаны С. М. Соловьевым. По его мнению, распадение больших княжеств киевского периода на «уделы» (Соловьев называл княжеские владения, передававшиеся по наследству, «удельными») произошло под действием особых условий, сложившихся на северо-востоке русских земель. Согласно концепции Соловьева, князья Рюриковичи, явившись в Приднепровье, занятое старыми насельниками-славянами, среди которых господствовали родовые отношения, подчинились их общественному порядку. На северо-востоке наблюдается другая картина: славянские поселенцы с берегов Днепра пришли в бассейн Оки и Волги, где уже хозяйничал князь на свободном, но незаселенном просторе. Это привело на севере к развитию землевладения и к усилению княжеской власти.

В противоположность киевским князьям, легко бросавшим один город ради другого, переходившим с места на место, северные князья — это прежде всего вотчинники, заботящиеся об увеличении своих земельных владений. Они смотрят на землю, как на свою собственность. Поэтому наравне с остальным имуществом северные князья делили территорию княжества на части, отделяя каждого из своих сыновей. Так, по мнению Соловьева, сложилась «удельная система».

Концепция Соловьева была принята его учеником В. О. Ключевским, который изложил ее в более стройном виде и внес некоторые, в общем несущественные, дополнения. Вслед за своим учителем Ключевский также считал, что в действиях южных князей не было заметно мысли о праве собственности на землю. На северо-востоке, наоборот, территория княжества стала считаться личным и наследственным владением князей. «Удельный порядок, — говорит Ключевский, — держался на двух основаниях, на геогра-

фическом и политическом: он создан был совместным действием природы страны и ее колонизации». Географической особенностью Северо-Восточной Руси была частая сеть рек и речек, текущих в различных направлениях. Колонисты, пришедшие в этот край с южной Киевской земли, осаживались в речных долинах, которые служили готовыми рамками для удельного дробления и поддерживали его. Князья не нашли здесь сложившегося общественного порядка. Чувствуя себя полными хозяевами в этой земле, они приучились смотреть на нее как на свою собственность. Соединение земельной собственности с желанием никого из сыновей не обидеть, каждому дать часть из отцовского достояния, и привело, думал Ключевский, к все возраставшему дроблению территории княжеств на «удельные» владения.

Соловьев и Ключевский отрицали существование феодальных отношений в русских землях. По мнению Ключевского, «удельная» система только напоминала феодальные порядки Западной Европы. Но это были явления не сходные, а параллельные. Для сходства, по мнению Ключевского, недоставало двух «феодальных особенностей»: 1) соединения служебных отношений с поземельными и 2) наследственности тех и других. Ключевский утверждал, что этих феодальных явлений в России не было.

Концепция Соловьева и Ключевского, отрицавшая феодальный период в истории России, встретила возражения в конце 90-х годов XIX в. со стороны Н. П. Павлова-Сильванского. В ряде статей, позднее обобщенных в работе «Феодализм в древней Руси», Павлов-Сильванский доказывал тождество между русскими и западноевропейскими феодальными порядками. При этом Павлов-Сильванский в определении признаков феодализма следовал за западноевропейскими буржуазными историками. Он видел их не в способе производства, а в политической организации общества.

Ошибочной оказалась и концепция М. Н. Покровского о распадении Киевского государства. М. Н. Покровский возражал против представления, что Киевская Русь распалась на мелкие политические единицы. По его мнению, распадаться было нечему, так как и раньше Киевская Русь не представляла собою политического единства. М. Н. Покровский не видел принципиальной разницы в политическом устройстве Киевской Руси X—XII вв. и Северо-Восточной Руси XIII—XIV вв. «Во внутреннем управлении, — говорит Покровский, — «володеть» в XIII и XIV ст. значило то же, что и в XII и даже в X в.: и раньше и позже дело сводилось к собиранию доходов в разных видах». Поэтому Покровский отрицал особый «удельный период» в русской истории.

По мнению Покровского, новый период в русской истории был обусловлен двумя внешними «катастрофами»: падением Киева во второй половине XII в. и завоеванием Руси татарами. Первая причина привела к передвижению центра исторической жизни русского населения на северо-восток. Вторая причина вызвала упадок городской жизни. При этом Покровский замечает, что оба «переворота»

были подготовлены передвижением мировых путей, так как после взятия крестоносцами Константинополя в 1204 г. стал действовать для сообщения Запада с Востоком средиземноморский путь, более короткий, чем дорога через Балтийское море и волховско-днепровскую систему.

Методологические указания классиков марксизма позволяют нам найти правильное объяснение для процесса распада Киевского государства.

В. И. Ленин первый дал научное определение русскому феодализму, исходя из способа производства и системы общественных отношений. Феодальное натуральное хозяйство неизбежно приводит к политической обособленности. И. В. Сталин на примере феодальной Грузии показал, что экономическая раздробленность препятствует политическому объединению страны *).

Причины распада Киевского государства следует искать в условиях его экономического развития. В XI—XII вв. в Среднем Приднепровье, как и в других землях Киевского государства, сложилось крупное княжеское, боярское и церковное землевладение. Каждое более или менее значительное владение было в экономическом отношении вполне самостоятельным комплексом различных угодий, группировавшихся вокруг общего административного центра — двора феодала. Экономические связи в большинстве случаев ограничивались теми ближайшими городами, в которых под защитой укрепленных стен успело сложиться мелкое ремесленное производство и где существовал местный рынок.

В XI—XII вв. мелкое ремесленное производство существовало во многих городах, в том числе и в тех из них, которые в предшествующем периоде играли лишь военно-административную роль. Примером их может служить недавно исследованное Райковецкое городище (недалеко от гор. Бердичева). Город, повидимому, был сооружен в конце XI в. и входил в систему укрепленной линии, тянувшейся по рекам Случу, Тетереву и Верхнему Бугу. Она прикрывала Киев с юго-западной стороны. Около середины XIII в. город был разрушен, как предполагают, войсками галицкого князя. По счастливой случайности остатки разрушенного города, покрытые пеплом пожара, были занесены слоем песка и земли. Они сохранились почти в полной неприкосновенности до тех пор, пока лопата археологов не сняла лежавшего на них в течение многих столетий покрова. Перед археологами предстала изумительная картина города, ставшего жертвой меча и огня. Сотни костяков, лежавших в одиночку и группами, свидетельствуют об ожесточенном сражении на улицах и площадях, которым навсегда закончилась жизнь этого города. В нем было развито железоделательное производство, сырьевой базой которого являлся болотный железняк, добывавшийся в непосредственной близости от городища. Во время раско-

*) См. Сталин. Марксизм и национально-колониальный вопрос, стр. 5—6. Партиздат. 1937.

пок были обнаружены остатки литейного горна и кузнечной мастерской. Железные изделия имели разнообразное назначение; среди них найдено много предметов вооружения (копья, топоры, стрелы, мечи, булавы и пр.), сельскохозяйственный инвентарь (косы, серпы, наральники и пр.), инструменты, предметы домашнего обихода и др. В городе существовало производство медных изделий, в том числе украшений, и ювелирное производство из серебра и золота.

Найденные в большом количестве однотипные предметы сельскохозяйственного инвентаря местного производства и скелеты рабочего скота служат показателями постоянных связей, существовавших между городом и сельским хозяйством. В городе находился замок феодала, готовый, в случае военной тревоги, принять под свою защиту окрестное население; город был одновременно административным и хозяйственным центром для тяготевшей к нему территории.

Небольшой феодальный мирок не нуждался в постоянных внешних связях. Торговые сношения между городами не могли соединить их в общую экономическую систему. Не только крупный, но и мелкий феодал чувствовал почти полную экономическую самостоятельность. Еще более независимым и в экономическом и в политическом отношении был властитель отдельного княжества.

Первые признаки политического распада Киевского государства появились вскоре после смерти Ярослава Владимировича. Оставляя «ряд» (завещание) своим сыновьям, Ярослав по существу поступил так, как поступали его отец и дед, рассаживавшие своих детей по разным городам, а в Киеве садившие старшего сына. Но тогда борьба между братьями кончалась единовластием одного из них. Борьба между сыновьями и внуками Ярослава привела к другим результатам — к образованию обособившихся княжеских владений, что было признано Любецким съездом в 1097 году.

К середине XII в. обособление отдельных частей Киевского государства еще больше усилилось. В руках киевского князя уже не было средств поддержать прежнее единство Киевской державы. Даже такие сильные и властные князья, как Владимир Мономах и его сын Мстислав, могли лишь временно поднять значение киевской власти, но не в силах были предотвратить последующего разложения Киевского государства на отдельные части. Прежде всего обособились крупнейшие земли: Галицкая, Волынская, Полоцкая, Черниго-Северская, Ростово-Суздальская, Новгородская, Смоленская. Однако процесс экономического обособления и политического дробления с такой же закономерностью повторялся внутри этих земель, каждая из которых превращалась в систему мелких полунезависимых феодальных княжеств. В каждом крупном княжестве появляется отдельная княжеская династия со старшими и младшими линиями, с главной столицей и с второстепенными княжескими резиденциями.

Таким образом, выделение самостоятельных феодальных княжеств происходило не на одном северо-востоке русских земель, а

на всей территории Киевского государства. Это был не местный, а общий процесс.

Политический распад Киевского государства нельзя также рассматривать как последствие запустения Поднепровья, как экономическую деградацию. Запустение Поднепровья началось позже и было вызвано действием особых экономических и политических условий.

После превращения обособившихся земель в полусамостоятельные феодальные княжества борьба между князьями стала еще более ожесточенной. Князья попрежнему требовали себе «отчины» и «дедины», т. е. отцовских и дедовских владений. Но дедовские владения были общими для всех внуков, интересы которых сталкивались. Действительные мотивы борьбы заключались в стремлении каждого князя расширить свою территорию, захватить доходные земли и богатые города.

Недаром поэтому среди князей сложилась поговорка, что «не идет место к голове, но голова к месту».

Князь — «добытчик», а он был типичной фигурой этого времени, не считался ни с родовым старшинством, ни с договором, подкрепленным клятвенным обещанием. Его помыслы постоянно были обращены на то, чтобы прихватить кусок чужой территории, согнать соседа с княжения, а при удаче — занять киевский стол. Решающим фактором в этих столкновениях была та реальная сила, которой князь мог подкрепить свои требования и настоять на их выполнении.

В результате обособления Полоцкой, Новгородской, Ростово-Суздальской и других земель владения собственно киевского князя сокращались, превращались в небольшую территорию, окружавшую Киев. В соответствии с этим уменьшались и материальные средства, находившиеся в распоряжении киевского князя. Князья, боровшиеся за Киев, который еще считался общим политическим центром, опирались главным образом на свои местные владения. В случае победы князь занимал Киев, а при поражении — возвращался обратно в свое княжество.

В борьбе за Киев потомство Владимира Мономаха, считавшее Киев своей «отчиной», столкнулось с черниговскими князьями, являвшимися потомками Святослава Ярославича, который также когда-то владел Киевом. Но ни черниговские князья, ни Мономаховичи не имели внутреннего единства. В семье Владимира Мономаха, в свою очередь, происходила жестокая борьба между старшими князьями (дядьями) и младшими князьями (племянниками).

После смерти Мстислава I Киев стал переходящим владением в руках черниговских князей, а также сыновей и внуков Мономаха. Младший сын Владимира Мономаха Юрий Долгорукий вел борьбу за Киев из далекого Суздаля; не раз ему приходилось терпеть неудачи, после которых он возвращался в свои северные владения. Только в конце жизни Юрию Долгорукому удалось окончательно

укрепиться в Киеве и сохранить его за собой до смерти (1155—1157).

Едва умер Юрий, как Киев вновь занял один из черниговских князей. Однако вскоре он должен был уступить город Мономаховичу — Мстиславу Изяславичу. На последнего вооружился его двоюродный дядя Андрей Юрьевич Боголюбский, сидевший после смерти отца в Суздале. Он послал против киевского князя большое ополчение, в котором участвовало 11 князей. В 1169 г. войска Андрея Боголюбского взяли Киев и подвергли его страшному разгрому, какого, по словам летописца, никогда не было. Победив своего противника, Андрей Юрьевич Боголюбский остался в Суздале, а в Киеве посадил одного из младших братьев. Этот поступок наглядно показывает, насколько Киев в то время уже потерял прежнее значение. Теперь выросли новые экономические и политические центры, многие из которых стали сильнее старой столицы.

Признаки прогрессирующего хозяйственного запустения Поднепровья, появившиеся около середины XII в., стали быстро увеличиваться в последующее время. Одна из главных причин заключалась в неравномерности развития феодального хозяйства, которое раньше сложилось в бассейне днепровского пути, чем на окраинах Киевского государства. С развитием феодальной эксплоатации крестьяне стали уходить на не освоенные феодалами земли.

В этом же направлении действовали и княжеские усобицы. Территория, лежавшая вокруг Киева, стала в XI—XII вв. ареной самых ожесточенных столкновений. Борьба между князьями приняла наиболее губительную для населения форму, так как противники уничтожали сельское хозяйство, избивали или угоняли население. Не менее опустошительные последствия оставляли вторжения половцев, участившиеся в конце XII века.

Разорение коснулось не только Киева, но и всех южных городов, в том числе Новгород-Северского, Переяслава и Чернигова. Кроме того, на города днепровского пути неблагоприятное влияние оказало перемещение европейских торговых сообщений. В 1204 г. крестоносцы овладели Константинополем. Вскоре после этого события основная торговая магистраль между Европой и восточными странами была перенесена на Средиземное море. Этот путь был короче и удобнее ранее действовавшей кружной дороги через Балтийское море и волховско-днепровскую систему, которая не теряла прежнего экономического значения. Однако перемещение торговых путей нельзя считать основной причиной запустения Поднепровья, как это делал Покровский.

Разгром Киева войсками Андрея Боголюбского в 1169 г. потому и стал возможным, что Киев к этому времени потерял прежнее экономическое и политическое значение. Тем не менее во второй половине XII в. Киев еще остается объектом спора и кровавой борьбы между разными княжескими линиями. Его попеременно занимают суздальско-владимирские, черниговские, смоленские и

галицкие князья. Самые сильные князья того времени, особенно галицкие и владимиро-суздальские, стремились держать Киев под своим контролем. В 1203 г. Киев подвергся со стороны половцев, наведенных русскими же князьями, еще более страшному погрому, результаты которого превосходили, по словам летописца, все предшествовавшие случаи разорения города. Последний удар, нанесенный Батыем в 1240 г., лишь довершил начавшееся задолго до этого падение Киева, превратив древнюю столицу Киевского государства в груду развалин.

ФЕОДАЛЬНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ КИЕВСКОГО ГОСУДАРСТВА XI—XIII вв.

Развитие феодальных отношений привело Киевское государство к раздроблению на множество самостоятельных полугосударств. В некоторых из них утвердились местные княжеские династии. Другие хотя и не имели постоянных князей, но в экономическом и политическом отношении представляли самостоятельное целое. В Новгородской земле образовалась феодально-боярская республика. Таким образом, при наличии главных общих явлений в истории отдельных русских земель, на которые распалось Киевское государство, были свои местные особенности. Рассмотрим историю главнейших из этих образований.

Галицко-волынское княжество. Галицкая земля, упираясь в северо-восточные склоны Карпат, вытягивалась к берегу моря длинной полосой между Днестром и Прутом. Северная граница ее проходила в бассейне правых притоков Вислы: Сана и верховьев Вепря. Лесистые отроги Карпат, спускаясь к долине Днестра, переходят на левом берегу реки в холмистую гряду (Кременецкие горы), составлявшую водораздел между Черным и Балтийским морями. На этом водоразделе расположены верховья Южного и Западного Буга, а также многочисленных правых притоков Припяти. Постепенно понижаясь, местность вблизи Припяти превращается в заболоченные лесные пространства, составляющие южную часть Полесья. За перевалом Кременецкой гряды начиналась Волынская земля, лежавшая в своей основной части на правых притоках Припяти: Стоходе, Стыре, Горыни со Случем. Западная граница Волыни захватывала среднее течение Западного Буга и достигала верховьев Вепря.

Галицкая земля и южная половина Волыни обладали прекрасными природными условиями. Широкие речные долины отличались плодородием; тучный чернозем толстым слоем покрывал почву. Лиственные леса состояли преимущественно из дуба и березы. В верховьях Прута (около Колымыя) находились богатейшие запасы соли.

Галицкая и Волынская земли, явившиеся колыбелью Западной Украины, издавна были заселены славянскими племенами. В отрогах Карпат жили белые хорваты. По среднему и южному течению

Днестра, до морского побережья, жили уличи и тиверцы. Основную часть Волыни занимали дулебы или волыняне. С 80-х годов X в. эти земли входили в состав Киевского государства. Рассказывая о походе в 981 г. Владимира Святославича на ляхов (на Польшу) и о занятии им Червена, Перемышля и других городов, киевский летописец замечает: «иже суть и до сего дне под Русью». Упорную борьбу за эти земли с польским королем продолжал Ярослав Мудрый.

Общий для всего Киевского государства процесс выделения и обособления отдельных земель привел к образованию в конце XI в. Галицкого и Волынского княжеств, впоследствии соединившихся в одно Галицко-Волынское княжество. На съезде князей в Любече в 1097 г. Галицкая земля была отдана двум сыновьям Ростислава Владимировича (внука Ярослава Мудрого): Володарю и Василько. Оба князя упорно отстаивали свои галицкие владения в борьбе с поляками, венграми и соседними волынскими князьями. Василько говорил про себя: «аз бо ляхом много зла творих, и хотел есмь сотворити и мстити Русской земли» (я много зла сделал полякам и хотел еще им сделать и мстить за русскую землю).

По мере экономического развития Галицкая земля все больше втягивалась в торговые связи с соседними странами. Днестр близко подходит верховьями к правому притоку Вислы, Сану. Благодаря этому устанавливался почти сплошной водный путь по Висле и Днестру из Балтийского моря в Черное. Сближавшиеся между собою верховья Днестра, Одера и Вислы усиливали экономическую связь между Силезией, Чехией, Моравией, немецкими землями, южной Польшей и Галицкой землей. С другой стороны, из устья Днестра легко было попасть в устье Дуная, в Византию и Болгарию. С упадком волховско-днепровского пути экономическое значение Днестра еще больше повысилось. С этим был связан рост галицких городов: Перемышля и Ярославля на Сане и Галича на Днестре.

Другой особенностью Галицкой земли, наложившей отпечаток на ее историю, было сильное развитие крупного боярского землевладения. На днестровском черноземе, в отдалении от Киева, боярское феодальное хозяйство развивалось в очень благоприятных для себя экономических и политических условиях. В XII в. здесь существовали старые боярские роды, в обладании которых находились обширные земельные владения. В летописи с середины XII в. галицкие бояре обычно называются «галицкими мужами». Галицкое боярство окрепло раньше, чем окончательно утвердилась в Галицкой земле одна из ветвей киевских князей. И по своему составу это боярство несколько отличалось от боярства в других русских княжествах, где крупную роль играли осевшие на землю княжеские дружинники.

Разорение Поднепровья в XII в. еще больше усиливало галицких бояр, во владении которых оседали киевские переселенцы.

Наконец соседство с германскими землями, Венгрией и Польшей не могло не оказать влияния на организацию боярства по примеру западноевропейских феодалов. Недаром один венгерский памятник называет галицких бояр «баронами». Таким образом, галицкие бояре чувствовали себя более независимыми от княжеской власти, усилению которой они всячески противодействовали.

Галицкое княжество заметно усилилось во второй половине XII в. Князь Ярослав Осмомысл (1152—1187) занимал влиятельное положение как в отношении Киева, так и соседних европейских стран. Летописец рисует его умным и образованным князем; он был, говорит летописец, «мудр и речен языком» (знал разные языки). Может быть, эта образованность, поражавшая современника, и послужила причиной прозвища «Осмомысл» (по одному предположению, этот эпитет произошел от слов: «восемь смыслов»). Замечательную по художественной выразительности характеристику властного положения Ярослава Осмомысла дал автор «Слова о полку Игореве». «Галицкий Ярослав Осмомысл! — говорил автор «Слова о полку Игореве», обращаясь к нему с призывом помочь в беде русскому войску. — Высоко сидишь ты на своем златокованном столе, подперев горы угорские своими железными полками, загородив королю путь, затворив Дунаю ворота, метая тяжести через облака, суды рядя до Дуная. Грозы твои по землям текут; отворяешь ты Киеву ворота, стреляешь с отцовского золотого стола султанов за землями». Таким образом, по словам автора «Слова о полку Игореве», галицкий князь держал в своих руках ключ от Киева, загораживал венгерскому королю проходы через Карпаты и простирал свое влияние до самого Дуная.

После смерти Ярослава Осмомысла в 1187 г. боярство приняло деятельное участие в династической борьбе между двумя сыновьями умершего князя, происходившими от разных матерей. Этой смутой хотел воспользоваться волынский князь Роман Мстиславич. С другой стороны, венгерский король пытался посадить в Галиче своего сына. Однако Роману после нескольких лет борьбы удалось в 1199 г. утвердиться в Галиче. Роман Мстиславич объединил Галицкую землю и большую часть Волыни в составе Галицко-Волынского княжества.

Роману пришлось выдержать тяжелую борьбу с боярством. Отзвуки ее сохранились в словах, приписываемых этому князю: «не раздавив пчел, меду не есть». Галицкая летопись назвала его «самодержцем всея Руси». Роман продолжал политику своих предшественников, стараясь объединить все юго-западные русские земли. В зависимости от него некоторое время находился Киев. Особенно ожесточенной была борьба с мелкими литовскими князьками, владения которых граничили с северной частью Волыни и Польским королевством. По словам польской хроники, про Романа, использовавшего пленных ятвягов (литовское племя) на сельскохозяйственных работах, даже сложилась поговорка: «Роман, худым живеши, Литвой ореши». Усиление Галицко-Волынского

княжества подняло его влияние в международных отношениях. Византийское правительство обращалось к Роману с просьбой о помощи против половцев, которые вместе с болгарами опустошали Фракию. Роман предпринял удачный поход в половецкие вежи и заставил половцев, находившихся в северной части Балканского полуострова, поспешно вернуться назад. Международное значение галицкого князя было высоко оценено и римским папой. По сообщению историка XVIII в. Татищева, который располагал не дошедшими до нас летописными списками, папа Иннокентий III прислал к Роману посольство с предложением перейти в католическую веру и принять от него «королевский венец». Папа обещал также помогать галицкому князю в приобретении новых земель. Роман в ответ на эти предложения вынул меч и велел спросить папу: «Таков ли у папы? Доколе он при бедре моем, не имею нужды покупать себе города иначе как кровью, по примеру наших отцов и дедов, умножавших землю Русскую».

В Галицкой летописи сохранилась характеристика Романа, по-видимому, заимствованная из народного творчества. Она свидетельствует о том большом впечатлении, которое производила боевая деятельность Романа, почти никогда не сидевшего дома: «Он устремлялся на поганых, как лев; сердит был, как рысь; губил их, как крокодил; землю облетал подобно орлу; был храбрым, как тур». Тот же летописец по поводу удачной борьбы Романа с половцами замечает, что этот князь «ревновал» деду своему Владимиру Мономаху. Несмотря на то, что Роман имел родственные связи с польским королевским домом и в борьбе за Галич пользовался польскою подмогою, он деятельно защищал галицко-волынскую Русь от захватов со стороны Польши. В 1205 г. во время войны с поляками Роман был убит. Смерть Романа галицкого вызвала бурное ликование среди польских феодалов. Король поставил в Краковском соборе даже особый алтарь в честь тех святых, в день празднования которых погиб Роман.

Наследником Романа был старший сын Даниил, которому в год смерти отца было всего три года. Галицко-Волынская земля вновь становится ареной ожесточенных столкновений между соседями — Венгрией, Польшей и русскими князьями. Внутри Галицкого княжества поднялось боярство, пытавшееся захватить власть в свои руки. Боярам на короткое время даже удалось поставить князя из своей среды — Владислава Кормиличича. Этот случай показывает, какой крупной социальной и политической силой являлось галицкое боярство в начале XIII в. Однако ни венгерский, ни польский короли, пользовавшиеся в своих политических расчетах малолетним Даниилом, не хотели допустить восстановления самостоятельного Галицко-Волынского княжества. По заключенному между ними соглашению Галицкая земля должна была перейти к пятилетнему сыну венгерского короля, который был обручен с трехлетней дочерью польского короля. Осуществление польско-венгерских планов встретило яростное противодействие со

стороны князя Мстислава Мстиславича Удалого (из линий смоленских князей). Мстислав Удалой дважды изгонял венгров из Галича и дважды принужден был уступать Галич венгерскому королевичу. Борьбу за Галицкую землю не прекращал и Даниил Романович, которому в детстве пришлось много скитаться по чужим краям. Только в 1238 г., незадолго до батыева погрома, Даниилу удалось утвердиться в Галиче.

Во время похода Батыя Даниил ушел в Венгрию и Польшу. После ухода татар он вернулся в Галич и принялся за восстановление разрушенных городов. Однако вскоре Даниил получил грозное требование хана: «Дай Галич!». Даниил не решился на открытое сопротивление и отправился в ставку Батыя на Волгу. Появление в Сарае Даниила, одного из самых сильных и деятельных русских князей, вызвало, по словам волынского летописца, большую радость Батыя, который обратился к нему со словами: «Чему еси давно не пришел, а ныне оже еси пришел, а то добро же». Затем Даниилу предложили выпить кобылье молоко и заставили выполнить обряд повиновения, что вызвало у галицкого летописца горькое замечание: «О, злее зла честь татарская». Подобно своему современнику Александру Ярославичу Невскому, Даниил сознавал невозможность сопротивления ордынской силе и, выполняя требования хана, спасал свою землю от окончательного разорения. Однако и после поездки к Батыю Даниил не оставил мысли о борьбе с татарами. Повидимому, с этой целью он вступил в сношения с владимирским князем (Андреем Ярославичем, братом Александра Невского).

Одно время Даниил серьезно думал опереться на помощь Западной Европы, где очень боялись повторения татарского вторжения. Даниил вел переговоры с папой Иннокентием IV, который готовился объявить крестовый поход против татар. В 1253 г. (по другим известиям — в 1255 г.) Даниил был коронован королевской короной, присланной папой. Никакой действительной помощи от папы Даниил не получил.

Несмотря на зависимость от Золотой орды, политическое влияние Даниила Романовича распространялось на очень большую территорию. На севере оно достигло Западного Буга. Расположенная в бассейне верхнего течения этой реки, «Черная Русь» с городами Болковыском, Слонимом и другими находилась в зависимости от Даниила. В Киеве Даниил держал своего наместника. С другой стороны, Даниил все больше вовлекался в западноевропейские отношения. Венгерский король и германский император, враждовавшие между собой, старались иметь галицкого князя в качестве союзника. Волынская летопись сохранила картинное описание встречи Даниила Романовича с венгерским королем и послами императора. «Даниил пришел к нему (к королю), построив своих людей в боевой порядок. Немцы удивлялись татарскому оружию: лошади были в наличниках и в попонах кожаных, а люди — в латах;

велик был блеск его полков от сверкающего оружия. Сам же он ехал по русскому обычаю около короля; конь под ним был подобен чуду, седло было позолочено через огонь, и стрелы и сабля были украшены золотом и другими украшениями, достойными удивления; шубы из греческого оловара (шелка), обшитые золотыми кружевами; сапоги из зеленого хоза (сафьяна), вышитые золотом. Немцы смотрели на все это и очень удивлялись.

Внутри своего княжества Даниил продолжал упорную борьбу с галицким боярством, которое еще больше усилилось во время феодальных смут в начале XIII в., когда крупные бояре захватывали в свое владение целые области и города. Волынский летописец по поводу признания боярством своим князем Даниила замечает, что хотя они и называли Даниила князем, но «саме всю землю держаху». Во время боярского правления «бысть мятежь велик в земле и грабеж». Борьбой с боярством объясняется перенос Даниилом столицы из Галича в основанный им город Холм. В короткое время новая столица была обстроена с поразительным великолепием. Для постройки города Даниил призывал ремесленников из разных земель. «Немцы и Русь, иноязычники и ляхи, идяху день и во день, и уноты (юноши), и мстера всяции бежаху ис Татар, седельницы и лучницы, и тульницы (мастера, делающие колчаны), и кузнецы железу, и меди, и серебру, и бе жизнь, и наполниша дворы окрест града, поля и села».

В связи с большим пожаром Холма в 1259 г. в летописи впервые упоминается город Львов. По рассказу летописца, пожар был так ужасен, что отблеск его зарева наблюдали во Львове. Благодаря чрезвычайно выгодному расположению на Днестре Львов впоследствии стал экономическим и политическим центром Западной Украины.

Галицкий король Даниил Романович умер в 1264 г.

Во второй половине XIII в. преемникам Даниила Романовича не удалось преодолеть распада Галицко-Волынского княжества. Сжатое со стороны Венгрии, Польши и Литвы, обессиленное в борьбе с ними и разоренное татарами, Галицко-Волынское княжество стало добычей более сильных соседей. Последний потомок Даниила Романовича, Юрий II, еще носил титул «короля всей Малой Руси». Он умер в 1340 г. Вскоре после его смерти Волынь была захвачена Литвой, а Галицкая земля — Польшей.

Черниго-Северская земля. По завещанию Ярослава Черниговская земля досталась второму по старшинству сыну — Святославу. Она занимала бассейн верховьев Десны, Сулы (земля северян), бассейн р. Сожи (земля радимичей) и бассейн верхнего течения р. Оки (земля вятичей). Племенное имя северян перешло впоследствии в название Северской земли. Первый черниговский князь Святослав Ярославич умер киевским князем, но был похоронен в Чернигове, который с этого времени становится особой княжеской столицей. По Любецкому съезду Черниговская земля

вместе с Муромо-Рязанской землей была признана отчиной сыновей Святослава.

Недолгий экономический подъем Чернигово-Северской земли падает на вторую половину XI в. В следующем столетии появляются ясные признаки его экономического запустения, причины которого были общими для всего среднего Приднепровья.

Иллюстрацией упавшего значения черниговских городов могут служить сохраненные в летописи переговоры между черниговскими князьями Изяславом Давидовичем и Святославом Ольговичем. В 1159 г. Изяслав Давидович, поссорившись с двоюродным братом Святославом Ольговичем, княжившим в Чернигове, велел ему передать: «Смотри, брат, когда, бог даст, управлюсь в Галиче, тогда уже не пеняй на меня, когда поползешь ты из Чернигова обратно к Новгороду Северскому». На эту угрозу Святослав отвечал: «Господи, ты видишь мое смирение, сколько я поступался своим, не хотя лить крови христианской, губить свою отчину; взял я город Чернигов с семью другими городами, да и то пустыми: живут в них псари да половцы». Если в приведенных словах Святослава Ольговича и есть преувеличение, то все же они ясно указывают на упавшее значение тех городов, которые еще незадолго до этого играли крупную политическую роль.

Экономический упадок Чернигово-Северской земли усиливал ее политический распад в XIII в. на неустойчивые небольшие княжеские владения: Черниговское, Новгородское, Путивльское, Рыльское, Курское, Трубчевское и другие.

Полоцкое княжество. Основная территория Полоцкой земли представляла собою лесистую низменность с большим количеством озер, болот и с разветвленной речной системой. В южной части проходила невысокая холмистая гряда, принадлежавшая к отрогам Валдайской возвышенности. Она является водоразделом между бассейнами Западной Двины, Немана и Днепра. Западная Двина своими верхними притоками близко подходит к системам рек Финского залива, Каспийского и Черного морей. Такое расположение водных путей оказывало большое влияние на экономическое развитие Полоцкой земли.

Обособление Полоцкой земли в самостоятельное феодальное княжество началось еще в конце X в. Владимир Святославич предоставил Полоцкую землю своему сыну от Рогнеды Полоцкой— Изяславу, ставшему родоначальником особой полоцкой династии. Основным фактором политической истории Полоцкого княжества в XI в. была ожесточенная борьба с киевскими князьями, о которой древний летописец говорил: «Мечь взимають Роговоложи внуци противу Ярославлим внуком» (меч поднимают Рогвольдовы внуки на Ярославовых внуков). Полоцкие князья пытались объединить под своей властью северо-западные русские земли, в том числе Псков и Новгород. В конце XI в. полоцкий князь Всеслав (внук Изяслава Владимировича) на короткое время стал даже киевским князем.

Показателем быстрого экономического развития Полоцкой земли служат многочисленные города, существование которых устанавливается по летописям в конце XI в. и в начале XII в. Среди них упоминаются, кроме самого Полоцка, Витебск, Минск, Борисов, Друцк, Изяславль.

Однако за кратковременным подъемом Полоцкого княжества уже в начале XII в. стали обнаруживаться признаки ослабления. Владимир Мономах и Мстислав I неоднократно опустошали Полоцкую землю, разоряли города и уводили население. Владимир Мономах признавался, что во время одного такого похода он не оставил на завоеванной земле «ни челядина, ни скотины». В то же время политическое единство Полоцкой земли распалось; в ней так же, как и в других частях Киевского государства, образовались мелкие феодальные владения, враждовавшие между собою (Полоцкое, Витебское, Друцкое, Изяславское и др.). Разрозненным и слабым полоцким князьям не под силу было сдерживать усиливавшийся с каждым десятилетием натиск литовских племен, а с другой стороны — выдерживать давление окрепшего Смоленского княжества. В конце XII в. полоцкие князья по существу превратились в вассалов смоленского князя.

Автор «Слова о полку Игореве» в поэтических образах рисует полное бессилие полоцких князей, которые вышли из «дедней славы». Среди них он выделяет одного Изяслава Васильковича. Этот князь «позвонил своими острыми мечами о шеломы литовские», но сам лег на окровавленной траве от литовских мечей. Никто из братьев ему не помог.

В начале XII в. северные владения Полоцкого княжества оказались под ударами ливонских рыцарей. Это окончательно лишило Полоцк прежнего экономического и политического значения. Роль его в отношении северо-западных русских земель перешла к Смоленску.

Смоленское княжество. Основная часть Смоленской земли охватывала верховья трех рек: Западной Двины, Волги и Днепра. Эта территория очень богата лесом и водой. Реки и озера, прерывающиеся небольшими волоками, составляли сплошную извилистую ленту сообщений. Население жалось к речным долинам, где с успехом развивалось сельское хозяйство. Значение Смоленска как экономического и политического центра определялось в значительной степени его выгодным местоположением в верховьях Днепра, вблизи рек Балтийского бассейна. Для киевского князя Смоленск имел чрезвычайно важное значение, так как позволял ему владеть всей днепровской системой. Этим объясняется сравнительно позднее выделение Смоленской земли. Хотя признаки ее обособления появились в конце XI в., но только к середине XIII в. во время княжения в Смоленске внука Владимира Мономаха, Ростислава Мстиславича, Смоленская земля сложилась в самостоятельное княжество; от Ростислава Мстиславича пошла отдельная

династия смоленских князей. При нем была учреждена самостоятельная смоленская епископия.

Ростислав Мстиславич дал епископской кафедре уставную грамоту, по которой отдавал в ее пользу несколько сел и десятину (десятую долю) своих доходов со смоленских городов и волостей. Этот документ содержит ценные сведения по экономическому состоянию Смоленской земли и развитию феодального хозяйства. Он свидетельствует о значительной населенности края и о его экономическом подъеме. Перечисленный в грамоте княжеский доход, состоявший из дани и пошлин, доходил до 2 977 гривен, что примерно соответствует 600 тыс. руб. в золотом исчислении конца XIX в. Помимо денежных и натуральных поступлений с городов и волостей, смоленский князь получал доходы с собственного хозяйства. В его состав входили населенные земли с бортными лесами, озерами, огородами и пр. Это составляло полный хозяйственный комплекс, создававший экономическую независимость его владельцу.

Во второй половине XII в. Смоленское княжество достигло наибольшего размера. На севере оно простиралось до бассейна верхнего течения Волги. На западе в его состав вошел район среднего течения Москва-реки. Среди значительного числа городов самыми крупными, кроме Смоленска, были: Торопец, Дорогобуж, Белый, Вязьма, Можайск.

В результате усиления экономических связей с Прибалтикой и Западной Европой Смоленск, наряду с Новгородом и Псковом, стал одним из главных центров этой торговли. С XIII в. основные торговые сношения Смоленска проходили через Ригу и остров Готланд. В 1222 г. между Смоленском и Ригой был заключен торговый договор, подтвержденный в 1229 г. В основу этого договора была положена «Русская Правда». Немецкие купцы, прибыв на волок, отделявший Западную Двину от Днепра, уведомляли о своем приезде особого тиуна волока, который должен был послать артель для перевоза купцов с товарами и для их охраны в пути. По приезде в Смоленск немецкие купцы давали княгине постав (кусок) полотна, а тиуну волока — «готские перчатки».

В Смоленске существовала постоянная колония немецких купцов, центром объединения которых была выстроенная ими церковь. Купцы имели самостоятельную организацию. Договор 1229 г. устанавливал право свободной торговли для обеих сторон. Из договора следует, что русские купцы ездили из Смоленска и связанных с ним городов не только в Прибалтику и на остров Готланд, но и в Германию.

Смоленский князь в конце XII в. занимал очень влиятельное положение среди своих соседей. Его вассалами стали полоцкие князья. Он властно вмешивался в киевские отношения, соперничал в Новгороде с суздальским князем. Однако перед походом Батыя Смоленское княжество уже не было единым. Во второй половине XIII в. на его территории существовало несколько круп-

ных княжеских владений: Можайское, Вяземское, Брянское. Смоленское княжество вступило в период мелкого феодального раздробления.

Новгородская земля. Новгородская земля с самого начала образования Киевского государства занимала особое место. Раннее появление княжеской власти в Новгороде указывает на ту роль, которую играл Новгород в процессе объединения населения Приильменья. После того как центр славянского государства окончательно сложился на Днепре, Новгород утратил прежнее значение, которое перешло к Киеву. Обосновавшись в южной части великого водного пути, киевские князья не теряли связи с Прибалтикой и держали Новгород под своею властью. В случае неудачи в южных землях они уходили в новгородские владения, где собирали новую военную силу и призывали наемные скандинавские отряды.

В начале XI в., при Ярославе, положение Новгорода в системе Киевского государства изменилось. Экономическое и политическое значение его для Киева увеличилось в силу того, что власть киевского князя над Новгородом обеспечивала владение не только этим городом, но и обширной, зависевшей от Новгорода территорией. Киевские князья с этого времени постоянно держали в Новгороде своих старших сыновей и посадников. Так, Ярослав послал в Новгород своего старшего сына Владимира. Этот князь построил в Новгороде новую крепость — кремль, в 1045—1050 гг. соорудил Софийский собор. Политика Ярослава в отношении Новгорода объясняется также стремлением установить более прочные связи окраин, особенно Новгородской земли, с политическим центром государства — Киевом. Но в это же время появляются первые признаки политического обособления Новгорода, вызванные условиями его экономического развития.

Есть все основания предполагать, что на основной новгородской территории развитие крупного боярского землевладения происходило быстрее, чем в Поднепровье. Экономическая мощь местного, новгородского, боярства вырастала, кроме того, на эксплоатации покоренного населения, жившего на огромной территории от Балтийского моря до Урала.

В XI — XII вв. новгородцы подчинили своей власти население, жившее по южному берегу Финского залива, которое новгородские источники называют водью. Движение новгородцев на север было связано со стремлением прочно закрепить за собою Невско-Волховский речной путь. В XII в. новгородцы встретились со шведами, которые около середины этого столетия укрепились на северо-западном берегу Финского залива, устроив опорный пункт недалеко от Або. Во время борьбы со шведами новгородцы ходили на финское племя емь, занимавшее территорию нынешней Финляндии. Неизменными союзниками новгородцев в борьбе с емью и шведами были карелы, жившие около Ладожского озера. Новгородцы защищали свои владения по южному берегу фин-

ского залива против нападения шведов и ими, имея на своей стороне местное водское население. Таким образом, новгородцам удалось отразить шведов и благодаря этому сохранить за собой выход к Балтийскому морю.

Иной характер имели действия новгородцев в землях эстов (чудь), живших на территории современной Эстонии. Походы в эту страну начинаются в 30-х годах XII в. Главной их целью был сбор дани с населения. Новгородцы неоднократно доходили до морского берега. Однако зависимость эстов от Новгорода не была прочной и постоянной. В начале XIII в. земли эстов были захвачены ливонскими рыцарями. Новгородская граница пошла по линии Чудского и Псковского озер.

Большое экономическое значение для Новгорода имело присоединение обширной территории северного Поморья, от «терского берега» у Белого моря (восточная часть Кольского полуострова) до Урала, а затем и Зауралья. В этой области образовались самые богатые новгородские владения. Земли, простиравшиеся на северо-восток от Белоозера и р. Шексны, новгородцы называли «Заволочьем», т. е. землями, находившимися за волоком, который нужно было преодолеть, чтобы с р. Шексны попасть в верховья северодвинской речной системы. Заволочье географически совпадало с Двинской землей. Этот край новгородцы впервые посетили в 1032 г. Двигаясь далее на восток, новгородцы выходили в бассейн р. Печоры, с которой перебирались за Урал на нижнее течение Оби, носившее у новгородцев название Югры. Рассказ о первом походе на Югру записан в летописи под 1096 г. «Югра же людье есть, язык нем и седят с самоядью на полунощных странах». Легендарные рассказы о неиссякаемых пушных богатствах страны, которая покрывается полярной ночью, заставляли предприимчивых добытчиков пушнины отваживаться на переход через «Камень» (Урал), где, по словам летописи, была «высота гор, ако до небес». В Новгороде рассказывали легенду, что в «полунощной стране» из туч на землю падали белки и молодые олени, которые затем расходились целыми стадами. Жители Югры (остяки-хантэ), употреблявшие еще каменные орудия, молча указывали новгородцам на железные предметы как на наиболее дорогой для них товар, в обмен на который они охотно отдавали пушнину. Так слагалась обширная территория новгородских владений.

С историей нашего северного Поморья, входившего в XI—XII вв. в состав новгородских владений, связана легенда о существовании на северо-востоке Европы богатой страны Биармии, о которой упоминают древние скандинавские саги. В них рассказывается, как витязи, покоряя жившие в Биармии народы, — «блестающий меч окрашивали в кровавый цвет». По этим рассказам, фантастическая Биармия была страной несметных золотых, серебряных сокровищ, имела большое население и относительно высокую культуру. Скандинавские и финские ученые, а также некоторые русские буржуаз-

ные ученые XIX в. считали, что под именем Биармии древние саги разумели северное Поморье; некоторые связывали название Биармии со страной, известной русским летописям под названием Перми (верховья Камской речной системы, населенные коми-зырянами). Финская историческая литература объявила Биармию, будто бы охватывавшую территорию от Белого моря до Урала, страной высокой древней финской культуры. Однако рассказы скандинавских саг о баснословном богатстве Биармии не подтверждаются ни письменными источниками, ни археологическим материалом. Детальный анализ всех данных о местоположении Биармии приводит к выводу, что ею могла быть лишь часть Кольского полуострова.

В северном Поморье новгородцы не нашли ни многочисленного населения, ни богатой культуры. Мелкие родоплеменные союзы звероловов не могли оказать новгородцам сколько-нибудь серьезного сопротивления. Лучшим богатством этой страны были «студеное» море, обильное рыбой и морским зверем, девственные леса, сохранявшие драгоценную пушнину. Продукты морских и лесных промыслов имели огромное значение для новгородской торговли.

Торговые связи Новгорода со странами Балтийского бассейна стали заметно усиливаться с середины XII в. К этому времени Днепровский водный путь частично потерял прежнее экономическое значение.

В XII в. торговля Новгорода с западными странами проходила через остров Готланд. В конце XII в. в самом Новгороде было два двора иностранных купцов: готский (готами в Новгороде называли жителей Готланда) и немецкий. Большое участие в новгородской торговле принимали купцы города Любека и вестфальских городов. В XIII в. начала развиваться торговля Новгорода с ливонскими городами. Двор иностранных купцов в Новгороде представлял собою купеческую контору, управлявшуюся по собственным законам и имевшую выборную администрацию. Крепкие стены отделяли этот иностранный купеческий мирок от окружающей новгородской жизни. На запад из Новгорода вывозились меха, моржевая кость, воск, сало, лен, пенька и пр. Предметами ввоза были сукна, оружие, металлы и другие товары.

Крупное новгородское купечество было организовано в «сотни», которые несколько напоминают западноевропейские купеческие гильдии. Высший слой новгородского купечества назывался ивановским по имени церкви «Ивана Предтечи на Опоках», являвшейся центром этой организации. При церкви производилось взвешивание товаров и происходил суд по торговым делам. Чтобы стать «пошлым» (полноправным) ивановским купцом, нужно было в казну этой организации внести 50 гривен серебра. В середине XII в. в Новгороде существовала еще организация «заморских купцов».

Процесс экономического роста Новгорода подготовил необходимые условия для его политического обособления в самостоятельную феодальную систему. Еще Ярослав, по словам летописи,

дважды давал новгородцам грамоты: в 1019 г. (по другим известиям—в 1016 г.) и в 1036 г. Точного содержания их мы не знаем, но новгородцы в сношениях с князьями ссылались впоследствии на «грамоты Ярослава», от которых вели начало своей самостоятельности. Новых крупных успехов в этой области новгородское боярство достигло во второй четверти XII в. В 1132 г. со смертью Мстислава Владимировича закончилось временное усиление киевского князя. Началась особенно ожесточенная борьба за Киев. Старая столица, переходя из рук в руки, клонилась к упадку. Летописец очень метко охарактеризовал это время: «Раздрася вся земля русская». В условиях политического бессилия киевских князей новгородские стремления к независимости от Киева неизбежно должны были привести к обособленности Новгородской земли.

Ближайшим помощником князя в Новгороде был посадник, который обычно присылался из Киева или назначался князем из состава его дружины. В 1126 г. в летописи мы впервые встречаем сообщение, что новгородцы сами выбрали себе посадника. В 1132 г. киевский стол достался брату Мстислава Владимировича — Ярополку. Последний тотчас вызвал из Новгорода княжившего там племянника, сына Мстислава Владимировича и внука Мономаха, Всеволода, и посадил его в Переяславле на юге. По этому поводу новгородский летописец упрекает князя Всеволода, что последний изменил новгородцам, так как целовал крест быть у них князем до конца жизни. Всеволоду недолго удалось удержаться на юге, в Переяславле. Выгнанный из этого города своим дядей Юрием Долгоруким, он вернулся в Новгород. Тогда в Новгороде вспыхнуло восстание: «бысть встань велика в людех». В 1136 г. новгородцы призвали псковичей и ладожан и решили изгнать князя Всеволода. Князь был посажен под стражу вместе со всей своей семьей. Через два месяца новгородцы выпустили Всеволода из города, предъявив обвинения в том, что он «не блюдет» смердов, хотел стать переяславским князем и обнаружил в походе личную трусость.

Обвинение князя в том, что он не блюдет, т. е. не охраняет, смердов, не могло исходить от самих смердов, находившихся в феодальной зависимости и не имевших никакой возможности для предъявления подобных жалоб. Это обвинение станет понятным, если мы примем во внимание интересы феодального хозяйства, которому было необходимо закрепить и сохранить рабочие руки смердов. Князя обвинили в том, что он недостаточно охранял феодальное хозяйство и необходимую для него рабочую силу — смердов.

Второе обвинение, очевидно, было связано с нарушением какого-то не дошедшего до нас соглашения. Князь становится посторонней силой, обязанной охранять Новгород. Так были заложены первые элементы самостоятельного новгородского порядка. Усиление политической самостоятельности Новгорода отразилось и на положении новгородской церкви, зависевшей раньше от киевского

митрополита. В 1156 г. новгородцы впервые самостоятельно избрали епископа Аркадия.

Для истории отношений Новгорода с князьями очень важное значение имело ограничение княжеского землевладения, благодаря которому князь на новгородской территории потерял социально-экономическую опору своей власти. Еще князья Мстислав Владимирович и его сын Всеволод свободно распоряжались своими землями на новгородской территории; эти князья, не спрашивая согласия Новгорода, пожертвовали часть земли Юрьевскому монастырю. После событий 1132—1136 гг. это положение резко изменяется. Князь Изяслав Мстиславич также пожертвовал землю монастырю, но должен был предварительно испросить разрешения у Новгорода. Если раньше посадник являлся простым помощником князя, то теперь он стоял наравне с ним как представитель новгородских интересов и как глава отдельной новгородской административной системы. Любопытный случай, рисующий независимое положение посадника, произошел в 1218 г. Княживший в Новгороде князь Святослав смоленский прислал сказать на вече, что не хочет быть с посадником Твердиславом и отнимает у него посадничество. Тогда новгородцы спросили: «Князь, виноват ли посадник?». Святослав ответил: «Без вины». Твердислав обратился к вече: «Тому я рад, что моей вины нет, а вы, братия, и в посадничестве и в князьях вольны». Новгородцы сказали князю: «Князь, у него вины нет, а ты нам крест целовал без вины мужа не лишать. Это наш посадник и мы его не отдадим». Князь Святослав должен был согласиться.

Слова новгородцев, что князь «крест целовал без вины мужа не лишать», уже совершенно определенно указывают на существование договора, скрепленного присягой князя. Впоследствии такое обязательство новгородцы вносили во все договорные грамоты с князьями.

Таким образом, к началу XIII в. в результате экономического обособления Новгорода усилилась и его политическая самостоятельность.

Основой общественного и политического строя Новгорода были феодальные производственные отношения. Господствующим классом в Новгороде были крупные землевладельцы-бояре. Особенностью Новгорода, по сравнению с другими русскими землями этого времени, являлось развитие внешней торговли. Она содействовала еще большему обогащению боярства, продукты феодального хозяйства которого частично поступали на рынок, и поднимала значение новгородского купечества. Экономически сильное новгородское боярство не позволило княжеской власти утвердиться на новгородской территории.

Поэтому в Новгороде сохранилось вече, в то время как в большинстве других городов оно исчезло в результате усиления княжеской власти. Однако вече нельзя рассматривать как орган новгородской демократии, так как вечевая деятельность в дейст-

вительности направлялась интересами новгородского боярства и купечества. Представителями их были новгородские власти: епископ, посадник, тысяцкий и другие более мелкие агенты управления. Полного развития новгородская политическая система, которая может быть названа феодальной боярской республикой, достигла в конце XIV и в начале XV веков.

В XIII столетии перед Новгородом появились новые опасные соседи: с одной стороны — Смоленское княжество, быстро расширявшееся на границах с Новгородом, в области Западной Двины и Приильменья; с другой стороны — не менее сильное Ростово-Суздальское княжество, претендовавшее на северо-западные русские земли, по которым пролегали пути в Прибалтику. Только в продолжительной борьбе с этими княжествами Новгороду удалось отстоять свое самостоятельное существование.

Ростово-Суздальское княжество. Ростово-Суздальская земля занимала междуречье Оки и Волги. Этот лесистый край был издавна заселен в области верхней Волги и верхней Оки славянскими племенами. Помимо славян, в районе Белоозера обитала весь; в бассейне верхней Волги до Клязьмы, перемешиваясь со славянскими поселениями, жила меря; в области средней и нижней Оки наши летописи упоминают мурому. На восток от нижнего течения Оки жили мордовские племена. Древнейшими городами этого края были: Ростов, Суздаль и Муром. Время возникновения их неизвестно.

В IX—X столетиях славянское население Окско-Волжского междуречья увеличивалось, помимо естественного прироста, за счет колонизационного притока, направлявшегося несколькими путями— из Новгородской области и из земли смоленских кривичей. К началу XI в. все течение Волги, до р. Костромы и даже ниже, было усеяно славянскими поселениями. Славянами был занят и бассейн нижнего течения р. Оки.

То значение, которое в качестве основной торговой магистрали для Юго-Западной Руси имел Днепр, в Ростово-Суздальском крае принадлежало Волге. Волжская речная система связывала почти сплошной водной дорогой Прибалтику с прикаспийскими странами. Своими многочисленными притоками Волга глубоко врезывалась в северо-восточные русские земли. Экономическое значение Волжского пути, возросшее в VIII—IX вв. во время арабского господства в Средней Азии, не исчезло и после падения арабской власти. В бассейне средней Волги и нижнего течения Камы лежала территория Камской Болгарии, имевшая значительные торговые связи со Средней Азией. Многочисленные находки в области верхней Волги восточных и западноевропейских монет X—XII вв. служат показателями широких рыночных связей, соединявших Ростово-Суздальскую землю с отдаленными западными и восточными рынками.

При сыновьях Ярослава Владимировича Окско-Волжское междуречье вместе с Суздалем и Ростовом досталось третьему сыну—

Всеволоду, севшему княжить на юге, в Переяславле. Всеволод и его сын Владимир Мономах, поглощенные киевскими событиями, не забывали и о своей северо-восточной окраине, старательно оберегали ее против нападений черниговских князей. Владимир Мономах в конце жизни послал в Суздаль своего младшего сына Юрия.

Юрий Владимирович, по прозвищу Долгорукий, большую часть жизни провел на севере. При нем в Ростово-Суздальском крае появился ряд новых городов, в том числе Юрьев-Польский, Дмитров и Москва. Первое упоминание о Москве в летописи относится к 1147 г. В этом году Юрий Долгорукий позвал в Москву своего союзника в борьбе с киевскими и смоленскими князьями, черниговского князя Святослава Ольговича: «Приди ко мне, брате, в Москву». Судя по краткому летописному известию, Москва в это время была еще не укрепленным княжеским селом, расположенным на окраине суздальских владений, при впадении р. Неглинки в Москва-реку. В одной из позднейших летописей есть известие, что Юрий Долгорукий построил город Москву, т. е. на месте села соорудил деревянную крепость.

Владея Ростово-Суздальской землей, Юрий Долгорукий вел упорную борьбу с племянниками за Киев, в котором ему удалось укрепиться только в конце жизни. Юрий поступил по примеру отца: старших сыновей держал при себе около Киева, а младших посылал в Суздальскую землю. Но этот порядок нарушил старший сын Андрей, который родился и вырос на севере. Андрей не любил Киева и не понимал желания отца бросить свою залесскую сторону ради киевского стола. Еще при жизни отца он ушел в Ростов и с согласия суздальцев и ростовцев после смерти отца остался там княжить. Из Ростова Андрей Боголюбский зорко следил за киевскими делами. Когда Киев попал во враждебные руки, он тотчас послал большое ополчение, которое захватило и разграбило Киев в 1169 году.

Овладев Киевом, Андрей Боголюбский, однако, не переехал в этот город, а посадил в нем одного из младших братьев. Этот поступок указывает на перелом, происшедший в отношениях князей к Киеву, который потерял значение политического центра. Андрей Боголюбский перенес столицу в новое место — во Владимир на р. Клязьме.

Молодое Ростово-Суздальское княжество вырастало в борьбе с соседними землями. Самым опасным соседом для владимирского князя являлся Новгород. И новгородские и суздальские дружины встречались в Поморье, куда они одновременно ходили собирать дань с населения. Соперничество в захвате богатого Поморья дополнялось борьбой за область верхней Волги. Владимирский князь не мог допустить, чтобы в Новгороде садился кто-либо из враждебных ему князей. С другой стороны, включение Новгорода в политическую систему Владимиро-Суздальского княжества давало бы последнему огромные экономические и политические преимущества.

В 1160 г. Андрей Боголюбский послал сказать новгородцам, что хочет искать Новгорода «и добром и лихом». «И оттоле, — говорит южный летописец, — начались в Новгороде волнения, и вече стали часто собирать». В ближайшие после этого годы Андрей держал в Новгороде подручных князей: сыновей, племянников или послушных ему смоленских князей. В 1169 г. новгородцы послали дружину в Заволочье (Двинскую землю) собирать дань. Андрей отправил туда же свой полк. Новгородцы разбили суздальцев и взяли дань с суздальских смердов (т. е. с населения, платившего дань владимиро-суздальскому князю). Тогда Андрей Боголюбский поднялся на Новгород с большой силой. Новгородцам под стенами города вновь удалось нанести такое поражение суздальскому войску, что пленного суздальца покупали за две ногаты (ногата— мелкая денежная единица; около этого времени овца стоила 6 ногат, в три раза дороже, чем пленный суздалец). Однако разрыв с Владимиро-Суздальской землей, откуда в Новгород поступал хлеб, немедленно вызвал страшную дороговизну и голод в самом Новгороде. Тогда новгородцы послали к Андрею просить мира. Расширение владимиро-суздальских владений в восточном направлении привело к столкновениям с Камской Болгарией, которые начались при Андрее Боголюбском.

Главной целью внутренней политики Андрея Боголюбского было усиление великокняжеской власти. По словам летописи, он хотел быть «самовластцем в своей земле». Поэтому Андрей изгнал из Суздальской земли младших братьев и племянников, а также старших бояр своего отца. Этой же политикой объяснялось то предпочтение, которое Андрей отдавал Владимиру на Клязьме перед старыми городами — Ростовом и Суздалем. При нем Владимир превращается в княжескую столицу. Андрей с помощью иноземных мастеров построил во Владимире великолепный Успенский собор, на украшение которого не жалел больших средств. Недалеко от города, в селе Боголюбове, был сооружен загородный замок князя, ставший его любимым местопребыванием.

Обосновавшись во Владимире, Андрей вел борьбу со старыми городами — Ростовом и Суздалем. Вокруг этих городов находились крупные боярские владения, создававшие экономическую опору для политических притязаний старейшей дружины. Интересы феодалов-землевладельцев были связаны с интересами крупного купечества старых городов. Наоборот, сравнительно молодой город Владимир не имел ни крупного боярского землевладения, ни старых политических связей. Младшая дружина, набиравшаяся из разных категорий населения, в том числе из холопов, не могла не поддерживать политики своего князя, направленной к усилению власти, так как полностью от него зависела. Для боярства старых городов это были «мизинные люди», — так оно с презрением называло владимирцев.

Самовластная политика Андрея Боголюбского вызвала большое озлобление среди бояр и привела к заговору, в котором, по словам

летописи, участвовало до 20 человек. Во главе заговорщиков стояла боярская семья Кучковичей. В июне 1174 г. заговорщики проникли в княжескую спальню и убили Андрея Боголюбского. На следующий день в Боголюбове началось народное волнение. Жители разграбили княжеский дом, а население в окрестностях избивало посадников и тиунов князя. Народное волнение затем перебросилось во Владимир, где продолжалось несколько дней. О силе этого движения свидетельствуют действия владимирского духовенства, которое, чтобы успокоить волнение, проповедывало в народе, что каждый человек должен повиноваться княжеской власти, что каждый, кто ей сопротивляется, — сопротивляется самому богу. Это народное восстание имело другие цели, чем дворцовый переворот: если бояре стремились избавиться от самовластного князя, то низшие слои населения восставали против общего усиления феодальной эксплоатации.

После смерти Андрея старшие города пригласили не его братьев, а племянников—сыновей умершего брата Ростислава Юрьевича. Приглашение последних привело к новым междоусобиям, причем Ростов и Суздаль выступили против молодого города Владимира, стоявшего за младшего брата Андрея Боголюбского — Всеволода. Летописец сообщает об угрозе ростовцев и суздальцев, брошенной жителям Владимира: «Сожжем Владимир или опять посадим в нем посадника, ведь то наши холопы, каменьщики».

Всеволод Юрьевич с владимирцами нанес поражение своим противникам, в результате которого выступавшие против него бояре были схвачены, а их села отобраны. Благодаря этой победе город Владимир на Клязьме окончательно стал главной княжеской столицей. Княжение Всеволода III Большое Гнездо (1176—1212) представляет собой время высшего подъема могущества Владимиро-Суздальского княжества. Всеволод III продолжал политику отца и старшего брата. В отношениях с Новгородом ему удалось вновь завоевать влиятельное положение. Он называл Новгород своей «отчиной» и «дединой», т. е. достоянием своего отца и деда. Новгородцы должны были выполнять волю этого князя. В постоянной зависимости от Всеволода находилось и Муромо-Рязанское княжество. Рязанские князья попытались от него отложиться и для этой цели вступили в переговоры со своими далекими родичами — черниговскими князьями. Тогда Всеволод III переарестовал большинство рязанских князей и с семьями отправил их на север. В Рязани и по другим городам он посадил своих сыновей или посадников.

В киевских отношениях Всеволод использовал борьбу между потомками Мономаха и черниговскими князьями. Не давая ни одной стороне усиливаться, он благодаря этому держал общий контроль над юго-западными землями. На восточной границе княжества продолжалась успешная борьба с камскими болгарами. Во время походов Всеволода III в Камскую Болгарию был разрушен ряд болгарских городов.

Высокое политическое положение, которое занял Всеволод III, было отмечено автором «Слова о полку Игореве». В его представлении Всеволод является самым сильным русским князем. Призывая его помочь в беде русскому войску, автор «Слова о полку Игореве» говорит: «Ведь ты Волгу можешь разбрызгать веслами, а Дон вычерпать шлемами». Летописец называет Всеволода III «великим князем».

После смерти Всеволода между его сыновьями вспыхнула борьба, осложнившаяся новгородскими отношениями. Ярослав Всеволодович, поссорившись с новгородцами, занял город Торжок и не пропускал в Новгород хлеб. В Новгороде в этот год был большой неурожай. Начался голод. Новгородцы вступили в союз с Константином Всеволодовичем и призвали к себе торопецкого князя Мстислава Мстиславича Удалого.

В 1216 г. на р. Липице, около города Юрьева-Польского, произошла битва между новгородцами, на стороне которых находился Константин Всеволодович, и суздальскими князьями Юрием и Ярославом. Битва, кончившаяся победой новгородцев, имела для Новгорода большое историческое значение; благодаря этой победе новгородцы отстояли свою самостоятельность.

После краткого княжения Константина Всеволодовича владимирский стол занял его брат Юрий Всеволодович (1218—1238). Юрию Всеволодовичу удалось усилить свое влияние в Новгороде и снова втянуть новгородцев в суздальскую политику. Опасность, нависшая над Новгородом с северо-запада, где возник Ливонский рыцарский орден, а также давление со стороны Литвы заставили новгородцев, ради помощи и защиты, примириться с господством владимирского князя.

На восточной границе владимиро-суздальских владений продолжалась борьба с мордвой и с камскими болгарами. В 1221 г. на мордовской земле, при впадении р. Оки в Волгу, был заложен город Нижний-Новгород. Поход войск Юрия Всеволодовича внутрь мордовской земли усилил объединение среди мордовских племен, вождем которых был князь Пургас. В 1228 г. мордва во главе с Пургасом подходила к самому Нижнему-Новгороду.

Однако общее положение Юрия Всеволодовича было значительно слабее его предшественников. Ему уже не удавалось держать под своей властью большинство тех русских земель, на которые распалось Киевское государство. Круг княжеской политики все больше замыкался. Внутри самой Владимиро-Суздальской земли появились признаки распада, который безуспешно пытался предотвратить Юрий. Хотя суздальские князья, принадлежавшие к роду Всеволода III, и называли Юрия своим «отцом» и «господином», но полного единства между ними уже не было. Крупнейшие города Владимиро-Суздальской земли — Переяславль, Ярославль, Суздаль, Ростов — становились центрами новых феодальных образований.

Попытки суздальских князей создать из северо-восточных русских земель большое и сильное государство, объединенное под властью великого князя, не привели к успеху по тем же причинам, по каким обширное Киевское государство распалось на отдельные части. Основной причиной этого было развитие феодального хозяйства, соединенное с усилением экономической самостоятельности и политической независимости феодальных владельцев.

Характеризуя политику Андрея Боголюбского и его преемников, Маркс в «Секретной дипломатии XVIII века» писал: «Попытка Андрея Суздальского снова объединить некоторые крупнейшие части государства перенесением столицы из Киева во Владимир имели результатом лишь распространение разложения с юга на центр. Третий преемник Андрея отказывается даже от последнего признака верховной власти — звания великого князя и чисто номинального почитания, которым он еще пользовался» *).

БОРЬБА С ШВЕДСКО-НЕМЕЦКИМ НАСТУПЛЕНИЕМ В ПРИБАЛТИКЕ В XII — XIII вв.

Юго-восточное побережье Балтийского моря, от Финского залива до Вислы, в XII в. было занято племенами прибалтийской группы (эсты и ливы) и литовско-латышской группы (леты-латыши, куроны, семигалы и др.). Эсты жили на полуострове, образованном Финским и Рижским заливами. Впоследствии он получил название Эстонии или Эстляндии. Оба берега по нижнему течению Западной Двины, а также морское побережье к северу от нее занимали ливы. От их названия страна стала называться Ливонией. Выше ливов по Западной Двине жили леты (летыголы, латыши). Территорию к югу от нижнего течения этой реки занимали семигалы. Западными соседями последних были куроны.

Среди прибалтийских племен в XII в. существовали еще значительные пережитки первобытно-общинного строя. Во главе мелких племенных союзов стояли старшины, объединявшиеся вокруг более сильных вождей. Население занималось лесными и морскими промыслами. В некоторых местах было развито сельское хозяйство.

В XII в. население, жившее в бассейне Западной Двины, платило дань полоцкому князю. На северном и верхнем течении этой реки находились замки небольших полоцких князей: Куконойс (Кокенгаузен) и выше, по течению реки — Герцыке. Оба владельца, считавшиеся вассалами полоцкого князя, в действительности были почти независимыми.

Западная Двина имела крупное экономическое значение. Через остров Эзель и устье Западной Двины проходил один из старых

*) К. Маркс. Секретная дипломатия XVIII века.

путей из Прибалтики в Восточную Европу, которым еще в IX в. пользовались скандинавы. В начале XII в. на нем появились купцы из северо-немецких городов. Недалеко от устья Западной Двины возникла купеческая фактория. Юго-восточная Прибалтика, населенная слабыми раздробленными и враждующими племенами, была заманчивой целью для завоевания и эксплоатации.

Одной из первых крупных экспедиций на юго-восточный берег Балтийского моря была экспедиция монаха Августинского ордена Мейнарда из Дании. Он высадился в 1184 г. с купеческого корабля несколько выше устья Западной Двины, недалеко от фактории немецких купцов, у селения ливов Икскуль. Примерно через два года прибыли мастера и каменщики с Готланда и соорудили рядом с небольшим селением ливов первый каменный замок. Затем появились другие замки, была сооружена первая церковь. Мейнард был немедленно возведен папой в звание архиепископа Ливонии с предоставлением права обращать «неверных» в христианство. Однако попытки насильственного крещения местного населения встретили упорное сопротивление. Крещеные ливы и семигалы, поняв действительную цель христианской проповеди, спешили смыть в водах Западной Двины навязанную им религию. Семигалы даже пришли с корабельными канатами, наивно пытаясь растащить на куски каменный замок. Мейнард принужден был тайком бежать из Ливонии. Тогда римский папа, узнав о крещении нескольких десятков ливов, нашел, что их «не надо покидать, а принудить к сохранению веры». Поэтому он дал полное отпущение грехов всем тем, кто примет на себя проповедывание христианства, иначе говоря, вступит в борьбу с мирным населением Прибалтики. Самому Мейнарду не суждено было выполнить поручения папы, он вскоре умер в Германии. Его преемник Бертольд был убит в одном из столкновений с ливами. Привезенные им саксонские рыцари должны были отправиться за новой помощью. Тогда ливы отреклись от христианства. Выйдя из бань, они обливали себя водой и говорили: «Тут мы речной водой смываем воду крещения, а вместе и само христианство, принятую нами веру мы бросаем и отсылаем вслед уходящим саксам».

Завоевание Прибалтики под видом христианской проповеди продолжал Альберт, которого Маркс назвал «паршивым бременским каноником». После посвящения в сан епископа Ливонии Альберт набрал до 500 вооруженных пилигримов. Весной 1200 г. он с рыцарями и купцами на 23 кораблях прибыл к устью Двины. С этого времени началась ожесточенная борьба рыцарей с местным населением. Чтобы иметь прочный опорный пункт, Альберт основал в 1201 г. недалеко от устья Двины город Ригу. Осенью этого года Альберт отправился в Германию за новыми пополнениями, так как прибывшие рыцари с награбленной добычей возвращались домой. Папа Иннокентий III призвал рыцарство к крестовому походу против ливов. Северо-германские купцы охотно давали на это пред-

приятие деньги и корабли. «Жаждущие добычи и приключений рыцари принимаются за дело»*).

Для удержания вооруженных пилигримов в Ливонии Альберт приступил к созданию постоянной рыцарской организации. Для этой цели он раздавал немецким рыцарям земли в качестве бенефиций. В 1202 г. с благословения папы был основан монашеский рыцарский Орден. Члены этого Ордена вначале носили название «братьев рыцарства — христова» или просто «воинов бога». Впоследствии за ними утвердилось название меченосцев (от изображения меча и креста на орденской одежде) или Ливонского ордена. Орденская корпорация подразделялась на братьев-рыцарей, орденских священников и орденских служителей (оруженосцы, ремесленники). Во главе Ордена стоял магистр, имевший в принципе неограниченную власть. Во время войны он командовал войсками.

Братья-рыцари давали обеты целомудрия, послушания, бедности и обещание всю свою жизнь посвятить борьбе с «неверными». Однако в действительности рыцари не отличались ни воинской дисциплиной, ни скромностью, ни бедностью. Только последний обет ими выполнялся. В 1207 г. рыцари потребовали от епископа Альберта в награду «за свой труд» предоставления Ордену одной трети всех завоеванных земель. Папа Иннокентий III особой буллой подтвердил это соглашение.

Разоренное население Прибалтики — ливы, эсты, куроны, семигалы и др. — оказывало отчаянное сопротивление Ордену и войскам епископа. Началось жесточайшее истребление населения; пленные избивались целыми толпами, деревни выжигались, женщины уводились. Жители Прибалтики, вооруженные самым примитивным оружием, не могли с успехом сражаться против рыцарей, закованных в броню. Блестящие шлемы и панцыри вызывали среди них суеверный страх. Опустошение довершали голод и болезни. Поэтому захват Ливонии был совершен в сравнительно короткий срок.

По мере продвижения вверх по Западной Двине рыцари все ближе подходили к русским владениям. Полоцкий князь считал Прибалтику своим владением и собирал дань с населения. Захват епископом и Ливонским орденом юго-восточного побережья Балтийского моря ставил под удар ближайшие русские города, особенно Полоцк, Витебск и Псков. Попытки полоцких князей уничтожить рижский замок успеха не имели.

В борьбе с епископом и Орденом русские находили поддержку со стороны местного населения, для которого угнетение, принесенное рыцарями, было во много раз тяжелее дани, собиравшейся полоцким князем. В 1222 г. смоленский князь, заинтересованный в возобновлении торговых сношений с Прибалтикой, заключил договор с Ригой.

---

*) Архив Маркса и Энгельса, т. V, стр. 341.

Закончив завоевание Ливонии, рыцари с 1212 г. начали наступление на Эстонию. Походы, обычно совершавшиеся зимой, когда замерзали болота и реки, сопровождались ужасными опустошениями края: мужчин поголовно убивали, женщин и детей забирали в плен, скот уводили, деревни сжигали. Современник, участник этих событий, Генрих Латвийский, автор очень интересной и ценной в историческом отношении хроники, оставил нам чрезвычайно яркие картины рыцарских походов. Описывая один из таких походов, он с восторгом рассказывает о возвращении победителей: «Бегущих эстов повсюду преследовали и убивали направо и налево, пока не обессилили от усталости и люди и кони». Закончив разорение страны, «тогда, наконец, на четвертый день собрались все в одном месте со всем награбленным, а оттуда, гоня с собой коней и массу скота, ведя женщин, детей и девушек, с большой добычей радостно возвратились в Ливонию, благословляя господа за это возмездие, посланное на язычников. И смутились язычники, и был у них великий плач и вопль. Плакала и Эстония о детях своих, и не могла утешиться...».

Однако епископ Альберт и Орден не имели достаточно сил для полного покорения Эстонии. Альберт отправился в Германию для проповеди нового крестового похода, которая привлекла многих знатных рыцарей, в том числе нескольких герцогов, спешивших принять участие в ограблении Прибалтики. Даже архиепископ города Магдебурга обратился к германскому императору с просьбой выдать ему грамоту на земли, находящиеся за Ливонией. Император исполнил эту просьбу и подарил навеки архиепископу и магдебургской церкви «земли языческие за Ливонией и ее пределами, которые будут обращены в христианство». Подарок, очевидно, предполагал занятие русских земель, но этого ни архиепископ, ни его преемники осуществить не могли.

Одновременно с организацией новой экспедиции Альберт обратился к датскому королю с предложением общими силами закончить завоевание Эстонии. Датский король действительно высадился на эстонском берегу и основал город Ревель. Вскоре между немцами и датчанами начались столкновения. Так как признаком зависимости местного населения считалось крещение, то священники обеих сторон с большой поспешностью бросились крестить население. Два ливонских священника успели окрестить много народа около Юрьева. Тогда пришли датчане и повесили местного старшину за то, что он принял крещение от рижан, а не от датчан. В дальнейшем, чтобы ускорить распространение христианства, по деревням рассылали «святую воду», требуя, чтобы жители кропили ею свои жилища, женщин и детей.

Между тем в Эстонии появился еще один претендент — шведский король. Однако попытки шведов овладеть берегом, лежавшим на восток от острова Эзель, кончились полной неудачей. Изгнав шведов, жители Эзеля продолжали борьбу с датчанами. Им удалось истребить часть датчан, а остаток их выгнать со своего

острова. Эзельцы разослали гонцов по всей Эстонии с объявлением о победе. В короткое время поднялась вся страна. Население нападало и осаждало рыцарские замки. Когда в одном из замков был истреблен весь гарнизон, местные старшины послали к соседним племенам окровавленные мечи — призыв к общему восстанию. В то же время эстонцы обратились за помощью к русским в Псков и Новгород. Подошедшие русские отряды были поставлены в разных местах. Тогда население стало отрекаться от христианства; умерших вырывали и сжигали по языческому обряду, дома обмывали водой и обметали вениками.

Слабой стороной восстания было отсутствие единства: Орден и епископ искусно пользовались враждой между отдельными племенами, особенно между ливами, латышами и эстами, и поочередно расправлялись с населением разных областей. Эстонцы вновь обратились за помощью к владимирскому князю Юрию II. Русские отряды дошли до Ревеля. Город Юрьев был занят русским гарнизоном. Туда прибыл из Новгорода князь Вячко (из полоцких князей), радостно встреченный местным населением.

К началу 1224 г. во всей Эстонии оставался только Юрьев, занятый небольшим русским гарнизоном во главе с князем Вячко. Ливонская хроника называет Вячко «древним корнем всякого зла», т е. злейшим противником Ордена и епископа. Но русская помощь в это время не могла быть значительной, так как на юге началась борьба с новыми врагами — монголо-татарами. Это позволило Ордену и епископу направить против Юрьева летом 1224 г. крупные силы. В походе участвовали два епископа, крестоносцы, орденская братия, рижские купцы, вооруженные горожане, зависимые ливы и латыши. В Юрьеве засели две сотни русских и несколько сот эстонцев. Когда рыцарские войска подошли к Юрьеву, «то поля покрылись палатками». Осаждающие сначала действовали камнеметными машинами, затем была построена подвижная деревянная башня, которую придвинули к крепостному рву. Только после продолжительной осады, в течение которой ежедневно повторялся яростный штурм, осаждающим удалось проникнуть в замок. Тогда, пишет Генрих Латвийский, «тотчас начали убивать народ как мужчин, так и некоторых женщин, и не щадили никого, пока убитых не дошло до тысячи».

Так, вместе с князем Вячко погиб весь гарнизон крепости. Юрьев был переименован в Дерпт и стал местопребыванием особого епископа. Вся Эстония должна была признать власть Ордена.

В 30-х годах XII в. положение Ордена снова ухудшилось. В 1234 г. князь Ярослав Всеволодович с новгородскими и суздальскими дружинами разбил рыцарские войска около Юрьева. Осенью 1236 г. Орден послал экспедицию против литовцев. Рыцарям удалось проникнуть далеко в Литовскую землю и по обычаю сильно ее опустошить. Но на обратном пути литовцы и соединившиеся с

ними семигалы нанесли им жесточайшее поражение. В числе убитых находился магистр Ордена.

Эти неудачи заставили Ливонский орден объединиться с Тевтонским орденом, находившимся в Пруссии. Тевтонский орден, основанный в Сирии, затем перенес свою деятельность в Европу. По приглашению польского князя Конрада, боровшегося с литовцами-пруссами, Орден обосновался на нижнем течении Вислы. В 1237 г. оба Ордена объединились.

С захватом Эстонии Орден стал непосредственным соседом Новгорода. Положение Новгорода осложнялось тем, что ему приходилось одновременно отбиваться с трех строн: с севера, со стороны Невы, угрожали шведы, с запада — Ливонский орден и с юго-запада с первой половины XIII в. усилился натиск литовских князей. Внешняя борьба осложнялась внутренней борьбой. За Новгород спорили два сильных претендента: суздальский князь Юрий II Всеволодович и черниговский князь Михаил Всеволодович. Наконец, и внутри Новгородской земли не было единства. Псков становился все более и более самостоятельным и вел независимую от Новгорода политику. Новгородские и псковские купцы встречались как конкуренты на путях балтийской торговли. Псков в своих торговых связях зависел от западнодвинского направления, Новгород обычно пользовался дорогой по Волхову и Неве. Поэтому враждебные отношения с Орденом больше затрагивали торговые интересы Пскова, чем Новгорода. Кроме того, Псков прикрывал собой новгородские земли и получал первые удары со стороны рыцарского наступления. Поэтому в Пскове часть боярства и купечества готова была итти на уступки Ордену с целью оградить свои экономические интересы в Прибалтике.

На всей северо-западной границе в 30-х годах сложилось неустойчивое равновесие. Если орденским войскам не удавалось проникнуть глубоко в новгородские области, то, с другой стороны, и русские отряды разбивались о рыцарские замки, за крепкими стенами которых могли отсиживаться даже небольшие гарнизоны. Между тем в 1238 г. русские земли подверглись опустошению со стороны Батыя. Для Ордена наступило благоприятное время для нового вторжения в северо-западные русские земли.

Героем борьбы со шведами и ливонскими рыцарями стал князь Александр Ярославич Невский. Если новгородцы, не имевшие постоянного князя, могли о каком-нибудь князе сказать как о своем, новгородском, то это название больше всего подходило к Александру Ярославичу. В Новгород Александр Ярославич впервые попал 8-летним ребенком. В Новгороде он вырос, возмужал и приобрел большой боевой опыт, защищая северо-западные рубежи русских земель.

Батый не дошел до Новгорода, и Александр Ярославич благополучно переждал его поход. Осведомленный о планах Ордена, Александр Ярославич начал в этот год укреплять линию р. Ше-

лони. Однако ближайший удар последовал не с этой стороны, а с севера, со стороны шведов.

Поход шведов, начавшийся летом 1240 г., представлял собой широко задуманное предприятие, во главе которого стоял ярл (герцог) Бергер, фактически правивший страной. Под влиянием папских посланий, проповедывавших крестовый поход, Бергер собрал крестоносное ополчение из шведов, норвежцев, финнов и др. Шведы подошли Невой к устью р. Ижоры и остановились здесь, намереваясь итти дальше, на Старую Ладогу. В случае успеха они захватывали основную магистраль в торговых сношениях Новгорода с Западной Европой. Когда Александр Ярославич, находившийся в это время в Новгороде, услышал о движении шведов, он немедленно выступил в поход с небольшим отрядом воинов, но «в ярости мужества своего». Это выступление было произведено с такой поспешностью, что Александр Ярославич даже не сообщил отцу о присылке помощи и не собрал всего новгородского ополчения. Александр Ярославич неожиданно напал на шведский лагерь, расположившийся на левом берегу р. Невы, при впадении Ижорки. Здесь 15 июля 1240 г. произошло знаменитое «Невское побоище».

Наша древняя летопись не богата конкретными описаниями даже крупных сражений, которые заменяются условными литературными приемами. Но в отношении «Невского побоища» летопись делает исключение. Повидимому, в народе долго сохранялись воспоминания о наиболее ярких эпизодах этого сражения и об отличившихся воинах. Вместе с народными рассказами они перешли на страницы летописи. В летописном описании «Невского побоища» выделены шесть храбрых мужей. Гаврила Алексич в разгар боя верхом на коне по доскам вскочил на палубу шведского корабля, но был сброшен вместе с конем в реку. Выбравшись на берег из воды, он продолжал сражаться. Недавно установлено, что к нисходящей линии Гаврилы Алексича принадлежит гениальный русский поэт Александр Сергеевич Пушкин. Новгородец Сбыслав Якунович поражал врагов одним топором, многих он убил, удивляя всех силой и храбростью. Княжеский ловчий Яков Полочанин с мечом врезался во вражеский полк. Он заслужил похвалу от князя. Новгородец, по имени Миша, с пешей дружиной уничтожил три корабля. Пятый, по имени Савва, наскочил на златоверхий королевский шатер, подрубил его столбы, шатер упал. Русские полки, увидев падение шатра, приняли это за предзнаменование победы. Шестой — Ратмир бился пеший. Когда шведы окружили его со всех сторон, он продолжал сражаться, пока не был убит. Самому Бергеру Александр Ярославич нанес удар по лицу, «возложил печать на лицо острием своего меча». Разгром шведского крестоносного войска был полный. «С великой победой» вернулся Александр Ярославич в Новгород. Эта победа дала ему почетное народное прозвание «Невского».

В год победы над шведами на р. Неве ливонские рыцари

начали наступление на Псковскую землю. На помощь рыцарям пришли «датские королевские люди». Немцы, датчане и дружинники дерптского епископа захватили город Изборск, имевший для Пскова очень большое стратегическое значение. Псковичи сделали попытку отобрать обратно Изборск, но, потеряв большое количество убитыми, укрылись за стенами своего города. Рыцари опустошили окрестности Пскова, но взять его не могли. Тогда псковский посадник Твердила Иванович, став изменником, сдал город и передал Псковскую землю рыцарям с условием, что будет владеть городом под покровительством Ордена.

Зимой 1242 г. орденские войска вторглись в Новгородскую землю. Рыцари построили крепость на месте новгородского погоста Копорья. Новгород был окружен почти со всех сторон, что вызвало прекращение торгового движения. Даже крестьяне в окрестностях города не могли пахать землю. Между тем после победы над шведами Александр Ярославич, рассорившись с новгородским боярством, ушел к отцу в Переяславль. Возможно, что причина ссоры заключалась в том, что бояре опасались усиления княжеской власти в связи с военными успехами Александра Невского, который был сторонником решительного отпора притязаниям Ордена. Опасность, угрожавшая Новгороду, заставила новгородцев призвать Александра Невского.

В 1241 г. Александр Невский вернулся в Новгород «и рады быша новгородцы». С дружиной, состоявшей из новгородцев, ладожан, карелов, ижор, он в том же году отобрал Копорье и очистил от рыцарей Вотскую землю. Затем Александр Невский двинулся на освобождение Пскова. На помощь к нему пришло суздальское войско.

По поводу похода на Псков русский летописец замечает: «Да не похвалятся немцы, ркуще: укорим словенский язык нежели себе». Александр Невский освободил Псков и взял много пленных. По словам одной ливонской хроники, в Псковской земле не осталось ни одного ливонского рыцаря. Не возвращаясь в Новгород, Александр Невский отправился дальше — в землю дерптского епископа. Ордену удалось разбить один из его передовых отрядов. Когда Александр Невский узнал о наступлении рыцарского войска, он немедленно занял позицию на льду Чудского озера в урочище Узмень, у Вороньего камня. Несмотря на начало апреля, лед на озере был еще достаточно крепким. Такой выбор позиции объяснялся желанием затруднить действия рыцарской конницы, тогда как в русском ополчении находилось много пеших воинов.

Сражение 5 апреля 1242 г. началось наступлением рыцарей, по обычаю двигавшихся клином. Такое построение русские называли «свиньею». Рыцарям удалось прорвать центр русского расположения. Однако, предвидя этот обычный прием, Александр Ярославич поставил сильные отряды по флангам. Поэтому сомкнувшиеся фланги сжали рыцарей с двух сторон. Последовало жестокое сражение, рыцари не выдержали и побежали: «И секахуть гоняще, аки

по аеру и не бе им камо утещу и биша их на 7 верстам по льду» (и секли их убегавших так, будто по воздуху они неслись, и не было куда им убежать, и били их на протяжении 7 верст на льду). В этом сражении пало около 500 ливонских рыцарей. Многие утонули в озере, многие убежали ранеными. В плен было захвачено 50 рыцарей, которых привели в Новгород. В том же году Орден прислал посла в Новгород с поклоном, отказываясь от всех захваченных земель.

Победа Александра Невского над ливонскими рыцарями имела огромное историческое значение. Рыцарское наступление на восток было приостановлено. Александр Невский, про которого летопись говорит: «Бе побежая все, а не победим николи же», дал на берегах Чудского озера столь решительный отпор, что, по словам Маркса, «...прохвосты (die Lumpacii) были окончательно отброшены от русской границы» *).

КУЛЬТУРА РУССКИХ КНЯЖЕСТВ В XII—XIII вв.

Усилившиеся с XI в. экономические и политические сношения вовлекали Киевскую Русь в культурное общение с западными и восточными народами. Особенно большое значение для нее имело культурное влияние Византии, выросшей на почве старых античных традиций. Византия, кроме того, подверглась воздействию восточных культур. Поэтому сношения с Византией приобщали Киевскую Русь к богатому и многообразному наследству всего античного мира. Византийское влияние встречалось на русской почве с влиянием западноевропейских стран (романским) и Закавказья. В сложном взаимодействии этих скрещивавшихся течений слагалась культура русских княжеств XI—XIII веков.

Киевские князья после принятия христианства стремились облечь свою власть в византийскую форму. Деятельно обстраивая столицу новыми роскошными сооружениями, они имели перед глазами панораму Царьграда. Так, в подражание византийской столице были сооружены в Киеве Софийский собор и «Золотые ворота».

Монументальные сооружения появились в XI в. в Чернигове (Спасо-Преображенский собор), Новгороде (Софийский собор), Полоцке и в других крупных городах. Гражданское зодчество XI в., за исключением отдельных фрагментов, не сохранилось.

После распада Киевского государства местные князья прилагали много стараний для устройства своих столиц, каждая из которых в местных вариациях повторяет облик феодального политического и религиозного центра. Везде выстраивали крепости из деревянных, а иногда и каменных стен: в каждой столице внутри крепости сооружались дворцовые и церковные здания.

---

*) Архив Маркса и Энгельса, т. V, стр. 344.

Сильные и богатые князья в устройстве своих столиц подражали и соперничали с Киевом. Однако только немногим из них удалось создать подобные величественные сооружения, требовавшие больших материальных затрат и значительных технических средств.

Среди них в XII в. первое место занимает Владимир на Клязьме, быстро поднявшийся при Андрее Боголюбском. Выстроенный на средства этого князя, Успенский собор вызывал общее удивление современников и являлся одним из самых выдающихся памятников архитектуры XII в. В его постройке большое участие принимали западные, в частности, возможно, итальянские мастера, являвшиеся проводниками романского стиля. Фасад Успенского собора украшен резным камнем. Внутренность его была отделана с исключительной пышностью — золотом, мозаикой и фресками. В целом собор должен был производить на современников даже более грандиозное впечатление, чем Софийский собор в Киеве. Андрей Боголюбский построил во Владимире новые укрепления, часть которых составляли «Золотые ворота», также подражавшие «Золотым воротам» в Киеве. Недалеко от Владимира, в Боголюбове, был выстроен замок, ставший любимым местопребыванием князя. Сохранившаяся небольшая часть его в виде каменной башни, к сожалению, не дает представления о всем сооружении.

В начале XIII в. во Владимире, по соседству с Успенским собором, был построен Дмитровский собор. Наружные стены собора охвачены арочным поясом. Отделенная ими верхняя половина стен покрыта изображениями людей, животных и растений, искусно вырезанных из белого камня. По своему содержанию они воспроизводят сцены церковной истории, с чертами, характерными для средневекового романского (итальянского и французского) искусства. В архитектурных формах владимиро-суздальской постройки XII—XIII вв. заметно, помимо романского, влияние грузинского искусства, что объясняется развитием сношений между Владимиро-Суздальским краем и Закавказьем.

Большие сооружения воздвигались в XII в. галицкими князьями. По летописным известиям, с исключительным великолепием была отстроена с участием немецких мастеров новая столица Даниила Романовича — Холм. Памятники галицкой архитектуры этого времени полностью погибли.

Крупнейшим памятником новгородского зодчества конца XII в. является Спасо-Нередицкая церковь, в архитектуре и украшениях которой романское влияние встретилось с восточным, в частности — с искусством Закавказья. Внутренние стены храма покрыты замечательной фресковой росписью. Среди изображений имеется портрет новгородского князя, как предполагают, Ярослава Всеволодовича (отца Александра Невского).

Монументальные сооружения XI в. и отчасти XII в. символически отображали могущество княжеской власти. В небольших

феодальных центрах XII—XIII вв. такие постройки были уже не под силу их небогатым владельцам. В соответствии с этим мельчает и изменяется характер княжеского строительства. В украшениях внутренних стен дорогая мозаика вытесняется фресковой росписью. В северо-западных городах, все больше втягивавшихся в торговые связи с Западной Европой, возникает церковное строительство на средства городских организаций и отдельных богатых купцов.

Развитие каменного зодчества в русских землях XI—XIII вв. коснулось преимущественно культовых построек, затем — крепостных сооружений (крепостные ворота в Киеве и Владимире, крепостная стена в Новгороде) и отчасти—княжеских дворцов. Основным материалом для остального строительства оставалось дерево. Даже укрепления многих крупных городов состояли из земляных валов и деревянных стен. Ни одного из деревянных сооружений этого периода не сохранилось.

В первое время после принятия христианства киевская литература состояла почти исключительно из переводных сочинений. Во второй половине XI в. стали появляться оригинальные произведения, написанные русскими авторами по византийским или югославянским образцам. В дальнейшем русская литература, сохраняя выработанные в Византии формы, становилась все более самостоятельной.

В области церковно-назидательной литературы большое распространение получила торжественная проповедь. Обильно насыщенная риторическими украшениями, торжественная проповедь была рассчитана на изысканный вкус наиболее образованной части господствующего класса. В этой области выдвинулось несколько блестящих представителей ораторского искусства и литературного мастерства — Иларион, Климент Смолятич и Кирилл Туровский.

Иларион был первым киевским митрополитом из русских людей. Ему принадлежит «Слово о законе и благодати», написанное во второй четверти XI в. В это произведение входит похвала князю Владимиру («Похвала кагану нашему Владимиру»). Со стилистической стороны произведение Илариона относится к выдающимся образцам ораторского искусства и не уступает лучшим византийским сочинениям этого типа. Оно проникнуто, кроме того, высоким патриотическим воодушевлением. Поэтому Иларион, глава русской православной церкви, прославляет за усиление Киевской державы язычника князя Святослава. С этой же точки зрения он оценивает деятельность Владимира, восхваляет его не только за насаждение христианства, но и за мужество и храбрость. «Слово» заканчивается призывом к умершему Владимиру встать из гроба и полюбоваться развитием Русской земли.

Другой писатель — Климент Смолятич (Климент из Смоленска) был киевским митрополитом в середине XII в. О нем летописец отзывается как о большом книжнике и философе. Климента упрекали в том, что он в своих сочинениях не всегда ссылался на от-

цов церкви, а приводил примеры из Гомера, Аристотеля и Платона. Эта любопытная деталь показывает, какими путями через византийскую литературу проникало в Киевскую Русь влияние классической Греции.

Значительное число поучений («слов») сохранилось от Кирилла, родом из Турова (Кирилла Туровского), жившего во второй половине XII в. Его произведения представляют наиболее чистые образцы церковного ораторского искусства, в которых мы не находим отклика на современные политические события. Особенностью литературного стиля Кирилла Туровского было ритмическое построение речи, местами переходящее в рифмы. Эти произведения также обнаруживают хорошую образованность автора и начитанность в византийской литературе.

По мере того как в русской церкви создавался собственный пантеон «святых», складывалась и особая «житийная» литература, состоявшая из жизнеописаний (житий) прославленных церковью «подвижников» и «мучеников». Образцом для них являлась византийская житийная литература, выработавшая строго определенную форму и стиль подобных произведений.

Первыми житиями, написанными в Киевском государстве, были жития князей Бориса и Глеба, убитых Святополком Святославичем. При Ярославе они были канонизированы церковью, т. е. причислены к «святым». Превращая князей, погибших в династической борьбе, в святых мучеников, церковь действовала в политических интересах Ярослава. Последнему для укрепления своего положения необходимо было представить побежденного Святополка как «окаянного» грешника, пролившего кровь невинных братьев.

Автором одного из житий Бориса и Глеба, написанного под сильным влиянием византийской литературы, был монах Киево-Печерского монастыря Нестор. В описании жизни и трагической гибели Бориса и Глеба Нестор показывал пример «покорности к старейшим». Этим нравоучительным выводом он призывал младших князей слушаться старшего киевского князя. Другим произведением Нестора было житие одного из основателей Киево-Печерского монастыря—Феодосия. Оно отличается от «чтения» о Борисе и Глебе большим количеством фактических сведений и бытовых описаний, в которых содержится важный в историческом отношении материал по взаимоотношениям между Печерским монастырем и киевским князем. Нестор был одним из самых даровитых и образованных писателей киевского периода. Не ограничиваясь нравоучительно-житийной литературой, он принимал близкое участие в составлении древних летописных сводов.

Светская литература киевского периода (т. е. литература, разрабатывавшая темы, непосредственно не связанные с церковной деятельностью), сохранилась еще в меньшем размере, чем церковная. Исключение составляют лишь летописи, которые в большинстве случаев создавались при монастырях и имели для церкви большое значение.

Вопрос о времени появления первых летописных записей еще окончательно не разрешен. Следует предполагать, что вначале они состояли из кратких, не связанных между собой заметок о выдающихся событиях. Такие записи могли вестись при дворе митрополита, в крупнейших соборах и монастырях. По мнению Шахматова, древнейший киевский летописный свод был составлен в Софийском соборе вскоре после его построения, т. е. во время княжения Ярослава Владимировича. Местными источниками для него послужили отдельные записи, народные предания и легенды, различные сказания, некоторые письменные документы и воспоминания современников. Часть сведений была заимствована из византийских хронографов. Почти одновременно возникло летописание в Новгороде, которое сначала велось при дворе епископа, а потом— при новгородском Софийском соборе. В 70-х годах XI в. летописание в Киеве перешло в Печерский монастырь. Составленный здесь летописный свод объединил древнюю Киевскую летопись с Новгородской. Все события были расположены по годам, по примеру византийского хронографа. Затем этот свод несколько раз дополнялся и переделывался. Одним из его редакторов был Нестор. Редактированный Нестором около 1112 г. летописный свод получил название: «Повесть временных лет, откуда есть пошла русская земля, кто в Киеве начал первое княжити, и откуда русская земля стала есть». В 1116 г. в начале княжения Владимира Мономаха труд Нестора был переработан настоятелем Михайловского Выдубецкого монастыря в Киеве Сильвестром. В этой редакции «Повесть временных лет» сохранилась в позднейших летописных списках.

С образованием ряда феодальных центров в них возникла местная летопись, воспринявшая опыт киевского летописания. В период возвышения Галицкого княжества появилась Галицко-Волынская летопись, излагавшая преимущественно события, касавшиеся Галицкой земли или деятельности галицких князей. Из Киева летописание перешло в Переяславль, откуда было перенесено во Владимир на Клязьме и Ростов. В конце XII в. во Владимире был составлен летописный свод общерусского характера. Это стояло в связи с той политической ролью, которую в это время играл Владимир на Клязьме по отношению к другим русским землям. Большого развития в XII—XIII вв. достигло также новгородское летописание.

Летописи являются важнейшим письменным источником для истории Киевского государства и образовавшихся на его территории феодальных княжеств. Летописец, писавший или редактировавший труд своих предшественников, ставил перед собой определенные политические задачи, соответствовавшие интересам княжеской власти или той церковной организации, к которой он сам принадлежал. Все летописание проникнуто миросозерцанием господствующего феодального класса. Этими же задачами опреде-

ляется и отбор исторических событий, которые обычно группируются вокруг жизни княжеского двора. Вместе с тем летопись была первой попыткой разобраться в исторических явлениях, найти между ними связь, выяснить вопрос, волновавший русского образованного человека в XI в., «откуда есть пошла русская земля?». Древняя летопись является и крупным литературным памятником, в некоторых случаях обладавшим большими художественными достоинствами. В этом отношении особенно выделяется Галицко-Волынская летопись о событиях времени Даниила Романовича.

В литературе данного периода одиноко стоит произведение, известное под именем «Моления Даниила Заточника». Предполагается, что оно было написано в Суздальской земле в промежуток времени 1224—1236 гг. Темой этого произведения являются страдания бедного человека и поиски средств к избавлению от холопского состояния. По мысли автора, три пути вели к избавлению от холопства. Можно было стать свободным человеком, женившись на богатой невесте, потому что тесть мог выкупить из холопства. Но освобождение посредством выгодного брака автор решительно отвергает: «Лучше бо ми трясцою (лихорадкой) болети, трясца бо, потрясчи пустит, а зла жена и до смерти сушит». Другое средство к освобождению от холопства — путь в монахи, в чернецы. Сам Даниил был невысокого мнения о монахах. Оставалась еще одна возможность — стать княжеским холопом. Даниил доказывает, что князю нужны умные и знающие люди. Про себя он говорит, что он на «рати не вельми храбр... но в словах крепок». Не получив систематического образования, он почерпнул знания из чтения книг. Служба князю давала возможность надеяться на освобождение. «Всякому дворянину имети честь и милость у князя...».

Таким образом, Даниил Заточник в своем произведении поднимал важный социальный вопрос о положении холопов и о путях к освобождению от рабского состояния. Повидимому, сам Даниил Заточник принадлежал к составу боярских холопов. Возможно, что он был холопом не по рождению, а попал в рабскую неволю вследствие бедности или разорения. Он — «заточник», т. е. человек, находящийся в заточении, в тюрьме, за какую-то провинность, возможно, перед своим поработителем.

Особое место в литературе данного времени занимает знаменитое «Слово о полку Игореве». Своим историческим содержанием оно связано с концом XII в., когда с распадом Киевского государства все более грозной становилась опасность для южных русских земель со стороны половецкой степи.

«Слово о полку Игореве» было впервые случайно обнаружено богатым собирателем древностей, графом Мусиным-Пушкиным, в 1795 г. среди рукописей, приобретенных в одном монастыре в Ярославле. В первый раз замечательный памятник был издан в 1800 г., но, к сожалению, рукопись постигла трагическая судьба: во время страшного московского пожара в 1812 г. богатейшая библиотека Мусина-Пушкина сгорела; вместе с ней погибла

рукопись. Поэтому исследователи последующего времени были лишены возможности изучить приобретенную Мусиным-Пушкиным рукопись.

Уже вскоре после московского пожара в литературе стали раздаваться голоса о подложности этого памятника, причем основным доказательством являлось его высокое поэтическое совершенство, на которое будто бы ни один русский писатель древнего времени не был способен. В свое время еще Пушкин остроумно заметил, что, обозревая писателей XVIII и начала XIX вв., он и среди них не может указать ни одного, кто бы мог написать подобное поэтическое произведение. Вопрос о подлинности «Слова о полку Игореве» был решен лишь в середине XIX в., когда была найдена повесть о Куликовской битве, относящаяся к началу XV в. Оказалось, что в этой повести есть заимствования из «Слова о полку Игореве». Следовательно, автор, писавший о Куликовской битве и воспевавший мужество и храбрость русских воинов, пользовался как образцом памятником XII в. Этим были уничтожены сомнения в подлинности «Слова». Дальнейший анализ с литературной и исторической стороны вполне подтвердил выводы о подлинности «Слова о полку Игореве».

Основной темой произведения «Слово о полку Игореве» был неудачный поход русских князей на половцев. Описание этого похода сохранилось в летописи.

В апреле 1185 г. новгород-северский князь Игорь Святославич, его брат Всеволод, сын Владимир и некоторые другие отправились в половецкую степь. Первые встречи с половцами показали, что время для похода было выбрано неудачно: вся половецкая орда оказалась в сборе. Тогда Игорь сказал: «Если мы не сразившись возвратимся, то стыд нам будет хуже смерти».

Продолжая поход, русские встретились с главными половецкими силами. «Братья, — сказал Игорь, — этого мы искали — начнем». Но половцы не приняли боя. Они появились с рассветом следующего дня; ужаснулись тогда русские: казалось, что вся половецкая сила была в сборе, как густой бор, вырастала она перед русскими дружинами. С боем русские пробивали дорогу к Донцу. Решили не покидать друг друга—или погибнуть или победить. На рассвете дрогнули черниговские отряды, и Игорь бросился их возвращать. На обратном пути он был захвачен половцами.

Игорь пробыл в половецком плену около года. Он пользовался относительной свободой, что позволило ему выждать удобный момент и бежать на родину. В его отсутствие половцы произвели большие опустошения в русской земле и захватили пленных и добычу. Такова фактическая основа повести в передаче летописи.

Автор не случайно выбрал несчастный поход на половцев Игоря Святославича. Выбор именно такого сюжета объяснялся желанием в живых, художественных картинах показать, с одной стороны, смелость и отвагу русского войска, а с другой — причину его гибели и бедствий русской земли. Автор «Слова» поль-

зуется трагическим концом похода русской дружины в половецкую степь, чтобы с большей исторической правдивостью и огромной художественной выразительностью обрисовать положение русских земель в конце XII века.

Княжеские усобицы всей своей кровавой тяжестью ложились на население. Одним из первых поднял меч князь Олег Святославич, которого автор называет Гориславичем. Ведь «тот Олег мечом крамолу ковал и стрелы по земле сеял... Тогда по русской земле редко пахари перекликались, но часто вороны каркали, деля между собою трупы...». Автор хорошо понимает причины этих усобиц. Князь сказал князю, брат говорил брату: «это мое, а это тоже мое», и начали князья про малое говорить: «это великое» и сами на себя «крамолу ковать», а враги со всех сторон с победами приходили на русскую землю. «И застонал Киев от печали, а Чернигов от напасти. Тоска разлилась по русской земле. Печаль обильная текла среди земли Русской».

Таким образом, успех половцев объясняется своекорыстной и хищнической политикой самих русских князей, которые замыкались в своих местных феодальных мирках и оттуда производили губительные нападения на соседей. Автор дает чрезвычайно полную картину состояния русских земель, а также внутренних и внешних отношений. Со страстным призывом обращается он к самым сильным князьям его времени — галицкому Ярославу Осмомыслу и суздальскому князю Всеволоду — с просьбой помочь попавшему в беду игореву войску. Но ни тот, ни другой князь не двинулись из своих далеких владений. С горечью, с тоской вспоминает он времена «старого» Владимира Мономаха. «Того старого Владимира нельзя было пригвоздить к горам киевским». Но стяги его поделили между собой князья, соперничающие друг с другом; в разные стороны развеваются их бунчуки на знаменах, по-разному поют их копья.

Неизвестный нам автор был хорошо образованным и начитанным человеком, прекрасно осведомленным о политической жизни на всей огромной территории русской земли. Литературная манера, отдельные выражения и умелое использование литературных приемов показывают знакомство его с другими литературными памятниками, в частности можно установить влияние византийских военных повестей. Однако не следует преувеличивать этот подражательный элемент, как пытались сделать некоторые исследователи. В основном «Слово» проникнуто народной поэзией, в нем есть много элементов фольклора. Близостью к народному творчеству объясняется и чрезвычайное богатство языческой мифологии. Здесь представлен весь старый пантеон русских богов: Велес, Стрибог, Хорс и различные мифические существа. Маркс писал: «Вся песнь носит христиански-героический характер, хотя языческие элементы выступают еще весьма заметно» *). Сильное влия-

*) К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXII, стр. 122.

ние народного творчества объясняет нам и то место, которое занимает в этом произведении одухотворенная природа, составляющая одно целое с человеком; в знамениях природы, то грозных, то благоприятных, человек читает свою судьбу.

Автор «Слова», не ограничиваясь художественно-литературной стороной, ставил перед собой и определенную политическую цель. Все произведение проникнуто сознанием общих интересов русской земли, страдающей от кровавых усобиц князей и не менее губительных нападений степных хищников. Вся поэма является страстным призывом к единению русских сил, и в этом смысле «Слово» обращено не столько в прошлое, сколько — в будущее. Маркс, давая историческую характеристику «Слова», отметил: «Смысл поэмы — призыв русских князей к единению как раз перед нашествием монголов» *).

«Слово о полку Игореве» сохранило в своем содержании ряд элементов народного творчества в виде эпитетов, поговорок, пословиц. К сожалению, от народного творчества киевской эпохи до нас дошли самые незначительные остатки, частью вошедшие в древние письменные памятники (следы народного творчества, кроме «Слова о полку Игореве», обнаружены в «Молении Даниила Заточника» и в летописях), частью сохранившиеся под слоем позднейших напластований в русском эпосе (былинах).

В XI—XIII вв. певцы под аккомпанемент музыкальных инструментов исполняли бытовые, обрядовые и исторические песни. К ним, повидимому, принадлежал и упоминаемый в «Слове о полку Игореве» «вещий» Баян, под искусными («вещими») перстами которого струны «рокотали» славу князьям. Народными певцами были также «скоморохи».

Последующие исторические события в Приднепровье закрыли в народной поэзии древнейшие исторические темы, связанные с эпохой Киевского государства. На Украине они были вытеснены казацкими думками и песнями, рассказывавшими о горькой крестьянской неволе под панским господством. Древние темы в народном репертуаре постепенно исчезли и в других местах страны, за исключением северного Поморья.

Побережье Белого моря и область северных рек — Северной Двины, Мезени, Пинеги, Печоры и др. — оказались настоящей сокровищницей народной поэзии. Исследователи фольклора (Гильфердинг, Рыбников и др.) с изумлением услышали в крестьянской избе далекого севера, среди лесов и снегов, песни, в которых вспоминались бескрайние просторы южных степей, теплые реки, развесистые дубы, большие города, могущественные киевские князья, сильная «застава богатырская», стерегущая русскую землю от хищных степняков. В результате особых условий (консерватизм быта, отсутствие крепостного права) север оказался хранителем художественной старины. Русское население Поморья образовалось

*) К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXII, стр. 122.

путем долголетней колонизации из разных мест; поселенцы приносили с собой эпические песни, сложенные в разное время и в разных местах—и в Киевской земле, и в Новгороде, и в центральных областях Московского государства. В народе они известны под именем «старин» или «старинок» (в литературе с 30-х годов XIX в. утвердилось за этими произведениями название «былины»). Передаваясь из поколения в поколение, старинки-былинки подвергались различным изменениям, а их исторические сюжеты оказывали взаимное влияние. Тем не менее в некоторых из них ясно выделяется древняя основа, сложившаяся не позднее XII—XIII веков.

К числу наиболее древних былин относятся былины о Добрыне Никитиче и Илье Муромце. Древнейшие элементы былины о Добрыне Никитиче восходят к XI—XII вв. Предполагают, что исторической основой этой былины была деятельность Добрыни (дядя Владимира Святославича) и борьба христианства с языческими верованиями. Былина о Илье Муромце, одна из самых распространенных и любимых в народе, в своей древнейшей части сложилась около XIII в., возможно, в Черниговской земле. Главной темой этой былины является защита богатырями русской земли: Илья стоит на «заставе богатырской».

Былина об Алеше Поповиче, повидимому, возникла в Ростово-Суздальской земле на основе исторических преданий конца XI и начала XII вв. Упоминаемый в былине змей Тугарин соответствует половецкому хану Тугор-хану, жившему в конце XI в. Интересно отметить, что предание об Александре Поповиче сохранилось в летописях. В одной из них рассказывается, как Александр Попович вместе с семьюдесятью «храбрами» (богатырями) погиб в бою с татарами на р. Калке.

* * *

До нас дошли лишь незначительные остатки материальной культуры и литературы русского населения XI—XIII вв.; они не в состоянии дать полного представления о русской культуре того времени, несмотря на высокое совершенство отдельных памятников. С распадом Киевского государства увеличилось и культурное обособление крупнейших феодальных центров. Катастрофа, разразившаяся над русскими землями во время монголо-татарского нашествия, в значительной степени уничтожила неглубокий слой культуры феодального общества. Вследствие этого на некоторое время была прервана преемственная линия культурного развития, восходившая к блестящим памятникам Киева, Новгорода и Владимира на Клязьме.

СРЕДНЯЯ АЗИЯ В XI—XII вв.

В истории народов Средней Азии мы остановились на X в., когда основная часть территории этой страны входила в состав государства Саманидов. В конце X в. оно пало под ударами тюрков, вторгнувшихся в Мавераннахр.

Среди тюркских племен, занимавших территорию Семиречья и Кашгарии, самыми многочисленными и культурными были карлуки. Они вели полуоседлый образ жизни, занимались скотоводством, знали также и земледелие. Через земли карлуков пролегал «Шелковый путь», связывавший западную часть Туркестана с Центральной Азией и Китаем. На этой дороге находилось несколько значительных городов. Караванная торговля втягивала тюркское население Семиречья в экономическую жизнь Средней Азии и ее оседлых районов. Торговые сношения между кочевым хозяйством и городскими рынками способствовали расслоению среди кочевников и переходу их к оседлой жизни.

В конце X в. семиреченские тюрки, карлуки и другие племена были объединены под властью правящей династии, известной под именем Караханов. В исторической литературе за этим государством утвердилось название Караханидов. Выступление семиреченских тюрков под предводительством Богра-хана привело к падению Саманидского государства. Богра-хан, носивший титул «света державы и опоры призыва к вере», встретил на основной территории саманидских владений, в Мавераннахре, лишь слабое сопротивление. Одна из причин этого заключалась в сочувствии местных дехканов, недовольных политикой последних Саманидов, усиливавших централизованную власть. Крестьяне, подавленные тяжелыми налогами, также не были заинтересованы в защите престола Саманидов.

После завоевания Мавераннахра политический центр государства Караханидов остался в Кашгарии, где находилась ставка главного хана. Под его верховной властью в Мавераннахре находились местные правители, или илек-ханы, по имени которых держава Караханидов называется также государством илек-ханов.

Борьба семиреченских тюрков под предводительством Богра-хана с Саманидским государством была облегчена выступлением против Саманидов их вассала эмира Газны в Афганистане. В союзе с тюрками эмир Газны нанес последние смертельные удары Саманидскому государству.

По соглашению, заключенному эмиром Газны с тюрками, весь бассейн Сыр-Дарьи отошел к Караханидам, тогда как владения Газневидов простирались на юг от Аму-Дарьи. В начале XI в. владения Махмуда Газневи (сына основателя династии Газневидов) достигли очень больших размеров. После падения Бухары Махмуд Газневи получил от халифа титул «десница державы и доверенное лицо религиозной общины», а также грамоту на владение Хорасаном (к юго-востоку от Каспийского моря). Под властью Махмуда оказались не только Афганистан и земли, лежавшие к югу от Аму-Дарьи, но и большая часть Ирана. Махмуд предпринимал постоянные походы из Газны, с одной стороны, в Хорезм, с другой стороны, в область Северной Индии. За 32 года он совершил 17 больших походов в Индию. Однако колоссальные ценности, собиравшиеся в Газне в результате этих грабительских экспедиций, не

создали прочной материальной опоры для власти Газневидов, так как поглощались жизнью роскошного султанского двора и богатой знатью.

Подражая Саманидам, Махмуд для придания блеска своей власти привлекал ко двору ученых и поэтов. Среди них находился знаменитый астроном, историк и филолог Бируни, родом из Хорезма. Он должен был заниматься астрологией и указывать своему повелителю удачные дни для походов, охоты и развлечений. Некоторое время при дворе Махмуда находился и знаменитый Фердоуси, который поднес султану «Шах-намэ» в окончательной редакции. Однако великому персидскому поэту вскоре пришлось бежать из Газны. Газневидам, жившим преимущественно ограблением соседних стран, не удалось создать прочной государственной организации. Поэтому держава Газневидов просуществовала всего около 40 лет; она распалась в результате выступления туркменских племен.

В X в. туркмены (тюрки-огузы) ушли в низовья Сыр-Дарьи. В конце этого столетия они под предводительством беков, из рода Сельджука, заняли правый берег реки Зеравшана и обосновались в местности между Бухарой и Самаркандом. Теснимые илек-ханами, они от Зеравшана отошли дальше на юг, в район Мерва. В области Хорасана Сельджуки разбили Газневидов. Затем они овладели Ираном. Сельджукское государство, в основе которого лежало объединение туркменских племен, достигло большого размера во второй половине XI в., особенно при Мелик-шахе (1072—1092). Владения Сельджуков в это время распространились на все Закавказье. Фактически власть сельджукского султана признавало все мусульманское население, считавшее халифа своим духовным главой. На постройках вырезывалась надпись, которая внушала подданным необходимость полного повиновения султану: «Султан есть тень бога на земле». Столицей государства был город Мерв, переживший новый период расцвета, памятником которого в настоящее время являются развалины величественных монументальных сооружений. (Развалины древнего города находятся в 25 км от современного Мерва).

В городе были многолюдные ремесленные кварталы, обширный базар, оросительные каналы, в окрестностях находились большие сады. Одним из замечательных памятников архитектуры и искусства является сооружение, известное в народе под именем мавзолея султана Синджара (сельджукский султан Синджар правил в 1118—1157 гг.). Исследование этого памятника, недавно произведенное Туркменским институтом истории, установило, что мавзолей был украшен с изумительным великолепием и мастерством; наружные стены были сплошь покрыты позолотой из чистого листового золота по рельефной резьбе. Купол мавзолея был, повидимому, голубого цвета. По словам знаменитого арабского географа Якута, жившего в Мерве в начале XIII в., город был крупным культурным центром. «Мерв во время моего отъезда, — пишет Якут, —

имел десять библиотек-вакфов, более богатых отборными сочинениями, чем библиотеки любого другого города». Мерв был полностью разрушен во время похода Чингис-хана в Среднюю Азию.

Движение тюркских кочевых племен в Мавераннахр имело важные социально-экономические последствия для населения земледельческих оазисов. Саманиды сделали попытку создать из земледельческих оазисов и кочевой степи централизованную систему по типу арабского халифата. После того как это государство пало под ударами тюрков-карлуков, вся система, державшаяся на подчинении местных вассалов саманидскому государю, также была уничтожена. Караханиды действовали иначе. Оставаясь в основном еще кочевниками, только переходившими к полуоседлому быту, они не могли создать сильного административного аппарата.

Основным видом материального обеспечения господствующего слоя тюрков было пожалование ханом во временное пользование земли — икты — с правом собирать налоги с населения. Для Караханидов, не расставшихся с кочевой жизнью, такая форма эксплоатации населения была наиболее удобной. Она не связывала владельца с определенной местностью и вместе с тем позволяла ему существовать путем регулярных поборов. Поэтому Караханидское государство представляло собою значительный комплекс местных владений, во главе которых стояли представители господствующей династии (илек-ханы), подчиненные власти главного хана, ставка которого продолжала оставаться в Восточном Туркестане.

Одновременно Караханиды нанесли сильный удар местным дехканам. В источниках по истории Средней Азии дехканы старого типа (многие из них были очень крупными земельными собственниками) почти исчезают при Караханидах и Сельджуках. Это исчезновение связано с иной формой эксплоатации населения и с подавлением дехканства, которое после установления власти Караханидов пыталось оказывать им сопротивление.

После того как тюркская знать, втянутая в жизнь земледельческих оазисов и торговых городов, превратилась в оседлых землевладельцев, икта из временного, в большинстве случаев пожизненного, владения стала наследственной феодальной собственностью. Это имело большое значение для полного развития в земледельческих районах Средней Азии феодальных производственных отношений со всеми характерными особенностями общественного и политического строя.

В XI в., с установлением более спокойного времени и порядка вновь оживают среднеазиатские города. Караханиды покровительствовали торговле, так как она приносила им значительные доходы. В Самарканде, Бухаре и других городах стали строиться караван-сараи, мечети, дворцы и другие сооружения.

Государство Караханидов пало в XII в. в результате нового вторжения кочевых племен. В 30-х годах этого столетия в восточной части Туркестана появились кочевники, известные под именем

кара-китаев. Их точная племенная принадлежность не может считаться вполне установленной. Одни исследователи сближают кара-китаев с тунгусскими народностями, другие — с монгольскими. Во всяком случае, кара-китаи вышли из глубины Центральной Азии. Заняв долину реки Чу в Семиречье, они начали вторжения в область Мавераннахра. К этому времени государство Караханидов уже не обладало прежней силой, так как местные властители фактически стали независимыми от центральной власти.

Такой же участи подверглось и государство сельджуков. В 1141 г. сельджуки были разбиты кара-китаями к северу от Самарканда. Победа над могущественным властителем Сельджукской державы произвела огромное впечатление в восточных странах и дала сильный толчок к распадению Сельджукского государства. Известие об этой победе достигло даже крестоносцев, воевавших с мусульманами в Сирии.

Овладев Мавераннахром, кара-китаи обложили население данью и ушли обратно в долину реки Чу. Глава кара-китаев носил титул гурхана, что означает «хан ханов». Гурханы не раздавали уделов подобно Караханидам. Они оставили нетронутыми и местные порядки. Илек-ханы, сидевшие по разным городам, стали вассалами гурхана.

Среди земледельческих оазисов Средней Азии одним из наиболее многолюдных и цветущих был Хорезм, по территории которого пролегала важнейшая караванная дорога в прикаспийские страны. С экономическим подъемом Хорезма было связано политическое усиление во второй половине XII в. его властителя — хорезм-шаха. Хорезм-шах Текеш в конце XII в. вступил в успешную борьбу с кара-китаями и сельджуками. В результате он овладел всей восточной половиной Ирана. Сын Текеша хорезм-шах Мухаммед (1200—1220) достиг дальнейших крупных успехов в деле расширения Хорезмийской державы. Умело пользуясь недовольством вассалов гурхана и возмущением населения, обложенного тяжелой данью, Мухаммед нанес полное поражение кара-китаям. Таким образом, было завершено создание крупного Хорезмийского государства, в состав которого вошла вся основная территория Средней Азии. В официальных документах Мухаммеда даже стали называть «вторым Александром». Обширное по территориальному размеру Хорезмийское государство не было внутренне прочным. Власть хорезм-шаха с неудовольствием признавали местные феодалы, сохранявшие почти полную самостоятельность. В оппозиции к Мухаммеду находилось и высшее мусульманское духовенство, которое видело в нем поработителя «правоверных».

ЗАКАВКАЗЬЕ в XI—XII вв.

Начавшееся во время борьбы с арабским господством объединение мелких феодальных княжеств привело к образованию в Закавказье нескольких более или менее крупных феодальных государств. Эти государственные образования не были прочными. Их

экономической основой оставалось раздробленное феодальное хозяйство. Товарищ Сталин говорит: «...Эфемерное и случайное объединение княжеств, которое иногда удавалось провести какому-нибудь удачнику-царю, в лучшем случае захватывало лишь поверхностно-административную сферу, быстро разбиваясь о капризы князей и равнодушие крестьян» *).

Среди государств Закавказья XI—XII вв. первое место по размеру и политическому значению занимало Грузинское царство.

Грузия. На территории Грузии к исходу X в. образовалось три царства: Абхазское — в Западной Грузии, Тао-Кларжетское — в долине р. Чороха, Кахетинское, охватывавшее бассейны рек Арагвы и Алазана. Тифлис с окружающей территорией составлял отдельное эмирство.

Тао-Кларжетское царство, в котором утвердилась одна из линий грузинских Багратидов, стало центром объединения феодальной Грузии. При царе Баграте III (980—1014) под его властью находилось большинство грузинских земель, в том числе Картли, Абхазия и сама Тао-Кларжетия. Баграт III сломил сопротивление крупных феодалов. Таким образом, он фактически объединил большинство грузинских земель, разбивавшихся раньше на обособленные феодальные владения.

Вскоре после смерти Баграта III вновь усилилась оппозиция со стороны феодальной знати. Последняя находила поддержку со стороны Византии, которая упорно стремилась помешать объединению Грузии. Для этой цели византийское правительство подкупало отдельных представителей грузинской знати и пользовалось ими как средством для укрепления своего влияния, особенно в юго-западных частях Грузии.

Около середины XI в. Грузия подверглась вторжению сельджуков. Несколько раз Мелик-шах с большими полчищами появлялся во внутренних грузинских областях, разрушая города и опустошая страну. В конце XI в., после того как сельджукский султан заставил Византию согласиться на унизительный для империи мир, Грузия оказалась почти с трех сторон окруженной сельджукскими владениями. В руках сельджуков находился Карс, откуда они производили нападения на грузинские земли. Эти бедствия, ложившиеся всей своей тяжестью на народную массу, были усилены катастрофическим землетрясением в конце XI в., во время которого многие города были совершенно разрушены.

В течение XI—XIII вв. феодальное хозяйство в Грузии достигло полного развития. Большинство плодородных земель, а также хороших пастбищ оказалось во владении царя, церкви и светских феодалов. Основной рабочей силой в этом хозяйстве были крепостные крестьяне (глехи), распадавшиеся на ряд категорий (куп-

*) Сталин. Марксизм и национально-колониальный вопрос, стр. 10. Госполитиздат. 1939.

ленные, пожертвованные, пожалованные, добровольные и пр.). Землевладельцы получили право разыскивать беглого крестьянина в течение тридцати лет. Свободные крестьяне оставались главным образом в высокогорных районах.

Господствующий класс в Грузии — феодальные землевладельцы — в свою очередь подразделялся на несколько категорий. Общее наименование этого класса, сложившегося в более или менее замкнутое сословие, было азнауры (такое название грузинские дворяне носили до XV в.). Высшее место среди них занимала феодальная знать («дидебули-азнаури»), состоявшая из немногочисленных, но старых аристократических родов. Особенно многочисленным был слой мелких азнауров, владевших относительно небольшими участками земли и находившихся в вассальной зависимости от крупной знати. На мелких азнауров падали тяжелые повинности в пользу выше их стоящих сеньоров, военная служба, обязательное угощение сеньора, сопровождение его в походах и т. д.

Внутри класса феодальных землевладельцев образовались сложная система феодальных взаимоотношений и феодальная иерархия, очень близко напоминающие соответствующий порядок в Западной Европе. Сеньор в Грузии назывался патроном, т. е. покровителем или попечителем. Каждый сеньор, имевший собственных вассалов, мог быть в свою очередь вассалом выше его стоящего патрона.

Экономически сильной и политически влиятельной частью феодальной организации была грузинская церковь. На ее обширных владениях находилось множество поселений как с земледельческим крестьянским населением, так и ремесленников и купцов. Во главе церкви стоял католикос, имевший собственный двор и управление, напоминавшее организацию царского управления. В середине XI в. власть в церкви перешла в руки крупнейших феодалов, из числа которых назначались епископы, настоятели крупнейших монастырей и пр. Церковь получила большое влияние во внутренней жизни Грузии и являлась могущественной опорой для притязаний феодальной знати.

Несмотря на постоянные разорения, Грузия была страной высокой сельскохозяйственной культуры. Большое распространение получили зерновые культуры, затем плодоводство, виноградарство, животноводство, пчеловодство, шелководство, хлопководство. Часть получаемой в сельском хозяйстве продукции вывозилась на заграничный рынок, в том числе лошади прекрасных пород, шелк, ковры, великолепные златотканные материи и т. п. Развитие торговли привело к накоплению больших материальных средств и к экономическому усилению купечества. Высший слой купечества состоял из крупных негоциантов, в руках которых находилась торговля с другими странами. Они имели особые привилегии и пользовались значительным политическим влиянием.

Главою объединенного феодального Грузинского государства был царь, который со времени Баграта III носил титул «царя царей». При царе находился феодальный совет (дарбази) и четыре

министерства: военное, финансовое, внутреннего управления и обер-церемониймейстера. Страна делилась на воеводства, во главе которых стояли воеводы (эриставы).

В конце XI в. Грузия стала выходить из состояния экономического разорения и политического ослабления. Царствование Давида II «Строителя» (1089—1125) началось в очень тяжелых условиях. Крупный политический деятель, обладавший большой настойчивостью и широким кругозором, образованный для своего времени человек, знавший многие языки, грузинскую и иностранную литературу, Давид II с огромной энергией принялся за восстановление государственной системы, дезорганизованной в результате нашествия сельджуков и сопротивления крупных феодалов.

Давид II понимал, что укрепление государственного порядка могло произойти лишь в результате подавления оппозиции крупной знати. Ему приписывают следующие слова: «Как нельзя выравнить собачьего хвоста и нельзя заставить рака двигаться вперед, так нельзя выправить спесивых феодалов».

Давид II провел крупную реформу церковного управления, которая должна была лишить феодальную знать этой важнейшей для нее опоры. Церковный собор вынес постановление о смещении ряда церковных иерархов, происходивших из крупных аристократических фамилий. Места последних были замещены новыми лицами, не связанными непосредственно с интересами крупной феодальной знати.

Второй, не менее важной, реформой Давида II была реорганизация войска. Грузинский царь не имел собственных военных сил, которые составлялись из феодальных ополчений его вассалов, и поэтому зависел от своих феодалов. Давид II впервые создал отдельную царскую армию. Для этой цели, пользуясь родственными связями через жену с половецкими племенами, он переселил часть половцев на территорию Грузии и из переселенных воинов образовал отборную армию. Создание постоянной вооруженной силы помогло Давиду II сломить сопротивление крупных феодалов, а затем освободиться от власти сельджукских султанов.

Борьба с сельджукскими султанами в эпоху Давида II была облегчена ослаблением Сельджукского государства в результате его распадения и походов крестоносцев. После занятия крестоносцами Антиохии и Иерусалима Давид II в 1097 г. прекратил уплату дани султану. Так была восстановлена независимость Грузии.

Вскоре после этого Давид II присоединил восточную часть грузинских земель, входивших в состав Кахетии и Эрети. Он уничтожил также отдельное Тифлисское эмирство. Этим завершен был процесс объединения феодальной Грузии, начавшийся в IX столетии. Власть Давида II распространилась и на соседние негрузинские земли. Он присоединил часть Армении, в том числе город Ани с окружной территорией, находившейся под властью курдских

эмиров. Население, страдавшее от господства курдов, помогло Давиду II в борьбе с ними. В зависимости от грузинского царя оказались и властители северного Азербайджана.

Укрепление Грузинского государства при Давиде II содействовало общему подъему экономической и культурной жизни. В конце XI и начале XII вв. еще сильнее окрепли торговые связи Грузии с окрестными странами. При Давиде II было построено множество новых мостов, были проведены новые дороги, связывающие горные районы и торговые города; были основаны два научных центра: академии в Икалте и Гелати. В историю Давид II вошел с именем «Строителя», т. е. организатора Грузинского государства.

После смерти Давида II его ближайшим преемникам пришлось выдержать яростные попытки сельджукских правителей отобрать назад земли, присоединенные при Давиде II. Борьба с ними осложнялась внутренней борьбой с феодальной знатью, а также борьбой внутри царской семьи.

Внуку Давида II «Строителя» — Георгу III (1156—1184) удалось отразить нападение мусульманских правителей и подавить движение крупной аристократии. Одержав над нею победу, Георг III произвел важные перемены в личном составе высшего управления. Он сместил сановников, замешанных в заговоре против царской власти, и назначил на их место лиц неродовитого происхождения. Не имея сыновей, Георг III при жизни возвел на престол единственную дочь — Тамару. Родовитая знать не без колебаний согласилась признать ее царицей.

После смерти отца Тамаре сначала пришлось согласиться на значительные уступки в пользу феодальной знати. Для последней особенно было важно соединение должности канцлера, пользовавшегося большими правами и влиянием, с высшей церковной должностью католикоса. Благодаря этому один из представителей аристократических фамилий, становившийся католикосом, объединял в своих руках и светскую и духовную власть. Затем родовитая знать постаралась избавиться от высших должностных лиц неродовитого происхождения, выдвинувшихся при Георге III. Государственный совет стал органом аристократии. Царица должна была также согласиться на порядок, по которому только государственный совет мог выдвигать кандидатов на высшие должности или предлагать тот или иной государственный закон. Однако между аристократическими родами продолжалась борьба за первенство в управлении. Умело используя противоречия внутри феодальной знати, Тамаре удалось провести своих сторонников на важнейшие государственные должности.

После взятия Константинополя крестоносцами в 1204 г. Византия уже не могла вмешиваться в грузинские дела. Сельджукское государство окончательно ослабло. Пользуясь этим, Тамара подчинила значительную часть Азербайджана и Армении. Грузинское

государство достигло наибольших размеров — оно протянулось от Черного до Каспийского моря.

Из отвоеванной у Византии территории на южном побережье Черного моря было образовано самостоятельное Трапезундское государство, первым императором которого стал родственник Тамары Алексей Комнен. В Северной Армении грузины заняли Карс. Владея ранее занятыми Ани и Двином, грузины господствовали на всей территории севернее р. Аракса. В последние годы царствования Тамары была предпринята экспедиция в северную часть Персии, откуда совершались вторжения в область Ани. Результатом этого похода было временное подчинение Грузии Южного Азербайджана.

Царствование Тамары (1184—1213) вошло в историю, как время высокого политического подъема феодальной Грузии. Сама личность Тамары представляет редкое сочетание мягких, женственных черт с мужественной волей, настойчивостью и большим политическим кругозором. Деятельность Тамары, ее жизнь и подвиги стали излюбленной темой для народных поэтов и певцов. Имя Тамары знали далеко за пределами Закавказья. Как отзвук этой популярности, побеждавшей расстояния и время, мы находим рассказ о мужественной царице Иверской Динар (Тамары) в русских литературных памятниках XVI века.

Время царицы Тамары завершает целый период культурного развития грузинского народа.

При Тамаре были созданы великолепные монументальные памятники, примером которых служит высеченный в скале Вардзийский монастырь. Внутренние стены обширного храма этого монастыря покрыты прекрасной фресковой росписью.

Сохранившиеся, к сожалению, лишь небольшие остатки литературного наследия указывают, как высоко поднялись грузинская научная мысль и поэтическое творчество грузинского народа.

Очень большое значение для грузинской культуры имело влияние античной литературы и философии. Грузинские монастыри, разбросанные среди византийских и иранских владений, собирали в своих богатых хранилищах разнообразную мусульманскую, античную и христианскую литературу. Есть все основания предполагать, что в первой четверти XII в. появился сокращенный перевод Гомера. Крупнейший философ Иван Петрици, обладавший большими познаниями в греческой литературе, был проводником идей неоплатонизма. Это, в противовес церковной догматике и схоластике, усиливало интерес к светским темам. Крупное значение имело также ознакомление с литературой мусульманского мира. К числу талантливых писателей времени Тамары принадлежали Шавтели и Чахрухадзе.

Замечательным памятником грузинской литературы является гениальная поэма «Витязь в тигровой шкуре» (Вепхвис Ткаосани), принадлежащая современнику Тамары — Шота Руставели. Древ-

нейшие сохранившиеся списки поэмы относятся только к XVII в. Более ранние рукописи с произведением Шота до нас не дошли.

Беспокойная жизнь Грузии, территория которой постоянно подвергалась страшным разрушениям, мало благоприятствовала сохранению древних рукописей. Поэтому среди множества других ценных памятников письменности погибли и древние списки бессмертной поэмы Шота Руставели. Кроме того, творчество великого поэта подвергалось преследованиям со стороны христианской церкви, так как поэма, героями которой являлись сильные и смелые люди, противоречила моральным идеям церкви, воспитывавшей чувство бессилия и преклонения перед властью. Когда в начале XVIII в. царь Вахтанг VI велел напечатать поэму «Витязь в тигровой шкуре», то патриарх Грузии Антоний I приказал бросить печатные экземпляры этой поэмы в Куру. По образному выражению одного исследователя вода не могла погасить огня поэтических строчек, а пламя костров не в силах было сжечь волнующую поэму.

В настоящее время собрано более семидесяти различного рода вариантов. Поэма раздробилась на сотни частей, которые вошли в народные изречения, стихи, песни, поговорки и пр. Возникшая на основе народного творчества, поэма вновь стала достоянием народа. В старой Грузии был древний обычай, когда на свадебном пиру «руководитель стола» провозглашал тост за новобрачных с пожеланием им всякого счастия и благополучия и заканчивал его словами:

«Приданое все по закону
Я дочери отдал своей,
Вдобавок «Вепхвис Ткаосани», —
Всех в мире жемчужин ценней».

Наши сведения о великом поэте Шота Руставели очень скудны. Источниками для биографии Руставели являются краткие упоминания о поэте в его произведении и устные народные предания. Предание сообщает, что отец Руставели также был поэтом. Он умер незадолго до рождения сына. Шота сначала учился в церковной школе, а затем в основанной Давидом II Икалтийской академии. Слух о даровитом поэте, распространившийся по Грузии, дошел до царицы Тамары, которая отправила молодого писателя в Грецию. По преданию, Шота провел в Греции шесть лет. Возвратившись на родину, он стал заниматься литературной деятельностью. Вскоре он был приближен к царице и занял одну из придворных должностей.

В основе поэмы «Витязь в тигровой шкуре» лежат распространенные на Востоке сказочные сюжеты, которые получили в произведении Руставели дальнейшее литературное развитие. Есть все основания предполагать, что Руставели знал Гомера. В поэме рассеяны указания на ряд выдающихся памятников литературы X —

XII вв.: «Вис и Рамин» Гургани, «Книга царей» Фердовси. Следует отметить влияние и замечательного современника Руставели — азербайджанского поэта Низами Ганджеви. Огромное, хотя и не поддающееся точному учету, значение имело грузинское народное творчество.

Основным содержанием поэмы являются похождения рыцарей, которые в поисках любимой женщины обходят весь мир. Поэма Шота Руставели представляет собою своеобразную энциклопедию современной ему образованности. События описанные в поэме происходили во всех уголках земного шара, в географических пределах, известных в то время. В поэме упоминаются Аравия, Венецианское государство, Трапезунд, испанская Мавритания, Индостанский султанат, Китай, Хорезм, Византия. В ней нет только самой Грузии. Близкая каждому современнику и читателю, родная обстановка скрывалась под вымышленными именами. Поэт создавал волшебный мир, но в его описании Аравии и Индии современник узнавал Грузию конца XII века.

В поэме ясно показана система феодального вассалитета, лежавшая в основе политического строя этих стран. Цари ведут борьбу с непокорными вассалами. При этом все симпатии поэта, несомненно, находятся на стороне сильной царской власти, необходимой для политического объединения страны и ее защиты.

Внутренняя жизнь Грузии была наполнена борьбой за родную землю против вторжения со стороны сельджуков, византийцев и других завоевателей. Борьба с врагами является основной темой поэмы. В этом заключалось ее большое политическое значение. Героями поэмы (Автандил, Тариэль, Фридон) были наделенные чудесной силой, бесстрашные рыцари, готовые сражаться с многочисленными вражескими полчищами. Их основными качествами являются: мужество, упорство, честность и дружба. Герои поэмы не мирятся со злом:

«Лучше смерть, но смерть со славой,
Чем постыдной жизнью жить».

Самым позорным для них является страх:

«Что случиться может хуже —
Смертный страх увидеть в муже».

Мужество сочетается с дружбой. Только дружба героев позволяет им опрокинуть все препятствия, стоящие на их пути.

Руставели создал и замечательные женские образы (Тинатин, Нестан-Дареджан, Асмат), в которых чарующая женственность соединена с мужественной волей. Женщине отведено очень почетное место в поэме. Один из героев говорит: «Женщину обидев, где найду себе покой». Любовь к женщине помогает героям переносить невыразимые мучения, любовь оказывается сильнее смерти.

В этом культе женщины нет ничего принижающего ее достоинства, нет и намека на то оскорбительное отношение, которое, несмотря на внешнюю форму, господствовало среди рыцарей средневековой Европы. Женщина в поэме Руставели стоит рядом с мужчиной.

Представляя зло в разнообразных образах и формах, Руставели показал торжество над ней человеческой воли. Благодаря этому поэма проникнута чувством светлой жизнерадостности. Вся концепция поэмы находилась в полном противоречии с церковной схоластикой. Интерес к человеку позволил поэту показать его в новом свете, раскрыть богатство его внутреннего мира и укрепить уверенность в своих силах. Великое произведение Руставели представляет собою памятник раннего гуманизма. Оно появилось примерно на столетие раньше возникновения гуманистического движения на Западе. Нас не должно удивлять, что очаг этой культуры возник в горах Закавказья, так как именно здесь прочно хранились традиции античного наследия. Без этих условий Руставели, несмотря на гениальность, не в состоянии был бы создать памятник такого высокого совершенства, проникнутый любовью и верой в человека.

Творчество Руставели было в то же время глубоко народным. Страдания героев и их мужество были хорошо понятны свободолюбивому народу, который веками вел борьбу за существование. Образы рыцарей, наделенные самыми привлекательными чертами, не были похожи на тех рыцарей-феодалов, которых знал народ как своих угнетателей. Эти образы воплощали лучшие народные чаяния, соединенные с мечтой о счастливой человеческой жизни. Поэтому народ бережно донес в своей памяти гениальное произведение Шота, не сохранившееся в письменной передаче.

Армения. В течение первой половины XI в. большая часть Армении, разбитой на мелкие феодальные княжества, перешла под власть Византии. В захваченных областях была введена византийская административная система. В армянских городах были расположены византийские гарнизоны. Множество армян было переселено в Болгарию, где их заставляли сражаться со славянами. В свою очередь болгары переселялись в Армению.

Современник византийского господства в Армении в самых мрачных чертах рисует когда-то густо населенную и затем опустошенную страну. Для Армении византийское господство имело тяжелые последствия, так как лишенная военной силы она оказалась беззащитной перед сельджукскими нашествиями.

Как и в Грузии, сельджуки появились в Армении около середины XI в. В течение примерно пятнадцати лет произошло четыре крупных сельджукских нашествия, причем последнее было наиболее сильным. В это время был окончательно разрушен город Ани. «Осквернили и разорили страну нашу, — говорит современник — армянский историк Аристакос, — не один раз, а трижды.

При этом каждый раз они возвращались в те же места, пока не лишалась вся страна жителей и не прекратился рев животных».

После того как византийские войска потерпели поражение в сражении с сельджуками в 1071 г., сельджукские правители стали полными хозяевами во всей Армении. В конце XI в. в разоренной Армении стала постепенно восстанавливаться экономическая жизнь.

После смерти сельджукского султана Мелик-шаха (1092) Сельджукская империя стала распадаться; на ее территории появились местные династы. В Армении в это время образовались отдельные армянские княжества. Значительная часть населения во время походов сельджуков бежала в область Киликийского Тавра. Здесь, скрываясь в ущельях и высокогорных районах, население продолжало вести борьбу с окружающими византийскими и мусульманскими владетелями.

В неприступных теснинах Киликийского Тавра обосновался князь Рубен, родственник убитого армянского царя. Сын князя Рубена, воспользовавшись походами крестоносцев, отложился от Византии и объявил себя независимым. Вскоре после этого преемники Рубена (Рубениды) стали владетелями всей Киликии. Объединив под своею властью мелкие армянские княжества, они организовали Армянское Киликийское царство, просуществовавшее около трех столетий (1080—1375).

На территории остальной Армении также образовался ряд мелких феодальных княжеств, во главе которых стояли преимущественно династы курдского происхождения. Северная часть Армении при Давиде II и Тамаре вошла в состав Грузинского государства.

Несмотря на чрезвычайно неблагоприятные условия, в которых существовала Армения в XII—XIII вв., народное творчество этого времени оставило и в области материальной и в области духовной культуры ряд замечательных памятников. Та же струя, что и в Грузии, гуманистического влияния коснулась армянской литературы. Наряду с церковно-моральными сочинениями и догматической литературой в ней появляются светские темы.

В числе выдающихся писателей этого времени следует назвать сочинителя басен и притч — Вардана. Небольшие произведения Вардана легко воспринимались в народе, так как в понятной, конкретной и художественно-простой форме Вардан касался важнейших вопросов социальной жизни.

Примером таких произведений может служить маленькая басня «Князь и вдова». Жил князь — очень злой и несправедливый. В этом же городе жила бедная вдова. Князь, требуя податей, притеснял ее. Вдова молилась, чтобы князь имел долгую и спокойную жизнь. Об этом сказали князю: «В ответ на твое зло вдова за тебя молится». Князь был очень удивлен и велел передать вдове: «Я тебе не делаю добра, о, женщина, почему же ты молишься за меня?». Тогда вдова отвечала: «Твой отец был дурной человек. Я

его прокляла, и он умер. Ты сел на его место — и ты еще злее его. И теперь я боюсь, что ты умрешь и твой сын будет злее тебя».

Другим крупным писателем-гуманистом был Фрик, живший в начале XIII в. В своих произведениях он также выражал протест против социальных несправедливостей, причем причину их искал в отношениях между людьми: «Один богатеет за счет лишения другого, — говорит Фрик, — а другой теряет честно приобретенное».

Азербайджан. После распада арабского халифата в Азербайджане возник ряд мелких политических образований, во главе которых стояли правители и эмиры. В Северном Азербайджане самым крупным было государство Ширван-шахов со столицей в Шемахе. На юге находилось Ганджинское эмирство (столица — гор. Ганджа, теперь Кировабад). Особое княжество составлял Дербент с прибрежным районом. Дербент преграждал проход между отрогами большого Кавказского хребта; этим определялось его крупное экономическое и политическое значение.

После завоевания Армении Азербайджан подчинился сельджукским султанам. С этого времени местные азербайджанские династы стали вассалами сельджуков и уплачивали им дань.

В средней части Азербайджана образовалось даже отдельное сельджукское наместничество, которое впоследствии стало отдельным эмирством. С ослаблением Сельджукского государства вассальная зависимость от них местных династов прекратилась. В то же время усилилось влияние Грузии. При Давиде II и Тамаре значительная часть Азербайджана находилась под властью Грузии.

Экономически выгодное положение Азербайджана, через территорию которого проходили основные торговые связи между Северным Кавказом и Закавказьем, а также с прикаспийскими странами, создавало благоприятные условия для развития торговых городов и городской жизни. Самыми крупными среди городов были Ганджа, Шемаха, Дербент, Тебриз.

В промежуток времени между XII и XIV столетиями сложилась азербайджанская народность. Буржуазно-националистическая концепция утверждала, что азербайджанцы произошли от пришлых тюрков, появившихся в результате сельджукского завоевания. В действительности процесс образования азербайджанской народности был более сложным и совершался в основном на местной этнографической почве. Основу этой народности составляло древнее яфетическое население, жившее на территории будущего Азербайджана, родственное яфетидам остального Закавказья; с местным яфетическим населением впоследствии слились различные тюркские элементы (половцы, туркмены).

Близость к культурным областям Персии и сильное персидское влияние имели своим последствием разделение языка: на официальный, которым стал персидский, или фарсидский язык (классовый язык феодальной знати), и народный — «азери».

Ширван-шахи, следуя обычаю, распространенному на Востоке в это время, покровительствовали придворным поэтам, которые должны были прославлять деятельность и подвиги своих повелителей.

К числу лучших мастеров придворной поэзии принадлежал живший в XII в. Хакани.

Основателем классической литературы Азербайджана был Низами (Ильяс-Юсуф-оглы).

Великий азербайджанский поэт родился в гор. Гандже (Кировабад) около 1140 г. Почти вся его жизнь протекала в родном городе. Низами был хорошо образованным человеком, имел познания в области философии, астрономии, медицине, обладал большой начитанностью в арабской, персидской и греческой литературе. Настоящим призванием Низами, которому он посвятил всю свою жизнь, была поэзия.

Низами, однако, не пошел по примеру своих предшественников по дороге придворных льстивых поэтов. К стихам придворной поэзии он применил старинное изречение, что «лучшие из них наиболее лживые из них». Стихи Низами уже при жизни доставили ему большую известность, но не принесли богатства. Низами умер, как предполагают, в 1203 г. Его гробница находится на месте старой Ганджи (в нескольких километрах от Кировабада).

Литературное наследство Низами поражает своим размером. Достаточно сказать, что им было написано более 100 тысяч стихотворных строк, среди которых, по мнению литературоведов, нельзя найти ни одной строчки слабой в техническом отношении. Низами с большой строгостью относился к своей литературной работе. Он говорил, что «тому легко складывать слова, кто довольствуется пустыми стихами».

Главными произведениями Низами являются пять больших поэм, известных под общим названием «Хамсэ» (пятерица). Низами использовал для них старые народные сказания, иранские хроники и сюжеты, получившие большое распространение на Востоке. Вводя в рассказ многочисленные драматические эпизоды, Низами пользовался ими для показа внутренней жизни человека. Певец человеческой любви и мастер в раскрытии душевных движений влюбленных, Низами создал изысканную любовную лирику.

Характерной особенностью творчества Низами была его горячая любовь к человеку. С нею он соединял любовь к своему народу, к его языку и культуре. Разделяя участь других писателей Азербайджана своего времени, Низами принужден был писать на персидском языке. Однажды Ширван-шах заказал ему поэму, но потребовал при этом, чтобы она была написана на персидском языке:

«Нам не приличен тюркский твой язык,
Наш двор к простецким нравам не привык.
Раз мы знатны и саном высоки,
Высокие, да слышим языки!».

На это Низами ответил словами, исполненными протеста и скорби:

«Прочел я... Кровь мне бросилась в лицо.
Так, значит, в ухе рабское кольцо!
И не поднять из мрака мне чела,
И на глазах, как пелена легла,
И не найти сокровищ золотых...
И замер я, и ослабел, затих
И голову запрятал от стыда...».

(«Лейли и Меджнун»).

Любовь Низами к человеку и угнетенному народу вызвали в его творчестве социальные темы. Низами высоко ценил труд человека: «Ради труда пришли мы в мир»,—поучал он. В своих произведениях Низами дал ряд замечательных по художественности и реализму картин народного угнетения. В поэме «Семь красавиц» Низами вывел добродетельного царя, который в борьбе с коварными вельможами опирался на «людей, связанных с землей», т. е. крестьян. В последней поэме, посвященной Александру Македонскому («Искандер-намэ»), Низами описал легендарную страну, где не было ни насилия, ни угнетенных, ни воровства. Люди, во всем равные между собой, считали друг друга братьями. У них не было правителей, даже стада не нуждались в пастухах. Так мечты о счастливой жизни вызвали идеализацию первобытно-общинного строя, вылившуюся в своеобразную социальную утопию XII века.

В борьбе между феодалами симпатии Низами, так же как и его великого современника Руставели, находились на стороне сильной царской власти, способной объединить страну и отразить нападения врагов. В поэме «Семь красавиц» Низами рассказывает, как однажды царь увидел пастуха, который повесил за измену свою собаку. Тогда царь велел казнить своего визиря, находившегося в тайных сношениях с врагами страны, а пастуха сделал визирем.

Творчество Низами Ганджеви оказало могущественное влияние на дальнейшее развитие азербайджанской литературы и вызвало многочисленные подражания.

Исполнились слова, когда-то сказанные Низами:

«Пока есть слово, да будет слава от слова,
Имя Низами, благодаря его словам, вечно юным да будет».

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА, СРЕДНЯЯ АЗИЯ И ЗАКАВКАЗЬЕ ПОД ВЛАСТЬЮ МОНГОЛЬСКИХ ЗАВОЕВАТЕЛЕЙ

ОБРАЗОВАНИЕ ДЕРЖАВЫ ЧИНГИС-ХАНА. ЗАВОЕВАНИЕ МОНГОЛАМИ СРЕДНЕЙ АЗИИ И ЗАКАВКАЗЬЯ

В XI—XII вв. лесные и степные пространства, от верховьев Амурской речной системы до Алтайских гор, занимали различные кочевые племена. Территории около озера Байкал, а также верховья Енисея и Иртыша были покрыты лесами. Обитавшее здесь население жило главным образом охотой и отчасти рыболовством. Степи, лежавшие на юг от Байкала, тянувшиеся сплошной полосой от озера Буир-Нур к Восточному Туркестану, имели все условия для кочевого скотоводства.

Скотоводы-кочевники делились на большое число мелких, независимых друг от друга племен, каждое из которых носило отдельное название. Монгольское героическое сказание в том случае, когда хотело сказать о всем населении этих степей, употребляло описательное наименование: поколения людей, «живущих в войлочных кибитках». Каждое племя имело определенный район кочевья. Около озера Буир-Нур кочевали татары, являвшиеся одним из самых многочисленных и сильных племен. Поэтому впоследствии название татары перешло на остальные родственные им племена Монголии. К югу от Байкальского озера находились кочевья меркитов. Еще южнее, в верховьях р. Орхона, кочевали кереиты. В западной части Монголии, между Хангайскими горами и Алтаем, жили найманы. Найманы частично занимались земледелием и находились в постоянных сношениях с Семиречьем. Значительное культурное влияние на найманов оказывали уйгуры, занимавшие часть Восточного Туркестана.

Общественной единицей скотоводов был патриархальный род, представлявший собой союз кровных родственников, объединенных единством происхождения.

«Разлучиться с родными, — говорится в монгольском героическом сказании («Сокровенное сказанье», написанное в 1240 г. в Монголии), — значит сделаться добычей посторонних. Отделиться от многочисленного семейства — значит сделаться добычей малочисленного семейства. Если распадется многочисленное семейство, то оно сделается добычей малочисленного народа. Можно найти движущихся (живые существа), но родных не найдешь. Можно приобрести народ, но родных приобрести нельзя».

Кочевники переходили с места на место с огромными стадами скота. Китайский путешественник, посетивший монгольские степи в первой половине XIII в., в таких словах описал жизнь их населения: «Куда ни приезжали, повсюду были соленые полосы и лужи стоячей воды; целый день не встречал ни одного путника; в целый год, разве изредка, пробежит встреченный конь... хлеба здесь не растут, питаются же молоком; одеваются в меховое платье, живут в войлочных юртах, и тоже веселы».

Монгольская юрта представляла собой целое хозяйство, жизнь которого не останавливалась и во время передвижения. Она описана путешественником XIII в. Рубруком. Юрта ставилась на телегу, причем ее основой были сходящиеся кверху прутья. Вверх поднималась шейка наподобие трубы. Затем остов юрты покрывался белыми войлоками, которые пропитывались известью или порошком из костей. Поэтому поверхность юрты сверкала белизной. Иногда отдельные части войлока окрашивали в разные цвета или украшали рисунками. По словам Рубрука, ширина одной повозки доходила до 6 метров. Юрта, стоявшая на повозке, выдавалась за колеса по крайней мере на 1½ метра с одной и другой стороны. Такую большую кибитку с поставленной юртой тянули 22 быка, запряженных в два ряда. Быками управлял человек, стоявший на повозке перед входом в юрту.

Кочевавший совместно род состоял из нескольких сотен и даже тысяч юрт (кибиток), составлявших «курень». На стойбищах юрты устанавливались кольцом, середину которого занимала юрта предводителя.

В XI—XII вв. монгольский род находился в процессе разложения, хотя в общественной жизни монголов сохранились более или менее значительные пережитки родовых отношений. Монголы вели происхождение от общего предка по мужской линии. Они заботились о поддержании чистоты рода. Была распространена экзогамия; согласно брачному обычаю невеста бралась непременно из чужого рода. Типичным родовым обычаем была кровная месть, передававшаяся даже из поколения в поколение. В монгольском героическом сказании говорится: «Хотя бы пришлось стереть все ногти на пяти пальцах и потерять все десять пальцев, мстите». Среди монголов существовал родовой обычай побратимства. Люди, обменявшиеся между собой подарками с произнесением соответствующей клятвы, становились братьями — аньда. По словам монгольского сказания, аньда имели как бы одну жизнь, они никогда не должны были покидать друг друга. Среди монголов был распространен родовой культ, причем участвовать в жертвоприношении могли только члены данного рода. Старший в роде был хранителем культа.

Самым существенным признаком разложения родовой организации был переход основного имущества — скота — во владение ин-

дивидуальной семьи. Отец перед смертью делил наследство между сыновьями, причем главная часть доставалась младшему сыну, который носил название «господина огня и юрты». Он получал в наследство юрту отца и его жен, кроме собственной матери. С выделением имущества в собственность отдельной семьи внутри монгольского рода все глубже развивался процесс имущественной и социальной диференциации. Выделившиеся богатые семьи, владевшие большими стадами скота, предпочитали не связывать своего хозяйства с родом или более крупным объединением, а кочевать отдельно вместе со своими зависимыми людьми. Такое отдельное кочевье носило название аила.

В XII—XIII вв. монгольский род имел уже очень сложный состав. Помимо кровных родственников, в него входили люди, находившиеся по отношению к свободным членам рода в различных формах зависимости. Одну из категорий их составляли лица, попавшие в зависимость в результате военного поражения. Они носили название вассалов-крепостных (унаган-боголы). В некоторых случаях даже весь побежденный род должен был стать в зависимость от рода-победителя. Вассалы-крепостные служили своим владельцам в мирное и военное время. Их крепостное состояние считалось наследственным. Кроме них, в состав рода входили различного рода прислужники (конюхи, погонщики, служители у богатых людей) и простые рабы. В составе рода различались богатые люди, которыми могли быть и унаган-боголы, и низшая, все более и более эксплоатировавшаяся богатыми, «чернь».

В XII—XIII вв. происходило относительно легкое дробление рода. Отделившаяся от рода семья искала лучших условий для кочевья, а иногда и более сильных покровителей в лице чужих могущественных родов. Большое значение в перемешивании родов имела война, которая не прекращалась в степи. Когда род по тем или иным причинам рассеивался, сородичи попадали в такие условия, где родственные связи заменялись социальными, основанными на подчинении и господстве.

Объединение нескольких родов или их частей составляло родоплеменной союз — улус. Во главе такого союза находились уже не родовые старейшины, а влиятельные вожди, сильные богатством и военной удачей. Они получили общее название ноянов с характерными прозвищами: богатырь, мудрый, силач, меткий стрелок. Жен их величают ханшами, а дочерей—хатунями. Ноянов окружали свободные дружинники, известные под названием нукеров. Нукеры, происходившие из зажиточной части степняков, обычно не принадлежали к роду своего повелителя. В основе их отношений к вождю лежало свободное принятие обязанностей. Нукеры составляли военную дружину, участвовали в походах, в облавах и делились со своим повелителем охотничьей или военной добычей. Поэтому нукеры были очень заинтересованы в усилении власти своего вождя. Нояны с окружающими их нукерами представляли собой слой выс-

шей степной аристократии, которой принадлежало экономическое и политическое господство среди кочевого населения монгольских степей.

Вопрос о характере общественно-экономического строя монголов в эпоху образования державы Чингис-хана был рассмотрен нашим выдающимся монголистом—академиком Владимирцевым. Уже после его смерти была издана его главная работа «Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм». Самый подзаголовок этого исследования сообщает о выводе, к которому пришел автор: в XI—XII вв. среди монгольского кочевого населения, занимающегося скотоводством, происходило развитие феодальных отношений. Для разрешения этого вопроса необходимо рассмотреть отношения, существовавшие между простыми владельцами стад (непосредственными производителями) и ноянами. Вожди улусов (нояны) руководили кочевьями всего подвластного населения, распределяли пастбищные угодья, устанавливали стоянки в определенных местах, объявляли запретные места для охоты и пр. С другой стороны, зависимые от ноянов люди должны были нести ряд повинностей: предоставлять мелкий скот на убой, отдавать дойных кобылиц, участвовать в облавах в пользу нояна. На войне нояны получали лучшую часть из военной добычи. При сохранении кочевой скотоводческой базы между степной аристократией и зависимыми от нее людьми устанавливаются отношения, основой которых являлось внеэкономическое принуждение. Это состояние можно сравнить с феодальным обществом земледельческих народов.

Таким образом, в XII в. существовали необходимые социально-экономические условия для образования среди кочевого населения монгольских степей родо-племенных союзов (улусов). Начавшийся процесс объединения кочевников не мог остановиться на этом этапе. Те же социально-экономические условия, которые разрушали замкнутость отдельных родов, приводили к образованию еще более крупных объединений. В конце XII в. среди монгольских племен сложилось несколько крупных союзов, которые вели жестокую борьбу между собой. Успех в ней зависел главным образом от численного превосходства и предприимчивости вождей.

Богатая знать кочевников с зависимой от нее дружиной сама была заинтересована в покровительстве крупного вождя. Поэтому нояны разбитых союзов охотно переходили под власть своего победителя.

Победителем в борьбе за объединение монгольских племен стал в начале XIII в. Темучин (Чингис-хан).

Темучин принадлежал к одному из старых аристократических родов кочевников. Отец Темучина—Иесугей-багатур был типичным нояном. Отделившись от главного рода, он образовал отдельный род, имел своих унаган-боголов, нукеров, прислужников. С этими людьми Иесугей совершал нападения на соседей и делил добычу.

В 1155 г. жена Иесугей-багатура родила сына, который, согласно легенде, занесенной в монгольское сказание, появился с комком запекшейся крови в правой руке — признак будущей власти. Когда ребенку исполнилось 9 лет, отец повез его в другой род для приискания невесты. Согласно монгольским обычаям мальчик был оставлен в доме отца невесты. На обратном пути Иесугей-багатур был отравлен татарами.

После смерти предводителя его улус стал распадаться, большинство зависимых людей, потеряв вождя, разошлось в разные стороны. «Глубокая вода высохла, светлый камень распался», — говорит монгольское сказание. Вдова, мать Темучина, проявила большую волю. Она погналась с оставшимися людьми за разошедшимися кочевниками и часть их вернула обратно. Тем не менее улус, сократившийся в своем размере, окруженный враждебными родами, попал в самые тяжелые условия. Даже для детей Иесугей-багатура наступили годы нужды. Когда Темучин подрос и превратился в смелого, энергичного юношу, к нему снова стали собираться старые прислужники отца. Мать воспитывала в нем традиции вождя кочевников. Большое значение для Темучина имело покровительство со стороны вождя соседнего племени кереитов Ван-хана, который когда-то был другом его отца. Помощь Ван-хана позволила Темучину еще больше усилить собственный улус и разгромить врагов своего рода. К Темучину стали прикочевывать люди других родов. Сам он установил связи со степной аристократией. Собравшаяся знать кочевников провозгласила его своим повелителем и принесла ему присягу. С этого времени Темучин стал называться Чингис-ханом (пока не найдено точного объяснения этого названия).

Вскоре Темучину представился случай участвовать вместе с Ван-ханом в боях против татар, старых врагов рода Темучина. Татары к этому времени уже не были так сильны, как раньше. Они потерпели полное поражение. Через некоторое время Темучин окончательно разгромил татар: он приказал вырезать всех, кто ростом выше колесной чеки. Этим была исполнена кровная месть, лежавшая на Темучине за смерть отца. Татары перестали существовать как самостоятельное целое. Но их название сохранилось в более крупном монгольском объединении.

Окрепнув и усилившись, Чингис-хан перестал нуждаться в покровительстве Ван-хана. Выждав удобный момент, он неожиданно напал на кереитов и нанес им полное поражение. Ван-хан бежал и вскоре погиб.

В последующие годы Чингис-хан с таким же успехом расправился с вождями других крупных объединений. Сначала он разбил найманов, живших в верховьях Енисея, затем покорил меркитов, кочевавших на юг от Байкала. После этих побед у Темучина не оставалось больше серьезных соперников. Таким образом, он становится единственным объединителем кочевых племен. Это поло-

жение было признано кочевой аристократией на особом съезде (курултае) в 1206 г. Съезд, состоявший из представителей кочевой знати, провозгласил Чингис-хана своим повелителем. С этого времени объединенный им народ стал называться монголами, или татарами.

После курултая Чингис-хан приступил к организации военной силы кочевников, во главе которой поставил отборную гвардию, организованную на аристократических началах. Затем Чингис-хан распределил важнейшие должности между ближайшими лицами. Замещая эти должности представителями кочевой знати, он вместе с тем выдвигал людей по личным качествам и заслугам.

Вскоре старший сын Чингис-хана Джучи предпринял поход против «лесных народов» (ойротов и киргизов), живших по Енисею. Около того же времени Чингис-хану добровольно подчинились уйгуры, повелитель которых стал его вассалом.

С этого времени владения Чингис-хана не только охватывали всю степную часть, но и подходили к горным массивам Алтая и к Восточному Туркестану. На Енисее и в Восточном Туркестане монголы Чингис-хана столкнулись с племенами, находившимися под влиянием среднеазиатской мусульманской культуры. Это обстоятельство в дальнейшем сыграло важную роль в образовании монгольской державы.

После завершения объединения степняков монголы под предводительством Чингис-хана представляли огромную силу, очень опасную для культурных земледельческих областей. Первые удары ее испытали страны Китая.

В XII—XIII вв. Западная Монголия и Тибет входили в состав Тангутского государства, центр которого находился в Ордосе. Северная часть Китая составляла отдельное государство. В X столетии народ кидань, находившийся раньше в вассальном подчинении от богдыханов Таннской династии, завоевал северные провинции Китая. Предводитель киданей принял название Ляо (по-китайски «железо»). Южный Китай составил самостоятельное Китайское государство под властью местной династии Сун. С начала XI в. богдыхан Сунской династии платил ежегодную дань серебром и шелковой материей государству Ляо. Кидани испытали на себе сильное влияние китайской культуры. Имя этого народа перешло на название всей страны: Кидань — Хатай — Китай.

В начале XII в. государство Ляо пало под ударами ньючженей, живших в Северо-Восточной Манчжурии. После победы над киданями предводитель ньючженей дал своей династии название Цзинь, что означает «Золотая монархия». Государство Цзинь в Северном Китае сыграло крупную роль в истории монгольских народов, так как являлось для них передатчиком китайской культуры.

Незадолго до похода в Северный Китай Чингис-хан произвел первое нападение на Тангутскую империю. Захватив юго-западную часть Монголии, он подготовил базу для дальнейших операций

против Северного Китая (Цзинь). Чингис-хан тщательно подготовлялся к этому походу, изучал страну, расположение войск, укрепления, пользовался при этом знаниями мусульманских купцов.

В 1211 г. Чингис-хан пересек пустыню Гоби и вторгся в пределы Цзиньской империи. Он удачно использовал восстание киданей против их покорителей. Война продолжалась около четырех лет. В 1215 г. был взят Пекин. Закончив покорение Северного Китая, Чингис-хан с огромной военной добычей, состоявшей из захваченных драгоценностей, скота и пленных, вернулся в монгольские степи. В организации императорской ставки и в устройстве управления над многочисленными родами и племенами, подчиненными власти Чингис-хана, произошли первые изменения, явившиеся результатом влияния побежденной Цзиньской империи. Заимствование элементов китайского государственного порядка значительно усилило власть Чингис-хана и укрепило объединение монгольских племен. Вскоре новые события направили колоссальную силу монгольской державы на юго-запад, в сторону Средней Азии.

Походы 1211—1215 гг. в Северный Китай положили прочное основание монгольскому господству во всей северо-восточной половине Азии. В 1218 г. один из полководцев Чингис-хана покорил Корею; монгольское завоевание остановилось у морского берега. Дальнейшее движение в восточной части Азии было возможно только в сторону густо заселенного Южного Китая, где существовала Сунская империя. Однако завоевание Южного Китая представляло для монголов большие трудности, тем более, что еще не было закончено покорение Тангутского государства. Между тем, во время борьбы с племенами, занимавшими верховье Енисея и отроги Алтая, монголы Чингис-хана вступили в область, находящуюся в постоянных сношениях со Средней Азией; от верховья Енисея в глубь Средней Азии пролегал один из древнейших караванных путей. В 1218 г. один из полководцев Чингис-хана овладел Восточным Туркестаном. Путь в Среднюю Азию через верховье Енисея служил в течение многих веков основной магистралью для завоевательных походов кочевников. Следуя этим направлением, Чингис-хан повторил движение, много раз производившееся до него гуннами, тюрками и другими кочевниками. Если за много веков до Чингис-хана волна кочевников медленно двигалась на запад, то поход Чингис-хана представлял собою тщательно подготовленный и молниеносно нанесенный удар. Прежде чем решиться на это крупное предприятие, Чингис-хан собрал через мусульманских купцов, хорошо знавших Среднюю Азию, нужные сведения о состоянии державы хорезмшаха Мухаммеда.

Успехи Чингис-хана на востоке Азии встревожили хорезмшаха Мухаммеда. Вскоре после падения Пекина хорезмшах отправил к Чингис-хану посольство с целью получить сведения о монголах. Чингис-хан доброжелательно встретил посольство и велел передать хорезмшаху, что он считает себя повелителем Востока, а своего далекого соседа — владыкой Запада. В свою очередь Чингис-хан

отправил посольство в Среднюю Азию. Послы, передавая Мухаммеду подарки от Чингис-хана, вместе с тем сообщили ему следующие слова своего повелителя. «Я посылаю тебе мой привет. Я осведомлен о твоем могуществе и обширности твоей империи. Я знаю, что ты царствуешь над большей частью земли. У меня великое желание жить с тобой в мире. Я буду смотреть на тебя, как на возлюбленного сына». Последние слова были приняты Мухаммедом, как намек на подчинение, так как сын должен слушаться и подчиняться отцу. Когда посланный Чингис-ханом большой торговый караван прибыл в пограничный город Отрар, наместник этого города задержал караван под предлогом подозрения в шпионстве; затем все купцы были перебиты, а имущество их было разграблено. Эти события стали ближайшим поводом для похода Чингис-хана. План кампании был разработан на курултае монгольской знати.

Осенью 1219 г. Чингис-хан выступил в поход с берегов Иртыша. По сведениям мусульманских писателей, численность монгольской армии достигала 600—700 тыс. воинов. Повидимому, эти цифры значительно преувеличены. По соображениям академика Бартольда, монгольское войско едва ли насчитывало больше 150—200 тыс. человек. Однако и в этих размерах оно представляло чрезвычайно грозную силу. Хорезмшах Мухаммед имел более многочисленную армию, но не в состоянии был воспользоваться этим преимуществом, так как опасался собственных военачальников и вассалов. Поэтому войска Мухаммеда были разбросаны по разным городам. Покоренное хорезмшахом мусульманское население только под угрозой жестокой расправы сносило власть победителя. Готовясь к войне, хорезмшах в течение одного года собрал три раза подать, что вызвало в населении еще большее возбуждение.

Начиная войну, Чингис-хан имел на своей стороне ряд важных преимуществ. При большой численности монгольская армия была подчинена строгой дисциплине. Чингис-хан мог полностью рассчитывать на верность своих полководцев. Он умело использовал недовольство мусульманского населения властью хорезмшаха. Наконец, его противник из-за разбросанности отрядов везде уступал по численности монголам. Это заставляло хорезмийские войска держаться пассивно. Они предпочитали укрываться за глинобитными стенами многолюдных городов.

Война началась осадой Отрара. Не ожидая падения этого города, Чингис-хан направил другие отряды вниз и вверх по течению Сыр-Дарьи; Мавераннахр сразу охватывался на широком фронте. Сам Чингис-хан с главными силами пошел на Бухару. Этот многолюдный город оборонялся только три дня. Затем Чингис-хан направился к Самарканду. Монголы вели с собой большую толпу пленных, которые предназначались для осадных работ. Гарнизон Самарканда, по свидетельству восточных авторов, насчитывал несколько десятков тысяч воинов. Однако и этот укрепленный глинобитными стенами город пал на пятый день осады. Монголы

разрушили укрепления, разграбили город и перебили большинство жителей, но пощадили ремесленников и духовенство. Ремесленники были распределены между сыновьями Чингис-хана. Духовенство должно было молиться за победителя. После того как монголы овладели нижним течением Сыр-Дарьи, Чингис-хан отправил несколько отрядов для захвата остальных городов, а три больших группы (тьмы) под начальством своих лучших полководцев — Джебе и Субудая — для преследования Мухаммеда за реку Аму-Дарью. Мухаммед не сумел организовать сопротивления. Уходя от преследования, он сначала направился в сторону Багдада, а затем повернул к Каспийскому морю. Вскоре он умер на одном из островов у южного берега моря. Джебе и Субудай, преследуя остатки войск хорезмшаха, вторглись в Закавказье, где произвели страшные опустошения.

Современник, армянский писатель Киракос, говорит, что внезапно появившиеся громадные массы войск предавали мечу все, что встречали на своем пути: людей, скот, даже собак. Затем Джебе и Субудай прошли Северный Кавказ, разгромили половцев и на реке Калке в 1223 г. (по другим источникам в 1224 г.) разбили половецко-русское ополчение.

Сын хорезмшаха Мухаммеда Джелаль-ад-Дин ушел в Афганистан, где стал готовиться к возобновлению борьбы, ему даже удалось нанести поражение сильному монгольскому отряду. Тогда Чингис-хан двинулся против Джелаль-ад-Дина с главными силами. Преследование продолжалось до реки Инда, на берегу которой осенью 1221 г. произошла битва, кончившаяся полным поражением Джелаль-ад-Дина.

Поход Чингис-хана к Инду и обратное возвращение в Среднюю Азию через горы Северного Афганистана, где по пути приходилось брать перевалы и штурмовать горные высоты, представляет одно из самых замечательных военных предприятий. Чингис-хан оставил в Средней Азии старшего сына Джучи, а с остальными сыновьями вернулся в Монголию.

Разгром Чингис-ханом державы хорезмшаха Мухаммеда и завоевание Средней Азии произвели огромное впечатление на Востоке. Арабский историк, современник монгольского нашествия (Ибн ал-Асир) говорил, что татары никого не щадили; избивали женщин, мужчин и младенцев, раскрывали утробы беременных и умертвляли зародышей. Искры этого события разлетались во все стороны, зло распространилось на всех, «как туча, которую гонит ветер».

Последние два года жизни Чингис-хан был занят борьбой с Тангутским государством и подавлением восстания в Северном Китае. Во время этой войны Чингис-хан умер в 1227 году.

Поход Джебе и Субудая через Закавказье и Северный Кавказ в причерноморские степи положил начало завоеванию монголо-татарами Армении, Грузии и Азербайджана. Монголы вновь появились в Закавказье в 1238 г. под предводительством Чармагана.

Этот поход, как и предыдущий, сопровождался невероятным опустошением страны. Город Ганджа почти полностью погиб, причем уцелевшая часть жителей сама перебила друг друга, чтобы не попасть в руки завоевателей. Отсюда монголы двинулись в глубь Закавказья несколькими отрядами. В период времени 1235—1239 гг. все самые крупные города Закавказья (Ани, Карс, Тифлис, Ганджа, Шемаха и др.) были разрушены.

Деятельность Чингис-хана тесно связана с историей возникновения обширной монгольской державы. Чингис-хан начал свою жизнь бедным сиротой захудалого монгольского рода, а кончил ее повелителем самого большого государственного образования кочевников, какое когда-либо существовало в истории. Этот выдающийся успех определялся двумя условиями. Чингис-хан действовал в то время, когда в Монголии уже были экономические и политические предпосылки для объединения разбросанных на колоссальной территории племен под одной политической властью. Чингис-хан обладал качествами, необходимыми для предводителя господствующей знати кочевников, которые в обширном объединении находили полное удовлетворение своих потребностей. Он прекрасно знал жизнь кочевого населения, был настойчивым и смелым, предусмотрительным и хитрым, обладал огромным жизненным и политическим опытом.

Чингис-хан установил в организации кочевников строгий порядок. Весь народ был подразделен на десятки, сотни, тысячи и тьмы (10 тысяч). Во главе этих подразделений были поставлены десятники, сотники, тысячники, темники. Каждый мужчина, владевший оружием, был в то же время и воином. Организованный таким образом народ превращался в военную силу, всегда находящуюся в боевой готовности и не связанную с определенной территорией. Военную организацию Чингис-хан подчинил строжайшей дисциплине, в основе которой лежал установленный им закон — яса, грозившая строжайшей карой за малейшее преступление. Дисциплина была связана с абсолютным повиновением начальнику и вождю. Чингис-хан, чтобы подать пример монголам, предавал смерти неприятельских воинов за измену своему предводителю. Строгий порядок Чингис-хан стремился поддержать не только во время войны, но и в мирное время. Он вел борьбу против излишеств, расслабляющих человека и притупляющих его боевые качества.

Овладев городом противника, монголы почти поголовно истребляли в нем воинов. Иногда вырезывалось все мужское население. Исключение делалось лишь для тех категорий населения, которые могли быть использованы в хозяйстве или в военных предприятиях монголов. Чингис-хан не трогал духовенства, потому что заставлял его проповедывать среди побежденных безропотное подчинение его власти. Он щадил ремесленников, потому что они нужны были в скотоводческом хозяйстве монголов, не знавших ремесленного производства. Однако жестокость Чингис-

хана не вызывалась чувством наслаждения, а была результатом политического расчета. Чингис-хан действовал против неприятеля, обычно превосходящего его численностью. Поэтому устрашающий кровавый террор был для него средством заставить многочисленное побежденное население подчиниться сравнительно меньшему числу победителей. «В обычной жизни, — учил Чингис-хан своих вассалов, — ведите себя подобно двухгодовалым телятам; во время брани нападайте, как ястребы; во время пиров и забав будьте, как молодые жеребята, а в бою с врагами нападайте, налетайте, как соколы».

Чингис-хан в молодости обладал хорошими боевыми качествами воина-степняка. С того времени, как он стал во главе объединения кочевых племен, он проявлял и другие важные для него качества — организатора и полководца. Он соединял осторожность и предусмотрительность с большой смелостью и настойчивостью. Прежде чем решиться на крупное предприятие или на большой поход, Чингис-хан долго готовился к нему и изучал своего врага. Его походы в Китай и в Среднюю Азию показывают, что он прекрасно знал территорию, на которой развернулись боевые действия, естественно-географические условия, знал препятствия, с которыми приходилось встречаться, расположение и настроение противника и т. д. Чингис-хан умел выжидать благоприятную обстановку, несмотря на весь свой горячий темперамент. Но, дождавшись, он действовал с такой решимостью и быстротой, на которую только была способна степная монгольская конница, легко переносившаяся через огромные пространства. Тогда Чингис-хан ошеломлял врага сокрушающим ударом, а затем преследовал его, не давал ни опомниться, ни собраться с силами. Чингис-хан лично руководил боевыми действиями и часто вникал даже в мелкие дела. Опираясь на основные социальные силы своей власти — на господствующую аристократию кочевников, Чингис-хан вместе с тем выдвигал способных и храбрых воинов на высшие должности. Он говорил, что «тот, кто хорошо командует своим десятком, заслуживает того, чтобы ему вверили командование тысячью. Но если десятник, — прибавляет он, — не умеет вести своего взвода, я предаю смерти его самого, жену и детей и выбираю из его части нового десятника. Я так же поступаю в отношении начальника сотни, тысячи и десятка тысяч». Среди вассалов Чингис-хана был ряд выдающихся полководцев, к которым, например, принадлежали Джебе и Субудай.

Таким образом, Чингис-хан не создал нового общественного порядка для монголов и не мог, конечно, его создать. Он значительно усилил организацию монгольских племен и укрепил свою кочевую империю заимствованиями от более культурных народов, прежде всего тех народов, которые он завоевал и поработил. Первыми учителями монголов были уйгуры, находившиеся в давних отношениях с мусульманским Востоком. От уйгуров монголы заимствовали грамотность. Сам Чингис-хан, повидимому, до конца жиз-

ни оставался неграмотным, но придавал большое значение грамотности и заставлял учиться своих приближенных.

Затем учителями монголов стали китайцы. Во время походов в Северный Китай с монголами сблизился один из выдающихся знатоков китайской культуры, поэт и философ, крупный государственный деятель и политик, киданец по происхождению, Елюй Чуцай. При его посредстве монголы познакомились с основами китайского государственного порядка и китайской культуры. Это сыграло крупную роль в улучшении организации Монгольского государства.

Наконец, во время похода в Среднюю Азию монголы многое заимствовали от мусульман, в том числе и военную технику.

Чингис-хан оставил своеобразное завещание в виде записи различных распоряжений и указов—ясу. К сожалению, подлинный текст ясы до нас не дошел. Мы можем составить представление об этом важном памятнике лишь на основании передачи содержания ясы восточными авторами. В ясе отразилось расслоение монгольского общества и связанное с ним появление элементов феодальных производственных отношений. Маркс видел в ясе выражение феодальных прав: «...В Ясе есть упоминание о высшем сословии, тарханах, которые были освобождены от всяких налогов, не должны были делить свою добычу с другими, имели постоянный свободный доступ к великому хану, освобождались от наказания до девяти раз. (Этот вид феодальных прав возникает у всех полуцивилизованных народов в результате воинственного образа жизни» *).

Чингис-хан был уверен в том, что созданный им порядок является прочным и окончательным. Поэтому каждый, преступивший ясу, должен был подвергнуться смертной казни. Однако общественно-экономическое развитие монголов не остановилось на формах, сложившихся в эпоху Чингис-хана. Дальнейшее развитие феодальных отношений среди монгольских племен, ускорившееся под влиянием завоеванных народов, разбило обширную монгольскую державу на самостоятельные феодальные государства.

Во второй половине XIII в. Монгольская империя заняла почти весь материк Азии (кроме Индии, Сирии и Аравийского полуострова) и Восточную Европу. Впечатление от военных успехов монголов было одинаково велико как на востоке Азии, так и на крайнем западе Европы.

Завоеванные монголами земли считались владениями всего «золотого рода» Чингис-хана, во главе которого стоял монгольский император. Сам Чингис-хан был избран на курултае степной аристократии. После его смерти установился порядок, по которому новый преемник выбирался на курултае из числа чингис-ханидов (потомков Чингис-хана), причем на результат выборов оказывали

*) Архив Маркса и Энгельса, т. V, стр. 220. Госполитиздат. 1938.

влияние как желание предшествующего императора, так и фактическое соотношение сил между претендентами на императорский престол. Первым преемником Чингис-хана был его третий сын— Угедей (1229—1241).

ЗАВОЕВАНИЕ МОНГОЛАМИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Впервые монголо-татары появились в Восточной Европе во время похода Джебе и Субудая, посланных Чингис-ханом в 1220 г. для преследования хорезмшаха. Эти полководцы прошли южным берегом Каспийского моря, опустошили по дороге земли Армении, Грузии и Азербайджана, прорвались через Дербентский проход и в степях Северного Кавказа разгромили половцев. После победы над половцами татары совершили нападение на Крым, где захватили город Судак (Сурож). Между тем разбитые половецкие ханы обратились за помощью к русским князьям: «Если не поможете нам, то мы будем избиты сегодня, а вы — завтра». По предложению Мстислава Мстиславича Удалого, княжившего в это время в Галиче, русские князья собрались для обсуждения этого предложения на съезд в Киеве. «Лучше нам встретить врагов на чужой земле, нежели на своей», — говорили князья. Было решено итти в степь против нового и неизвестного противника. «Явишась языци, их же никто добре ясно не весть, кто суть и отколе изидоша и что язык их, и которого племени суть, и что вера их, и зовут я татары, а иные глаголють таумены, а другие печенези». Так записала Лаврентьевская летопись первое появление монголов в Восточной Европе. «Приде неслыханная рать», — говорит юго-западный летописец.

Вначале поход русских князей, казалось, проходил в благоприятных условиях. Недалеко от Днепра русские разбили передовой татарский отряд. Под впечатлением этой победы русские князья отвергли предложение татар не ходить на них войной. Двигаясь дальше к берегам Азовского моря, русское ополчение продолжало теснить слабые передовые части татар. По восточным известиям, татары умышленно заманивали русских в степь. Не зная ни характера нового противника, ни его приемов ведения войны, русские готовы были принять небольшие стычки за победу над главными силами. Участники встречи с татарами только с насмешкой говорили, что татары «пуще половцев», т. е. хуже половцев.

Главные силы татар встретились с половецко-русским ополчением на берегу реки Калки, впадающей в Азовское море, 16 июня 1223 г. (по другим источникам 31 мая 1224 г.). В русском ополчении не было ни единства, ни дисциплины. Увлеченные первыми успехами и уверенные в близкой победе над врагом, князь Мстислав Мстиславич и 18-летний князь Даниил Романович Галицкий не хотели ждать помощи от других князей. Когда же татары обратили в бегство половцев, которые расстроили русские полки, остальные князья спокойно наблюдали с возвышенности за ходом

сражения и не приняли в нем участия. Мстиславу Удалому и раненому Даниилу Галицкому удалось переправиться через реку и отбиться от преследования. Тогда татары осадили оставшихся князей и через три дня принудили их сдаться. Все русские были перебиты, а князья задавлены под досками, на которых пировали победители.

Джебе и Субудай, одержав полную победу на Калке над русскими и половцами, дошли до Днепра, откуда повернули обратно в среднеазиатские степи. Этот поход не преследовал завоевания новых стран, а вылился в своеобразную, но важную по результатам военную разведку, данные которой пригодились во время последующего наступления монголов на Восточную Европу. «И не сведаем откуда суть пришли и кде ся деша опять» (и не знаем, откуда они пришли и куда делись опять). После ухода татар «бысть вопль и плач и печаль по городам и селам», — так заканчивает летописец рассказ о первом появлении татар в южных русских землях.

После смерти Чингис-хана его обширные владения были разделены на улусы, выделенные его сыновьям и внукам. Улус, или удел старшего сына Чингис-хана Джучи находился на западе монгольских владений. Он не имел точных границ. Джучи должны были принадлежать земли, лежавшие на запад от Иртыша, «до которых доходили копыта монгольских коней». Эту территорию предстояло еще завоевать. Джучи умер в год смерти отца (1227). Его наследником стал старший сын Батый (Бату), которому и предстояло выполнить план завоевания западных земель. Таким образом, поход Батыя в Восточную Европу представлял общее монгольское предприятие. В нем участвовали несколько царевичей и большая часть ноянов. В числе полководцев был победитель на Калке — Субудай.

В 1236 г. татары Батыя появились в приволжских степях. Осенью того же года татарский отряд разорил земли болгар на Каме. С Батыем двигалась не одна армия, а весь выделенный ему народ со скотоводческим хозяйством. Кроме того, по пути монголо-татары по обычаю уводили с собою побежденных жителей. Поэтому в составе полчищ Батыя было много половцев и других тюрков. Общая численность полчищ, двинутых с востока на запад, не поддается определению, но во всяком случае была очень велика. Один мусульманский писатель дал картинное описание этого похода, в котором отразилось впечатление об огромной силе Батыя: «От множества воинов земля стонала. От громады войска обезумели дикие звери и ночные птицы».

В начале зимы 1237 г. татары прошли через лесистую землю мордвы и появились в пределах Рязанского княжества. Они обратились к рязанским князьям с требованием дать им дань в виде десятины с людей, коней и разного имущества. На это рязанские князья ответили гордым отказом: «Коли нас не будет, то все ваше

будет». В то же время они послали за помощью к черниговскому князю и к наиболее сильному из русских князей — владимирскому князю Юрию Всеволодовичу. Но Юрий не был заинтересован в поддержке рязанских князей, с которыми он соперничал. Наоборот, ослабление их поднимало значение Владимирского княжества. По словам летописца, Юрий «хотел сам особь сотворити брань». Поэтому рязанские князья ни от кого не получили помощи. Татары в короткое время разорили многие города Рязанской земли, а затем осадили Рязань, в которой затворились князья. После осады город был взят и совершенно разрушен. Разорение было таким полным, что город больше никогда не восстанавливался. В настоящее время городище, на месте которого существовала старая Рязань, находится недалеко от города Спасска. «Град и земля Рязанская изменися... и отыде слава ея, и не бе что в сей было ведити, токмо дым и земля и пепел».

Разгромив Рязанскую землю, монголо-татары двинулись на север, в сторону Владимирского княжества. Под Коломной они разбили передовые отряды суздальских войск, несмотря на то, что последние, по словам летописца, «бишася крепко и бысть сеча велика». Двигаясь дальше, татары сожгли Москву. Великий князь Юрий Всеволодович не решился на защиту своей столицы — Владимира, и, оставив в ней семью, сам уехал на Волгу, где стал лагерем на берегу реки Сити (правый приток реки Мологи). Этот поступок объяснялся желанием выиграть время и соединиться с другими князьями, в том числе с братьями. В действиях Юрия Всеволодовича не было решимости. Вместо того, чтобы при появлении татар собрать все русские силы, он еще больше их разбрасывал и тем облегчал татарам борьбу с разрозненными русскими отрядами. Для татар, получивших хороший боевой опыт в разрушении глинобитных стен в среднеазиатских городах, русские деревянные остроги, защищавшиеся небольшими гарнизонами, не представляли серьезного препятствия. Монголы без труда взяли и сожгли Суздаль, затем овладели Владимиром. Город был подвергнут полному разрушению, население было вырезано. В городе погибла вся семья Юрия Всеволодовича.

От Владимира Батый послал несколько отрядов в разные стороны: к Ростову, к Ярославлю, к Переяславлю и на Волгу. В течение одного февраля 1238 г. татары овладели территорией от Клязьмы до Торжка, разорив 14 городов, не считая слобод и погостов.

В начале марта главные силы Батыя подошли к реке Сити. Несмотря на то, что Юрий давно готовился к этой встрече, татары неожиданно напали на суздальское войско, не подготовившееся к бою. Сражение кончилось полной победой татар. В битве погиб и великий князь Юрий Всеволодович. Двигаясь дальше на северо-запад, татары продолжали опустошать страну. «Все люди секуща яко траву», — говорит летописец. Примерно в 200 километрах от Новгорода Батый повернул на юг. Причиной внезапного изменения

направления похода, как полагают, была ранняя оттепель. Новгородские леса, среди которых находились многочисленные болота и озера, представляли серьезное естественное препятствие для монгольской конницы, привыкшей действовать в свободных степных пространствах. Кроме того, длительный поход на Восточную Европу должен был измотать конский состав. Батый ушел на юг в половецкие степи, расстилавшиеся между Днепром и Азовским морем. Лишь по пути он на семь недель задержался около небольшого городка Северского княжества—Козельска. Население героически оборонялось, пока все не погибло в ожесточенной резне.

Весь 1239 г. Батый провел на юге, посылая отдельные отряды в сторону Днепра и Оки. В этот год монголы захватили южный Переяславль, Чернигов и подходили к самому Киеву. Существует рассказ, что двоюродный брат Батыя долго любовался с другой стороны Днепра панорамой красивого города. В суздальском направлении монголы разорили места по Клязьме и доходили до Мурома и Гороховца.

Зимой 1240 г. Батый появился под Киевом «в силе тяжце». Ни один из князей не решился остаться в городе, обороной которого руководил тысяцкий Дмитрий. По словам южного летописца, жители города не могли слышать друг друга от скрипа телег, рева верблюдов и ржания лошадей. Татары пробили пролом стенобитными орудиями и овладели городом после жестокой рукопашной битвы.

Продолжая поход на запад, Батый через Каменец, Владимир-Волынский и Галич ушел с главными силами через Карпатские проходы в Венгерскую равнину. Другие татарские отряды охватили Венгрию с двух сторон: с юга, через Семиградию и Валахию, и с севера — со стороны Силезии. В первое время военные действия развивались удачно для монголо-татар; разрозненные феодальные рыцарские ополчения венгров, немцев и поляков терпели поражения. В течение всего 1241 г. Батый опустошил Венгерскую долину. Венгерский король, спасаясь от преследования, укрылся на одном из островов Адриатического моря. Батыю удалось дойти до города Оломунца, в окрестностях которого он встретил первое серьезное сопротивление со стороны крупных чешских и немецких феодалов, соединившихся под влиянием общей опасности.

Между тем в Монголии произошло событие, которое призывало Батыя назад: умер первый преемник Чингис-хана — Угедей. Курултаю предстояло выбрать нового императора. Возвращаясь обратно, Батый прошел через Дунайскую равнину, Болгарию и Валахию в прикаспийские степи, где главная орда Батыя остановилась в низовье Волги. Здесь появилась его первая кочевая ставка — Сарай Батыя, которая стала центром нового монголо-татарского государства, известного в русских источниках под именем Золотой Орды.

ЗОЛОТАЯ ОРДА

Единство Монгольской империи после смерти Чингис-хана продержалось не более 30 — 40 лет.

В 1229 г. императором стал третий сын Чингис-хана—Угедей (1229—1241). Затем ханский престол занял сын Угедея Гуюк (1246 — 1248). После его недолгого правления власть перешла в линию младшего сына Чингис-хана — Тули. Власть императора в принципе была совершенно неограниченной. Гуюк-хан объем своей власти выражал следующими словами: «Исполнять мою волю, являться, когда позову, итти, куда велю, предать смерти всякого, кого назову». В действительности неограниченной властью пользовался только Чингис-хан и с некоторыми ограничениями — Угедей. В дальнейшем монгольскому императору также не удалось удержать в своих руках всю полноту власти, как и не удалось сохранить огромную державу от распада.

Монгольский народ, а также завоеванные земли и покоренные народы распределялись между членами ханской семьи в качестве их улусов или уделов. При Чингис-хане царевичи, получившие улусы, находились в полном послушании отцу, хотя в конце его жизни начались столкновения между ним и его старшим сыном Джучи, владевшим самым отдаленным улусом на западе. Эти столкновения едва не вызвали войну, но Джучи неожиданно умер. Ходил слух, что он отравлен по приказу отца.

Царевичи, владевшие улусами, были первыми вассалами императора. С течением времени их зависимость от императора становилась все больше и больше номинальной.

После образования империи Чингис-хана основная масса кочевников, приведенная им в среднеазиатские степи, вернулась обратно в Монголию, за исключением тех родов, которые были выделены сыновьями Чингис-хана. В Монголии, на реке Орхоне, возникла ставка монгольского императора — Каракарум. При императоре Хубилае (сыне Тули) она была перенесена в Пекин. Сам Хубилай в конце своей жизни провозгласил себя китайским богдыханом и дал своей династии название Юань.

Государство Юань охватывало Монголию и Северный Китай. Оно просуществовало около ста лет. Большая часть Средней Азии, от Семиречья до Аму-Дарьи, входила в состав улуса сына Чингис-хана — Чагатая. В начале XIV в. слово Чагатай стало официальным термином для обозначения монгольского среднеазиатского государства. На западе Чагатайское государство граничило с Золотой Ордой. Закавказье с Грузией, Арменией и Азербайджаном, а также Персия вошли в состав улуса Хулагу (внука Чингис-хана). Это государство по имени его основателя стало называться государством Хулагидов. Таким образом, из состава огромной империи Чингис-хана к концу XIII в. выделились четыре самостоятельных монгольских государства, каждое из которых имело свои особенности в экономическом и политическом строе.

Находясь на более низкой ступени общественно-экономического развития, монголо-татары с течением времени подчинились более высокой культуре завоеванных народов. Останавливаясь на характере завоеваний, Энгельс писал: «...Само собой разумеется, что при каждом завоевании более варварским народом ход экономического развития нарушается и уничтожается целая масса производительных сил. Но в огромном большинстве случаев при прочных завоеваниях дикий победитель принужден приноравливаться к тому высшему «экономическому положению», какое он находит в завоеванной стране; покоренный им народ ассимилирует его себе и часто заставляет даже принять свой язык» *).

Каждое из монгольских государств было поставлено в различные исторические условия и испытало разное культурное влияние. Для крайнего восточного Юаньского государства преобладающим было китайское влияние. Для Среднеазиатского государства, а также Золотой Орды, — хорезмийское, для Хулагидов — персидское.

Золотая Орда, составлявшая улус потомков Джучи, была самым западным монголо-татарским государством. У восточных авторов она была известна под именем Синей Орды. Восточной границей золотоордынских владений было верхнее течение р. Иртыша до впадения в нее Тобола. На запад от Иртыша в состав территории Золотой Орды входили низовья Сыр-Дарьи с городом Сыгнаком и Хорезм на нижнем течении Аму-Дарьи. На северо-востоке Европы власть Золотой Орды распространилась до «страны мрака», т. е. примерно совпадала с границей северных русских владений. В области Северного Причерноморья золотоордынские владения достигали Днестра, а по другим сведениям — даже Дуная. Таким образом, Золотая Орда включала комплекс разнообразных земель с различными естественно-географическими условиями, с разным историческим прошлым и с населением, стоящим на разных ступенях общественно-экономического развития. Под властью золотоордынского хана оказались как земли старой земледельческой культуры (Хорезм, Камская Болгария, русские земли), так и большие степные пространства с хорошими условиями для скотоводческого хозяйства.

Центр Золотой Орды находился в низовьях Волги, по обе стороны которой на сотни километров простиралась половецкая степь (Дешт-и-Кыпчак). Татары застали на этой территории мелкие половецкие племена, которые в общественно-экономическом отношении близко стояли к завоевателям-монголам. Поэтому приведенные Батыем монголо-татары сравнительно быстро были ассимилированы местным тюркским и, в частности, половецким населением. Все это население стало называться татарами, хотя собственно монголо-татарские роды составили в нем незначительную часть.

---

*) К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIV, стр. 185.

Большую роль в экономической и политической жизни Золотой Орды играли торговые города, находившиеся на важнейших торговых путях. Основная территория Золотой Орды, расположенная на низовьях Волги, занимала очень важное место в системе европейских и азиатских торговых сообщений. Через эти места проходили караванные дороги, связывавшие запад Европы с крайним востоком Азии. Одна из них пролегала через Волгу — Яик—Эмбу—Ургенч—Отрар и далее—в Китай. Другим вариантом была дорога, проходившая севернее Аральского моря. Прикаспийские страны были связаны через Крым с бассейном Средиземного моря. Таким образом, местоположение Золотой Орды обеспечивало ей постоянную связь с окружающими странами Запада и Востока.

Остановившись в половецких степях, татары Батыя в первое время продолжали оставаться кочевниками-степняками. Современники, посещавшие Золотую Орду в XIII в., оставили наглядное описание кочевого хозяйства, в котором главную и наиболее ценную часть попрежнему составляли табуны лошадей и огромные стада крупного рогатого и мелкого скота. Земледельческое хозяйство распространялось в тех местах, где оно уже существовало в предшествующее время. Затем население Нижнего Приволжья также стало сеять просо, пшеницу, ячмень. Однако процесс перехода скотоводческого монгольского населения на оседлое сельское хозяйство захватил весьма значительный промежуток времени. До конца XV в., т. е. до конца существования Золотой Орды, скотоводческое хозяйство в Нижнем Поволжье продолжало играть крупную роль.

Находясь на пути феодализации уже в период складывания державы Чингис-хана, монголо-татары в последующее время стали еще быстрее переходить к феодальным производственным отношениям. В Золотой Орде, как и в других частях державы Чингис-хана, господствующий слой состоял из родственников ханской семьи и крупных вассалов. В руках этой знати находилось фактическое распоряжение территорией. Кочевое и земледельческое население несло в их пользу разнообразные феодальные повинности. Примером крупного феодала, экономической основой которого еще было скотоводческое хозяйство, является один из родственников хана, Бату-Скатай, описанный путешественником Плано Карпини. «Утром мы встретили повозку Скатая, — пишет Плано Карпини, — нагруженную домами, и мне казалось, что навстречу мне двигается большой город. Я также изумился количеству стад, быков, лошадей и овец. Я видел, однако, немногих людей, которые ими управляли. Я остановился и спросил, сколько же человек имеет Скатай под своей властью? И мне было сказано, что не больше 500, мимо половины которых мы проехали ранее при другой остановке». Плано Карпини был представлен самому Скатаю. Последний сидел на ложе, имея в руках маленькую гитару, рядом сидела его жена. Скатай угощал путешественника кумысом.

Путешественникам бросалось в глаза большое количество рабов у татар. Известно также, что во время хищнических набегов и походов татары охотно уводили в плен здоровых мужчин, женщин и детей. Однако рабы не играли основной роли в производстве, а обслуживали преимущественно домашнее хозяйство. Множество рабов, из числа пленных, продавалось на малоазиатские рынки. Основная роль в хозяйстве монголо-татарских феодалов принадлежала феодально-зависимому населению, среди которого были как кочевники, так и земледельцы.

Столица Золотой Орды — Сарай, основанная Батыем, находилась на одном из рукавов нижнего течения Волги. По рассказам посещавших его иностранцев, вначале это был еще город войлочных юрт, среди которых выделялся огромный ханский шатер. В убранстве шатра Батыя был уже заметен налет роскоши, не свойственной раньше обитателям монгольских степей. По словам Плано Карпини и Рубрука, «Бату жил с полным великолепием». Однако это великолепие было создано не на базе местного производства, а являлось результатом колоссальной добычи, захваченной Батыем в русских землях и в Западной Европе. Брат Батыя Берке основал выше по Волге (недалеко от нынешнего Сталинграда) новый город Сарай. Он стал официальной столицей государства при хане Узбеке. В начале XIV в. новый Сарай был уже многолюдным и очень обширным городом, со множеством прекрасных каменных построек. Секретарь египетского посольства с изумлением рассказывает в своих воспоминаниях, что город Сарай был одним из красивейших городов, достигшим чрезвычайного размера, с большим базаром и широкими улицами. Каждый народ жил в отдельных частях этого города. В настоящее время развалины нового Сарая занимают площадь до 12 км. длины и около 4 км. ширины. Раскопки, произведенные в XIX столетии и продолженные в недавнее время, вскрыли замечательную культуру этой столицы Золотой Орды. Она имела сложную ирригационную систему; многочисленные водоемы были соединены между собой каналами; сохранились остатки фонтанов. По остаткам каменных сооружений можно судить о высокой технике строительства и о большом искусстве художников и мастеров. Город в ремесленной части перерезывался узкими уличками и переулками, каждая из которых предназначалась для ремесленников определенных видов производства. Среди последних были кузнецы, мастера по выделке оружия, изготовлению сельскохозяйственных орудий, бронзовой и медной посуды, гончары, художники и пр. Ханы Золотой Орды, особенно в первоначальный период, переселяли ремесленников из других среднеазиатских городов, положив этим начало развитию местного производства. Вместе с техникой ремесла была перенесена и организация ремесленников, заимствованная из Средней Азии. В городах Золотой Орды ремесленники были объединены в организации, напоминающие средневековые цехи. Большое место в жизни золотоордынских городов занимали базары, на которых

встречались купцы из стран Востока и Запада. Важнейшие города Золотой Орды, но особенно Ургенч и новый Сарай, стали крупнейшими центрами торговли.

Во главе Золотоордынского государства стоял хан, принадлежавший к потомкам Чингис-хана. Ханская власть с момента образования Золотой Орды и до 1359 г. находилась в роде Батыя. Хотя в принципе она была неограниченной, но в действительности хан делил свою власть с близкими родственниками и крупными вассалами. Основная часть Золотой Орды подразделялась на отдельные области (улусы), находившиеся во владении царевичей рода Батыя и важнейших ноянов. Фактически эти наместники областей были почти независимыми от ханской власти. В некоторых случаях они не только оказывали сильное влияние на политику хана, но и распоряжались по своему усмотрению ханским престолом. К числу крупных вельмож принадлежали: Ногай, правивший землями всего Причерноморья; Сартак, ведавший русскими княжествами; брат Батыя Шейбан, владевший восточной частью Золотой Орды, и другие. При Узбеке очень влиятельное положение занимал правитель Хорезма Кутлуг-Тимур. На построенном при нем минарете в Ургенче была вырезана следующая надпись: «Царь могущественный, патрон царей арабов и неарабов, властитель земного мира и веры, величие ислама и мусульман Кутлуг-Тимур». Под властью крупнейших вассалов хана находились представители половецко-монгольской знати, занимавшие высшие должности — темников, тысячников, сотников и другие.

Правители областей (уделов) и другие крупные вассалы стремились усилиться в противовес ханской власти. Поэтому Золотоордынское государство с самого начала не было строго централизованной системой, хотя нельзя отрицать ее элементов. В Золотой Орде существовал большой разветвленный чиновничий аппарат. Было много разнообразных должностей, связанных главным образом с извлечением доходов. Многие названия этих должностей монголы заимствовали у тюркского населения Средней Азии и у арабов. В системе золотоордынской администрации большую роль играли даруги или баскаки (даруга—монгольский термин, баскак—тюркский термин). В завоеванных странах они являлись представителями ханской власти. Их главной обязанностью был сбор дани. Доходы хана и его крупных феодалов состояли из трех главных частей: из доходов с кочевого и земледельческого феодального хозяйства, из разнообразных податей, собиравшихся с завоеванных народов, а также с торговли и из военной добычи. Если первоначально военная добыча составляла основную часть доходов, то и впоследствии, с развитием феодального хозяйства, она все же не потеряла своего значения. В результате военной добычи у хана, царевичей и крупнейших вассалов накапливались большие сокровища. Поэтому хан и его вассалы очень охотно посылали карательные экспедиции в завоеванные страны, пользуясь малейшим поводом для ограбления населения.

Приведенные Батыем монголо-татарские роды быстро стали сливаться с господствующей знатью местного тюркского населения. Уже в XIV столетии монголы приняли тюркский язык. При хане Берке среди монгольской знати стало распространяться мусульманство, которое в первой половине XIV в. при хане Узбеке стало государственной религией. Принятие мусульманства еще больше усилило культурные связи монголо-татарской знати с мусульманством. В жизни Золотоордынского государства восточная мусульманская культура играла очень крупную роль.

Таким образом, Золотая Орда постепенно втягивалась в экономическую и культурную жизнь стран Востока. В свою очередь она стала своеобразным передатчиком элементов этой культуры для завоеванных западных народов, в том числе — русских княжеств.

РУССКИЕ КНЯЖЕСТВА ПОД ВЛАСТЬЮ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

Поход Батыя оставил на территории русских земель страшный след разрушений. Население частью погибло, частью разбежалось. Многие города, особенно те из них, где население сопротивлялось, были превращены в развалины. Летопись замечает, что в Суздальской земле почти не осталось «ни места, ни веси, ни села», которого не разорили бы татары. В 1246 г. через Южную Русь пробирался в Монголию францисканец Плано Карпини, посланный папой к монгольскому императору. Путешественник видел в южных русских землях свежие следы опустошения. В Киеве он насчитал лишь 200 домов. «Когда мы ехали через их земли, — пишет Плано Карпини, — мы находили бесчисленные головы и кости мертвых людей, лежавшие на полях». После того как Батый ушел из Восточной Европы на Запад, население начало возвращаться на старые места. В русской земле великим князем стал брат погибшего в битве на реке Сити Юрия Ярослав Всеволодович (1238—1245).

Возвратившись в низовья Волги после похода из Венгрии, Батый потребовал от русских князей признания его власти. Каждый из них должен был побывать в ставке, пройти через очищение огнем, стать на колени перед ханом и выполнить другие унизительные требования. В случае отказа или сопротивления виновный подвергался смерти. Так погиб в Орде черниговский князь Михаил Всеволодович. Огромное большинство русских князей выполнило унизительные требования и превратилось в вассалов хана Золотой Орды и монгольского императора. Татары, как и в других землях, сохранили существовавший политический строй русских княжеств. Батый признал старшинство над другими русскими князьями Ярослава Всеволодовича. По словам летописца, он отпустил его со словами: «Ярославе! Буди ты старей всем князем в русском языце». (Ярослав! Будь ты старшим среди всех русских князей).

Батый потребовал прибытия к нему и других русских князей. Согласно установившемуся с этого времени порядку князья в подтверждение своих владыческих прав получали от хана ярлыки (грамоты).

Великий князь Ярослав Всеволодович должен был предпринять далекое путешествие в Монголию в ставку императора на реку Орхон, где его встретил францисканец Плано Карпини. Во время этого путешествия русский князь внезапно умер.

Первое время зависимости от Золотой Орды было наиболее тяжелым для русских земель. Некоторые русские князья продолжали оказывать сопротивление монгольской власти. Во враждебное отношение к ней встал и великий князь Андрей Ярославич (1249 — 1252). Преследуемый татарами, он бежал из Владимира сначала в Новгород, а потом в Швецию. Александр Ярославич Невский, сознавая бесцельность сопротивления, не примкнул к политике брата. В 1252 г. он вернулся из Золотой Орды и с согласия хана занял великокняжеский престол (1252—1263).

Возникшая в восточных частях империи под китайским влиянием перепись была затем перенесена в другие монгольские улусы, в том числе и в русские земли. Есть сведения, что в 1245 г. татары переписали население в Киевской земле. В 1257 г. перепись производилась в северо-восточных русских землях. По словам летописи, в этом году татарские численники «исцетоша» все земли — Суздальскую, Рязанскую, Ростовскую. Через несколько лет они приехали в Новгород и сказали новгородцам: «Дайте нам число или бежим проче». Низшее население Новгорода, «чернь», не хотело позволять татарам переписывать население, но состоятельные люди — «вятшие» — стали требовать, чтобы меньшие подчинились. Тогда, говорит летописец, «творяху бо себе бояре легко, а меньшим бе зло». Татары стали ездить по улицам и переписывать дома. Взяв «число», они уехали. В 1273 г. (по другим сведениям в 1275 г.) была произведена вторая перепись. Перепись послужила основанием для более регулярного сбора дани.

Главную часть податей, наложенных на русское население в пользу золотоордынского хана, составляла дань или «выход». Дань вначале собиралась в натуре, а потом была переведена на «серебро», т. е. на деньги. Единицей измерения служило отдельное хозяйство (плуг). Кроме постоянной дани, существовали экстренные или неожиданные требования, носившие название «запроса». Поездка любого представителя ханской власти, от крупного баскака или темника и до мелкого чиновника, сопровождалась приношением даров и почестей. Эти дары были также многочисленны, как были разнообразны поводы, в силу которых посланник хана требовал себе подарков. Были дары въездные (при въезде), поклонные, выходные, становые (при остановке), мимоездные (при проезде без остановки), полетные и другие. Кроме дани в различных ее формах, население несло натуральные повинности, кормило ханских послов и их лошадей, поставляло им средства передвижения и пр. Очень

тяжелой была военная повинность, в силу которой русские земли должны были посылать людей в войско хана.

В особое положение была поставлена церковь. Монголо-татары стремились использовать ее как орудие для укрепления своей власти. Ханы выдавали русским митрополитам ярлыки (грамоты) с перечислением предоставленных им льгот. «Из давних, из добрых времен и доселе, что молятся богомольцы и весь поповский чин, и те никаких не ведают пошлин, самому богу молятся за племя наше в род и род и молитву воздают». Церковь, возносившая молитвы за благополучие ханского рода, призывавшая население к покорности и смирению, получила в награду полное освобождение духовенства и церковных людей от дани и всех других поборов. Ярлыки охраняли церковные владения не только от татарской, но и от русской власти; в церковные земли не вступает никто. Придавая большое значение церкви, татары в 1261 г. перевели русского православного епископа из Переяславля Южного в Сарай и основали таким образом особую Сараевскую епископию, стремясь превратить ее в орудие ханской политики в русских землях.

До 1262 г. дань собирали присланные татарами откупщики, состоявшие преимущественно из мусульманских купцов. Летописец сообщает о чрезвычайных насилиях, которые производили откупщики над русским населением. Пользуясь сбором дани, они закабаляли должников, а затем продавали их в восточные страны. Насилия откупщиков вызвали в 1262 г. восстания в Ростове, Владимире, Суздале, Ярославле, Переяславле и, повидимому, во многих других русских городах. Народные восстания подавлялись татарами при содействии самих русских князей, пользовавшихся этим для укрепления своей власти. После подавления восстаний татары изменили систему собирания дани, передав ее присылавшимся из орды данщикам.

В конце XIII в. ордынскую дань стали собирать сами русские князья, которые затем отвозили или посылали ее в Орду.

Для надзора за русскими землями татары в первое время держали в русских городах наместников хана — баскаков, среди которых главным был «великий» баскак владимирский. Баскаки наблюдали за поведением князей и русского населения и пользовались по существу неограниченной властью. В большинстве русских княжеств баскаки, повидимому, исчезли в конце XIII в. Дольше они удержались в Ростовском княжестве, где баскаки по источникам упоминаются еще в начале XIV в. Баскаки потеряли прежнее значение после того, как Орда перешла к эксплоатации русского населения при посредстве княжеской власти.

Наложенная на русских князей дань перекладывалась последними на плечи зависимого населения, которое платило дань местным князьям и несло разные повинности в пользу феодалов. Таким образом, татарская власть усиливала общефеодальную эксплоатацию и удлиняла систему феодального подчинения. Над русскими феодалами, возглавлявшимися князьями и великим князем Владимирским

стояли более высокие сеньоры — хан Золотой Орды и монгольский император. Многочисленные денежные и натуральные поборы, однако, не покрывали всех требований Орды. Военная добыча, сопровождавшаяся жестоким разрушением городов и разорением сельского населения, продолжала играть крупную роль в доходах татарских феодалов.

Погром Батыя и угнетение русских земель под властью Золотой Орды вызвали отклик в письменности и в народном творчестве. Поход Батыя стал темой для ряда повестей о «татарском нашествии», которые в установившемся стиле «воинских повестей» описывали бедствия русских земель.

В одном литературном памятнике XIII в., известном под названием «Слово о погибели русской земли», перечисляются те богатства, которыми обладала «светло-светлая и прекрасно-украшенная земля русская». За этим следует воспоминание о «грозных князьях» прежнего времени, которые внушали страх соседним народам. «Так было раньше, — говорит «Слово», — теперь же приключилась болезнь христианам».

Современник похода Батыя, епископ Серапион, в написанных «Словах» (поучениях) дал яркую картину бедственного положения русских земель под игом «иноплеменников»: «Кровь отцов и братьев наших, как вода, обильно напоила землю. Исчезло мужество князей и воевод наших, богатыри наши, охваченные страхом, бежали. Множество же братьев и детей наших уведено в плен. Села наши поросли лесом. Смирилось величие наше, погибла красота наша; богатство наше и труд стали достоянием иноплеменников. Соседям нашим мы стали в поношение, посмешищем стали врагам нашим».

Воспоминание о татарском иге запечатлелось и в народном эпическом творчестве — в былинах. В былине о Щелкане Дюдентьевиче (Чол-хан, двоюродный брат хана Узбека) рассказывается о насилиях завоевателей над русским населением:

«Брал он млад Щелкан
Дани, не выходы, царевы не выплаты;
С князей брал по сту рублев,
С бояр — по пятидесять,
С крестьян по пяти рублев —
У которого денег нет,
У того дитя возьмет;
У которого дитя нет,
У того жену возьмет;
У которого жены-то нет,
Того самого головой возьмет».

Народное творчество объясняло татарские насилия над населением гибелью русских богатырей, которые раньше стояли на «заставе богатырской» и защищали русские земли от врагов. В од-

ной былине рассказывается о том, как собравшиеся богатыри во главе с Ильей Муромцем и Алешей Поповичем, встретив большую татарскую силу,

«Стали силу колоть — рубить.
Не столько витязи рубят,
Сколько добрые кони их топчут;
Бились три часа и три минуточки:
Изрубили силу поганую».

Вскоре перед ними появились новые воители. Сколько ни рубили их богатыри — из каждого разрубленного татарина появлялось двое живых. Продолжали их рубить богатыри. «А сила все растет, да растет, все на витязей с боем идет». Сражались витязи три дня и три минуточки. Наконец,

«Намахались их плечи могутные,
Уходилися кони их добрые,
Притупились мечи их булатные:
А сила все растет да растет,
Все на витязей с боем идет».

Тогда побежали русские витязи в каменные горы и в них окаменели. «С тех-то пор, — говорит былина, — и перевелись витязи на святой Руси». В этой былине отразилось народное представление об огромном численном превосходстве врагов, подавивших русскую богатырскую силу.

Былины о борьбе с татарами постепенно заслонили в народном творчестве борьбу с половцами и другими врагами. Борьба русского народа не кончилась с завоеванием монголо-татарами русских княжеств. Она продолжалась после того, как русские князья стали послушными вассалами хана.

Господство Золотой Орды над русскими землями привело к колоссальному уничтожению производительных сил. Маркс указывает, что «...монголы при опустошении России действовали соответственно их способу производства; для скотоводства большие необитаемые пространства являются главным условием» *). Тяжелое татарское иго задерживало экономическое и культурное развитие русских земель, что явилось одной из причин их отсталости по сравнению с Западной Европой.

Еще Пушкин говорил, что «татары не походили на мавров (арабов); они, завоевав Россию, не подарили ей ни алгебры, ни Аристотеля».

Другим важным последствием монголо-татарского завоевания было почти полное прекращение экономических и политических связей между населением северо-восточных, западных и юго-за-

*) К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XII, ч. 1, стр. 188.

падных русских земель, которые были захвачены Литвой и Польшей.

Оценивая значение татарского ига для русской земли, Маркс указывал на исключительно тяжелые последствия его для русского народа: «Это иго не только давило, оно оскорбляло и иссушало самую душу народа, ставшего его жертвой» *).

СРЕДНЯЯ АЗИЯ И ЗАКАВКАЗЬЕ ПОД ВЛАСТЬЮ МОНГОЛОВ

Средняя Азия. Большая часть территории Средней Азии, включавшая Мавераннахр и Семиречье, была выделена в состав удела второго сына Чингис-хана — Чагатая. Сам Чагатай с принадлежащими ему монгольскими родами остался кочевать в Семиречье и Кашгарии. На остальной территории Средней Азии монголы не изменили существовавшего там общественного и политического порядка. Местные властители в большинстве случаев остались на своих местах, за исключением тех из них, которые оказывали сопротивление завоевателям.

Для получения дани монголы в Средней Азии, как и в других местах, пользовались посредничеством крупных мусульманских купцов и ростовщиков. Мавераннахр был отдан в управление хорезмийцу купцу Махмуду Ялавачу. По городам и крупным селениям были расставлены монгольские военные отряды под начальством баскаков, которые составляли военную опору монгольской власти.

Местное население еще до похода монголов находилось в тяжелой зависимости от феодалов. Особенно в тяжелом положении были крестьяне и мелкие ремесленники в городах. Положение этого населения стало еще более тяжелым, так как наряду с несением прежних феодальных повинностей ему пришлось нести добавочные повинности в пользу монгольских завоевателей. Помимо дани, население должно было поставлять различные необходимые предметы, вооружение и снаряжение, отдавать продукты натурой, кормить многочисленных ханских посланцев и сборщиков. Мусульманские купцы иногда вносили в ханскую казну заблаговременно всю сумму налогов, а затем собирали ее с населения. Один из современных персидских историков дал очень яркое описание бедственного положения населения под тяжестью непосильных поборов. Он говорил, что крестьяне и ремесленники часто предпочитали бросать свои дома и хозяйства, чем уплачивать дань, которую фактически не могли уплатить. Несмотря на всю суровость, с какой собиралась эта дань, сборщикам не удавалось собрать ее полностью. Жители деревень или городов забивали двери в свои жилища камнями и устраивали выход через крышу. Завидя издали сборщика, жители прыгали с крыши и при этом часто ломали себе ноги. Сборщики устраивали настоящие облавы за

*) К. Маркс. Секретная дипломатия XVIII в.

плательщиками налогов: шли из квартала в квартал, захватывали женщин и детей. Потом их подвешивали за ноги, били и подвергали другим мучительным пыткам.

Хищническая эксплоатация монголов, соединенная с тяжелыми феодальными повинностями, вызвала дальнейший рост классового движения среди сельского населения и городских ремесленников. Еще до завоевания Средней Азии монголами было несколько случаев открытого возмущения, направленного против феодальной эксплоатации. В 1238 г. в Бухаре вспыхнуло народное восстание под предводительством Махмуда Тараби. Ремесленник по выделке сит, Махмуд жил в селении Тараби, в окрестностях Бухары. По имени этого селения произошло его прозвище. Махмуд пользовался большим влиянием среди беднейшего населения Бухары. В нем видели вождя, который должен был освободить народ от непосильного угнетения. Обеспокоенные власти решили убить Махмуда и с этой целью пригласили его в город. Этот план не удался, так как Махмуд был окружен таким тесным кольцом бедного народа, что, по словам современников, кошке нельзя было пройти. Предупрежденный об опасности, Махмуд ушел на один из холмов в окрестностях Бухары, и «сразу узда правления выпала из рук больших и малых».

Бедное население Бухары отправилось к холму, где собралось около Махмуда. В час вечернего намаза Махмуд обратился с призывом к народу восстать, чтобы очистить мир от неверных. «Пусть каждый, — говорил он, — приготовит и обратит в дело, что у него имеется из оружия и инструментов или палок и дубин». После этого Махмуд вернулся в город, где произошел погром богатых домов. Население провозгласило Махмуда своим «халифом», то-есть своим главой.

Между тем бежавшая из Бухары знать собрала значительное войско, против которого с вооруженным народом, «с базарными людьми, одетыми в рубахи и штаны», вышел Махмуд. Сам Махмуд был убит, но сражение закончилось победой его сторонников. Тогда население окрестных деревень, вооруженное лопатами и топорами, присоединилось к восстанию.

«Всякого, кого удавалось настичь из войска монголов, особенно сборщиков податей и богатых людей, они хватали и раскраивали топором голову». Восстание было подавлено после прибытия нового монгольского войска. Однако монголы из опасения новых народных движений должны были принять некоторые меры к ограничению хищнической деятельности местных властей. В одном из ярлыков (Мангу-хана), изданных по этому поводу, говорилось, что «дела насилия и притеснения достигли высшей ступени, причем особенно были доведены до крайности от множества всякого рода тягот, взысканий и обременений чрезвычайными налогами земледельцы, так что польза, получаемая ими, не равнялась половине взысканий в виде повинностей».

Первый период монгольского господства в Средней Азии, от завоевания до начала XIV в., очень тяжело отразился на экономической жизни земледельческих районов и городов. Особенно пострадало Семиречье, на территории которого находилась ставка монгольских ханов, владевших улусом Чагатая. При этом между потомками Чагатая и потомками Чингиса от других его сыновей происходила борьба за власть над Мавераннахром. В начале XIV в. среднеазиатское монгольское государство (улус Чагатая) стало называться Чагатайским государством.

В первой половине XIV в. часть монгольских родов переселилась из Семиречья в Мавераннахр, где подверглась значительному отуречиванию. К этому времени относится попытка монгольских ханов перенести ставку в Мавераннахр, взять в свои руки непосредственное управление страной. Однако это встретило сопротивление со стороны Чагатайской родо-племенной знати (улусных беков), не желавшей усиления ханской власти. Около середины XIV в. улусные беки одержали победу над ханскими войсками.

В XIV в. Чагатайское государство разделилось на две части. Восточная часть, включившая Семиречье и Кашгарию, стала называться Моголистаном (т. е. страной монголов). За Мавераннахром сохранилось прежнее название Чагатайского государства.

Закавказье. В 1246 г. завоеванные монголо-татарами Персия и Закавказье были выделены в удел внуку Чингис-хана, Хулагу-хану. Владения его потомков составили государство Хулагидов, столицей которого до начала XIV в. был город Тебриз в Южном Азербайджане.

Между хулагидами и ханами Золотой Орды шла длительная борьба за Северный Азербайджан, во время которой золотоордынские татары неоднократно прорывались через Кавказский хребет и опустошали земли Азербайджана и Грузии.

Хулагиды, носившие титул иль-ханов («повелителей»), заимствовали элементы государственного устройства преимущественно из Персии, но не создали сильной централизованной системы. Ильханы предоставляли большую самостоятельность местным феодалам при условии исправного взноса дани и выполнения всех других повинностей. Поэтому система социально-экономических отношений не была нарушена завоевателями. Это до известной степени примиряло крупных феодалов с властью иль-ханов, несмотря на исключительную тяжесть обложения населения. Особенно тяжелой была обязанность поставлять воинов в ханское войско и людей в вспомогательные отряды («толпы») для различных тяжелых работ. По словам одного арабского писателя, военная повинность была настолько тяжелой, что отцы продавали своих детей работорговцам, так как не имели средств, чтобы снарядиться на ханскую службу.

Вся тяжесть налогов и натуральных повинностей падала на разоренное сельское население и на бедные слои городов. Масса крестьян покидала свои деревни и аулы и уходила в высокогорные

районы. Уход крестьян тяжело поразил мелкое хозяйство средних и мелких азнауров, за счет которых, наоборот, усиливались крупные феодалы. Закавказье вступило в полосу экономического регресса, в результате которого значительно сократилась площадь посева и, наоборот, росло скотоводческое хозяйство. Из плодородных долин и лучших высокогорных районов грузинские хозяйства вытеснялись в районы с менее благоприятными условиями.

Около середины XIII столетия монголы произвели перепись населения в Закавказье. С этой переписью была связана регламентация дани и натуральных повинностей. Усиление местных феодалов при поддержке ханской власти привело к ослаблению царской власти, к постепенному политическому раздроблению Грузии.

В особенно тяжелом положении под властью Хулагидов находился Азербайджан. В южной части Азербайджана монголы и соединившиеся с ними другие кочевники нашли наилучшие условия для скотоводческого хозяйства. Зимою кочевья располагались преимущественно в Муганской степи, а летом скот перегонялся в прохладные высокогорные луга. В Южном Азербайджане монголы почти полностью устранили местных феодалов.

Для обеспечения господствующей знати кочевников (эмиров) им выделялись земли с оседлым населением, обозначавшиеся старым арабским термином — «икта». Эмиры в свою очередь выделяли части икты подчиненным им начальникам. Между владельцами икты различного размера устанавливались вассальные отношения. Икта хотя и переходила по наследству, но ее нельзя было продавать. Сами владельцы икты не жили на ее территории, а продолжали кочевать со своими племенами, получая доход с зависимого населения. Поэтому они не были заинтересованы в развитии производительных сил внутри собственного кочевого хозяйства. Икта задерживала социально-экономическое развитие господствующего кочевого населения и консервировала в нем остатки патриархальных отношений.

Во время господства монголов тяжелый экономический кризис поразил большинство городов Закавказья. Он был вызван не только разорением и ограблением этих городов монголами, но и длительным разрывом налаженных торговых связей. В результате борьбы между Золотой Ордой и государством Хулагидов почти полностью замер торговый путь вдоль западного берега Каспийского моря. Проходившие по Армении большие караванные пути были перенесены к югу. Таким образом, армянские города, выраставшие на транзитной торговле, остались в стороне от основного торгового движения.

Владычество Хулагидов в Закавказье продолжалось до середины XIV в. В 1353 г. последнему иль-хану отрубил голову один из его вассалов. Во второй половине XIV в. Закавказье стало выходить из состояния экономического и политического упадка.

ФЕОДАЛЬНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ СССР в XIV — XV вв.

ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ в XIV — XV вв.

Распад Владимиро-Суздальской земли. Владимиро-Суздальская земля, пережившая политический подъем при Всеволоде III, стала распадаться вскоре после его смерти. Во второй половине XIII в. политическая связь между князьями, принадлежавшими к потомству Всеволода III, быстро ослабевала. Выделенные княжеские владения превратились в княжеские «отчины», которые затем стали независимыми друг от друга феодальными княжествами.

Процесс политического раздробления Владимиро-Суздальской земли на отдельные феодальные княжества был результатом развития местного феодального хозяйства. Далеко не каждое выделенное княжеское владение превращалось в обособленное княжество. Для этого были необходимы благоприятствующие обособлению экономические и политические условия. Чем сильнее была развита экономическая связь между отдельными частями княжеской отчины, тем прочнее они были объединены в системе одного «княжения». Если экономической связи не было или она легко прерывалась, княжеская отчина, в свою очередь, распадалась на более мелкие политические мирки.

В XIII — XIV вв. на территории ранее единой Владимиро-Суздальской земли образовалось значительное число русских феодальных княжеств разного размера. Экономические и политические причины заставляли мелкие княжества объединяться в более крупные политические системы.

Сын Всеволода III Ярослав получил от отца Переяславскую землю, из которой в XIII в. выделилось два княжества: Тверское и Московское. Каждое из них впоследствии стало самостоятельной политической системой со своими «удельными» княжествами. Большое число мелких княжеств сложилось в бассейне среднего течения Волги и к северу от него. В этом краю, покрытом густыми лесами, водоразделы между небольшими речными долинами притоков Волги, Шексны и Мологи служили естественными границами для замкнутого феодального хозяйства. Связь между этими мирками была ничтожной, что затрудняло их по-

литическое объединение. К числу более крупных поволжских княжеств принадлежали: Ярославское, Белозерское, Углицкое, Ростовское, Суздальско-Нижегородское. Каждое из них, в свою очередь, подразделялось на мелкие «удельные» княжества. К югу от Московского княжества лежала территория Рязанского княжества. Значительная часть этой территории была расположена между средним течением Оки и верховьями Дона. Большинство рязанских земель отличалось тучным черноземом.

После распада Владимиро-Суздальской земли великим князем Владимирским становится один из потомков Всеволода III, получивший ярлык от хана Золотой Орды. До конца XIII в. татары обычно поддерживали старшего князя в русской княжеской семье. После окончательного обособления местных княжеских династий старшинство потеряло значение. Хан отдавал ярлык на великое княжение более сильному и богатому князю, который лучше других русских князей мог обеспечить сбор ордынской дани, но следил за тем, чтобы его усиление не стало опасным для золотоордынской власти. Князь, становившийся по ханскому пожалованию великим князем Владимирским, сначала переезжал в город Владимир на Клязьме. С конца XIII в. великий князь Владимирский обычно жил уже не во Владимире, а в столице своего княжества. Во время своего великого княжения он мог пользоваться доходами с земель великого княжества, которые не смешивались с территорией его княжества. В случае потери великокняжеской власти князь лишался прав и на земли великого князя Владимирского.

Феодальное хозяйство. В результате развития феодального хозяйства на территории северо-восточных русских княжеств огромные пространства заселенной и свободной земли оказались во владении различных феодальных собственников, которые, как и в Киевском государстве, состояли из трех основных групп: частновладельческой, княжеской и церковной. Крупное боярское землевладение, достигшее большого развития к концу XIV в., росло путем новых заимок, княжеских пожалований, покупок и, наконец, открытых захватов волостной крестьянской земли.

Другую часть феодального хозяйства составляли многочисленные княжеские владения. Особенно значительным было хозяйство московских князей, состоявшее из большого числа разбросанных хозяйственных угодий, группировавшихся вокруг городов и княжеских сел. Ивану Калите принадлежало более 50 сел, находившихся как в Московском, так и в других княжествах. Великий князь Василий Васильевич Темный оставил своим наследникам более 125 сел. Даже московский «удельный» князь Владимир Андреевич Серпуховской оставил своим наследникам 38 сел.

Третьей частью феодальной земельной собственности были владения церкви: митрополита, монастырей и отдельных епископских кафедр. Крупные недвижимые богатства митрополита

стали слагаться в первой четверти XIV в. при митрополите Петре, который усиленно скупал села и деревни и даже приобрел город Алексин с прилегавшими к нему волостями и всеми угодьями. К началу XV в. земельные владения митрополита достигли очень больших размеров. Еще более крупными собственниками оказались монастыри. С середины XIV в. монастырская колонизация проложила несколько путей в область верхнего Заволжья и дальше, в Поморье, к «студеному морю-окияну». В краю, где, выражаясь словами древнего жития, были лишь «леса черные, болота, мхи и чащи непроходимые», в короткое время возникли десятки монастырских «пустынь», превращавшихся в центры быстро расширявшегося феодального хозяйства. Московские и другие князья охотно давали разрешение инокам «братью собирать» и «пашню пахать».

Особенно крупную роль в деле развития монастырского землевладения сыграли монастыри: Троице-Сергиевский, Кирилло-Белозерский и Соловецкий. Троице-Сергиевский монастырь был основан в сороковых годах XIV в. в лесных дебрях, вблизи гор. Радонежа иноком Сергием, происходившим из ростовского боярского рода. Благодаря деятельной поддержке московских великих князей небольшая «пустынька» Сергия Радонежского превратилась в мощное монастырское хозяйство. Только в конце XIV в. монахами Троице-Сергиевского монастыря было основано 13 «пустынных монастырей», многие из которых в свою очередь стали рассадниками монастырских организаций. В конце XIV в. постриженники московского Симонова монастыря Кирилл и Ферапонт ушли в Белозерский край, где основали Ферапонтов и Кирилло-Белозерский монастыри. Оба эти монастыря, особенно последний, стали обладателями многочисленных вотчин. Постриженник Кирилло-Белозерского монастыря Савватий в 1429 г. поселился на Соловецком острове, где положил начало богатому северному монастырю — Соловецкому, игравшему очень крупную роль в экономической жизни Поморья.

Монастыри пользовались различными средствами для расширения монастырской вотчины. Большое значение при этом имела колонизационная деятельность в неосвоенных землях. Огромные пространства дикого леса с озерами и речками переходили в монастырское владение по княжеским пожалованиям. По таким же пожалованиям монастырям отдавалась заселенная и устроенная земля: села и деревни с живущим в них крестьянским населением. Поднявшееся и окрепнувшее на новом месте монастырское хозяйство немедленно переходило в наступление на соседние земли, а потом, прикупая «села к селам» и «нивы к нивам», разбрасывало свои владения и в более отдаленных местах, не стесняясь при этом ни естественными, ни междукняжескими границами. Третьим крупным источником монастырского обогащения были «вклады по душе» частных землевладельцев, имевшие для последних не только морально-религиозное,

но и хозяйственное значение. Небогатый вотчинник предпочитал отдать на тех или других условиях свою землю в монастырь, чтобы обеспечить его покровительство или полное монастырское содержание. Такими различными путями в XIV—XV вв. сложилось мощное монастырское землевладение.

При наличии особенностей, зависевших от местоположения, размера, естественных условий и др., феодальное хозяйство в рассматриваемое время обладало общими характерными элементами, позволяющими рассматривать его в целом. Процесс образования крупного землевладения, в виде заимок, куплей, захватов, пожалований и семейных разделов приводил к большой дробности и разбросанности отдельных его частей на значительной территории. Каждая из этих частей представляла некоторый независимый хозяйственный комплекс. Экономическая связь между отдельными землями, входившими в состав одного землевладельческого хозяйства, как правило, отсутствовала. Рыночные связи при натуральном характере хозяйства были незначительными. Таким образом, крупное землевладение сочеталось с мелким натуральным хозяйством.

Каждое отдельное хозяйство обычно состояло из села с тянувшимися к нему угодьями и деревнями, число которых доходило до нескольких десятков. Село с расположенным в нем двором «боярина» было хозяйственным и административным центром владения. В боярском дворе стояли жилые хоромы и хозяйственные постройки, овин, гумно, сенник, конюшня, поварня и др. Хозяйственные угодья состояли из пахотной или «орамой» земли (от слова «орать» — пахать), пожен, лесов и промысловых угодий. К ним принадлежали бортные леса, бобровые ловища и другие места для охоты, соляные источники и пр. Большое хозяйственное значение имели рыбные ловли в реках и озерах.

К селу, как к хозяйственно-административному центру, тяготело более или менее значительное число деревень, представлявших небольшие поселения в 1—3 двора. Каждая деревня имела свои угодья, частью расположенные у самой деревни, частью разбросанные в разных участках. В некоторых случаях пожни и пахотные земли отстояли от деревни на 10—15 и более верст. Эксплоатация таких отдаленных участков земли могла производиться только «наездом».

При существовании больших неосвоенных пространств, точных границ как для деревенских владений, так и для всего феодального владения не могло быть. Определяющим признаком для установления принадлежности того или иного участка земли служил факт хозяйственной эксплоатации — «куда из тех земель плуг ходил и соха, куда топор ходил и коса». Часто между владениями простирался «великий бор» и дикий лес, где «топор с топором не сходится». Межа, отмеченная зарубками на деревьях и естественными признаками — кудрявой березой, развесистым дубом, ямой, камнем и пр., — возникала там, где на не-

освоенном просторе подходили с разных сторон хозяйственные заимки.

Можно считать, что примерно до середины XV в. собственная запашка феодала была незначительного размера, особенно в мелком хозяйстве. Большое хозяйственное значение имели поэтому скотоводство (отсюда постоянная борьба за пожни) и эксплоатация промысловых угодий. Хозяйство велось трудом зависимого населения, распадавшегося на две основные категории — холопов и крестьян.

Холопы находили разнообразное применение в хозяйстве. Холопы, работавшие на пашне, носили названия «страдных людей», «страдников», «людей полных в селах». Часть их помещалась на боярском дворе и работала хозяйским инвентарем. Другая часть жила в отдельных деревнях, имела собственную запашку и по своему положению приближалась к крепостным крестьянам. Особенно большое применение труд холопов находил в мелком ремесле, обслуживавшем нужды «боярского» двора. К холопам принадлежала, за редким исключением, вся хозяйственная администрация: приказчики, ключники, тиуны и другие.

Основные потребности феодального хозяйства удовлетворялись трудом не холопов, а крестьян, обязанности и повинности которых составляли докапиталистическую (феодальную) ренту. В Северо-Восточной Руси крестьянское население носило общее название «сирот», «хрестиан» (крестьян). Термин «хрестиане» впервые появляется в источниках конца XIV в. В новгородско-псковских землях сохранилось, кроме того, старое название «смердов».

Полный перечень крестьянских повинностей конца XIV в. находится в грамоте митрополита Киприяна Константиновскому монастырю. Крестьяне, названные в этом документе «большими людьми», под которыми следует понимать более зажиточную часть крестьян, имевших лошадей, должны были «взгоном», то-есть сообща, запахать участок (жребий) игумена, засеять, сжать и убрать урожай, скосить сено и свезти его на монастырский двор. Эти крестьяне выполняли ряд работ в монастыре: устраивали церковь, строили хоромы, огораживали монастырский двор, оплетали сады, копали пруды. Трудом этих же крестьян велась эксплоатация промысловых угодий, состоявшая в обязанности ходить осенью на бобров, ловить рыбу неводом и «бить ез» (способ рыбной ловли) весной и осенью. Кроме того, крестьяне — «большие люди» — приходили на праздники, на пасху и в день Петра и Павла, с приношениями—«что у кого в руках».

Другие категории крестьян названы в грамоте Киприяна «пешеходцами», т. е. безлошадными. Они производили в монастырском хозяйстве более мелкие работы: мололи рожь, пекли хлеб, приготовляли солод, варили пиво, молотили рожь на семена, из розданного игумном льна они пряли и изготовляли неводные сети. Все крестьяне как «большие люди», так и «пешеходцы» давали в монастырь на праздник яловицу (корову).

В случае приезда игумена в село на «братщину» (праздник) коням игумена давалось по «зобне» (мере) овса.

Таким образом, преобладающим видом повинностей крестьян в Константиновском монастыре были мелкие «изделия», т. е. работы в монастырском хозяйстве (отработочная рента). Работа в пашенном хозяйстве была еще незначительной. Натуральный оброк (рента продуктами), выражавшийся в нерегламентированных приношениях к празднику, также не имел самостоятельного значения. В памятниках второй половины XV в. натуральный оброк занимал уже основное место в крестьянских повинностях и охватывал все продукты крестьянского хозяйства. Крестьяне несли землевладельцу и его приказчику рожь, пшеницу, ячмень, горох, лен, печеный хлеб, масло, мясо, сыр, яйца, кур, овчины и др. продукты. Все приношения были точно установлены.

До начала XV в., при отсутствии общих законов, определявших положение крестьян, и при относительно небольшом размере крестьянских повинностей, отношения между крестьянами и землевладельцем регулировались еще обычаем, «стариной».

Феодал-землевладелец, чтобы заставить крестьян выполнять лежавшие на них повинности, которые в том или другом размере касались всего крестьянского населения, обладал, во-первых, средствами своей вотчинной власти и, во-вторых, помощью высшего сеньора (князя и высших церковных властей). При большой дробности феодального владения и при земельном просторе переход крестьян в другое княжество был лучшим средством для изменения положения и хотя бы временного облегчения своего состояния. Переход крестьян не только затрагивал интересы местного феодального собственника, но и интересы князя, который в лице ушедших терял плательщиков налога. Поэтому уже в XIV в. князья вносили в договоры между собою условия не принимать «письменных» (внесенных в списки плательщиков) и «тяглых» людей. Эти условия устанавливали первые общие ограничения для свободного передвижения крестьян. Нам неизвестны законодательные памятники, которые в рассматриваемый период времени ограничивали бы переход крестьян внутри отдельного княжества или юридически привязывали их к феодальному владению. Однако наблюдения показывают, что основная масса крестьян была более или менее прочно связана с феодальным хозяйством. Крестьянину трудно было покинуть свой участок и то феодальное хозяйство, в состав которого он входил.

С начала XV в. в составе крестьянского населения появляется категория «старожильцев», которые противопоставляются «новоприходцам» (в памятниках наиболее раннего времени эти термины неизвестны). «Старожильцы» полностью несли все феодальные повинности. Князья, заинтересованные в заселении территории своего княжества, охотно давали частным землевла-

дельцам льготу для переселенных крестьян, призванных из «других княжений», освобождая их на 10—15 лет от всех или большинства повинностей и налогов. Также поступали и сами землевладельцы, призывая крестьян «на льготу» и поселяя их целыми «свободами» (слободами).

После окончания льготных лет «новопришлые» сливались с остальной массой «старожилых» крестьян. Юридически старожильцы не были лишены возможности ухода. В действительности же они были прочно связаны со своим хозяйством. Старожильцы представляли наиболее ценную категорию крестьян как для феодальных собственников, так и для князя, заинтересованного в исправном поступлении доходов, собиравшихся в княжескую казну. Отсюда возникло стремление возможно прочнее связать основное население и прежде всего старожильцев с данным владением и феодальным хозяйством. К этому приводила и экономическая зависимость, которая легко возникала при общей неустойчивости и бедности крестьянского хозяйства, в результате различных недоимок, а также хозяйской подмоги продуктами и деньгами, носившей общее название «серебра».

Ссуда «серебром», существовавшая и раньше, получила большое распространение в XV в. В это время в составе крестьянского населения появилась значительная категория крестьян-«серебреников». Существовали два основных вида «серебра» — серебро «дельное» или «изделное» и серебро «ростовое». «Дельное» серебро давалось крестьянам в ссуду под условием выполнения дополнительно «изделья» (разных работ в хозяйстве феодала), которое заменяло уплату процентов. Крестьяне, взявшие «дельное» серебро, носили название серебреников-«изделников». Одним из видов этого серебра было серебро или деньги «в пашне». В этом случае предусматривался один вид крестьянской работы — работа на барской пашне. «Ростовым» серебром называлось серебро, отданное в долг под условием уплаты процентов (роста). Разновидностью его было «летнее» серебро, погашение которого происходило в рассрочку по годам.

Развитие серебреничества в XV в. указывает на расширение и интенсификацию феодального хозяйства. Ссуда крестьян «серебром» была в руках землевладельцев одним из средств для привлечения крестьян и для усиления их связи с данным хозяйством. Таким образом, в развитии крепостнических отношений внеэкономическое принуждение, как основное, сочеталось с условиями экономической зависимости.

Крестьяне, жившие на великокняжеской земле (вся земля, не находившаяся в частном владении, считалась собственностью великого князя), были обложены данью и разными натуральными поборами в пользу князя и носили название «черных» людей (впоследствии они стали называться «черносошными крестьянами»). Среди этого населения существовало общинное устройство. В территориальную общину — «волость» (не смешивать с

позднейшим административным значением волости) входило более или менее значительное число деревень. В некоторых местах, например, в Новгородской земле и Рязанском княжестве общины назывались также «погостами».

Община объединяла крестьянское население не по кровнородственным отношениям, а по территориальному признаку.

Крестьяне, входившие в общину, владели индивидуальными участками, которыми они распоряжались как своей собственностью: передавали по наследству, продавали и даже сдавали в монастырь. Общинной считалась вся остальная земля, состоявшая из разных угодий, пожен, лесов, озер, а также пустопорожних участков. Во главе общины стояли выборные крестьянами старосты (они назывались также сотскими) и десятские. Дела, касавшиеся общины, решались на собрании «мира». «Мир» во главе со старостой распоряжался общинными землями, призывал новых поселенцев, передавал в индивидуальное владение общинные земли. В распоряжение общины переходили вымороченные и покинутые участки. Община раскладывала подати и собирала налоги. На собрании «мира» разбирались земельные тяжбы между общинниками и производился суд по мелким преступлениям.

Территория общины — волости — достигала весьма значительного размера, особенно на севере. Так община «Волочек Словенский» в Белозерском крае занимала в начале XV в. площадь около 800 кв. км. Иногда от волости отделялась новая община — «волостка».

Территориальная община описанного типа могла существовать, помимо великокняжеских (государственных) земель, только в крупных дворцовых и монастырских владениях, лежавших одним массивом. При переходе волостной территории по частям в руки частных землевладельцев, общинная связь между индивидуальными крестьянскими хозяйствами утрачивалась. Место «мира» с его выборными представителями занимали административно-хозяйственная власть феодала, его тиуны и приказчики. К этой власти переходили и те функции, которые раньше принадлежали общине: суд, сборы налогов и распоряжение пустопорожними участками земли.

Феодальная организация господствующего класса. Отдельное феодальное владение было самостоятельным не только в экономическом, но и в административном отношении, так как его собственник обладал по отношению к населению принадлежавшей ему территории правами общественной (государственной) власти. По терминологии западноевропейского феодального права частные владения пользовались иммунитетом, т. е. освобождались от королевского или княжеского управления. Маркс говорил, что «...в феодальную эпоху высшая власть в военном деле и в суде была атрибутом земельной собственности» *). Такой же порядок,

*) К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 315. 1937.

являвшийся результатом развития феодального хозяйства и его экономической самостоятельности, существовал и в Северо-Восточной Руси XIV — XV веков.

По жалованным грамотам, выдававшимся великими и местными (удельными) князьями, в частные владения не должны были въезжать представители княжеской власти. Вотчинник сам судил население своего владения или поручал суд своим приказчикам и тиунам. В княжеских грамотах XV в., а также начала XVI в. судебный иммунитет, за небольшим исключением, не был полным, так как из ведения вотчинного суда были изъяты более крупные уголовные преступления: душегубство (убийство) и татьба (разбой).

Производя суд над населением своего владения, вотчинник собирал в свою пользу судебные штрафы. Есть основание предполагать, что в более древнее время население частного владения не платило князю дани. Однако в XIV—XV вв. князья уже в редких случаях полностью освобождали население от дани или других повинностей; в большинстве случаев это освобождение рассматривалось князьями как временная льгота и притом касалось не всех, а только некоторых поборов. Общим правилом было то, что крупный вотчинник (боярин) платил дань тому князю, на территории которого находилось его владение, что выражалось в следующих словах в договорах между князьями: «а данью потянуть по воде и по земле». Важным преимуществом вотчинников было право самим собирать дань для князя. Это освобождало владение от выезда многочисленных княжеских чиновников — данщиков, бобровников, закосников, бортников и других.

Степень полноты иммунитета зависела от положения землевладельца в системе феодальной иерархии. Наиболее полным иммунитетом пользовались местные князья, потерявшие политическую независимость, но сохранившие почти в полном объеме свои владельческие права. В XV в. мелкие «удельные» князья после присоединения их уделов к великому княжеству Московскому становились вассалами великого князя, постепенно вливаясь в состав высшего слоя великокняжеских бояр. При этом на территории княжеских «вотчин» полностью сохранился тот порядок, который существовал во время их политической самостоятельности.

К этим вотчинникам по объему феодальных прав приближались крупные церковные землевладельцы — митрополит, епископы и крупнейшие монастыри.

Таким образом, в северо-восточных русских землях существовала характерная для феодального строя связь поземельной собственности с политической властью над сидящим на земле населением. Каждое феодальное владение, экономически независимое, обладавшее особым управлением под главенством своего землевладельца, составляло самостоятельную общественно-поли-

тическую ячейку феодального общества. Связь между феодальными владениями устанавливалась в виде иерархических отношений между их владельцами, образовавших своеобразную общественную лестницу, упиравшуюся в зависимое крестьянское население. Отношения феодала к вышестоящему выражались в форме вассального подчинения.

В соответствии с отношениями внутри господствующего землевладельческого класса феодальная земельная собственность существовала в двух главных формах — в виде полной и условной собственности. В первом случае земля считалась вотчиной владельца. Последний, как показывает самое название (вотчина происходит от «отчины», т. е. отцовской собственности), являлся наследственным обладателем ее и имел полное право и возможность распорядиться ею по личному усмотрению; вотчину можно было завещать наследникам, продать другим собственникам, отдать в церковь «на помин души» и пр. Русской феодальной «вотчине» соответствует западноевропейская «сеньория». В другом положении находилось условное владение, которое одновременно имело двух феодальных собственников: высшего, номинального, и второго, который распоряжался, т. е. эксплоатировал данное владение в свою пользу, по условиям несения определенной службы. Первое документальное указание на существование условного земельного владения в Северо-Восточной Руси находится в духовной грамоте Ивана Калиты, написанной, повидимому, незадолго до его смерти. В первой половине XV в. подобные условные владения получили название «жалованья», что в переводе соответствует западноевропейскому термину «бенефиций». Такой вид условных владений характерен не только для княжеских пожалований, но и для крупных светских и церковных вотчинников, которые тоже раздавали «жалованья» своим вассалам.

Служба самих вотчинников носила добровольный характер. Нуждаясь в поддержке и покровительстве со стороны княжеской власти как для защиты от нападений, так и для укрепления своего господства над зависимым населением вотчинники несли военную службу тому или иному князю. Она выражалась в том, что по приказу князя они являлись в назначенное место со своими феодальными дружинами, состоявшими из вассалов и людей (холопов). Однако они могли в любой момент прервать службу, «отказаться» от князя и начать служить другому князю, даже врагу их старого господина. Служба вотчинников не зависела от местоположения их вотчин. Поэтому вотчинники могли служить не тому князю, во владениях которого находились их вотчины, а другому, сохраняя все владельческие права в том княжестве, где были расположены их земли. В право свободного несения службы неизменно включалось следующее условие: «а боярам и слугам вольным между нас вольным воля». Из этого правила делалось два исключения: обязательное участие в обо-

роне своего города (т. е. того города, к которому в административно-военном отношении принадлежало данное владение) и обязанность платить дань «по земле и по воде» (т. е. тому князю, на территории которого находилось данное владение).

Низший разряд вотчинников в XIV в. получил название «детей боярских». Предполагают, что этот термин происходит от древнего названия членов младшей дружины — «детских» или «отроков». Хотя дети боярские были свободными вотчинниками, но благодаря незначительности размеров владения их положение было очень неустойчивым. В случае разорения им грозило превращение в холопов. Поэтому они охотно становились в зависимость от крупных землевладельцев—князей, бояр и церкви— и несли в их пользу личную военную службу или исполняли разные хозяйственные обязанности.

Большое число мелких вольных слуг работало в княжеском дворцовом хозяйстве, получая от князя на время службы земли и деревни. Слуги состояли из псарей, бобровников, сокольников, огородников, конюхов и других. Князья стремились рассматривать слуг как своих зависимых людей. Поэтому в договоре между собою князья уславливались: «Слуг, которые потягли к дворскому, в службу не принимати».

Политический строй и управление. Важнейшей частью княжеского управления была административная организация княжеского хозяйства, состоявшего из разбросанных в разных частях княжества пашенных земель, лугов, бортных лесов, рыбных ловель, бобровых гонов и других хозяйственных угодий. Часть этих земель, состоявших преимущественно из пашен, составляла вместе с жившим на них населением ведомство «дворецких». Под их заведыванием находились также многочисленные мелкие дворцовые слуги, свободные и холопы, носившие общее наименование «слуг под дворским». Дворецкие находились в тех городах, к которым тянули дворцовые земли с заведенным на них хозяйством. Главным среди них был московский дворецкий.

Часть хозяйственных угодий выделилась в отдельные дворцовые ведомства или «пути». В ведомстве сокольничего пути находилась птичья охота, в ведомстве ловчего пути—охота на зверя. Конюший путь составляли княжеские табуны и стада. В ведомстве стольничего пути состояли рыбные ловли, а также сады и огороды. В чашничий путь входили бортные леса. Эти хозяйственные угодья обслуживались многочисленными слугами: конюхами, бортниками, псарями, сокольниками, кречетниками, ястребниками.

В первой половине XIV в. среди этих людей было много холопов, которых князья наделяли землей и селили отдельными деревнями. Однако уже в конце этого столетия большинство слуг, выполнявших разные повинности в пользу дворцового хозяйства, принадлежало к свободному населению. Они обеспечи-

вались землей, право на которую теряли в случае прекращения службы.

Ведомство каждого «пути» состояло из разбросанных в разных местах земель, угодий, сел, деревень и слобод, объединявшихся общим хозяйственным управлением. Во главе конюшего пути стоял княжеский конюший, стольничего — стольник, сокольничего — сокольник, ловчего — ловчий, чашничьего — чашник. Под их управлением действовали княжеские ключники и посельские.

Территория, не входившая в состав дворцового и частновладельческого хозяйства, составляла «черные», волости и города. Она имела особое управление. В города посылались наместники, власть которых распространялась и на ближайшие к городу «станы»; в волостях управление находилось в руках волостелей. Наместники и волостели, выбиравшиеся из бояр и вольных слуг, получали обычно на годовой срок города и волости с «кормлением», т. е. с правом собирать в свою пользу поборы с населения. В XV в. кормы сложились в регламентированную систему. При въезде на наместничество наместники и волостели получали «въезжий корм» — «кто что принесет». Другие обязательные приношения делались на праздники рождества и в «Петров день». Наместники и волостели собирали, кроме того, свадебные («нобоженный убрус» и «выводную куницу» — при выходе замуж в другой город и другую волость), судебные и торговые пошлины. Часть этих сборов поступала в княжескую казну. Наместники и волостели приезжали со своими дворянами (дворовыми слугами), ключниками и тиунами, большинство которых состояло из холопов.

Наконец, третью категорию земель составляли частновладельческие земли, лишь слабо связанные с административным управлением наместников и волостелей. На их территории действовала вотчинная власть феодала, обладавшего правами иммунитета.

Таким образом, административная система, выраставшая из феодального хозяйства, отличалась большой дробностью управления. Территория княжества распадалась на множество мелких административных клеточек, каждая из которых была полусамостоятельным феодальным мирком. Нити этого управления переплетались друг с другом, сходились в княжеском дворце, который являлся и центром разбросанного княжеского хозяйства, строившегося на обычных феодальных основаниях, и административным центром княжеской власти. Эти условия определяли характер ее текущей деятельности.

Ближайшими помощниками князя в управлении были бояре и слуги, исполнявшие разные административно-хозяйственные и военные поручения. Как и в Киевской Руси, северо-восточный русский князь принимал личное участие в повседневной хозяйственно-административной жизни дворца. В текущей деятель-

ности князь совещался с людьми, которым поручалась та или иная отрасль управления — «путь». Поэтому, в хозяйственных вопросах большое значение приобретали дворецкий, казначей, сокольничий, стольник и другие слуги, стоявшие во главе дворцового хозяйства. Состав этого совещания не был определен и зависел от характера разбиравшихся дел. Обычно князь призывал на совет от 2 до 5 бояр и слуг и только в более существенных вопросах, выходивших за рамки текущих хозяйственно-административных забот, число участников боярского совета повышалось до 10 и даже до 15 и более человек.

Особую роль в нем играли тысяцкий, окольничий и казначей. Значение тысяцкого зависело от его положения в качестве предводителя городского ополчения. Эту должность стремились держать в своих руках крупные боярские фамилии и даже обратить ее в наследственную. Деятельность окольничего была связана с дворцовым управлением. Казначей был хранителем княжеской казны, которая вместе с тем была и княжеским архивом. В нем хранились духовные и договорные грамоты, ярлыки, купчие и другие важные документы. Казначеи могли быть и несвободными людьми. Стольники, чашники, ловчие и сокольничии также не принадлежали к высшей феодальной знати.

Помимо должностных лиц, в феодальном совете при князе участвовали крупнейшие бояре. В каждом княжестве существовал более или менее постоянный слой бояр, своими землевладельческими интересами прочно связанных с княжеской властью. С другой стороны, могущественные княжеские вассалы, имевшие собственных «вольных слуг» и свои феодальные дружины, составляли основную социальную опору князя. Согласие бояр «старейших» являлось поэтому необходимым условием для каждого более или менее крупного предприятия. Бояре в качестве воевод командовали частями собранных княжеских и боярских дружин, посылались наместниками по городам, сидели в них с «кормлением и с путями».

Слой бояр и вольных слуг, втянутых в княжеское хозяйство и управление, обозначался в документах XIV — XV вв. термином «бояре путные» или просто «путники». Название происходит от слова «путь» — доход, так как любая отрасль управления была связана с получением известного дохода. В отличие от прочих бояр и вольных слуг, участвовавших в защите своего города («где кто сидит, тут тому и сесть»), бояре «путные» освобождались от этой обязанности, отрывавшей их от княжеской службы.

Высший слой бояр носил название «больших» бояр. Наиболее близкие к князю бояре назывались также «старыми» боярами. В первой половине XV в. для обозначения высшего слоя боярства появился новый термин: «бояре введенные». «Введенными» боярами, повидимому, назывались бояре, получившие особое княжеское пожалование, выделявшее их из остальной боярской знати. Они являлись постоянными советниками князя

и исполнителями наиболее ответственных поручений. Слово «боярин» приобретало в связи с этим тройное значение: в широком бытовом употреблении боярином мог называться каждый землевладелец; в более узком значении бояре составляли высший слой землевладельческого класса; в специальном значении термин «боярин введенный» стал обозначением особого придворного звания. Последнее могло произойти в результате усиления авторитета княжеской власти.

В основе взаимоотношений между членами княжеской семьи лежало представление о патриархальной власти отца, при котором сыновья занимали подчиненное положение и не пользовались никакой самостоятельностью. Порядок после смерти отца устанавливался его «рядом», выраженным в «душевной» грамоте, а также договором между братьями. Часть земель выделялась княгине в пожизненное владение и дочерям до выдачи их замуж. Остальные земли поступали в раздел между сыновьями, причем старший сын, наследник великого князя, получал перед братьями некоторый излишек «на старейший путь». Часть владений оставалась в совместном владении братьев. Так, в Москве каждый брат получал свою долю и свою часть в городских доходах. В совместном владении оставались также некоторые разряды населения: ордынцы (посылавшиеся в Орду и провожавшие послов), делюи (мастера), численные люди. Место умершего отца занимал старший брат, которого остальные братья должны были «чтить во отцово место». При сыновьях значительным влиянием пользовалась вдова-мать, которой принадлежала руководящая роль при семейном переделе.

Каждое княжеское владение, состоявшее из дворовых сел, хозяйственных угодий, черных волостей и частновладельческих земель, было вполне самостоятельным в отношении своей политической организации. Связь между членами даже одной княжеской семьи устанавливалась на договорных началах, причем каждый князь, вступая в соглашение с другим, являлся формально равноправным. Суверенитет княжеской власти определялся по формуле: «Тебе знати своя отчина, а мне знати своя отчина». Поэтому князья не могли покупать в чужих уделах сел, держать в них закладней и оброчников, посылать своих данщиков и давать жалованные грамоты.

Для членов одной княжеской семьи общей являлась внешняя политика. Князья, вступая в договор, обязывались «быти за одно до живота» (т. е. до смерти). У них должны были быть общие враги и союзники. Все вопросы, касавшиеся отношения к другим княжествам, решались сообща. Правом сношений с Ордой пользовался только «великий князь». Остальные князья должны были передавать собранную по уделам «ордынскую тягость» (дань) своему «брату старейшему» (великому князю), который сам отправлял ее в Орду.

Со стороны внутренней организации отдельное княжество

представляло собой союз на договорных началах независимых феодальных владельцев под главенством старшего князя — «великого князя». Перед «великим князем», продолжавшим себя именовать «братом старейшим», остальные князья, являвшиеся суверенными государями в своих владениях, обращались в его вассалов, готовых по приказу своего сеньора «всести на конь» и посылать вместе с воеводами великого князя свою боевую рать. Попытка «удельного» владельца строить независимую политику обычно кончалась столкновением и торжеством более сильной стороны.

Чересполосица и разбросанность княжеских владений, а также частые переделы затрудняли окончательное обособление княжеского владения — «удела» в отдельное феодальное княжество. Однако там, где для этого имелись необходимые экономические предпосылки, выделенный удел, с обособившейся боковой княжеской линией, сам превращался в отдельную политическую систему, в которой в уменьшенном размере повторялась организация того целого, из которого он выделился. Здесь также появлялся свой князь «старейший», свои «молодшие» князья, владения которых, мельчая все больше и больше, приближались по величине к средней боярской вотчине.

Взаимоотношения между «великими» и крупными северо-восточными княжествами (Тверским, Московским, Нижегородским, Углицким, Ярославским, Ростовским, Рязанским), каждое из которых являлось независимой феодальной системой, строились на тех же договорных началах, как и внутри каждого из этих княжеств. Для всей Северо-Восточной Руси старшим князем был «великий князь Владимирский». Отношения его к другим русским князьям определялись договорами, в которых устанавливались границы княжеств, порядок решения порубежных споров, право свободного отъезда бояр и вольных слуг, охрана торговли и размер торговых пошлин. При решении всех этих вопросов обе стороны являлись формально равноправными. Главнейшая цель договоров, заключавшихся великим князем Владимирским, состояла в определении общей внешней политики и взаимной военной помощи: «А быти нам, брате, на татары, и на литву, и на немцы, и на ляхи, за один». В период нарастания борьбы с татарами ордынский вопрос получал особо важное значение. В противоположность условиям, существующим внутри больших княжеств, где только старшему князю принадлежало право сношений с Ордой, договоры между великим князем Владимирским и прочими «великими» князьями устанавливали право самостоятельных сношений с Ордой. Каждый «великий князь» сам собирал со своих удельных князей и своих владений «ордынскую тягость» и сам посылал ее хану.

Однако право самостоятельных и свободных сношений с Ордой уже в конце XIV в. стало подвергаться ограничению. В договорах между князьями появились условия об общей и со-

гласованной политике в отношении к Орде, которые, впрочем, постоянно нарушались отдельными князьями. В некоторых случаях князья заключали военный союз: «А пойдут на нас татарове али на тобе, битися нам и тобе с одиного всем противу их; или мы пойдем на них, и тоже с нами с одиного пойти на них».

Основным фактором, укреплявшим союз русских князей под главенством великого князя Владимирского, была внешняя опасность, грозной силой висевшая над новгородскими, псковскими, московскими, нижегородскими и рязанскими рубежами. Дальнейшая эволюция политической системы великого княжества Владимирского неизбежно должна была направиться в сторону превращения этого союза феодальных полугосударств в централизованное Русское государство. В этом направлении действовали как развитие экономического общения, ломавшее политические перегородки между княжествами, так и выраставшие на этой почве, а также на почве борьбы с Ордой, национальные и политические связи.

Новгород и Псков. Среди русских земель, объединявшихся в системе великого княжества Владимирского, особое место занимала Новгородско-Псковская земля. В то время как остальные русские земли являлись феодальными княжествами, Новгород, а затем и Псков (после отделения Пскова от Новгорода в середине XIV в.) сохранили устройство феодальной боярской республики.

В XIV — XV столетиях новгородские владения достигали на северо-западе Финского залива, а на северо-востоке — Урала. Эти земли с большим разнообразием естественных и климатических условий имели для Новгорода различное экономическое значение. Основная новгородская территория, в которую входили старые владения Новгорода, лежала широким кольцом вокруг Ильменского озера, несколько вытянувшимся в северо-восточном направлении. Она распадалась на несколько «земель», которые со второй половины XV в. стали называться «пятинами». Вдоль Финского залива лежала Вотская земля; по обоим берегам Онежского озера была расположена Обонежская земля; местность между реками Мстой и Ловатью составляла Деревскую землю; по обоим берегам р. Шелони находилась Шелонская земля. За Обонежской и Деревской землями на восток простиралась самая плодородная часть новгородских владений — Бежецкая земля. Вокруг Новгорода было разбросано до двух десятков его пригородов: Псков (с середины XIV в. стал самостоятельным), Ладога, Великие Луки и другие.

На основной территории Новгорода, особенно в южной и юго-восточной части, было развито сельское хозяйство, хотя климатические условия не были для него благоприятны. Благодаря обилию лесов и воды климат был влажным. Новгородская земля была открыта для сильных северных ветров, приносивших ранние морозы, губившие урожай. Поэтому Новгород не мог собственным урожаем обеспечить даже жизнь главного города

и зависел в экономическом отношении от Владимиро-Суздальской земли.

За основной Новгородской территорией лежали его северо-восточные владения. Среди них самой важной в экономическом отношении было Заволочье или Двинская земля. Северный берег Белого моря назывался Терским берегом или Терской землей. Бассейн реки Печоры составлял Печорскую землю. За Уральским хребтом была расположена самая восточная колония Новгорода — Югра. Северо-восточные владения Новгорода поставляли продукты морских и лесных промыслов. Здесь сельское хозяйство велось лишь в самых незначительных размерах.

Важной особенностью новгородской экономической жизни по сравнению с другими русскими землями данного периода было сильное развитие внешней торговли. В XIV в. главную роль в торговле Новгорода с западноевропейскими странами играла немецкая Ганза, представлявшая союз около 70 городов: саксонских, вестфальских, прусских, лифляндских и других. Главное значение в нем принадлежало городу Любеку. Ганза имела отдельную контору в Новгороде, помещавшуюся на Немецком дворе. Отношения Ганзы с Новгородом определялись договорами, которые периодически возобновлялись. Стремясь монополизировать торговлю в своих руках, Ганза старалась предотвратить конкуренцию между собственными городами и прилагала большие усилия к тому, чтобы не допускать в новгородские земли купцов других городов, не принадлежавших к Ганзе. Однако Ганзе не удалось полностью уничтожить самостоятельную новгородскую торговлю. Новгородские купцы ездили не только в ближайшие прибалтийские города — Нарву, Ревель, Дерпт, но даже посещали Скандинавию и Северную Германию. Важнейшими товарами вывоза были пушнина и продукция сельского хозяйства и лесных промыслов.

Господствующим классом Новгорода было крупное землевладельческое боярство, эксплоатировавшее обширные земли и угодья. Близко к боярам, но ниже их стояли «житьи люди». Значительные владения принадлежали церкви и новгородскому купечеству. Торговля Новгорода, не разрушая феодального хозяйства, втягивала его в рыночные связи. Бояре и житьи люди участвовали в торговле при посредстве купцов. Крестьяне на новгородских землях сохранили старое название смердов. Часть смердов, не попавшая в частную зависимость, свободно распоряжалась своей землей. Другая часть смердов жила на частновладельческих землях. Положение этих смердов в XIV — XV вв. продолжало ухудшаться.

Особенности экономического склада Новгорода и его исторического развития отразились на системе государственного устройства. Новгород не мог обходиться без княжеской власти, которая была необходима ему для охраны новгородской терри-

тории от ливонских рыцарей, шведов, литовцев. Однако князь оставался для Новгорода посторонней силой, отношения с которой определялись особым договором. В XIV в. установился порядок, по которому новгородским князем становился тот из северо-восточных русских князей, который получал великое княжение Владимирское. В договорах Новгорода с князьями были точно установлены обязанности князя, что должно было оградить Новгород от возможности захватов со стороны княжеской власти. За защиту Новгорода и управление князь получал установленные доходы: право собирать дань и дары с определенных волостей и пошлины с суда. Кроме того, для содержания князя и его людей выделялись пожни, которые, однако, не могли перейти в княжескую собственность. Княжеская охота допускалась лишь в определенное время и в определенных местах, в 60 верстах от Новгорода. Князь мог посылать варить мед и ловить рыбу только в Ладогу. Суд и управление князь производил совместно с представителями новгородской власти. Новгород очень ревниво относился к тому, чтобы князь не стал новгородским землевладельцем и чтобы не установилось особых отношений зависимости между князем и населением. Князь не имел права покупать сел или держать в новгородских владениях зависимых людей. Торговлю с иностранными купцами князь должен был производить при посредничестве новгородцев.

Договоры устанавливали также и свободу торговли новгородцев в Суздальской земле, что имело большое значение для экономических интересов Новгорода.

Местопребыванием князя в Новгороде было Городище, находившееся в 3 километрах от города. Здесь постепенно возникло особое поселение, центром которого являлся княжеский двор. В XIV и XV вв. великий князь, занятый собственными делами, не мог постоянно жить в Новгороде. Его представителем был наместник.

Верховным органом новгородцев являлось вече, на котором могли участвовать все свободные жители как самого Новгорода, так и его пригородов. Вече в обычное время собиралось на Торговой стороне, на «Ярославовом дворе», по звону вечевого колокола. Должностные лица и выступавшие ораторы помещались на особом помосте, носившем название «степени»; вокруг располагались жители во главе со старостами и сотскими. Рядом с вечевой площадью находилась вечевая изба (канцелярия) с вечевым дьяком, который записывал постановления веча.

Круг деятельности веча был очень обширный. На вечевых собраниях обсуждались вопросы войны и мира, договоры с князьями, новые законодательные акты, выбирались и смещались главные должностные лица; на вече производился также суд по важнейшим делам. Если вече раскалывалось, то большинство заставляло меньшинство подчиниться ему методом физического воздействия. Новгородская летопись полна описаний

острых столкновений, местом которых становился мост через р. Волхов. В некоторых случаях собиралось несколько веч по площадям и около церквей. Иногда вече разделялось на две части, одна из которых отходила на Софийскую, а другая — на Новгородскую сторону. Затем обе стороны сходились на мосту, и здесь бывало «большое губление людям».

Новгородское вече нельзя рассматривать как орган демократической власти, так как в действительности за ним действовали другие социальные силы: боярство и крупное купечество. Политическая власть в Новгороде принадлежала господствующим классам. Эта власть осуществлялась при посредстве особых выборных органов управления.

Представителем новгородского управления был посадник. В договорных грамотах с князьями устанавливалось, чтобы князь без посадника «суда не судил, грамот не давал и волостей не раздавал». Посадник был представителем новгородских интересов и во внешних сношениях. На войне он предводительствовал главными силами новгородского ополчения. Посадник выбирался на вече из состава крупного новгородского боярства. За время с 1126 по 1400 гг., т. е. за 175 лет, можно насчитать не более 40 фамилий, из которых выбирались посадники и тысяцкие. Например, только одна боярская фамилия Михаила Степановича дала Новгороду 12 посадников. Посадник, исполнявший служебные обязанности, назывался степенным. (Это название происходило от вечевой «степени»). После ухода с должности посадник сохранял название «старого посадника». Вторым лицом после посадника был тысяцкий, который также избирался на вече. Особой обязанностью тысяцкого были предводительство на войне ополчением Новгорода и суд по торговым делам. В иностранных грамотах должность тысяцкого определяется словом «предводитель». Помимо отдельных выборных представителей власти, новгородское боярство имело и коллективный орган управления. Он составлял особый правительственный совет, получивший у иностранцев название совета бояр, или «совета господ». В состав его входили: новгородский епископ, княжеский наместник, посадник, старосты концов, на которые делилась территория города; остальные члены совета в иностранных источниках называются общим именем «сенаторов» или бояр. Они, повидимому, состояли из старых посадников и тысяцких и, может быть, из некоторого числа представителей крупных боярских фамилий, не занимавших особых должностей. Число членов совета было очень значительным и, по некоторым сведениям, доходило до 300 человек. Члены совета господ носили золотые пояса, поэтому иностранцы называли их иногда не сенаторами, а просто «золотыми поясами». Влияние совета господ на внутренние дела Новгорода было очень большое. Фактически ему подчинялись и посадский и тысяцкий; все важнейшие вопросы, прежде чем поступить на вече, предварительно решались в совете господ. Вече

в большинстве случаев только санкционировало решение этого боярского органа.

Из пригородов Новгорода самым крупным был Псков, который с середины XIV в. стал главным городом отделившейся от Новгорода Псковской земли. Псковская земля вытягивалась узкой полосой с севера на юг, вдоль Чудского и Псковского озер и р. Великой. Главная масса населения была сосредоточена в бассейне р. Великой, где находились все восемь псковских пригородов, в том числе Изборск, Остров, Опочка. Псковская земля была самой северо-западной частью русских владений, входивших в систему великого княжества Владимирского. Благодаря окраинному положению ей приходилось принимать первые удары со стороны Ливонского ордена и Литвы, что способствовало политической самостоятельности Пскова. Уже во второй половине XIII в. псковичи стали приглашать князей для военной защиты своих городов без согласия новгородцев. Литовский выходец князь Довмонт (1266—1299) прославился борьбой с Литвой и Ливонским орденом за Псковскую землю. В торговых сношениях с Прибалтикой, центром которых для Пскова была Рига, Псков не зависел от Новгорода. По Болотовскому договору, заключенному в 1348 г., Новгород признал свой бывший пригород Псков самостоятельным и назвал его своим «братом молодшим».

Псковская земля в отношении социально-экономического развития и административного устройства была очень близка к Новгородской республике. Крестьяне в Псковской земле носили название смердов и изорников. Положение феодально-зависимых изорников определено в «Псковской судной грамоте» (Сборник законов, принятый на вече в Пскове в 1467 г.). Изорники (название происходит от слова «орать» — пахать) работали на земле феодала, обычно отдавая в его пользу половину урожая. Часть изорников получала от землевладельца подмогу серебром (денежная и натуральная подмога, носившая название «покруты»). Изорники имели право уйти от землевладельца только один раз в году, в Филиппов день (14 ноября), возвратив взятую подмогу. В Псковской судной грамоте упоминаются «старые изорники», появление которых связано с процессом закрепощения крестьян.

Крупнейшими феодальными собственниками в Псковской земле были бояре, державшие в своих руках все главные должности. Государственное устройство Псковской земли очень близко напоминает Новгородскую республику. Князь являлся во Псков со своей дружиной и пользовался еще меньшим влиянием во внутренних делах, чем в Новгороде. Новгородскому боярскому «совету господ» в Пскове соответствовали «господа». Псков ежегодно избирал двух равноправных посадников. Таким образом, по форме государственной системы Псковская земля, как и Новгород, была боярской республикой.

Существенным отличием Новгородской и Псковской земель от других русских северо-восточных земель была более значи-

тельная связь феодального хозяйства с рынком. Землевладельцы поставляли на рынок хлеб, лен, пеньку, меха и другие продукты своего хозяйства и промыслов. Заинтересованные в поставках на рынок продуктов феодального хозяйства, землевладельцы усиливали эксплоатацию крестьян, к которой присоединялась эксплоатация со стороны купеческого капитала. В очень тяжелом положении находились малоимущие слои городского населения, беднота, жившая случайной работой, мелкие ремесленники и торговцы. Поэтому резкое обострение классовых противоречий в Пскове и Новгороде постоянно приводило к открытым выступлениям народной массы против боярской знати и крупного купечества. Во время народных движений вече выходило из повиновения и становилось грозной силой для правящих слоев Новгорода и Пскова. Примером многочисленных народных волнений, скупо описанных в летописях, могут служить события в Новгороде в 1418 г. Поводом к народному возмущению послужил случай с боярином Данилой Ивановичем, которого по призыву новгородца Степанко народ избил на вече и сбросил с моста в реку. Спасшийся боярин захватил Степанко и стал его мучить. Тогда по звону колокола вновь собралось многолюдное вече, на котором было решено разбить дом боярина. Народ в доспехах и со стягом (знаменем) отправился к улицам, где жили бояре, и произвел полный разгром боярских домов. Когда по просьбе испуганных бояр за них пытался заступиться епископ, волнение поднялось с еще большей силой. Был произведен новый погром боярских дворов, причем пострадал и один из монастырей, в котором находились боярские житницы.

Особой формой проявления классовой борьбы было сектантское движение в Пскове и Новгороде, известное под названием «стригольников».

«Революционная оппозиция против феодализма проходит через все средневековье. В зависимости от условий времени она выступает то в виде мистики, то в виде открытой ереси, то в виде вооруженного восстания» *). Стригольники, появившиеся в Новгороде в последней четверти XIV в., считали, что богослужение могут совершать не особо назначенные для этого лица, а простые миряне. Они восставали также против поборов за церковные службы и поставление священников. Общий характер движения стригольников хорошо передан их врагами в «обличительном послании»: «О стригольниках же неции безумнии глаголять: сии не грабять и имения не збирают». К движению стригольников приложима характеристика Энгельса городских ересей средневековья:

«Ересь городов, — а она является официальной ересью средневековья, — была направлена главным образом против попов, на богатства и политическое положение которых она и напа-

*) К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 128—129.

дала... Реакционная по форме, как и всякая ересь, которая в дальнейшем развитии церкви и догматов способна видеть только вырождение, бюргерская ересь требовала восстановления простого строя ранне-христианской церкви и упразднения особого сословия священников» *).

НАЧАЛО ОБЪЕДИНЕНИЯ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ

Борьба между Московским и Тверским княжествами. В середине XIII в. среди северо-восточных русских княжеств Московское и Тверское княжества, выделившиеся из Переяславской земли, принадлежавшей сыновьям Ярослава Всеволодовича, занимали одно из самых скромных мест. Однако уже в конце этого столетия появились первые признаки их усиления.

Тверь впервые встречается в летописи под 1209 г. В начале XIII в. она была еще небольшим окраинным суздальским городком, построенным почти у самого новгородского рубежа. Местоположение города при впадении р. Тверцы в Волгу придало Твери большое экономическое и политическое значение. Сообщение между Новгородом и «Низом» («Низом» назывались русские земли, расположенные вниз по течению Волги. В широком смысле под это название подходило все Окско-Волжское междуречье) происходило по водному пути, образованному течением рр. Мсты и Тверцы. На конце волока между этими реками возник город Вышний Волочек. Стоило только перерезать дорогу у Твери или Торжка, как в Новгороде начинался острый недостаток в хлебе и других продуктах. Тверское княжество, обособившееся в 40-х годах XIII в., вытягивалось вдоль верхнего течения Волги не широкой, но длинной полосой.

Московское княжество, в конце XIII в. доставшееся младшему сыну Александра Невского — Даниилу, имело еще более скромные размеры. Основная территория его лежала на среднем течении Москва-реки, захватывая левые и правые притоки. Москва была расположена в узле сухопутных и водных дорог. Правые притоки Волги (Шоша с Ламой) близко подходят к левому притоку Москва-реки, Истре. На волоке между ними возник городок Волок на Ламе (Волоколамск). Таким образом, получался почти сплошной водный путь из Новгорода в Суздальскую землю. Отрезок этой водной дороги от Твери через Москву был короче сообщения по Волге. Через Москву пролегает путь из Рязанской земли на север. Нельзя было миновать Москву и при поездках из западных русских земель. Дорога из среднего Приднепровья, пересекавшая верховье реки Оки, также приводила к Москве. Москва стягивала к себе дороги из разных русских земель и поэтому являлась их экономическим центром.

*) К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 129.

Не менее выгодным было местоположение Тверского и Московского княжеств в отношении Золотой Орды. Татары при нападении на северо-восточные русские земли обычно поднимались по Волге, откуда переходили на территорию Рязанского княжества, которое первое встречало ордынский удар. В других случаях татары проходили через земли мордвы и появлялись у Нижнего-Новгорода. Следуя дальше по течению Волги, они разоряли все Поволжье примерно до Ярославля. Пользуясь Клязьмой и ее разветвленными левыми притоками, татары грабили владимирские и суздальские места. Однако по мере углубления в русские земли сила татарского удара ослабевала и татары редко доходили до московских и тверских рубежей.

Тверская и Московская земли, прикрытые со стороны Золотой Орды другими русскими землями, меньше подвергались разорению. Население окраинных русских земель, поднятое татарским погромом, уходило за Оку или на Верхнюю Волгу, где в более спокойной обстановке осаживалось на новых местах. Поэтому население Московского и Тверского княжеств не только увеличивалось в результате естественного прироста, но и принимало на свою территорию беженцев из других земель. Все эти условия объясняют причину значительного усиления Московского и Тверского княжеств к началу XIV века.

В 1304 г. умер великий князь Владимирский, сын Александра Невского, Андрей Александрович. Освободившийся великокняжеский престол должен был занять один из русских князей после утверждения его ханом. Самыми сильными претендентами на великокняжескую власть оказались тверской князь Михаил Ярославич и московский князь, сын умершего в 1303 г. Даниила, Юрий Даниилович. Тверской князь вышел победителем и, получив ханский ярлык, стал великим князем Владимирским. С этого времени начинается борьба за великокняжескую власть между тверским и московским князьями, продолжавшаяся около 25 лет и закончившаяся победой московского князя.

В начале XIV в. московские князья сделали первые присоединения к своей небольшой отчине. Еще князь Даниил в 1301 г. отнял у рязанского князя Коломну с прилегающей территорией на левом берегу Оки. В следующем году к Москве, после смерти последнего бездетного переяславского князя, отошла обширная Переяславская земля. В 1303 г. Юрий Даниилович московский с братьями захватил г. Можайск, входивший в состав Смоленского княжества. Эти приобретения, произведенные в течение всего двух лет, увеличили первоначальную территорию Московского княжества почти в два раза.

Не менее существенным было экономическое значение новых владений. После захвата Можайска и Коломны во владении московского князя оказалось все течение Москва-реки от верховьев у Можайска до устья у Коломны. Благодаря этому московский князь получил возможность в полной мере использовать выгод-

ное положение Москвы в узле важнейших водных и сухопутных сообщений. Присоединенный Коломенский уезд имел густое население. На территории Переяславской земли находились богатые соляные источники, рыбные ловли и бортные леса.

Тверской князь Михаил Ярославич, став великим князем Владимирским (1305—1318), сделал попытку подчинить своей власти остальных русских князей. Властная политика тверского князя нашла полную поддержку со стороны церкви. В 1299 г. из разоренного Киева переселился во Владимир на Клязьме митрополит Максим. Он стал себя именовать митрополитом «всея Руси», указывая этим титулом на единство церковной организации для всех русских земель. Высшей церковной власти для действительного осуществления церковного единства необходима была поддержка со стороны сильной княжеской власти. Поэтому митрополит Максим поддерживал стремление Михаила Ярославича к объединению русских земель.

Однако попытка Михаила Ярославича собрать русские земли под своею властью встретила противодействие со стороны остальных князей, боровшихся за самостоятельность своих владений. Усиление тверского князя представляло также большую опасность для Новгорода, земли которого граничили с тверскими владениями. Поэтому новгородцы, стремясь ослабить Михаила Ярославича, поддерживали его врагов и соперников. Между тем Михаил Ярославич лишился церковной поддержки; его союзник митрополит Максим вскоре умер. Высоко оценивая значение церковной помощи, Михаил Ярославич сделал попытку провести на освободившуюся митрополичью кафедру своего ставленника, но потерпел неудачу. Новым митрополитом стал, волынец родом, Петр, утвержденный константинопольским патриархом. Враждебно встреченный тверским князем и его сторонниками, Петр стал естественным союзником московского князя. Поэтому всей силой церковного авторитета он стал помогать ему в борьбе за великокняжескую власть.

Между тем Юрию Даниловичу, который провел в Орде около двух лет, удалось найти поддержку со стороны одного из самых сильных ордынских ханов — Узбека. В 1317 г. Юрий вернулся на Русь с ярлыком хана на великокняжескую власть и с женой, сестрой Узбека, — Кончакой, которая была переименована в московскую княгиню Агафию.

Юрий, не довольствуясь отказом тверского князя от великокняжеской власти, хотел совершенно разгромить своего соперника. Встреча обоих противников недалеко от Твери кончилась жестоким поражением Юрия Даниловича. В руки тверичей в числе пленных попала и жена московского князя, сестра Узбека, которая умерла в плену. Юрию нетрудно было получить в Орде новую поддержку. Михаил Ярославич, обвиненный в утайке ордынской дани и в сопротивлении ханскому приказу, был убит. Таким образом, Юрий Даниилович вышел победителем из первого столкновения с тверским князем за владимирское княжение.

Перед Юрием Даниловичем встали те же затруднения, с которыми встретился и его предшественник. Юрий Даниилович принимал великокняжескую власть в трудное для русских земель время. Население было разорено междукняжеской борьбой и возрастающими татарскими требованиями. В Ростове произошло восстание против татар. Усиленный сбор ордынского выхода рассорил Юрия с остальными князьями. Этими затруднениями умело воспользовался сын убитого тверского князя Дмитрий Михайлович, которому удалось получить от Орды ярлык на великое княжение. Когда Дмитрий Михайлович тверской встретился с Юрием, он отомстил за смерть отца и убил в 1325 г. московского князя. Узбек казнил Дмитрия Михайловича, а ярлык на великое княжение передал его брату Александру Михайловичу.

Усиление Московского княжества. В Московском княжестве преемником Юрия, не оставившего наследников, стал его брат Иван Даниилович Калита, который уже раньше принимал близкое участие в борьбе между Тверью и Москвой. Первый крупный успех Ивана Калиты, в результате которого он стал великим князем Владимирским, был связан с восстанием в Твери против татар.

После того как Александр Михайлович тверской получил ярлык на великое княжение, в Тверь был послан двоюродный брат хана Узбека Чол-хан (русские былины называют его Щелканом Дюдентьевичем). Появление в тверской столице родственника хана со значительным татарским отрядом было вызвано недоверием к действиям тверского князя и боязнью его чрезмерного усиления. Татары насильничали, обижали жителей, даже прогнали великого князя с его двора. Население только ждало удобного времени для восстания, которое разразилось в один из праздничных дней в августе 1327 г., когда много людей сошлось на торг. Под звуки набата тверичи бросились на татар и начали их избивать. В числе погибших находился и Чол-Хан. Лишь немногим удалось бежать в Орду.

Иван Калита воспользовался восстанием в Твери, чтобы нанести смертельный удар тверскому князю. Он отправился в Орду, получил поручение наказать Тверь и вернулся с пятью татарскими темниками. Тверское княжество подверглось погрому, а сам Александр Михайлович бежал. С 1328 г. Иван Калита занял великое княжение (1328—1341). Из отрывочного летописного рассказа о времени Ивана Калиты перед нами вырастает образ этого энергичного московского князя, в котором осторожность, предусмотрительность и расчетливость соединялись с настойчивостью, коварством и решимостью. Больших политических успехов Иван Калита достиг не на бранном поле в открытых столкновениях со своими врагами, а умело применяя различные средства в благоприятной для него обстановке. Иван Калита послушно выполнял даже самые тяжелые требования Орды; в гла-

зах золотоордынской власти он был посредником между ею и русскими землями и проводником ханской политики. Не менее половины всего времени своего княжения Иван Калита провел или в Орде или в пути в Орду и из нее. В действительности же Иван Калита умело использовал ханскую власть для достижения собственных целей. По словам Маркса, традиционная политика золотоордынских ханов заключалась в том, чтобы «натравливать русских князей друг на друга, поддерживать несогласия между ними, уравновешивать их силы и никому из них не давать усиливаться». Однако московскому князю Ивану Калите удалось превратить хана в «послушное орудие в своих руках, посредством которого он освобождается от опаснейших своих соперников и одолевает любое препятствие, встающее на победоносном шествии его к узурпации власти. Он не захватывает уделов, но незаметным образом поворачивает власть татар-завоевателей на служение исключительно его собственным интересам» *).

Главными противниками Ивана Калиты были — Новгород и тверской князь Александр Михайлович. Новгород, боявшийся раньше Твери, стал опасаться возвышения московского князя. Поэтому из его союзника в борьбе с Тверью он превратился в противника. Александр Михайлович после побега из Твери укрылся в Пскове. Преследуя Александра Михайловича, Иван Калита со многими русскими князьями, в том числе с некоторыми тверскими князьями, появился перед Псковом. Несмотря на огромное превосходство в силах Иван Калита прежде чем начать осаду, прибегнул к помощи церкви.

Еще митрополит Петр в конце своей жизни постоянно бывал в Москве. В ней он был и похоронен в наскоро построенной при Иване Калите усыпальнице (древний Успенский собор). Новый митрополит, утвержденный константинопольским патриархом, грек Феогност, приехал на Русь в то время, когда борьба между тверским князем и московским закончилась победой последнего. Поэтому Ивану Калите нетрудно было превратить митрополита в орудие своей политики. Митрополит Феогност пригрозил псковичам проклятием, если они будут продолжать укрывать тверского князя. Александр Михайлович принужден был покинуть приютивший его Псков и бежал в Литву. Возникший еще при Юрии Даниловиче союз московского князя с митрополитом окончательно окреп при Иване Калите и стал могущественной поддержкой московской великокняжеской политики при его преемниках.

Материальные средства Ивана Калиты быстро возрастали как в результате торговых пошлин, которые он собирал, пользуясь выгодным положением Москвы в узле торговых дорог, так и в результате суровой политики по сбору дани. В народном представлении Иван Калита был одним из самых богатых князей.

*) К. Маркс. Секретная дипломатия XVIII в.

Поэтому за ним утвердилось прозвище «Калиты», что значит «денежный мешок».

Результаты 16-летнего княжения Ивана Калиты были очень крупными. Новгород после безуспешных попыток сопротивляться московскому князю должен был признать его власть. Борьба с тверским князем кончилась гибелью последнего в Орде. В знак победы над Тверью Иван Калита велел снять колокол с главного тверского собора и отправить его в Москву. Есть сведения, что многие бояре перешли на службу к московскому князю, так как находили для себя выгодным быть под покровительством сильной княжеской власти. Многочисленные северо-восточные русские князья, сидевшие по своим владениям, бездействовали; являясь вассалами московского князя, они послушно исполняли его распоряжения и ходили в походы с его ратными силами. В качестве великого князя Иван Калита распоряжался очень обширными и важными в экономическом отношении землями. Его политическая власть распространялась далеко за границы собственно Московского княжества. Передавая впечатление от растущей силы московского князя, древний писатель заметил, что в княжение Ивана Калиты «наста насилование многое». В то же время власть Ивана Калиты препятствовала разорительной для населения феодальной войне между князьями. Поэтому летопись, говоря о начале княжения Ивана Калиты, отметила, что «бысть оттоле тишина велика по всей Русской земле на 40 лет и преста татарове воевати Русскую землю». Подобно тверскому князю Михаилу Ярославичу, Иван Калита также называл себя «великим князем всея Руси».

При Иване Калите Москва из столицы небольшого Московского княжества стала превращаться в общий для русских земель политический и религиозный центр, перед значением которого отступала старая столица — Владимир на Клязьме. В начале XIV в. Москва была уже хорошо укрепленным городом. Деревянные стены его не раз выдерживали натиск тверского войска. Незадолго до смерти Ивана Калиты была заложена новая дубовая крепость, получившая название Кремля. Когда в XIX столетии строился Кремлевский дворец, то во время земляных работ были найдены дубовые бревна диаметром почти в один аршин, принадлежавшие к остаткам крепостной стены. Они отстояли от каменного Кремля на расстоянии свыше 6 метров. Укрепляя свою столицу, Иван Калита в то же время создавал в ней религиозный центр. В течение нескольких лет он построил четыре небольших каменных собора. Усиление Москвы и расширение торговых сношений способствовало образованию и росту за стеной Кремля по направлению к реке Яузе поселения торговцев и ремесленников, положившего основание московскому посаду.

Порядок, установившийся при Иване Калите, поднимавший значение московского князя, сохранил большую устойчивость

при его сыновьях Семене Гордом и Иване Красном. После смерти Ивана Калиты, по выражению русской летописи, все русские князья были даны в руки Семена Ивановича, который по ярлыку хана стал великим князем (1341—1353). Прозвище «Гордый» указывает на то положение, которое занял этот князь. Новгород, поглощенный борьбой с усилившимся натиском ливонских рыцарей, не мог выступать против Москвы, так как нуждался в ее помощи. Тверское княжество еще переживало последствия борьбы с Иваном Калитой и медленно восстанавливало свои расшатанные силы.

Опасность для Москвы надвигалась со стороны Суздальско-Нижегородского княжества (это княжество сложилось позже других, в 1341 г.), усилившегося в середине XIV в. Другая опасность грозила со стороны Литвы. Литовский князь Ольгерд захватил значительную территорию русских земель. Расширяя свои владения на восток, Ольгерд неизбежно должен был столкнуться с Московским княжеством. Ольгерд даже пытался убедить золотоордынского хана в необходимости предпринять совместный поход на Москву. Но Семену Гордому удалось предотвратить объединение литовско-татарских сил. Он указал хану, что Ольгерд захватил часть ханских улусов и поэтому сам представлял большую опасность для Золотой Орды. При Семене Ивановиче Московское княжество увеличилось за счет приобретений в верхнем течении Оки и р. Протвы. Там было положено начало распространению московских владений по верховьям Оки.

Семен Иванович умер в 1353 г. во время страшной эпидемии чумы, которая истребила почти всю великокняжескую семью. Это была та знаменитая «черная смерть», которая в середине XIV в. прошла по всей Западной Европе.

После смерти Семена Гордого, не оставившего детей, суздальско-нижегородский князь, сделал попытку занять великое княжение. Однако победителем в борьбе за власть вышел брат Семена Гордого московский князь Иван Иванович (1353—1359), недолгое княжение которого было относительно спокойным временем.

После смерти Ивана Ивановича наступили тяжелые для Московского княжества годы. Наследником его остался девятилетний сын Дмитрий. Спор о великом княжении был разрешен в Орде в пользу суздальско-нижегородского князя Дмитрия Константиновича. Москва потеряла великое княжение Владимирское и те преимущества, которые были связаны с великокняжеской властью. Перемена ханской политики, поддерживавшей при Иване Калите и его сыновьях московского князя, была вызвана боязнью чрезмерного усиления Московского княжества и неустойчивым положением в Орде. После смерти второго преемника Узбека, его внука, в Орде началась кровавая борьба за власть, сопровождавшаяся частыми переменами ханов. Это делало ордынскую политику в отношении русских земель очень неустой-

чивой и давало возможность отдельным русским князьям подарками и обещаниями добиваться тех или других преимуществ.

Ослаблением великокняжеской власти воспользовались и мелкие вассалы московского князя, которые сделали попытку освободиться от его власти. В эти трудные для Московского княжества годы политическое руководство оказалось в руках митрополита Алексея, происходившего из старого боярского московского рода. В противоположность своим предшественникам — митрополитам, приезжавшим из Византии или из южных русских земель, Алексей вырос среди московского боярства и прекрасно знал местные условия. В это время еще не было, за исключением отдельных случаев, расхождений между интересами великокняжеской власти и ближайшего к нему боярства. При Иване Калите и его сыновьях вокруг московского князя сложился слой бояр, которые были заинтересованы в усилении его власти и в расширении московских владений.

Дмитрий Иванович говорил своим боярам, вспоминая детские годы: «Вы же весте обычаи и нравы моя, перед вами бо родихся и возрастах, и с вами царствовах... вы же не нарекостеся у меня бояре, по князи земли моей». Политика митрополита Алексея в короткое время достигла чрезвычайных успехов. Пользуясь неурядицами в Орде, московские бояре получили в 1362 г. Дмитрию Ивановичу ярлык на великое княжение. Суздальско-нижегородский князь Дмитрий Константинович сделал попытку сопротивления, но она быстро была подавлена при участии самих владимирцев, которые не хотели уходить из-под московской власти. В это же время было подавлено движение мелких князей. Таким образом, было восстановлено прежнее положение Московского княжества. Это имело очень большое значение в виду возобновления борьбы с Тверью и Литвой. Тверское княжество, оправившееся от ударов, нанесенных ему Иваном Калитой, выступило в конце 60-х годов в союзе с литовским князем Ольгердом, который стремился объединить всех противников Москвы. В 1367 г. Дмитрий Донской заложил каменный Кремль. По словам летописца, построение каменной крепости, произведенное с большой быстротой, имело большое значение для усиления московского князя. Всех князей «русских, — говорит летописец про Дмитрия Ивановича, — привожаша под своею властью, а которые не повинухося воле его и на тех начаша посягати». Ольгерд дважды подходил к Москве, но оба раза был отбит от новых крепких каменных стен Кремля. За это время Дмитрий Донской настолько усилился, что стал действовать независимо от ханской власти. Когда тверскому князю удалось вынести из Орды ярлык на великое княжение, то Дмитрий Донской не пустил тверского князя во Владимир и велел передать сопровождавшему его татарскому послу: «К ярлыку не иду, а в землю на княжение Владимирское не пущу, а тебе, послу, путь чист». Все же тверскому князю через несколько лет

вновь удалось получить ярлык. Тогда Дмитрий Иванович направился к Твери во главе большого ополчения русских князей, в числе которых находились даже удельные тверские князья. Это было первое крупное выступление объединенных сил русских земель под главенством московского князя. Тверской князь, убедившись в том, что «вся Русская земля восстала на него» и что от Ольгерда нельзя ожидать помощи, заключил мир с Дмитрием Ивановичем и признал его «своим братом старейшим». Договор устанавливал общую политику в отношении Золотой Орды.

Таким образом, в начале 70-х годов Дмитрию Ивановичу не только удалось полностью восстановить то господствующее положение, которое занимал московский князь со времени Ивана Калиты, но и придать своей власти такое значение, какого она раньше не имела. Власть московского князя все больше делается представительницей образующегося национального государства в противоположность раздроблению его на враждующие вассальные части. Она становится единственной реальной силой, способной защитить русские земли от нападения Орды и Литвы.

Борьба с Золотой Ордой. Борьба в Орде между претендентами на ханскую власть и выделение из Орды ряда самостоятельных улусов благоприятствовали усилению московского князя. Однако в начале 70-х годов основные части Золотой Орды собрались под властью темника Мамая, который хотя и не был ханом, но в действительности распоряжался ханским престолом. Новое усиление Золотой Орды немедленно отразилось на положении окраинных русских земель. С начала 70-х годов татары стали почти ежегодно нападать на Рязанское и Нижегородское княжества. Борьба с татарами на окраинных землях постепенно втягивала основные русские силы.

Весной 1376 г. суздальский князь вместе с воеводами, посланными Дмитрием Ивановичем, предпринял удачный поход под Казань. Обладание Казанью обеспечивало с военно-стратегической стороны оборону Нижегородской земли, а с экономической стороны — торговое движение по Волге.

В ответ на этот поход Мамай в 1377 г. отправил под Нижний-Новгород царевича Арапшу, который, согласно летописной характеристике, был «свиреп зело и ратник велий». Суздальский князь, получив известие о движении татар, немедленно обратился за помощью к Дмитрию Ивановичу, который послал ему отряд войск. Татары, однако, воспользовавшись беспечностью суздальских и московских воевод, неожиданно напали на лагерь русского войска на р. Пьяне (приток р. Суры) и произвели полный его разгром. Память об этом неудачном сражении сохранилась в народной поговорке: «На реке Пьяне люди были пьяны». После одержанной победы Арапша разграбил Нижний Новгород и его окрестности.

Желая наказать московского князя за его поддержку Нижнего-Новгорода, Мамай в следующем, 1378 г., отправил против

Москвы крупные силы. Сражение между татарами и московским войском произошло на р. Воже (правый приток р. Оки) и кончилось полной победой русских. Охваченные с трех сторон, татары не выдержали стремительного натиска и, бросив оружие, бежали с поля сражения, оставив победителям богатую добычу. Хотя в следующем году татарам и удалось благодаря неожиданному нападению погромить окраинные земли, но в Орде понимали, что вопрос о зависимости русских земель может быть разрешен только в борьбе с основными русскими силами великого княжества Московско-Владимирского. Мамай готовился к новому походу около двух лет. Ему удалось не только собрать большую часть Орды, но и усилить ее наемными отрядами, в числе которых упоминаются даже воины итальянских колоний в Крыму. С этим ополчением Мамай заблаговременно перекочевал к устью р. Воронеж и остановился вблизи Рязанской земли. Не довольствуясь собранными силами, он сделал попытку объединить всех противников Московского княжества и с этой целью вступил в переговоры с рязанским князем Олегом Ивановичем и великим князем литовским Ягайло. Олег рязанский, боявшийся усиления Москвы, решил воспользоваться походом Мамая. Военную помощь обещал и великий князь Ягайло.

Послы Мамая, явившись в Москву, потребовали выхода (дани) в том размере, в каком его платили раньше московские князья в годы наибольшей зависимости от Орды. Дмитрий Иванович, продолжая переговоры, стал одновременно собирать ополчения русских земель. В августе из разных русских земель потянулись феодальные дружины на помощь московскому князю. Среди них были даже отдаленные князья: белозерские, ярославские, устюжские. По поводу сбора этой многочисленной рати летописец замечает: «От начала миру такова не бывала сила русских князей и воевод местных». Под влиянием «Слова о полку Игореве» древний писатель в художественных образах представил дружное единение русских земель: «В Москве кони ржут, звенит слава во всей земле русской; в Коломне трубы трубят; в Серпухове бубны бьют... в Новгороде вечевой колокол сзывает».

Численность русского ополчения не может быть определена даже приблизительно. По летописным известиям, несомненно очень преувеличенным, она доходила до 200 тыс. и даже до 400 тыс. человек. Ополчение в начале сентября подошло к Дону, причем по дороге к нему продолжали подходить отдельные русские дружины. Между прочим, подошли дружины из русских земель Литовского великого княжества во главе с двумя сыновьями Ольгерда. На военном совете было решено переправиться на другую сторону Дона и там встретить орду Мамая.

Место, где развернулась знаменитая битва, называлось Куликовым полем. Оно простиралось на расстоянии 10 верст у

впадения р. Непрядвы в Дон. По середине поля протекала речка, разделявшая два военных лагеря. Окрестности представляли пересеченное, овражистое место, покрытое кустарниками и рощами. Такой рельеф местности был более благоприятен для русских, чем для татар, у которых главная роль в войске принадлежала коннице.

Утром 8 сентября 1380 г. оба войска построились в боевом порядке. Дмитрий Иванович оставил за своим левым флангом в лесу засаду. Татарам после ожесточенной борьбы удалось потеснить русские полки, стоявшие в центре. Однако, когда они поравнялись с засадным полком, положение на поле сражения резко изменилось. Неожиданно смелая атака свежих русских сил под предводительством двоюродного брата Дмитрия Ивановича, серпуховского князя Владимира Андреевича, и опытного волынского воеводы Дмитрия Боброка опрокинула татар и обратила их в бегство. Сражение кончилось полной победой русских войск.

Куликовская победа имела огромное историческое значение, хотя она и не привела к полному освобождению русских земель от татарского ига. Она продемонстрировала на Куликовом поле мощь общерусского ополчения и тем указала дальнейший путь, по которому должно было следовать объединение страны в борьбе за независимость. Товарищ Сталин говорит, что интересы обороны на востоке Европы против нашествия турок, монголов и других народностей требовали незамедлительного образования централизованного государства.

Поражение, понесенное Мамаем, ускорило его гибель в борьбе с ханом Белой Орды Тохтамышем. (Территория Белой Орды простиралась на восток от Волги до Западносибирской низменности). Мамай с небольшим числом людей бежал в Крым и там был убит. Тохтамышу вновь удалось объединить основные части Золотой Орды. Это привело к новому выступлению, имевшему целью уничтожить результаты русской победы на Куликовом поле.

Поход Тохтамыша на Москву был предпринят в 1382 г. с большой неожиданностью и быстротой. Рязанский князь Олег Иванович указал татарам броды через Оку. Захваченная врасплох, Москва не сумела организовать оборону. Победа на Куликовом поле досталась тяжелой ценой. Дмитрий Иванович, не имея достаточной силы для обороны столицы, уехал на Волгу. Вслед за ним бежал митрополит. Тогда в Москве вспыхнуло народное движение, которое летопись картинно сравнивает с состоянием моря, поднятого великой бурей. Население столицы, увеличившееся беженцами из окрестных волостей и сел, требовало защиты города. Тех, кто пытался бежать вслед за митрополитом и боярами, народ схватывал или избивал камнями. Когда подошел Тохтамыш, население в течение нескольких дней отбивало все приступы татар. Среди обычных средств защиты в летописи

впервые упоминают «тюфяки» и «великие пушки», т. е. огнестрельное оружие. После многих безуспешных попыток овладеть стенами Кремля татары прибегли к обману. Пользуясь двумя изменниками из числа нижегородских князей, они убедили население открыть крепостные ворота. Ворвавшись внутрь Кремля, татары произвели страшный погром. Население, укрывшееся за крепостными стенами, почти полностью погибло. По летописным известиям, после ухода татар было зарыто до 24 тыс. трупов. В огне погибли огромные сокровища, накопленные в течение долгого времени. Москва была обращена в развалины и пепел.

Набег Тохтамыша пронесся опустошительной грозой над центральной частью Московско-Владимирского великого княжества. Результатом его было восстановление даннических отношений к Орде. Уже в следующем году с населения собиралась тяжелая дань. Опасность для Московского княжества была тем более велика, что временным его ослаблением поспешили воспользоваться старые противники — Тверь и Рязань. Однако Дмитрию Ивановичу удалось воспользоваться несогласиями в лагере врагов и благодаря этому восстановить союз русских князей под главенством московско-владимирского великого князя.

Перед смертью, в 1389 г., Дмитрий Иванович распределил московские земли между своими четырьмя сыновьями. Старшего сына Василия он «благословил» великим княжением, т. е. назначил своим преемником. Это был первый случай, когда московский великий князь передавал своему наследнику великокняжескую власть, не ожидая пожалования или согласия со стороны хана. Этим закончился процесс объединения земель великого княжения Владимирского с основной московской территорией. Дмитрий Иванович умер в год, когда новый грозный властитель Средней Азии Тимур нанес смертельный удар Тохтамышу. Поэтому, составляя свое завещание, Дмитрий Иванович действовал независимо от ордынской политики. В завещании он выразил надежду на близкое полное освобождение русских земель от Золотой Орды.

Объединение русских земель вокруг Московского княжества. Во второй половине XIV в. Северо-Восточная Русь была охвачена в разных направлениях торговыми сношениями. Обширная область Поморья с девственными лесами, изобиловавшими ценным пушным зверем, и с морскими промыслами на побережье была связана с московским центром через Устюг, Вологду и Кострому. На противоположном конце плодородная Рязанская земля вывозила на север хлеб. Одновременно усиливались торговые связи русских земель и с соседними странами. Экономические связи разрывали замкнутость феодальных владений.

В конце XIV в. установились непосредственные торговые сношения русских городов с ганзейскими колониями на побе-

режье Черного моря. Среди них особенно большую роль в торговле играли Кафа (Феодосия) и Сурож (Судак). Купцы-сурожане появлялись в самой Москве. Затем это название перешло на русских купцов, торговавших с Крымом. Суконники и сурожане составили высший разряд московского купечества.

Торговля являлась важнейшим условием для развития городских посадов. Рост московского посада, превратившегося при Дмитрии Донском в многолюдные поселения ремесленников и купцов, не могли остановить ни вражеские нападения, ни пожары. Москва, благодаря своему выгодному географическому расположению в узле важнейших торговых путей, становилась общим экономическим центром русских земель. В начале XV в. большинство городов Северо-Восточной Руси уже имело торгово-промышленные посады.

Развитие торговли привело к появлению русской денежной системы, образцом для которой послужила монетная система Золотой Орды. В Московском и Суздальско-Нижегородском княжествах монеты стали чеканиться не позже XIV в. В первой половине XV в. чеканка собственной монеты производилась не только в больших, но и в мелких княжествах. Состав монетных кладов этого времени, в которых находятся монеты разных княжеств, также указывает на то значение, какое приобрели деньги в процессе обмена.

Феодальное дробление было важнейшим препятствием для развития торговых связей между землями, входившими в состав разных княжений, так как создавало между ними искусственные политические перегородки. Княжеские договоры хотя и предусматривали взаимную охрану торговли и единство таможенного обложения, но в действительности не могли обеспечить выполнение этих условий. Князья сами часто нарушали заключенные договоры, а мелкие феодальные войны губительно отражались на положении посадского населения. Только политическое объединение могло создать благоприятные условия для развития внутренней торговли. Поэтому торговое и ремесленное население поддерживало деятельность князей, направленную к объединению страны.

В соответствии с ростом экономических связей в конце XIV в. и в первой половине XV в. во всех крупных русских княжествах наблюдалось усиление старшего или «великого» князя. «Великие» князья концентрируют феодальные владения вокруг общей столицы княжества и подчиняют своей власти мелких «удельных» владельцев. При этом внутренняя организация княжеского управления остается еще без значительных изменений. Сила «великого» князя заключалась в его более значительных материальных средствах и в той поддержке, которую он в борьбе с мелкой феодальной раздробленностью получал со стороны бояр, слуг своего двора и посадского населения. Эта феодальная концентрация предшествовала образованию национального рус-

ского государства. Среди княжеских столиц два города в начале XV в. претендовали на роль объединяющего русские земли политического центра: Тверь и Москва. Положение Московского княжества было более сильным, чем Тверского. Москва являлась экономическим центром Северо-Восточной Руси.

Борьба с Золотой Ордой еще больше поднимала значение московского князя, который, выражаясь словами Энгельса, становился «представителем образующейся нации». Поэтому Московское княжество в результате дальнейшего расширения и усиления стало превращаться в Русское государство. Этот процесс был ускорен борьбой с монголо-татарами, литовцами, ливонскими рыцарями. Товарищ Сталин указал на то, что на востоке Европы интересы обороны «...требовали незамедлительного образования централизованных государств, способных удержать напор нашествия» *).

Дмитрию Ивановичу наследовал его старший сын Василий Дмитриевич (1389—1425). В начале его княжения положение Московского княжества, разоренного Тохтамышем, было очень тяжелым; после короткого перерыва над ним вновь нависла ордынская власть. Общая опасность сблизила Василия Дмитриевича с литовским князем Витовтом. Литовскому князю, занятому борьбой с Ливонским орденом, было выгодно иметь на своей стороне Москву. Сближение с Витовтом было закреплено браком Василия Дмитриевича с дочерью Витовта Софьей.

Наступление Витовта на Смоленскую землю, закончившееся присоединением Смоленска, утверждение Витовта в верховьях Оки, а также попытка Витовта занять Псков и Новгород и подчинить себе Рязанское княжество привели к разрыву между ним и Василием Дмитриевичем. Вскоре новая ордынская опасность заставила противников помириться. После смерти Тимура князь Едигей объединил значительную часть Золотой Орды. В 1408 г. Едигей внезапно появился около Москвы. Хотя татары и не смогли овладеть столицей, но подвергли жестокому опустошению ее окрестности и сожгли ряд других городов. Династическая борьба в Орде остановила успехи Едигея.

При Василии Дмитриевиче к Московскому княжеству были окончательно присоединены территории Нижегородского княжества и Мурома. Когда московские бояре вместе с татарскими послами вошли в Нижний-Новгород с целью передать его московскому князю, то старший из нижегородских бояр обратился к своему князю со словами: «Господине княже! не надейся на нас, уже бо мы отныне не твои и несть есьмя с тобою, но на тя есмы». Таким образом, нижегородские бояре, воспользовавшись феодальным правом свободного отъезда, нашли для себя более выгодным стать под покровительство сильного московского князя. Этот случай показывает, что в конце XIV в. даже среди мест-

*) Сталин. Марксизм и национально-колониальный вопрос, стр. 97, Госполитиздат. 1939.

ной боярской знати существовало стремление в пользу объединения с Московским княжеством.

При Василии Дмитриевиче московское влияние стало распространяться в области Вычегды. Земли по р. Вычегде и ее притокам, населенные зырянами (коми), носили название Малой Перми. На Верхней Каме и по р. Чусовой жили родственные зырянам пермяки. Эта местность была известна под названием Великой Перми. Коми-зыряне жили небольшими родовыми общинами и занимались главным образом охотой. В конце XIV в. среди вычегодских зырян появился проповедник Стефан Храп (Пермский), уроженец Устюжского края. Для обращения язычников-зырян в христианство Стефан Пермский составил азбуку и перевел на зырянский язык несколько богослужебных книг. Он был утвержден первым пермским епископом. В устье р. Выми, впадающей в Вычегду, Стефан Пермский построил на месте разрушенного им языческого мольбища укрепленный городок, ставший не только местопребыванием пермского епископа, но и опорой московской власти в землях зырян. Деятельность Стефана Пермского и последующих пермских епископов подготовила присоединение этого края к московской территории.

После смерти Василия Дмитриевича великим князем стал его единственный сын Василий Васильевич (1425—1462). Отец передал ему, за исключением нескольких волостей, основную часть московской территории, а также все новые приобретения и земли великого княжества Владимирского.

В Московском княжестве политическое единство просуществовало дольше, чем в других княжествах. До конца XIV в. братья хотя и получали по завещанию отца выделенные части, но действовали совместно под главенством старшего брата, а выморочные владения возвращались в общую отчину. Единство московских княжеских земель до конца XIV в. поддерживалось общим напряжением в борьбе за сохранение и расширение московских владений. С другой стороны, экономические связи внутри Московского княжества были сильнее, чем в других княжествах. Главные города группировались вокруг Москвы, которая являлась их общим экономическим центром. Поэтому они не могли стать столицами новых феодальных образований. В конце XIV в., после того как Московское княжество распространилось на огромную территорию и под власть московских князей перешли земли, сохранявшие особенности своего экономического склада, внутри Московского княжества также появились выделенные феодальные владения — уделы. Таким московским «удельным» князем стал двоюродный брат Дмитрия Ивановича Донского — Владимир Андреевич, которому принадлежал город Серпухов с волостями. Под самой Москвой в начале XV в. образовались небольшие княжества Можайское и Верейское. Владельцы этих княжеств были настолько слабы и так зависели от московского князя, что сами по себе не представ-

ляли угрозы для московской власти. В другом положении оказалась Галицкая земля, расположенная к северу от Волги. По завещанию Дмитрия Донского она досталась второму сыну — Юрию Дмитриевичу, который имел трех сыновей: Дмитрия Шемяку, Василия Косого и Дмитрия Красного. Галицкому княжеству принадлежала большая и важная в экономическом отношении территория. Она имела относительно густое население, а земли, лежавшие вблизи Галича, отличались значительным плодородием. На территории княжества были расположены богатые соляные источники. Поэтому владельцы Галицкого княжества могли опираться на местные средства. Это и привело к обособлению Галицкого княжества. Юрий Дмитриевич, князь галицкий, вместе с тремя сыновьями вступил в борьбу с Василием Васильевичем, которая едва не кончилась распадом Московско-Владимирского княжества. Борьба началась в 1432 г. внезапным походом Юрия Дмитриевича на Москву. Василий Васильевич не успел собрать свои ратные силы и был разбит в окрестностях столицы. Заняв Москву, Юрий посадил Василия Васильевича удельным князем на Коломне. Однако Юрий недолго усидел в Москве, так как почти все население стояло на стороне Василия Васильевича; князья, бояре, воеводы, дворяне и великокняжеские слуги уходили от Юрия в Коломну. Не имея опоры в Москве, Юрий был принужден возвратить племяннику великокняжеский стол и уйти в Галич. Вторичное занятие Москвы Юрием также не привело к прочным результатам. После смерти Юрия Василий Васильевич разбил одного из его сыновей — Василия Косого, взял его в плен и ослепил. Этим был закончен первый период борьбы за великое княжение. Галицкие князья, пытавшиеся разрушить складывавшееся вокруг Москвы объединение русских земель, потерпели полное поражение.

На втором этапе борьба осложнилась вмешательством татар. Один из ханов Золотой Орды — внук Тохтамыша Улу-Мухаммед, изгнанный из Орды, обосновался в Среднем Поволжье. Отсюда он производил нападения на московские владения. В сражении с Улу-Мухаммедом в 1445 г. под Суздалем Василий Васильевич потерпел поражение и был захвачен татарами. Великому князю удалось освободиться из плена путем обещания дать за себя большой выкуп. На этих условиях он был отпущен ханом в сопровождении большого числа татар, которые должны были брать с населения «великую» дань. Возвращение Василия Васильевича, обремененного тяжелыми долгами, в сопровождении татар лишило его того авторитета, которым он пользовался в качестве великого князя. Этим немедленно воспользовался его противник — галицкий князь Дмитрий Шемяка, который сделал попытку объединить против московского великого князя всех «удельных» князей.

Во время отсутствия Василия Васильевича, уехавшего из Москвы в Троице-Сергиевский монастырь, противники неожи-

данно овладели столицей, затем захватили в монастыре самого Василия Васильевича, привезли его в Москву и ослепили. Василий Васильевич был сослан на север, а Дмитрий Шемяка занял московский престол. Однако и на этот раз Дмитрий Шемяка не смог удержаться в Москве. Дворяне Василия Васильевича действовали в пользу его освобождения. Когда был раскрыт их заговор, многие из дворян, а также часть бояр ушли из Москвы. Это заставило Дмитрия Шемяку заключить мир с Василием Васильевичем, взяв с него обещание не искать больше великого княжения. Но Василий Васильевич тотчас нарушил это обещание, а игумен Кирилло-Белозерского монастыря освободил его от клятвы. Собрав своих сторонников, Василий Васильевич послал небольшой отряд, который без сопротивления занял Москву. Дмитрий Шемяка продолжал еще несколько лет борьбу, но она превратилась в отдельные грабительские нападения на владения великого князя. Дмитрий Шемяка пытался поднять и Новгород, но последний не чувствовал для этого достаточных сил. В 1453 г., после 20 лет феодальной смуты, Дмитрий Шемяка неожиданно умер в Новгороде, как думают, от отравы, подосланной из Москвы. Так, смертью Шемяки закончилась длительная феодальная борьба за власть. Победа Василия Васильевича над его врагами была не только личным успехом, но и победой нового политического порядка, в котором укрепились элементы централизации власти. Очень важным результатом ее была ликвидация многих мелких княжеских владений—«уделов».

Победа Василия Васильевича над галицкими князьями еще больше усилила московского великого князя. В 1456 г. Василий Васильевич поднялся на Новгород, чтобы наказать его за поддержку Шемяки. Новгородское ополчение было разбито. По Яжелбицкому миру Новгород заплатил большую контрибуцию великому князю и обещал не принимать к себе его противников. Были отменены «вечевые грамоты» (законодательные постановления вече). На новгородских документах печать Новгорода была заменена великокняжеской печатью. Василий Васильевич не выполнил всех условий мира, он захватил важные новгородские владения: Бежецкую волость и города Волок Ламский и Вологду.

Опасность, возраставшая для Пскова со стороны немецких рыцарей, и победа Василия Васильевича над Новгородом заставили и Псков резко изменить свое отношение к Москве. В 1460 г. псковичи обратились к великому князю с просьбой защищать их против немецкой опасности, жалуясь, что они «обижены от немцев и водою, и землею, и головами».

В вассальную зависимость от великого князя стала и Рязанская земля. Рязанский великий князь перед смертью оставил Василию Васильевичу на попечение своего 8-летнего сына. За молодостью его в Рязани и других рязанских городах правили московские наместники.

Таким образом, в середине XV в. процесс объединения русских земель вокруг Москвы был близок к полному завершению.

Образование русской (великорусской) народности. Вопрос о времени образования русской (великорусской) народности еще нельзя считать вполне разрешенным в науке. Ядро русской (великорусской) народности образовалось из старых племен — кривичей, словен (новгородских) и вятичей. Оно поглотило и некоторую часть неславянского населения окско-волжского междуречья. В источниках XIII—XIV вв. исчезают упоминания о ряде мелких племен: мери, жившей в Ростовской области, веси (белозерский край), муромы (нижняя Ока). Следы их существования сохранились в топономике края (в названиях поселений). Одним из главных признаков формирования русской (великорусской) народности служит появление фонетических и морфологических элементов, характерных для русского языка. Например, в отличие от языка киевской эпохи, в русском языке произошла замена в склонении и спряжении звуков **ц, з, с** через **к, г, х:** нога — н о г е, рука — р у к е, соха — с о х е. В древнерусском языке соответственно было бы: н о з е, р у ц е, с о с е. (В украинском и белорусском языках в этих случаях сохраняются свистящие звуки). Существенные изменения произошли также в области синтаксиса. Характерные элементы русской речи появляются, по документам, в конце XIII — начале XIV вв. Они с полной определенностью выступают в памятниках XV в. Указанные даты могут служить приблизительными хронологическими границами для начального периода развития русского языка. Наряду с общими элементами, свойственными всему русскому языку, в данный период существовали значительные диалектические различия. Говоры северной части русской территории заметно отличались от говоров ее южной части. На севере говорили на **о** — «о к а л и», а на юге — на **а** — «а к а л и». Пережитки этих диалектических различий в русском языке сохранились до наших дней. Москва находилась на самом стыке северных и южных русских говоров. Население, жившее вокруг Москвы, соединило и те и другие диалектические элементы речи, образовав особый московский говор, который впоследствии лег в основу русского литературного языка. Однако характерные элементы московской речи появляются уже при Иване Калите (их можно заметить в духовной грамоте этого князя), т. е. во время первых крупных успехов Московского княжества.

Появление одинаковых элементов в языке населения, жившего на очень обширной территории (окско-волжское междуречье, Рязанская, Смоленская и Новгородская земли) и входившего в различные феодальные княжества, было результатом общности экономических и исторических условий.

Культурное состояние русских земель в эпоху феодальной раздробленности. Экономические и политические условия, су-

ществовавшие в XIII—XV вв., задерживали развитие русской культуры во всех областях материальной и умственной жизни. Русские земли были отрезаны от экономического и культурного общения с европейскими странами. Завоевание русских земель монголо-татарами, постоянно повторявшиеся нападения и междукняжеские войны привели к почти полному уничтожению всех культурных сокровищ этого времени. Этим объясняется чрезвычайная бедность сохранившихся памятников до XV в.

Блестящий подъем владимиро-суздальского зодчества оборвался с татарским погромом. В XIII — начале XV вв. каменные постройки возводились в небольшом числе только в самых крупных городах: Новгороде, Пскове, Москве, Твери и некоторых других. Зодчество стало принимать местные формы. Если сооружения в Москве и Твери еще сохраняли черты владимирского архитектурного стиля, то в Новгороде и Пскове господствующим стало влияние средневековой готики.

Такую же судьбу испытали литературные произведения в двух своих главных видах — летописания и житий. В начале XIII в. во Владимире был составлен общий летописный свод. С раздроблением Северо-Восточной Руси на феодальные княжества он был положен в основу местного летописания, которое велось при дворах князей и епископов. Так появились летописи, занимавшиеся преимущественно местными событиями, в Переяславле, Ростове, Пскове, Твери, Москве и в других княжеских столицах. В 1377 г. монах Лаврентий составил летопись для суздальско-нижегородского князя... Эта летопись является важным источником по истории северо-восточных русских княжеств XIII—XIV вв. В местных житиях прославлялась деятельность князей, боровшихся за интересы своих княжеств.

Процесс объединения русских земель оказал большое влияние на развитие литературы, — она стала отражать сознание общерусского единства. Выдающиеся исторические события (Ледовое побоище, Куликовская битва) и деятельность князей по защите русских земель (Александр Невский, Дмитрий Донской) рассматривались в этой литературе с общерусских интересов. Некоторые из этих произведений (особенно биографическая повесть «О житии и преставлении Дмитрия Ивановича царя русского») проникнуты горячим патриотическим настроением. Иван Калита называется «собирателем русской земли».

С конца XIV в. Москва стала превращаться в общерусский культурный центр. К этому времени начинает разрушаться местная культурная обособленность. В 1423 г. в Москве на основе местных летописей и Владимирского летописного свода начала XIV в. был составлен общерусский летописный свод. С упадком феодальных центров местное летописание стало сокращаться.

Очень большое значение для развития русского искусства имела деятельность знаменитого живописца Андрея Рублева (умер около 1430 г.). Андрей Рублев смело разрушал господ-

ствующую в живописи условность и отвлеченность. Он возвращался к приемам лучшего периода византийского искусства. Созданные им образы наполнены внутренним содержанием и поражают изяществом рисунка и гармонией красок. Андрей Рублев создал школу живописи, которая легла в основу дальнейшего развития русского искусства.

ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ

В XII в. территория между Западной Двиной и Вислой была занята различными литовскими племенами. Нижнее течение Немана занимала жмудь; на среднем течении этой реки и по ее притоку Вилии размещалась литва. Между Неманом и Вислой находились поселения пруссов. Верховья Немана, а также его притоков Буга и Нарева занимали ятвяги. В XII в. эти племена еще не составляли общего союза. Впоследствии большая часть этого населения стала называться общим именем литовцев.

У литовских племен в конце XIII в. еще сохранились многие пережитки родовых отношений. Общественной основой их была территориально-родовая община («дворище», «дым»), близкая русской верви и западноевропейской марке. Во главе мелких родоплеменных объединений стояли вожди, известные в литовских источниках под названием «рикас» и «кунигас». Современные сведения отмечают отсутствие среди литовского населения укрепленных городов. Защитой для него служили труднопроходимые леса, многочисленные озера и болота. В конце XII и в начале XIII в. появляются признаки, указывающие на процесс межплеменного объединения. Литовцы начинают усиленно нападать на соседние, особенно русские, земли, распадавшиеся на мелкие княжеские владения.

Объединение литовских племен, вызванное развитием феодальных производительных сил, было усилено внешней опасностью, смыкавшей разрозненные племенные союзы под главенством сильных князей. В первой половине XIII в. среди последних выдвинулся князь Миндовг, которому удалось не только объединить значительную часть литовских племен, но и включить в состав своей державы ближайшие русские земли.

В начале XIII в. южная часть Полоцкого княжества, лежавшая в области левых притоков верхнего Немана, была известна под названием «Черной Руси». На ее территории существовало развитое феодальное хозяйство. Торговое значение имели города Новгородок, Волковыск, Слоним и некоторые другие. В раздробленном состоянии русские земли становились легкой жертвой вторжений со стороны литовцев, ливонцев, поляков и несколько позже — татар. Благодаря раздробленности русские земли не могли оказать серьезного отпора литовскому наступлению. Подвластные Миндовгу русские земли оказали значительное

влияние на экономическое и культурное развитие литовского населения. Столицей Миндовга стал русский Новгородок.

Политические успехи Миндовга были очень крупными. Южная русская летопись называет его «самодержавцем всей земли Литовской». Есть сведения, что при посредстве Ливонского ордена Миндовг принял христианство и стал называться королем. По словам русской летописи, Миндовг под конец жизни «нача гордети вельми и вознесся славою и гордостью великою». Самовластная политика Миндовга вызвала реакцию среди подручных литовских князей, которые убили его в 1263 году.

Внутренняя борьба среди мелких литовских князьков погубила Миндовга, но не была в силах разрушить начавшийся при нем рост Литовского княжества. Главным внешним фактором, усилившим экономическую консолидацию земель, входивших в состав Литовского княжества, были беспрерывные войны с меченосцами, в которых большое участие принимали также и русские дружины. Русские предводители играли крупную роль в войсках литовских князей.

Крупные успехи в дальнейшем развитии Литовского княжества были достигнуты при Гедимине (1316—1341). Опираясь на сбразовавшееся раньше русско-литовское ядро, Гедимин усиленно собирал под своей властью русские западные земли. Полоцк был присоединен еще в 1307 г. В зависимости от Гедимина оказались и другие полоцкие князья, в том числе минский и витебский. Далее Гедимин включил в состав своих владений Турово-Пинскую землю, лежавшую в бассейне р. Припяти. Влияние Гедимина распространилось еще дальше на юг, в сторону Киева, Волынской земли и Подолья. На левом берегу Днепра под его власть поступает Чернигово-Северская земля. Таким образом, основное ядро Литовского княжества окружается широким кольцом русских земель. К концу жизни Гедимина три четверти его владений состояло из русских земель. Успешное распространение власти литовского великого князя на русские земли объясняется не столько превосходством его сил, сколько состоянием русских земель, находившихся под ударами Золотой Орды. Переход под власть великого князя литовского был для них средством избегнуть татарской зависимости. Усиление русских элементов в государстве Гедимина еще в большей степени отразилось на всей политической системе. Сам Гедимин носил титул «короля литовцев и русских».

Гедимин был убит в 1341 г. во время осады одной немецкой крепости. После его смерти борьба между его сыновьями окончилась победой Ольгерда и Кейстута. Кейстут, опиравшийся на жмудь, вел почти непрекращавшуюся борьбу с Орденом, пытавшимся распространиться в бассейне Немана. Только за время 1345—1377 гг. в летописях Ордена отмечено до 70 более или менее крупных походов на Литву. В отдельные годы рыцари совершали от 4 до 8 вторжений. Ольгерд (1345—1377), продолжая

политику своего отца, расширял владения в сторону русских земель. Ольгерд окончательно захватил территорию Черниговo-Северского княжества, разбитого на большое число мелких феодальных княжений. В городах Брянске, Новгород-Северском и других появляются сыновья Ольгерда. Почти одновременно была занята Киевская земля. Во второй половине XIII в. она была уже настолько опустошена, что одно время не имела даже отдельного князя. В 60-х годах Ольгерд посадил в Киеве своего сына. К западу от Днепра он вел борьбу с татарами за обладание Подолией и с поляками — за Волынь. Наконец, Ольгерд вел усиленное наступление на Смоленскую землю; смоленский князь после безуспешного сопротивления стал его вассалом. Выдвижение Ольгерда в сторону Смоленской земли и в верховьях Оки привело его в непосредственное столкновение с Московским княжеством. Борьба Ольгерда и московского князя представляла собой встречу двух сил, каждая из которых претендовала на объединение феодальных княжеств Восточной Европы.

Наследником Ольгерда, умершего в 1377 г., был его младший сын от второй жены, тверской княгини, Ягайло. Он получил титул великого князя и сделал своим местопребыванием Вильно. Против Ягайло выступили его дядя Кейстут и двоюродный брат (сын Кейстута) Витовт.

Борьбой между литовскими князьями тотчас воспользовался Орден, старавшийся не допускать объединения русско-литовских земель под одной великокняжеской властью. Поэтому Орден охотно поддерживал Кейстута и Витовта против Ягайло. Во время войны Ягайло внезапным нападением захватил обоих противников. Кейстут был задушен, но Витовту удалось бежать.

Поддерживая Витовта, магистр Ордена, с одной стороны, ослаблял Ягайло, с другой стороны, надеялся превратить Витовта в своего вассала. Витовт, чтобы в борьбе с Ягайло пользоваться помощью Ордена, даже принял католическую веру и официально признал вассальную зависимость от Ордена с уступкой ему части территории жмуди и литвы. Между тем, заключив договор с Орденом, которому сам Витовт вряд ли придавал большое значение, он уже через несколько месяцев напал на замки рыцарей, а затем ушел в Польшу за Ягайло. Неожиданная перемена в политике Витовта объяснялась крупными политическими событиями, разыгравшимися в это время в Польше. Последний представитель королевской династии Пястов в Польше, Казимир «Великий», не имел сыновей. По договору с Венгрией он сделал своим преемником венгерского короля Людовика. Последний после смерти Казимира в 1370 г. объединил Венгрию, Хорватию, Далмацию, Боснию, часть Болгарии и Польшу. Наследницей колоссальных владений Людовика стала его старшая дочь Мария, вышедшая замуж за сына чешского короля. В Польше опасались, что польские земли станут придатком чешской короны. Поэтому польское панство потребовало, чтобы на-

следство Людовика было разделено между двумя дочерьми; в польской части наследницей стала вторая дочь — Ядвига.

Обеспечив себя от опасности поглощения со стороны Чехии, польское панство выступило с проектом династической унии с Литвой. Для этой цели предполагалось женить на Ядвиге литовского великого князя Ягайло. Объединенное под одной королевской властью, Польско-Литовское государство превращалось в крупную силу, способную обезопасить польские владения от нападения со стороны Венгрии, Чехии и Ордена. В экономическом и политическом отношениях класс польских землевладельцев был сильнее русских и литовских бояр. Поэтому польские паны могли рассчитывать на то, что их интересы в объединенном государстве будут поставлены на первое место. Наконец, с присоединением Литовского государства Польша надеялась окончательно захватить Западную Белоруссию и Западную Украину (Галицкую землю, Подолию и Волынь). Что касается Литвы, то для нее выгода от династической унии с Польшей далеко не была так бесспорна, как для Польши. Перспектива стать польским королем делала Ягайло более уступчивым в отношении литовских владений. С другой стороны, и Витовт должен был сознавать, что военная помощь Ордена покупалась чрезвычайно дорогой ценой.

Переговоры литовского посольства в Польше по вопросу о династической унии были закончены заключением договора, подписанного Ягайло в замке Крево, около Вильно, в августе 1385 г. По условиям Кревской унии Ягайло обязывался навсегда присоединить свои земли к польской короне; самостоятельное существование Литовского княжества прекращалось. Ягайло обещал не только принять католическую веру, но и распространить ее на всех своих подданных — «от мала и до велика». Для Польши распространение католицизма в русско-литовских землях было средством для их полного подчинения. В феврале 1386 г. Ягайло прибыл в Краков, через два дня он был крещен, и еще через три дня состоялось венчание. Затем было произведено коронование Ягайло польской короной. Краков превратился в столицу объединенного Польско-Литовского государства. В том же году Ядвига и Ягайло вместе с католическими епископами и духовенством предприняли поездку в Литву.

Крестьян принуждали к крещению угрозами и обещанием давать белую шерстяную одежду. Однако масса крестьянского населения встретила крещение враждебно. В окрестностях Вильно была вырублена священная роща и потушены священные огни, священные животные были перебиты. Для ускорения крещения католические священники делили крестившихся на группы и давали каждой группе одно имя. Так появились тысячи Янулисов, Катерин, Анн и других имен.

По привилею (указу) Ягайло 1387 г. феодалы, принявшие католичество, получали некоторые льготы (право полной собственности на земельные владения, особый суд, освобождение от не-

которых повинностей и др.). Этим было положено начало юридического оформления литовского землевладельческого класса по образцу польской шляхты.

Вскоре после заключения Кревской унии Польша приступила к захвату Западной Украины и Западной Белоруссии. По договору польского короля Казимира с Венгрией Галицкая земля после смерти Казимира отошла к Венгрии. В 1387 г. польские войска вытеснили венгров из Галицкой земли и присоединили ее к коронным владениям Польши. В несколько приемов к Польше была присоединена Волынь.

Однако попытки настоять на полном осуществлении Кревской унии, т. е. слить Литовское княжество с Польским, встретили сильное сопротивление со стороны литовских и русских бояр. Организатором борьбы за самостоятельность Литовского княжества стал Витовт. В этой борьбе Витовт очень искусно пользовался сложной политической обстановкой. Он заключал соглашения и союзы то с одной, то с другой стороной и, не стесняясь, разрывал их тогда, когда проходила надобность. В борьбе против Польши он пользовался помощью Ордена и московского великого князя. Сближение Витовта с Москвой было закреплено браком Василия Дмитриевича с дочерью Витовта Софьей. Политические и военные успехи Витовта заставили Польшу пойти на уступки. В 1392 г. в Острове было заключено соглашение, по которому Ягайло признавал Витовта великим князем литовским в вассальной зависимости от польского короля. Однако, когда Ядвига потребовала не только формального признания вассального подчинения, но и выплаты дани, Витовт, опираясь на русско-литовское боярство, решительно отверг это требование. Произошло новое сближение Витовта с Орденом, закрепленное съездом на острове Салине (на нижнем течении Немана) с участием великого магистра. На пиру, который давался магистром в честь Витовта, литовские и русские бояре провозгласили Витовта королем Литвы и Руси. Участники этого пира заявили, что «они всегда были свободны, как и их предки, и никогда не платили никакой дани Польше. Они и не будут ее платить, а останутся при прежней своей свободе по старине».

Между тем борьба Витовта с Польшей была осложнена татарскими отношениями. Над южнорусскими землями, которые Витовт считал своими владениями, продолжала тяготеть татарская опасность.

Витовт решил воспользоваться ослаблением Золотой Орды и борьбой Тамерлана с Тохтамышем. Он принял сторону Тохтамыша и даже предоставил ему убежище после поражения, нанесенного Тамерланом. В 1399 г. Витовт с участием русских и польских войск предпринял поход на Золотую Орду. Сражение на р. Ворскле кончилось победой татар во главе с Едигеем. Между тем в Польше умерла Ядвига и положение Ягайло стало

более неустойчивым, что заставило его пойти на примирение с Витовтом.

Пользуясь миром с Польшей, Витовт захватил Смоленск и сделал попытку подчинить Рязань, Псков и Новгород.

Другим результатом усиления Витовта и примирения его с Польшей было возобновление борьбы с Орденом. Объединенное польско-литовско-русское войско в 1410 г. встретилось с главными орденскими силами в Пруссии, около деревень Грюнвальда и Танненберга. Численность армии Ордена была около 90 тыс. человек. Хотя польско-литовско-русские силы имели численный перевес, но рыцарское войско было лучше вооружено. В начале битвы рыцари смяли правое крыло литовцев. В этот критический момент сражения большое мужество и храбрость проявили три смоленских полка, отразивших натиск рыцарей. Сражение кончилось полным поражением рыцарей, которые потеряли убитыми великого магистра и до 200 орденских рыцарей. Результаты этой победы для западных земель Восточной Европы можно сопоставить с результатами победы на Чудском озере Александра Невского. Рыцарское наступление на литовские и западно-русские земли было остановлено. По миру, заключенному с Орденом, спорная территория жмуди отошла к великому княжеству Литовскому.

Новые отношения между Литвой и Польшей были оформлены с заключением Городельского акта 1413 г. По его условиям Литва осталась в неразрывном соединении с Польшей, но имела своего отдельного великого князя. Последний избирался литовскими панами и шляхтой при согласии польского короля и панства. Со своей стороны польские паны и шляхта дали обещание в случае прекращения рода Ягайло не выбирать никого в короли без ведома великого князя литовского, литовских панов и шляхты.

Если во внешней политике главной целью Витовт ставил противодействие Кревской унии, то внутри страны его усилия были направлены к укреплению великокняжеской власти и к усилению связи между отдельными землями.

Во многих крупных городах сидели местные князья, в большинстве случаев—Ольгердовичи (сыновья и внуки Ольгерда), которые во время борьбы Витовта с Ягайло фактически освободились от великокняжеской власти. Это угрожало государству полным распадом на самостоятельные феодальные княжества. Ольгердовичи не имели прочных местных связей, а русское население рассматривало их как чуждую навязанную силу. Захват князьями земельных угодий сталкивал князей с крупным местным боярством. Поэтому Витовт, требуя от князей «покоры» (подчинения), опирался не только на основные силы великокняжеской власти, окрепшие в борьбе с Польшей, но и на местных крупных землевладельцев, которым подчинение великому князю было выгоднее обременительной вассальной службы местному князю. Требование Витовтом «покоры» вызвало среди кня-

зей настоящее восстание. Однако между князьями не было согласия, и даже общая опасность не была в состоянии их объединить. Один за другим поднимались князья против великого князя, и каждый в отдельности терпел поражение. Витовт уничтожил почти все более или менее значительные княжества: Киевское, Подольское, Волынское, Витебское, Полоцкое, Смоленское, Новгород-Северское. В большинстве этих княжений он посадил своих наместников, не пользовавшихся никакой самостоятельностью.

Успешная борьба с местными князьями одновременно укрепляла и материальное положение великого князя. Основной частью его доходов являлись поступления с княжеского феодального хозяйства (домена). В этом отношении великий князь являлся лишь самым крупным феодальным собственником. Великий князь (господарь) пользовался, кроме того, правом собирать дань со всего государства, «подданщину», которая носила разные местные наименования: «серебряная дань» (в Полоцкой и Витебской землях), «поголовщина» (в Чернигово-Северской земле), «подымщина» (в Киевской и Волынской землях) и т. д. После уничтожения местных княжений княжеские дворы с принадлежащими хозяйственными угодьями, с пашенными полями, со скотом, с сельскохозяйственным инвентарем и с челядью были присоединены к владениям великого князя. В его казну стали также поступать мелкие денежные и натуральные сборы, шедшие прежде местным князьям, разнообразные таможенные пошлины, судебные штрафы и другие доходы. Усилившаяся власть великого князя опиралась при Витовте на более значительные материальные ресурсы. Однако Витовту все же не удалось создать сильной централизованной системы. Экономические связи между отдельными землями были незначительными, и это мешало их прочному объединению. В Литовском княжестве времен Витовта следует отличать, во-первых, более прочное основное ядро, состоявшее из литовских и части русских земель, сложившееся при Миндовге и его ближайших преемниках, и, во-вторых, русские земли, присоединенные во второй половине XIV — начале XV вв., сохранившие под властью литовского великого князя местные особенности.

Победа Витовта над местными князьями укрепила экономическое положение крупного землевладения. Привилей 1387 г., как мы видели, положил начало распространению на литовских феодалов-католиков прав польского шляхетства. Православная русская (украинская и белорусская) шляхта первоначально оказалась в неравном положении по сравнению с католиками. В следующее двадцатилетие после смерти Витовта произошло дальнейшее развитие шляхетских прав, все преимущества которых касались главным образом крупных землевладельцев (панов).

Смерть Витовта в 1430 г. остро подняла вопрос о его преемнике и о землях, за которые шла борьба между Польшей и Лит-

вой (Подолия, Волынь). Литовские магнаты спешили с замещением великокняжеского престола, так как не без основания опасались, что он будет занят ставленником польского панства. Между тем в господствующем слое русско-литовского панства не было по этому вопросу согласия. Мелкие князья, лишившиеся при Витовте своих «столов», нашли поддержку в части православного панства, недовольного неравенством положения с католической шляхтой. Они выставили своим кандидатом Свидригайло Ольгердовича, который имел старые связи в русских землях.

Литовские паны после разрыва с Польшей принуждены были принять эту кандидатуру. Свидригайло Ольгердович был провозглашен без согласия польского короля и польского панства литовским великим князем, что противоречило условиям унии 1413 г. Свидригайло Ольгердович поспешил удовлетворить главные требования украинско-белорусского панства. Нарушая утвердившийся порядок, он стал назначать православных на высшие придворные должности, чем вызвал возмущение среди литовских панов. Против Свидригайло составился заговор, и осенью 1432 г. он должен был бежать. Литовская знать, устранившая Свидригайло, провозгласила своим великим князем Сигизмунда Кейстутовича, который для укрепления своего положения сделал большие уступки в пользу Польши. Он уступил Польше Подолию и согласился на передачу ей после его смерти литовской части Волыни. С другой стороны, Сигизмунд, стараясь внести расслоение среди православного боярства и шляхетства, пошел на крупные уступки в их пользу. Он выдал привилей, по которому русские князья и бояре основной территории княжества (без окраинных русских земель) уравнивались в правах с литовцами-католиками. Несмотря на эти уступки, часть православных князей и бояр, преимущественно окраинных русских земель, продолжала поддерживать Свидригайло. Вскоре Свидригайло потерпел окончательное поражение.

Польский король Ягайло умер в 1434 г. Его сын Владислав стал королем Польши и Венгрии. Когда литовский великий князь Сигизмунд Кейстутович был убит в 1440 г. заговорщиками, большинство литовских панов выдвинуло кандидатуру брата польского короля Владислава — Казимира Ягайловича. Владислав под влиянием польского панства не хотел отпускать брата на великое княжение, так как боялся усиления литовского сепаратизма. Поэтому он согласился лишь на предоставление Казимиру наместничества над Литвою. Тогда литовцы самостоятельно провозгласили Казимира Ягайловича своим великим князем. Казимиру удалось утвердиться в Литве лишь после длительной борьбы с сепаратистским движением в русских землях, стремившихся к восстановлению самостоятельности. Когда его брат польско-венгерский король Владислав умер, поляки, чтобы возобновить династическое объединение Польши и Литвы, также избрали

Казимира своим королем. Литовско-русское панство пыталось не разрешить Казимиру принять польскую корону. Тогда Казимир, несмотря на сопротивление польских панов, выдал в 1447 г. привилей с очень важными правами для землевладельцев Литвы и Руси. Объединяя ранее установленные права и привилегии, он еще больше расширил их в сторону полного феодального иммунитета. Кроме того, было установлено, что земельные владения и должности на территории великого княжества могли предоставляться лишь местным уроженцам.

Казимир Ягайлович, объединивший под своей властью Польшу и Литву (1447—1492), посвятил себя польским делам. Поэтому, несмотря на сделанные им уступки, литовские и русские князья и паны продолжали находиться в оппозиции к королю. Движение князей даже привело к заговору, который был раскрыт в 1481 г. Главари этого заговора были казнены.

В XV в. большинство земельных владений на территории великого княжества Литовского находилось в руках великого князя (господаря) и панов. Дальнейшее развитие крупного панского землевладения происходило за счет господарских владений. Это усиливало экономическую базу панства и способствовало его политическому возвышению. С середины XV в. феодальное хозяйство стало втягиваться в рыночные отношения. Страны Западной Европы предъявляли быстро возраставший спрос на сырье и сельскохозяйственные продукты. Из литовско-русских земель к балтийским портам вывозились: хлеб, скот, кожи, мед, воск, лес, смола, меха и проч. В связи с развитием внешней торговли борьба за южную часть Прибалтики, находившуюся во владениях Ливонского ордена, приобретала особо важное экономическое значение. С середины XV в. Орден фактически становится вассалом Польши и Литвы. Победа над Орденом открывала для литовско-русских земель свободный выход в Балтийское море. С этого времени Западная Двина, Неман и особенно Висла с Западным Бугом превращаются в главные магистрали торгового движения, втягивавшие литовско-русские земли в товарооборот со странами Западной Европы. Город Гданск (Данциг) в устье Вислы стал основным центром торговли в Прибалтике.

Подъем в феодальном хозяйстве выразился в распространении трехполья, в расширении барской запашки и в интенсификации крестьянских повинностей. Организацию крупного феодального хозяйства мы можем лучше всего представить по великокняжескому домену. Основной частью его были пахотные земли и различные хозяйственные угодья, обрабатывавшиеся трудом зависимого населения. Кроме того, население платило натуральную и отчасти денежную ренту.

Население господарского домена делилось на две основные части: челядь (холопов) и господарских людей (крестьян). Челядь работала на пашне и выполняла различные хозяйственные

работы во дворе. Часть челяди получала месячину, т. е. определенные месячные запасы. Другая часть челяди сидела на отдельных участках и обладала некоторой движимостью (бондой). Крестьяне в литовско-русских землях имели несколько названий: простые люди, мужики, черные люди, подданные, кметы и смерды. На этом населении лежали основные повинности по обслуживанию феодального хозяйства. Среди тяглых людей были ремесленники, бортники, рыболовы, бобровники, ловцы и проч. Часть ремесленников работала исключительно на господарском дворе, другая часть отдавала лишь долю своих продуктов и несла добавочные натуральные повинности. Наконец, некоторые крестьяне садились на оброк, т. е. вели собственное хозяйство и платили господарю ренту натурой или деньгами.

С интенсификацией феодального хозяйства зависимость крестьян стала усиливаться. Положение господарских крестьян было более легким, чем частновладельческих. Все крестьяне делились на «похожих», т. е. вольных людей, не потерявших права перехода с одного места на другое, и «непохожих» (от слов ходить, переходить). Последние назывались еще «отчинными» крестьянами. Эта категория приближается к положению «старожильцев» в русских землях. Для положения крестьян большое значение имело перенесение на русские и литовские земли польского права. Особенно крупную роль сыграл привилей Казимира 1447 г. Он освобождал частновладельческих крестьян не только от натуральных повинностей в пользу господаря, но и от платежа денежной дани. Поэтому единственным эксплоататором этих крестьян становился их землевладелец. Господарь давал обязательство не принимать в свои владения крестьян-отчичей. Землевладелец (князь, пан, шляхтич) получал право полного судебного иммунитета. Это создавало в его руках большую власть над всем населением, пользуясь которой, владелец усиливал внеэкономическое принуждение. Таким образом, феодальная зависимость крестьян во второй половине XV в. получила юридическое оформление, т. е. превратилась в крепостное право.

Рост внутренних и внешних торговых связей имел очень большое значение для развития городов. Вильно, Ковно, Полоцк, Минск и другие города, связанные с системой рек Балтийского бассейна, превращались в центры ремесленного производства и торговли. С конца XIV в. литовско-русские города стали получать право на самоуправление, освобождаясь от власти местных панов и князей. Образцом этого права был город Магдебург (Магдебургское право, еще ранее перенесенное на ряд польских городов). Первый привилей на магдебургское право был выдан Вильно в 1387 г. Затем магдебургское право было распространено на Троки, Ковно, Луцк, Полоцк, Киев, Минск и другие города. По магдебургскому праву жители городов (мест), носившие общее название мещан, освобождались от повинностей, которые несли крестьяне. Мещанам предоставлялись различные доходные статьи, доходы с которых поступали в местную го-

родскую казну или «скрыню». Центром городского самоуправления была ратуша, во главе которой стоял назначенный господарем войт. Последний управлял городским хозяйством совместно с избранными обществом мещан ратцами (советниками) и бургомистрами. Города пользовались важным для них правом склада, по которому приезжие купцы должны были продавать и покупать товары только оптом. Розничная торговля допускалась лишь в ярмарочные дни. Магдебургское право усиливало положение высших слоев городского населения, т. е. главным образом крупных купцов.

Привилеи Ягайло, Свидригайло, Сигизмунда и Казимира юридически оформили по польской системе организацию класса литовско-русских землевладельцев (шляхта в широком смысле). Господствующее положение в нем занимали крупные землевладельцы, которые стали называться польским термином — панами. В конце XIV в. и в первой половине XV в. сложился и слой средних и мелких землевладельцев, за которыми утвердилось в более узком смысле название шляхты. С расширением состава шляхты, пользовавшейся всеми правами, установленными по выданным привилеям, признаком шляхты стала военная служба.

Состав шляхты был сложный. Наряду со средними землевладельцами появился мелкий разряд слуг, вербовавшихся из состава зажиточного крестьянства и ремесленников. Эта часть военных слуг получила название слуг путных, панцырных, доспешных, конных и проч. В источниках они иногда называются «боярами», но с прибавлением слов: панцырных, путных и т. д. Крупные землевладельцы — князья и паны — выводили в поход отряды своих феодальных слуг; в ополчении они становились отдельно под собственными знаменами. Простая шляхта выходила на войну под начальством своего князя или пана. Паны выдавали шляхте в своих владениях землю под условием несения военной службы.

На основе рассмотренного социально-экономического строя, базой которого являлись феодальное хозяйство и крупное панское землевладение, выросло все здание литовского государственного устройства. До последней четверти XIV в. в Литовском княжестве преобладало русское влияние. Официальные акты писались на русском языке. Великого князя окружали русские бояре. Русская культура подчиняла своему влиянию более отсталую культуру литовского населения. Это положение стало изменяться в конце XIV в. Династическая уния с Польшей, хотя и не привела к полному уничтожению Литовского княжества, но широко открыла дорогу для польского влияния на господствующий класс литовских, а затем и русских землевладельцев.

Элементы польского государственного устройства были перенесены и на политическую систему великого княжества. Это стало возможным потому, что, как и в Польше, государственный порядок в великом княжестве Литовском держался на участии в

управлении панов. Опираясь на крупных землевладельцев и отчасти на города, великому князю удалось разгромить местных князей и предотвратить распад государства на независимые феодальные княжества. Однако у великого князя не было средств ослабить влиятельное положение самих бояр и панов, которые еще больше усилились после издания привилея 1447 г. Великий князь в управлении оказался ограниченным советом высшей феодальной знати, получившим название «рады». Члены рады, называвшиеся «панами радными», состояли из католических епископов, придворных должностных лиц и воевод. Некатолики участвовать в раде не могли. В полном составе рада собиралась редко. По текущим делам великий князь советовался с важнейшими панами, составлявшими его «переднюю раду». Кроме рады, являвшейся постоянным коллективным органом панства, крупные землевладельцы собирались в важнейших случаях (объявление войны, заключение мира, династические вопросы, новые налоги) на съезды-сеймы. К началу XV в. по польскому образцу сложились высшие придворные должности: канцлера, гетмана, подскарбия (казначея), маршалка (заведывал великокняжеским двором) и другие. Местное управление находилось в руках наместников (воевод), назначавшихся великим князем из состава панов.

Образование украинской и белорусской народностей. Монголо-татарское завоевание оторвало северо-восточные русские земли от западных и юго-западных. Значительная часть последних — все Подвинье и Поднепровье — вошла, как мы видели, в систему великого княжества Литовского; другая часть (Галицкая Русь, Подолия и Волынь) была захвачена Польшей. Разрыв экономических и политических связей не мог не повлечь за собой и культурного обособления соответствующих частей этой территории. Взамен утраченных образовались новые экономические связи. Большое значение имело развитие в XV в. внутренней торговли, нарушившей изолированность феодального хозяйства. Территория, лежавшая к северу от Припяти, была втянута главным образом в торговлю по Западной Двине. Центром ее был город Полоцк. Для юго-западных земель основная торговая магистраль проходила по Днестру, где ее средоточием являлся город Львов.

Экономическое и культурное развитие являлось определяющим условием образования украинской и белорусской народностей. Один из главных признаков их формирования — появление характерных особенностей украинского и белорусского языков.

Украинскому языку присуще «о к а н ь е» (неударяемое **о** произносится ясно), тогда как белорусский язык — «а к а ю щ и й». Очень важной особенностью белорусского языка является произношение **т**, как **ц** и **д**, как **дз** (так называемое «дзеканье и «цо-

канье»). Белоруссы говорят: л ю д з д и (люди), д з е н ь (день), ц е м н а й (темный). Фонетические и морфологические особенности украинского и белорусского языков ясно выступают в литературных памятниках конца XV в., но отдельные элементы их восходят к XIV в. и даже к более раннему времени. Таким образом можно считать, что украинская и белорусская народности сложились к концу XV в.

Население Украины и Белоруссии в рассматриваемое время обычно называло свою страну Русью, а свой язык — русским, «русской мовью». До конца XVI в. большинство официальных документов в великом княжестве Литовском писалось на «русской мови» (литовские статуты 1529 и 1566 гг.). Термин «Украина», наиболее раннее упоминание которого относится к концу XI в. (в Ипатьевской летописи по поводу смерти в 1187 г. князя Владимира Глебовича замечается: «О нем же Украина много постона»), получил распространение значительно позже. Название «Белоруссия» появляется в конце XIV — начале XV веков.

Для развития национальной белорусской культуры очень большое значение имело появление книгопечатания. Пионером книгопечатания в Белоруссии был доктор Франциск Скорина, родившийся в конце XV в. в богатой белорусской купеческой семье в городе Полоцке, Франциск Скорина получил образование в Краковском университете и считался современниками человеком глубокой учености. Первые книги на славянском языке Скорина стал издавать с 1517 г. в Праге, затем он перенес издательскую деятельность в Вильно. Главной целью ее Скорина ставил укрепление русской (белорусской) культуры в народной массе. Скорина говорил, что он печатал книги «к научению людем посполитым русского языка».

Украинский и белорусский народ сознавал свою национальную самобытность и отстаивал ее в долголетней борьбе с литовской и польской агрессией.

* * *

Сравнение великого княжества Литовского с великим княжеством Московским устанавливает как наличие общих явлений в их развитии, так и значительное своеобразие каждого из них. Оба государства, одно в западной, другое в восточной части Восточной Европы, слагались в результате феодального объединения, в основе которого лежали: рост экономического общения и борьба с внешней опасностью. Московское великое княжество под влиянием этих факторов развивалось в централизованное русское государство. Власть московского великого князя усиливалась в борьбе не только с «великими» и «удельными» князьями, но и с крупными земельными собственниками — боярами. Власть литовского великого князя в союзе с панами, имевшими более прочный экономический базис, чем их восточнорусские собратья, победила, но не устранила окончательно фео-

дальной раздробленности. Сильное польское влияние подвело юридическое основание под влиятельное социальное и политическое положение панства. Поэтому литовский государственный порядок не развился в централизованную систему.

РАСПАД ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

Золотая Орда имела сложный состав. Под ее властью оказались земли с разным экономическим положением и различным историческим прошлым. Процесс феодализации монголо-татарского населения, начавшийся еще в период образования державы Чингис-хана, продолжался более быстро в окружении феодальных стран. Если основная часть территории Золотой Орды, расположенная в низовьях Волги, долго сохраняла кочевой, скотоводческий характер, то в странах старой земледельческой культуры господствующий слой монголо-татарских завоевателей быстро превращался в обычных феодальных землевладельцев. При разности экономических и политических условий единство Золотой Орды могло поддерживаться сильной центральной властью. Высшего подъема Золотая Орда достигла при хане Узбеке (1313—1341). Но уже вскоре после смерти Узбека появились первые признаки ее распада на отдельные части. Обособление началось в окраинных землях, которые под властью золотоордынских ханов сохраняли местные особенности. Затем оно коснулось и основного ядра государства. Процесс политического распада сопровождался ожесточенной борьбой за ханскую власть, что еще больше способствовало ослаблению политического единства Золотой Орды.

Политическое ослабление Золотой Орды ясно обнаружилось после смерти внука Узбека — Бердибека. Золотоордынский престол часто переходил из рук в руки. Иногда одновременно появлялись два соперничающих между собой хана. В 70-х годах XIV в. темнику Мамаю удалось подчинить себе значительную часть Золотой Орды. Мамай опирался главным образом на Крым и на западные владения Золотой Орды. Восточная часть (на восток от Волги) к этому времени стала уже почти самостоятельной. Сильный удар Золотой Орде, ускоривший ее дальнейший распад, был нанесен из Средней Азии, где во второй половине XIV в. сложилась исключительно сильная держава Тимура (Тамерлана).

В середине XIV в. в Чагатайском государстве прекратилась династия потомков Чагатая. Власть перешла в руки улусных беков. К их числу принадлежал Тимур, происходивший из отуреченного монгольского рода барласов, владения которого лежали в долине р. Кашка-Дарьи. В молодости Тимур с дружиной нукеров совершал разбойничьи нападения на соседние земли. В 1360 г. на Мавераннахр напали моголы. Глава рода барласов бежал, а Тимур перешел на сторону моголистанского хана. При поддерж-

ке последнего Тимур стал главой рода барласов и туменов (правителем). Другим сильным эмиром в то время был владелец Самарканда Хусейн. Тимур заключил союз с Хусейном. Вдвоем они овладели всем Мавераннахром. Вместе с Хусейном Тимур предпринимал грабительские нападения на соседние земли, целью которых являлся захват богатой добычи, продолжавшей играть важную роль в экономической жизни монголо-турецких родов. Во время одного из таких предприятий Тимур получил тяжелое ранение стрелой в ногу, в результате которого стал хромать. От этого физического недостатка произошло его прозвание «Железный хромец», «Тимур-хромец», по-турецки Тимур-Аксак, по-персидски Тимур-Ленг (от этого названия произошло: Тамерлан).

В 1365 г. хан Моголистана вновь вторгнулся в Мавераннахр. Хусейн и Тимур проиграли сражение и бежали на юг, за Аму-Дарью. Когда моголы подошли к Самарканду, то на защиту города поднялось само население. В мечети перед собравшимся туда народом с пламенной речью выступил учащийся медрессе Мауляна-Задэ. Он говорил, что моголы являются жестокими врагами, что эмиры, собирающие подати с народа, вместо того чтобы его защищать, бросили город на произвол. На призывы Мауляна-Задэ подняться на защиту города собравшаяся в мечети местная знать хранила молчание. Мауляна-Задэ был поддержан низшими слоями городского населения — ремесленниками и мелкими торговцами. Он нашел деятельного помощника по организации обороны города в лице трепальщика хлопка Абу-Бекра Келеви. Население под предводительством Мауляна-Задэ и Абу-Бекра оказало отчаянное сопротивление моголам, которые потерпели поражение и сняли осаду. Деятельность вождей народной обороны, особенно простого трепальщика хлопка Абу-Бекра, и организация народной власти в столице вызвали у Хусейна и Тимура серьезные опасения. Когда эмиры прибыли к Самарканду, то вожди народного движения были вероломно схвачены и казнены, за исключением Мауляна-Задэ, за которого заступился Тимур.

Союз между Хусейном и Тимуром вскоре после победы над моголами был разорван, так как каждый из них стремился к усилению своей власти и к расширению подвластной территории. После нескольких столкновений Тимур убил своего соперника. В 1370 г. эмиры и войско провозгласили Тимура единовластным правителем Чагатайского государства, столицей которого был сделан Самарканд.

Овладев Мавераннахром, Тимур, как и его предшественники, ограничился званием великого эмира и правил именем поставленных им ханов из рода Чингиса, которые фактически не имели никакого значения. Даже тогда, когда последний поставленный Тимуром хан умер, Тимур продолжая действовать от его имени и чеканить монету с его надписью. Имя хана провозглашалось при исполнении религиозных обрядов. В то же время все внешние знаки власти и почета принимал не хан, а Тимур.

В гареме убитого Хусейна Тимур нашел жену своего врага, принадлежавшую к роду Чингисханидов. Он сделал ее своей старшей женой и с этого времени стал носить почетный титул «гургана», т. е. ханского зятя.

Правление Тимура (1370—1405) заполнено непрерывными походами на соседние страны, сопровождавшимися исключительным по жестокости истреблением населения. В результате этих походов была создана колоссальная держава Тимура, едва пережившая своего основателя.

Сначала Тимур обеспечил свои основные владения от нападения со стороны Моголистана. Затем Тимур обратился против Хорезма, который в 60-х годах XIV в. отделился от Золотой Орды и стал самостоятельным государством. В течение около 25 лет Тимур предпринял 5 походов, в результате которых Хорезм был совершенно опустошен. Главный город этой страны Ургенч, являвшийся одним из самых крупных торговых городов Средней Азии, с многочисленным населением и прекрасными сооружениями, был превращен в развалины. Окончательно разрушив этот город, Тимур приказал посеять на его месте ячмень.

В 70-х годах XIV в. союзником Тимура стал один из ханов Белой Орды — Тохтамыш, обратившийся к Тимуру с просьбой о поддержке. При помощи Тимура Тохтамыш стал полновластным ханом Белой Орды, а затем, уничтожив Мамая, захватил Золотую Орду. Усиление Тохтамыша не могло не поссорить его с Тимуром, который видел в своем бывшем ставленнике соперника по влиянию в прикаспийских странах. Борьба между Тимуром и Тохтамышем закончилась гибелью последнего. В 1395 г. Тимур разбил Тохтамыша на р. Тереке, на Кавказе. Преследуя разбитого противника, он разрушил столицу Золотой Орды — Сарай.

Расправившись с Тохтамышем, Тимур обратил всю свою буйную воинственность в сторону Персии, которая распадалась на большое число мелких владений. Многолюдные и богатые города Персии представляли особенно заманчивую цель. Тимур предпринял три больших персидских похода, которые известны под именем трехлетнего, пятилетнего и семилетнего. Овладев Ираном, он захватил Закавказье, покорил Грузию, Армению и Южный Азербайджан. В 1398—1400 гг. Тимур предпринял большой поход в Индию. Он дошел до берегов Ганга, разбил султана и разграбил главный город Дели. После возвращения из индийского похода Тимур начал войну с султаном османских турок Баязетом, по прозвищу «Молния». В 1402 г. в битве при Анкаре Баязет был разбит и взят в плен. В войсках Тимура во время этого сражения находился посол кастильского (испанского) короля. Тимур после войны отправил королю богатые подарки. Король прислал в Самарканд ответное посольство, один из участников которого, Клавихо, оставил подробное описание своего путешествия.

Последним военным предприятием Тимура была подготовка к самому грандиозному из всех походов, которые он предпринимал, — к походу в Китай. Но в 1405 г. в самом начале китайского похода Тимур умер.

Завоевания Тимура охватили чрезвычайно большую территорию. Под его ударами оказались как ближайшая кочевая степь, так и земледельческие оазисы Средней Азии с торговыми городами и, наконец, такие отдаленные страны, как Индия, Малая Азия и Китай. Завоевания оставались главной целью Тимура в течение всей его жизни. Ему приписывают слова, что «все пространство населенной части мира не стоит того, чтобы иметь двух царей». В покоренных странах он находил колоссальные материальные ценности, которые не в состоянии было создать кочевое население Мавераннахра. Поэтому война была главным средством обогащения монголо-тюркской знати, окружавшей Тимура. Безжалостно расправляясь с населением покоренной страны, Тимур щадил лишь тех, кто мог ему пригодиться в Мавераннахре. Он охотно переселял в Самарканд и другие города ремесленников, мастеров, художников и ученых. Эксплоатация посредством дани заставляла монголов Чингис-хана содействовать восстановлению нарушенной экономической жизни в завоеванных странах. Тимур старался сразу возможно полнее ограбить покоренное население, не задаваясь в большинстве случаев целями дальнейшей планомерной эксплоатации. Эта политика побуждала непрерывно расширять сферу завоеваний, выбирать новые, не тронутые еще страны. Поэтому об обширной державе Тимура можно говорить лишь в очень условном смысле. По существу, его государством оставался Мавераннахр, территория которого была ничтожной по сравнению с территорией стран, ставших жертвой походов Тимура.

Социальной опорой Тимура были монголо-турецкие роды Чагатайского улуса, которые продолжали вести полуоседлый образ жизни и заниматься скотоводством. Высшим слоем этого населения являлись улусные беги или эмиры, с которыми Тимур делил военную добычу. Беги стояли во главе отдельных частей Чагатайского улуса и являлись главными вассалами Тимура. Ядром военной организации была гвардия, набиравшаяся из воинов чагатайских родов. Остальная масса военных сил состояла из отрядов, приводившихся отдельными вассалами. Над этой очень примитивной организацией поднималась сильная власть Тимура. Только исключительная жестокость могла придать некоторую прочность в объединении подвластного населения. Перед картиной разрушений Тимура бледнеют самые кровавые страницы из истории Чингис-хана. Если Чингис-хан уничтожал врагов, исходя из политического расчета, то Тимур присоединял к этому расчету утонченную жестокость. Однажды по приказу Тимура в Персии была сооружена башня, в стены которой было замуровано 2 тыс. живых людей, засыпанных глиной

и кусками кирпича. В другом случае Тимур велел закопать живыми 4 тыс. пленных. Постоянно опасаясь заговора, даже среди близких эмиров, Тимур проявлял большое коварство. Рассказывают, что он дважды намеренно распространял слух о своей смерти, чтобы узнать по проявлениям радости своих врагов, с которыми затем беспощадно расправлялся. «Тимур был нравом пантера, темпераментом лев, — пишет современник Тимура, арабский историк ибн-Араб-шах, — стоило голове возвыситься над ним, и он низвергал ее, стоило спине выйти у него из повиновения — и он унижал ее».

Однако одной жестокостью нельзя объяснить военные успехи Тимура по созданию огромной державы. Действия Тимура, несомненно, соответствовали интересам высшего слоя знати Чагатайского улуса. Кроме того, ограбление других стран ради Мавераннахра поднимало значение городов Средней Азии.

В военном отношении Тимур был блестящим полководцем своего времени. Современники рассказывают о военной хитрости Тимура, умевшего ввести противника в заблуждение относительно своих действительных планов и поражать его новыми приемами. Тимур иногда начинал поход в противоположном направлении и уже в безлюдной степи поворачивал к выбранной цели. Испанец Клавихо рассказывает, что в войсках индийского султана было много боевых слонов, которые производили страшные опустошения в войсках противника. Тогда Тимур велел нагрузить верблюдов сеном и поставить их против сражающихся. Когда началось сражение, сено было зажжено; слоны, увидев перед собой огонь, обратились в бегство и смяли ряды своих воинов.

Среди монголо-турецкой знати Тимур был самым образованным человеком, хотя до конца жизни оставался неграмотным. Обладая колоссальной памятью, он поражал собеседников разнообразием своих знаний. Тимур даже учредил особую должность при дворе — «чтеца рассказов». Впоследствии он удивлял своими познаниями мусульманских ученых, особенно в области истории восточных народов. Он настолько хорошо знал учение мусульман, что принимал участие в религиозных спорах. Некоторые познания Тимур имел в области медицины и астрономии.

В противоположность колоссальным разрушениям, произведенным в завоеванных странах, Тимур очень много сделал для экономического подъема Мавераннахра и особенно своей столицы — Самарканда. Самарканд вырос при Тимуре в один из самых богатых и пышных восточных городов. По словам испанца Клавихо, Самарканд имел очень большое население, значительная часть которого занималась различными ремеслами. Тимур поселил в своей столице пленных разных стран. Из Дамаска он привез ткачей шелка, оружейников, мастеров стеклянных и фаянсовых изделий; из Турции он вывез каменщиков и ювелиров. В Самарканде жили турки, арабы, греки, армяне и др. «Так

изобилен и богат этот город и земля, окружающая его, — говорит Клавихо, — что нельзя не удивляться». На базаре Самарканда можно было встретить товары из всех частей Азии: из Китая привозили лучшие шелковые ткани, атласы, рубины, бриллианты; из Индии поступали пряности. Город был перерезан сетью каналов и водоемов. Его окружали обширные сады и виноградники. Среди них находились загородные дворцы Тимура и его приближенных. Желая наглядно показать превосходство Самарканда, Тимур дал селениям в его окрестностях названия крупнейших восточных городов: Багдад, Димишк (Дамаск), Миср (Каир) и другие.

Тимур несколько раз принимал испанских послов то в своих загородных дворцах, то в окрестностях столицы, во временных ставках — в роскошно убранных шатрах. Восточное великолепие, созданное трудом подневольного населения, и блеск разнородной культуры, являвшейся результатом колоссальной добычи, смешивались в обстановке жизни Тимура и его приближенных со старыми обычаями вождей кочевников. Имея великолепные каменные дворцы, Тимур иногда жил в шатрах.

Тимур воздвигнул в Самарканде и в других местах ряд замечательных сооружений. Среди монументальных построек Тимура одно из первых мест занимает мечеть Биби-ханым, сооруженная на средства, добытые в индийском походе. Своим размером и великолепием она, по мысли Тимура, должна была превосходить все построенное до него. До 500 человек выламывало и обтесывало камни в горах, для перевозки которых из Индии было доставлено 95 «гороподобных» слонов. Для постройки были собраны лучшие мастера и ремесленники почти со всего Востока. Огромный внутренний двор был окружен великолепной колоннадой, состоявшей более чем из 300 колонн. Главная арка центрального портала имела в пролете 24 метра, что свидетельствует о поразительной для данного времени техники сооружения. От великолепного дворца Тимура в Шахрисябзе, в постройке которого участвовали хорезмийские мастера, остался лишь один портал. Выдающимся памятником искусства является также мавзолей Гур-Эмир, в котором находится могила самого Тимура.

Держава Тимура стала распадаться почти непосредственно после его смерти. Экономический подъем Мавераннахра был вызван не ростом производительных сил, а искусственным путем, в результате колоссального ограбления других стран. Поэтому держава Тимура не имела прочной экономической базы. Между сыновьями, внуками и крупными эмирами Тимура началась после его смерти жесточайшая борьба за наследство.

Среди ничтожных правителей Мавераннахра выделяется лишь один — внук Тимура Улугбек. Он известен как покровитель искусств и науки. При нем в Самарканде были построены большая астрономическая обсерватория и медрессе (школа). Улугбеку пришлось уже с трудом отстаивать свое небольшое

государство, замкнувшееся пределами Мавераннахра. Главными противниками Тимурханидов в это время выступают кочевники-узбеки. Одна за другой отрываются части от когда-то обширной державы Тимура.

Образование Узбекского и Казахского союзов. В XIII—XV вв. степные пространства, лежавшие на восток от Волги до Западносибирской низменности, носили общее название Белой или Синей Орды. Население расчленялось на несколько независимых улусов, которые находились под управлением различных потомков Чингис-хана. Из них самыми крупными были улусы Ногайский и Узбекский. Ногайский улус занимал территорию между Волгой и р. Яиком (Уралом). Название этого улуса, как предполагают, происходит от имени хана Ногая, жившего в конце XIII в. На восток от Яика до низовьев Сыр-Дарьи простирались кочевья узбеков. Впервые термин «узбек» появляется во второй половине XIV в. Этим именем тогда называлось ханское войско, образовавшееся, повидимому, при хане Узбеке. В XV в. узбеками стали называть определенную группу тюрко-монгольских родов.

В первой половине XV в. кочевые районы, занятые узбекскими и ногайскими племенами, обособились от остальной части Золотой Орды. В этническом отношении эти племена первоначально были очень близки между собой. Население говорило на тюркском языке. В первой четверти XV в. узбекская знать выдвинула своим ханом Абулхайра, которому удалось подчинить своей власти различных улусных бегов. Узбекский историк хан Абулгази, живший в XVII в., по поводу политики Абулхайра замечает, что не было «ни одного человека, которого миновала бы ханская стрела или не коснулась бы ханская рука». Противниками Абулхайра в Узбекском улусе были два сына ранее царствовавшего хана — Гирей и Джанибек. В 50-х годах XV в. они вместе с родственниками и приверженцами бежали в Моголистан, где заняли долину р. Чу. Постепенно сюда стала перекочевывать из Узбекского союза недовольная Абулхайром знать вместе со своими зависимыми людьми. Гирей был объявлен ханом над этим населением в вассальной зависимости от властителя Моголистана.

После смерти Абулхайра находившееся под его властью объединение из узбекских и отчасти ногайских племен распалось. Западная часть его владений, тяготевшая к низовьям Волги, вошла в состав самостоятельного Астраханского царства. Часть населения ушла в Моголистан к Гирею. С этого времени подданные Гирея стали называться «казахами». В тюркских языках XIII—XVI вв. слово «казах» (казак) означало свободного человека, который отделился от своего государства или от своего племени. Поэтому и население, отделившееся от Узбекского улуса, также стало называться казахами. Впоследствии этот термин стал самоназванием казахского народа.

Во второй половине XV в. узбеки и казахи усиленно нападали на владения Тимуридов. Вторжение узбеков в область Мавераннахра привело в начале XVI в. к образованию на этой территории узбекских ханов.

Образование Сибирского ханства. В XIII—XIV вв. под властью Золотой Орды находилась территория, лежавшая на восток от Урала до бассейна Иртыша. Она была известна у восточных писателей под названием Сибири. Коренное население этого края состояло из вогулов (манси) и остяков (ханты).

Татары, захватив землю остяков и вогулов, частью подчинили эти народности, обложив их натуральной податью, частью оттеснили коренное население на восток. Основная масса татарского (монголо-тюркского) населения осела на территории, ограниченной течением рек Тобола с Турой и Иртыша с Омью. Новые естественно-географические условия оказали значительное влияние на хозяйство самих татар. В южной части, особенно в районе Барабинской степи, скотоводство продолжало оставаться их основным занятием. Северную территорию, покрытую лесом и тундрой, татары называли «Страной мрака». В этой местности скотоводство в широком размере было невозможно. Поэтому татары здесь переходили к охоте и рыбной ловле. Татарам было знакомо и земледелие, но в ограниченном размере и в примитивной форме. Сибирские татары жили мелкими улусами, сохраняя деление на роды и племена. Хотя процесс феодализации в Сибири развивался более медленно, чем в других местах Золотой Орды, например, в Крыму или на Волге, однако, и здесь родовые старейшины, стоявшие во главе улусов, постепенно стали превращаться в феодальных князьков. Улусы были почти независимы друг от друга. Центрами их были небольшие городки, остатки которых в виде городищ сохранились до настоящего времени. Городки занимали возвышенный берег реки, господствующий над окружающей местностью. Не защищенная водой часть окружалась валом с частоколом и воротами.

В первой половине XV в. Сибирь входила в состав узбекской державы Абулхайра. В конце этого столетия власть над Сибирью перешла к ногайским ханам. При их посредстве у сибирских татар утвердился внук Абулхайра — Ибак, который объединил весь Сибирский улус. Центром его державы был городок Чинги-Тура (на р. Туре, будущий Тюмень). Ибак погиб в борьбе с местной феодальной знатью, из среды которой вышла последняя династия Сибирского ханства. Столицей его в XVI в. стал городок Кашлык, находившийся вблизи устья Тобола (в 15 километрах от Тобольска).

Образование Казанского ханства. Основной территорией Казанского ханства было Среднее Поволжье, входившее раньше в состав Болгарского государства. После образования Золотой Орды Болгарское государство должно было подчиниться ее власти. Оно продолжало существовать в виде слабого феодального

княжества, постоянно разорявшегося и татарами и русскими князьями. «Великий город» Болгар был разрушен татарами около середины XIV в. В конце этого столетия бывшую болгарскую столицу постиг новый и окончательный удар, нанесенный московским великим князем Василием Дмитриевичем. На короткое время столицей Болгарии стал городок Казань (в 47 километрах от нынешней Казани). В русской летописи Казань впервые упоминается в 1376 году.

В XIV столетии начался процесс колонизации татарами Среднего Поволжья. Остатки болгар, смешавшиеся с тюрками, под именем чувашей занимали нагорную сторону Волги. Их соседями к северу были черемисы (мари), жившие на обоих берегах реки. Поэтому они делились на «горных» — правобережных — и «луговых». В области бассейна Суры и р. Пьяны жила мордва.

Образование отдельного татарского Казанского ханства произошло около середины XV в. Во время династической борьбы в Золотой Орде внук Тохтамыша Улу-Мухаммед был изгнан братьями и удалился в Крым. Затем Улу-Мухаммед появился в южнорусских землях, где занял город Белев, и, наконец, перешел на Среднюю Волгу. Есть основание предполагать, что Улу-Мухаммед в 1436—1437 гг., уничтожив вассальное Казанское княжество, положил начало новому татарскому государству на Волге, которое по имени столицы стало называться татарским Казанским ханством. Существует и другое мнение, по которому основателем Казанского ханства был не Улу-Мухаммед, а его сын Махмуд.

Татары на землях Среднего Поволжья, отличавшихся исключительной урожайностью и сохранявших старую земледельческую культуру, были втянуты в сельское хозяйство. Уже в XV в. земледелие стало вытеснять скотоводство. Население занималось также различными промыслами, среди которых особенно были развиты охота на пушного зверя, рыболовство и бортничество. Территория Казанского ханства была выгодно расположена в отношении водных сообщений и торговых дорог. Волга и Каспийское море связывали ее со среднеазиатскими землями, Кама давала естественный путь в Западную Сибирь, Ока связывала Среднее Поволжье с русскими княжествами. Поэтому Казань стала крупным торговым центром. Поступавшие с востока товары распродавались на ярмарке, открывавшейся каждый год на Гостином острове, вблизи Казани. Сюда же привозились товары из Новгорода, Москвы и других русских земель. Развитие торговых связей способствовало распространению ремесел; кожевенное производство составляло одну из главных отраслей местной промышленности. С развитием сельскохозяйственной культуры высший слой татарских родов, поселившихся на территории Казанского ханства, превратился в класс феодальных землевладельцев. Татары ассимилировали господствующие

слои местного населения и отчасти сами подчинились местной культуре.

Высший слой феодальной аристократии ханства состоял из князей как монголо-тюркского происхождения, так и местных приволжских народов. Князья делились на несколько групп, из которых высшая носила название эмиров. Следующий слой землевладельцев состоял из тарханов, земельная собственность которых была освобождена от податей. Тарханы получали особые грамоты — ярлыки от ханов, перечислявшие присвоенные им привилегии. За тарханами следовали служилые военные люди, носившие название «огланов» и «казаков». Они принадлежали к числу средних и мелких землевладельцев. Большинство их владений состояло из земель, представленных ханом во временное пользование с обязательством нести военную службу. Зависимое население, обслуживающее своим трудом феодальное хозяйство, состояло из рабов и крепостных крестьян. Казанские феодалы во время нападения на соседние земли, особенно на русские княжества, уводили с собой массу пленных. Пленники затем в большом количестве вывозились на невольничьи рынки Средней Азии и других восточных стран. Значительное число пленных, превращенных в рабов, оставалось в пределах Казанского ханства. Они использовались в хозяйстве и частью осаживались на землю, приближаясь к положению крепостных крестьян.

Со времени образования Казанского государства власть находилась в руках потомков Улу-Мухаммеда, династия которого просуществовала до начала XVI в. и прервалась на правнуках основателя.

Хан управлял страной при помощи эмиров, занимавших передававшуюся по наследству должность карачей (советников), составлявших постоянный совет — диван. В некоторых случаях диван ограничивал власть хана и даже устранял некоторых ханов, вступавших в конфликт с родовитой и богатой знатью. Как и в других монголо-татарских государствах, представители господствующего класса собирались на курултай. Большое значение курултай приобретал после смерти хана или во время междуцарствия, когда на нем решались династические вопросы.

Важнейшим источником для изучения административной системы ханства является ярлык хана Сагиб-Гирея, найденный в 1911 г. в одной из деревень, недалеко от Мамадыша, местным любителем старины. Этот ярлык перечисляет 13 категорий должностных лиц. Большая часть названий заимствована из арабского языка, но имеет персидские окончания. Это указывает на то, что хотя основная система административного управления была перенесена из Золотой Орды, но на территории Казанского ханства подверглась персидскому влиянию. Ярлык Сагиб-Гирея перечисляет 13 видов разных податей, налогов и повинностей, от которых были избавлены тарханы. Среди них

основным видом обложения был натуральный налог — ясак. Затем следовали сборы с сельского хозяйства, торговые налоги и натуральные повинности, обязанность давать продовольствие ханским чиновникам, кормить их лошадей, предоставлять им постой и др.

Казанское ханство как по своему экономическому развитию, так и по государственному устройству стояло выше Золотой Орды.

Образование Крымского ханства. Татары появились на Крымском полуострове вскоре после образования Золотой Орды. Степная часть полуострова была занята кочевниками — половцами. Южный берег Крыма принадлежал Византийскому государству. В горной области Крыма находилось отдельное княжество Готия. В 70-х годах XIII в. на южном берегу Крыма появились генуэзские и венецианские купцы, которые основали в старых греческих городах торговые фактории. Борьба между Генуей и Венецией закончилась победой Генуи. Поэтому уже в конце XIII в. почти весь южный берег Крыма был усеян генуэзскими колониями, к которым принадлежали Судак, Кафа (Феодосия), Керчь; на кавказском побережье к генуэзцам перешли Сухуми и другие города. Через генуэзские колонии проходили главные торговые связи стран Средиземноморского бассейна из Восточной Европы. Взамен рабов, хлеба и других продуктов, поставлявшихся народами Восточной Европы, генуэзцы ввозили пряности Востока, оружие, шелковые материи и другие товары восточных и европейских стран.

После завоевания Крыма татарами туда стала проникать татарская колонизация. Главным занятием татар в Крыму в течение долгого времени оставалось скотоводство, особенно развитое в степной части полуострова. Крымские татары делились на племена, колена и роды, во главе которых стояли племенные и родовые вожди. Представителем ханской власти был его наместник, называвшийся тудуном. Центром татарского господства в Крыму был Солхат (старый Крым). Татарский тудун в первое время мало вмешивался во внутреннюю жизнь населения Крыма, ограничиваясь собиранием дани. Итальянские колонии, хотя и принуждены были признать зависимость от золотоордынского хана, но эта зависимость носила почти номинальный характер. Лишь временами, когда колонии недостаточно аккуратно уплачивали дань, они подвергались нападению и разграблению. Однако эти временные враждебные отношения не прерывали торговли, в которой была заинтересована и Золотая Орда.

Процесс феодализации, развивавшийся среди крымских татар с XIV в., превратил родовую аристократию в феодальную знать. Среди татар распространялся принесенный с Востока ислам, способствовавший внедрению мусульманской культуры. Особое географическое и экономическое положение Крыма создало благоприятные условия для его политической автономии.

Окрепшая в Крыму татарская знать скоро почувствовала экономическую независимость от Золотой Орды. Среди нее стали развиваться сепаратистские стремления, поддерживавшиеся и итальянскими колониями, в том числе Кафой. В конце XIV в. крымские эмиры и беги были настолько самостоятельными, что чеканили собственную монету. Для полного обособления Крыма в самостоятельное ханство благоприятные условия наступили в годы смут в Орде, после гибели Тохтамыша. Основателем отдельной династии крымских ханов стал Хаджи-Гирей; по его имени династия стала называться Гиреями. Опираясь на местную феодальную знать и получив поддержку со стороны Литвы и отчасти русских княжеств, Хаджи-Гирей был провозглашен ханом Крыма.

После 1453 г., когда под ударами османских турок пала Византийская империя, турецкий флот появился в Черном море. В 1475 г. турки взяли Кафу (Феодосию) и затем овладели всем южным побережьем. Сын Хаджи-Гирея — Менглы-Гирей был захвачен турками в плен и несколько лет провел в Константинополе. Впоследствии он был освобожден и занял ханский престол в Крыму. В состав Крымского ханства входили не только полуостров, но и часть степной территории к северу от перешейка, а также нижнее течение Днепра. Территория береговой полосы Крыма находилась под непосредственной властью турецкого султана. Столицей ханства стал город Бахчисарай. Ханы утверждались султаном из числа потомков Гирея. Являясь вассалами султана, они обязаны были оказывать ему военную помощь.

Таким образом, в конце XV в. окончательно сложилось Крымское ханство.

КРАТКАЯ ХРОНОЛОГИЯ

XIV в. до н. э.	Первые сохранившиеся сведения в ассирийских надписях о стране Урарту.
Конец IX и VIII вв. до н. э.	Расцвет царства Урарту.
VIII—III вв. до н. э.	Господство скифов в причерноморских степях.
VII—VI вв. до н. э.	Возникновение греческих колоний на побережье Черного моря.
Около 521 г. до н. э.	Первое известное упоминание Армении в надписи персидского царя Дария I.
VI в. до н. э.	Первые сведения о Колхиде (Западная Грузия).
329—328 гг. до н. э.	Завоевание Средней Азии Александром Македонским.
II в. до н. э.— III в. н. э.	Сарматы в причерноморских степях.
Конец II в. до н. э.	Восстание рабов под предводительством Савмака в Боспорском государстве.
95—56. гг. до н. э.	Царствование Тиграна II в Армении.
63—428 гг. н. э.	Династия Аршакидов в Армении.
370—375	Вторжение гуннов в черноморские степи.
451 г.	Восстание в Закавказье против сасанидов.
Середина VI в.	Возникновение тюркского каганата.
Середина VII в.	Завоевание арабами Армении, Восточной Грузии (Картли) и Албании.
776—783	Восстание в Средней Азии против арабского владычества под предводительством Хашим Ибн-Хакима (Муканны).
816—837	Восстание в Албании, Армении и Восточной Грузии против арабского владычества под предводительством Бабека.
874—999	Государство Саманидов в Средней Азии.
Начало IX в.	Возникновение в Грузии Кахетинского, Тао-Кержетского и Абхазского царств.

886—	Провозглашение Ашота I Багратуни царем Армении.
860—	Первое известное нападение Руси на Константинополь.
862—	Год, к которому летописный свод XI в. относит призвание Рюрика.
911—	Договор киевского князя Олега с греками.
945—	Договор Игоря с греками.
969—971	Второй поход киевского князя Святослава в придунайскую Болгарию и война с Византией.
978— (приблизительно) —1015	Княжение Владимира Святославича в Киеве.
Около 988	Принятие Владимиром Святославичем христианства.
1019—1054	Княжение Ярослава Владимировича в Киеве.
1068—	Народное восстание в Киеве.
1097—	Съезд князей в Любече.
1113—	Восстание в Киеве после смерти Святополка Изяславича.
1113—1125	Княжение в Киеве Владимира Мономаха.
1136—	Восстание в Новгороде и изгнание князя Всеволода Мстиславича.
1147—	Первое летописное упоминание о Москве.
1169—	Разорение Киева войсками Андрея Боголюбского.
1174—	Убийство Андрея Боголюбского и восстание во Владимире на Клязьме.
1176—1212	Княжение Всеволода III „Большое Гнездо“ во Владимиро-Суздальской земле.
Около 1188	„Слово о полку Игореве“.
1240, июля 15	Победа князя Александра Ярославича над шведами на р. Неве.
1242, апреля 5	Разгром ливонских рыцарей Александром Ярославичем (Невским) на Чудском озере (Ледовое побоище).
1184—1213	Царствование Тамары в Грузии.
Около 1187	Появление поэмы великого грузинского поэта Шота Руставели „Витязь в тигровой шкуре“.
1219—1221	Завоевание монголами Средней Азии.
1223— (по другим известиям— 1224)	Битва на р Калке.
1235—1239	Завоевание монголами Закавказья.
1237—1238	Нашествие Батыя на Северо-Восточную Русь.

1238—	Восстание в Бухаре против монгольского владычества под предводительством Махмуда Тараби.
1240—	Поход Батыя в Южную Русь.
Около 1243	Образование Золотой Орды.
1262—	Восстания против татар в Ростове, Владимире, Суздале и Ярославле.
1316—1341	Княжение Гедимина в Литве.
1325—1341	Княжение Ивана Даниловича Калиты в Москве (великий князь с 1328).
1327—	Восстание против татар в Твери.
1365—	Народное восстание в Самарканде.
1380—	Куликовская битва.
1385—	Уния великого княжества Литовского с Польшей (Кревская уния).

Пед. ин-т им. А.И. Герцена
★
ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА

Цена
10 р.